

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы»

На правах рукописи

Донцов Анатолий Сергеевич

Сотрудничество России и АСЕАН 1994–2024 гг.: основные направления и особенности

Специальность 5.6.7. История международных отношений и внешней политики

Диссертация
на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Научный руководитель:
кандидат исторических наук, доцент
Понька Татьяна Ивановна

Москва – 2026

Содержание

ВВЕДЕНИЕ	3
Глава 1. Сотрудничество России и АСЕАН в постбиполярный период международных отношений.....	40
1.1. Исторический контекст отношений между СССР и АСЕАН (1967–1991 гг.)	40
1.2. Россия и АСЕАН в современной системе международных отношений	65
1.3. Внешнеполитические интересы России в Юго-Восточной Азии	85
Глава 2. Развитие отношений между Россией и АСЕАН 1994–2015 гг.....	100
2.1. Политическое взаимодействие и институциональные механизмы Россия–АСЕАН	100
2.2. Экономическое направление сотрудничества Россия–АСЕАН	115
2.3. Сотрудничество в области безопасности Россия–АСЕАН	134
2.4. Гуманитарное сотрудничество Россия–АСЕАН.....	149
Глава 3. Развитие сотрудничества между Россией и АСЕАН 2016–2024 гг....	158
3.1. Политическое взаимодействие между Россией и АСЕАН.....	158
3.2. Торгово-экономические связи между Россией и АСЕАН	176
3.3. Взаимодействие в области безопасности между Россией и АСЕАН	191
3.4. Гуманитарный вектор сотрудничества между Россией и АСЕАН	203
Заключение.....	217
Список источников и литературы.....	221

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования обусловлена совокупностью геополитических, институциональных и экономических факторов, определяющих место сотрудничества России с АСЕАН в системе внешней политики Российской Федерации.

С 1994 г., когда Россия получила статус консультативного партнёра АСЕАН и начала участвовать в Региональном форуме АСЕАН по безопасности (АРФ), взаимодействие Москвы с Ассоциацией приобрело устойчивую институциональную форму¹. За последующие три десятилетия оно прошло путь от первичного включения России в асеаноцентричные механизмы и оформления диалогового партнёрства в 1996 г. к развитию многоотраслевой повестки и оформлению стратегического партнёрства. Поэтому актуальность исследования определяется не только современными внешнеполитическими условиями, но и необходимостью комплексно оценить накопленный за 1994–2024 гг. опыт российско-асеановского сотрудничества, его институциональные механизмы, устойчивые ограничения и практические результаты. С 2014 г., а особенно после 2022 г., значение этого опыта возросло: в условиях обострения отношений с «коллективным Западом» и нарастания санкционного давления страны Юго-Восточной Азии (ЮВА) приобрели для России дополнительное значение как партнёры, способствующие диверсификации внешнеэкономических и технологических связей. АСЕАН как центральная интеграционная структура ЮВА выступает одним из ключевых каналов взаимодействия с регионом.

Юго-Восточная Азия выступает одной из основных площадок формирования полицентричного миропорядка. АСЕАН традиционно стремится сохранить стратегическую автономию и балансировать в отношениях с ведущими центрами силы, прежде всего США и Китаем. Для России взаимодействие с АСЕАН

¹ Confidence and Security Building Measures: Chairman's Statement // The First ASEAN Regional Forum, Bangkok, 25 July 1994 // U.S. Department of State Archive. URL: https://1997-2001.state.gov/global/arms/bureau_pm/csbm/chairman_1994_arf.html (дата обращения: 27.11.2023).

представляет собой один из механизмов выстраивания отношений с региональным объединением, не входящим в систему западных альянсов.

АСЕАН объединяет страны одного из наиболее динамично развивающихся регионов мировой экономики и выступает важным центром торгово-экономической активности в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР). Вместе с тем фактический объем российско-асеановских экономических связей остаётся ограниченным по сравнению с возможностями региона и масштабом взаимодействия Ассоциации с ведущими внешними партнёрами. Сотрудничество со странами Ассоциации обладает высоким потенциалом для России, ориентированной на расширение экспорта несырьевых товаров, укрепление транспортной связанности, в том числе с учётом потенциала международного транспортного коридора «Восток–Запад», и развитие отдельных направлений технологического взаимодействия. В экономическом измерении актуальность исследования связана с необходимостью выявления структурных ограничений и реальных возможностей торгово-экономического взаимодействия России и АСЕАН, включая проблемы расчётов, страхования, логистики и транспортной связанности, во многом определяющие практическую отдачу партнёрства.

В условиях усиления военно-политической конкуренции в Восточной Азии и роста рисков фрагментации региональной архитектуры государства ЮВА сталкиваются с новыми вызовами безопасности. Россия, обладающая историческим дипломатическим капиталом и статусом постоянного члена Совета Безопасности ООН, участвует в архитектуре региональной безопасности через асеаноцентричные механизмы, прежде всего АРФ и Восточноазиатский саммит (ВАС). Не менее важным представляется рассмотрение роли инструментов «мягкой силы»: образования, культурной дипломатии и туризма в укреплении присутствия России в регионе на фоне усиления китайского и западного влияния. Рассмотрение всего периода взаимодействия позволяет оценить эффективность этих инструментов и предложить пути их оптимизации.

В российской историографии до настоящего времени отсутствуют комплексные исследования, обобщающие эволюцию отношений России и АСЕАН

на протяжении трёх десятилетий в контексте смены геополитических условий. Большинство работ носят либо конъюнктурный, либо узкоотраслевой характер, что придаёт теме высокую научную значимость и обуславливает необходимость её комплексного исследования.

Таким образом, актуальность исследования определяется не только теоретической потребностью в осмыслении эволюции внешнеполитического курса России на азиатском направлении, но и практическим запросом со стороны внешнеполитических ведомств, бизнес-сообщества и экспертного сообщества на выработку эффективных стратегий взаимодействия с одним из наиболее влиятельных региональных объединений современного мира — АСЕАН.

Степень научной разработанности темы. В процессе данного исследования был изучен широкий спектр научной литературы на русском, английском и китайском языках, которую можно разделить на несколько групп в зависимости от освещаемой научной проблематики.

Особое место в отечественной историографии исследуемой проблематики занимают труды Е. А. Канаева², Д. В. Мосякова³, Н. П. Малетина⁴, Е. В.

² Kanaev E. A. ASEAN-Russia Cooperation: The Digital Dimension // Yugo-Vostochnaya Aziya: aktual'nyye problemy razvitiya. 2022. Т. 3, № 3 (56). Р. 18–29; Канаев Е. А., Королев А. С. Большая Евразия, Индо-Тихоокеанский регион и отношения России с АСЕАН // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2019. Т. 12, № 1. С. 26–43.

³ Мосяков Д. В. АСЕАН – Россия: «момент истины» в двусторонних отношениях // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2022. Т. 3, № 3 (56). С. 30–39; Мосяков Д. В., Шпаковская М. А., Понька Т. И., Данилов В. А. Разворот на Восток как фактор укрепления влияния России в Азии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2024. Т. 24, № 2. С. 181–191.

⁴ АСЕАН в начале XXI века. Актуальные проблемы и перспективы / под ред. Е. В. Кобелева, Г. М. Локшина, Н. П. Малетина. М.: ИД «ФОРУМ», 2010. 368 с.; Малетин Н. П. АСЕАН: четыре десятилетия развития: монография. М.: МГИМО-Университет, 2007. 312 с.

Колдуновой⁵, В. М. Мазырина⁶ и Г. М. Локшина⁷, посвящённые развитию АСЕАН, региональным процессам в Юго-Восточной Азии и различным аспектам взаимодействия России с Ассоциацией. Значимый вклад в изучение отдельных аспектов темы также внесли Е. С. Пыльцина (Бурова)⁸, А. С. Королёв⁹, А. С. Пятачкова¹⁰, А. А. Киреева¹¹ и другие российские исследователи.

К *первой группе* относятся работы, в которых исследуются теоретико-методологические аспекты международных отношений, применимые к изучению взаимодействия между Россией и АСЕАН.

⁵ Koldunova E. V. Russia: A Real Turn to Asia // Regional Security Outlook 2024 / ed. R. Huisken. Council for Security Cooperation in the Asia Pacific, 2023. P. 22–26; Колдунова Е. В. Дилеммы и противоречия трансрегиональных отношений АСЕАН с ЕС, США и Россией // Актуальные проблемы Европы. 2020. № 1. С. 136–154.

⁶ Страны Индокитая в АСЕАН: ключевые аспекты развития: коллективная монография / отв. ред. В. М. Мазырин. М.: ИКСА РАН, 2024. 308 с.; АСЕАН на пути интеграции: достижения, вызовы, дилеммы: монография / под ред. В. М. Мазырина, Е. В. Колдуновой. 2-е изд., испр. М.: Издательство «Аспект Пресс», 2024. 608 с.

⁷ Локшин Г. М., Кобелев Е. В., Мазырин В. М. Сообщество АСЕАН в современном мире: монография. М.: ИД «ФОРУМ», 2019. 296 с.; Локшин Г. М. Россия – АСЕАН: новые проекты и форматы сотрудничества // Азия и Африка сегодня. 2011. № 2 (643). С. 2–7.

⁸ Бурова Е. С. Оценка двусторонней торговли РФ-АСЕАН под влиянием санкций // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2023. Т. 5, № 4 (61). С. 59–70; Бурова Е. С., Владимирова Д. А., Гарусова Л. Н., Глазкова Е. А., Егупов Е. В., Лукин А. Л., Мазырин В. М., Рыбаченко Е. А., Самойленко П. Ю., Соколовский А. Я., Сури Суриани, Ты Тхи Лоан. Россия и АСЕАН: региональное сотрудничество // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2023. № 1. С. 67–79; Бурова Е. С. Тенденции развития туристической отрасли Камбоджи // Восточная Азия: факты и аналитика. 2019. № 1. С. 15–23.

⁹ Korolev A. S. Russia-ASEAN Relations—Strategic Partnership or Strategic Illusion? // Russia in Global Affairs. 2024. Vol. 22, No. 3. P. 159–178; Королёв А. С. Стратегическое партнёрство России и АСЕАН в условиях региональной фрагментации // АСЕАН на пути интеграции: достижения, вызовы, дилеммы: монография / под ред. В. М. Мазырина, Е. В. Колдуновой. М.: Издательство Аспект Пресс, 2023. С. 160–180.

¹⁰ Пятачкова А. С. Изучение АСЕАН в СССР и России // Международные процессы. 2017. Т. 15, № 3 (50). С. 67–80.

¹¹ Киреева А. А. Отношения России со странами Восточной Азии: новые вызовы и возможности // Вестник МГИМО-Университета. 2014. № 3 (36). С. 9–19; Kireeva A. Russia's East Asia Policy: New Opportunities and Challenges // PERCEPTIONS: Journal of International Relations. 2012. Vol. 17, № 4. P. 49–78.

Среди российских исследователей можно выделить труды А. Д. Богатурова¹², И. А. Истомина и А. А. Байкова¹³, О. Г. Карповича¹⁴, М. Л. Лагутина и Е. Б. Михайленко¹⁵, М. М. Лебедевой¹⁶, А. В. Манойло¹⁷, В. В. Михеева¹⁸, Ю. А. Никитиной¹⁹, А. В. Торкунова²⁰, П. А. Цыганкова²¹. Эти работы помогают глубже понять основные этапы и динамику международных отношений, анализируют институциональные аспекты сотрудничества и дают возможность изучить механизмы и инструменты, используемые в контексте глобального и регионального взаимодействия.

В рамках исследования вопросов данной группы автор также использовал труды зарубежных исследователей, таких как Б. Бузан и О. Уэвер²², Э. Лейк и П.

¹² Богатуров А. Д. Попытка перестроить мир «по-американски» // Вестник МГИМО-Университета. 2021. Т. 14. № 5. С. 49–64; Богатуров А. Д. Анализ и теория в международных отношениях // Сравнительная политика. 2021. Т. 12, № 1. С. 5–13.

¹³ Истомин И. А., Байков А. А. Альянсы на службе гегемонии: деконструкция инструментария военно-политического доминирования // Полис. Политические исследования. 2020. № 6. С. 8–25.

¹⁴ Карпович О. Г., Манойло А. В. Политика многополярности: новые вызовы и угрозы. – М., 2020. 492 с.

¹⁵ Лагутина М. Л., Михайленко Е. Б. Регионализм в глобальную эпоху: обзор зарубежных и российских подходов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2020. Т. 20. № 2. С. 261–278.

¹⁶ Лебедева М. М., Кузнецов Д. А. Глобальное управление в вопросах противодействия биогенным угрозам // Вестник МГИМО-Университета. 2021. Т. 14. № 2. С. 7–21.

¹⁷ Манойло А. В. Информационная война и новая политическая реальность (I) // Вестник Московского государственного областного университета. 2021. № 1. С. 100–132; Манойло А. В. Информационная война и новая политическая реальность (II) // Вестник Московского государственного областного университета. 2021. № 2. С. 110–148.

¹⁸ Михеев В. В. Глобализация и азиатский регионализм: вызовы для России. М.: РАН, Институт Дальнего Востока, 2001. 224 с.

¹⁹ Никитина Ю. А. От интеграции к регионализму: эволюция теорий регионального межгосударственного сотрудничества // Вестник МГИМО-Университета. 2010. № 6 (15). С. 134–140.

²⁰ Энергетические измерения международных отношений и безопасности в Восточной Азии / под руководством А. В. Торкунова; науч. ред.-сост. А. Д. Воскресенский. М., 2007. 1040 с.

²¹ Цыганков А. П., Цыганков П. А. Глобальность и самобытность в теории международных отношений // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2022. Т. 22. № 1. С. 7–16.

²² Buzan B., Waever O. Regions and Powers: The Structure of International Security. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. 564 p.

Морган²³, Д. Лемке²⁴, Дж. Равенхилл²⁵, Е. Сакакибара и Ш. Ямакава²⁶, А. Г. Франк²⁷, Б. Хе²⁸, Б. Хеттне и Ф. Сёдербаум²⁹, чьи работы внесли значительный вклад в развитие теоретических основ и методологических подходов к изучению региональных систем и глобальных тенденций в международных отношениях. Исследования Б. Бузана и О. Уэвера, в частности, фокусируются на концепции региональной безопасности и взаимодействии различных акторов на глобальной арене, что помогает понять место и роль России и АСЕАН в современной международной системе.

Значительный интерес к АТР и специфике интеграции в ЮВА наблюдается в «незападном» дискурсе, прежде всего в китайской научной школе. Так, Ван Цинь рассматривает развитие Экономического сообщества АСЕАН и его движение к целям 2025 г. (англ. AEC Blueprint 2025)³⁰. Дай И, Лай Чжэнши и Лю Сяоцзин анализируют «путь АСЕАН» (кит. 东盟方式, англ. ASEAN Way) как обобщающее понятие для организационных особенностей и механизмов функционирования Ассоциации, обращая внимание на его эволюцию в условиях институционального развития АСЕАН³¹. Лу Цзяньжэнь и Сунь Юйхун исследуют стратегию Ассоциации в сфере азиатско-тихоокеанской интеграции, включая многосторонние

²³ Regional Orders: Building Security in a New World / ed. by A. Lake, P. Morgan. University Park: The Pennsylvania State University Press, 1997. 424 p.

²⁴ Lemke D. Regions of War and Peace. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. 235 p.

²⁵ Ravenhill J. Understanding the 'new East Asian regionalism' // Review of International Political Economy. 2010. Vol. 17, Issue 2. P. 173–177.

²⁶ Sakakibara E., Yamakawa S. Regional Integration in East Asia: Challenges and Opportunities. Part I: History and Institutions. The World Bank, 2003. 128 p.

²⁷ Frank A. G. ReORIENT: Global Economy in the Asian Age. Berkeley: University of California Press, 1998. 416 p.

²⁸ He B. East Asian Ideas of Regionalism: A Normative Critique // Australian Journal of International Affairs. 2004. Vol. 58, Issue 1. P. 105–125.

²⁹ Hettne B., Söderbaum F. Theorizing the Rise of Regionness // New Political Economy. 2000. Vol. 5, No. 3. P. 457–473.

³⁰ 王勤. 走向 2025 年的东盟经济共同体 // 南洋问题研究. 2016. № 3. 61–70. [Ван Цинь. Экономическое сообщество АСЕАН на пути к 2025 году // Исследования по проблемам Юго-Восточной Азии. 2016. № 3. С. 61–70.]

³¹ 戴轶, 赖征世, 刘晓婧. “东盟方式”的理论阐释、演进动态与研究展望 // 东南亚纵横. 2023. № 5. 1–10. [Дай И, Лай Чжэнши, Лю Сяоцзин. Теоретическая интерпретация, эволюционная динамика и перспективы исследования «пути АСЕАН» (ASEAN Way) // Панорама Юго-Восточной Азии. 2023. № 5. С. 1–10.]

торгово-экономические механизмы, одним из которых стало Всестороннее региональное экономическое партнёрство (ВРЭП, англ. RCEP)³². Хань Чжили рассматривает дискуссии о центральности АСЕАН в контексте Индо-Тихоокеанского региона (ИТР)³³.

Ко *второй группе* относятся труды, в которых изучается начальный этап становления и развития отношений между Россией и АСЕАН, до стратегического партнерства: 1994–2015 гг.

Весомый вклад в изучение начального этапа отношений между Москвой и Ассоциацией вносит сборник научных трудов «ASEAN-Russia Relations»³⁴ 2006 года, в котором представлены материалы первой совместной конференции IMEMO–ISEAS (Сингапур, март 2005) под редакцией Г. Чуфрина, М. Хонга и Т. К. Бенга. Сборник предлагает обзор становления диалога Россия–АСЕАН в области политики и экономики, а также в сфере безопасности. Среди практических идей: обсуждение зоны свободной торговли и предложения по активизации деловых контактов.

Следующий сборник «Russia-ASEAN Relations: New Directions»³⁵ 2007 года под редакцией Г. Чуфрина и М. Хонга подводит итоги первого саммита Россия–АСЕАН (Куала-Лумпур, 13.12.2005) и обсуждает позиционирование России в складывающейся восточноазиатской архитектуре, в том числе в контексте Восточноазиатского саммита (ВАС, англ. EAS). На практическом уровне отражены институциональные шаги: одобрение положений о Совместном комитете сотрудничества (СКС, англ. ARJCC) и Финансовом фонде Диалогового партнёрства

³² 陆建人, 孙玉红. 东盟的亚太一体化战略评析 // 东南亚研究. 2016. № 1. 38–55. [Лу Цзяньжэнь, Сунь Юйхун. Анализ и оценка стратегии АСЕАН в области азиатско-тихоокеанской интеграции // Исследования Юго-Восточной Азии. 2016. № 1. С. 38–55.]

³³ 韩志立. 关系网络的竞争:“印太”战略对东盟中心地位的挑战——以关系主义身份理论为视角 // 外交评论(外交学院学报). 2019. Т. 36, № 2. 87–108. [Хань Чжили. Конкуренция сетей отношений: вызов центральной роли АСЕАН со стороны стратегии «Индо-Тихоокеанского региона» через призму теории реляционной идентичности // Дипломатическое обозрение (журнал Китайского университета иностранных дел). 2019. Т. 36, № 2. С. 87–108.]

³⁴ Chufirin G., Hong M., Beng T. K., eds. ASEAN-Russia Relations. Institute of World Economy and International Relations (IMEMO), 2006. 93 p.

³⁵ Chufirin G., Hong M., eds. Russia-ASEAN Relations: New Directions. Institute of World Economy and International Relations (IMEMO), 2007. 142 p.

(ФФДП, англ. ARDPFF), который был основан в начале 2007 г. В качестве показательных примеров выделены российско-малайзийское сотрудничество в космической сфере и диалог с Мьянмой по мирному атому. Красной нитью в сборнике проходит тема снятия информационных барьеров как условия устойчивости диалога Россия–АСЕАН.

Отдельное место занимает коллективный труд «ASEAN-Russia: Foundations and Future Prospects»³⁶ под редакцией В. В. Сумского, М. Хонга и А. Лагг, подготовленный по материалам совместной конференции МГИМО и ISEAS в Сингапуре 26–27 апреля 2011 г. и приуроченный к 15-летию диалогового партнёрства Россия–АСЕАН. В сборнике изучается положение России в складывающейся восточноазиатской архитектуре и практическое наполнение сотрудничества: от базовых документов 1-го саммита (2005) к запуску экономических консультаций (2006) и разработке «дорожной карты» торгово-экономического сотрудничества, обсуждавшейся в 2010–2011 гг. Параллельно отмечаются консультации по возможной зоне свободной торговли (ЗСТ) между Таможенным союзом и Вьетнамом³⁷. Сборник охватывает четыре блока: геополитику, двусторонние отношения, бизнес/экономику и культуру/образование.

Среди фундаментальных отечественных исследований АСЕАН особое место занимает монография Н. П. Малетина «АСЕАН: четыре десятилетия развития»³⁸. В работе последовательно рассматриваются основные этапы эволюции Ассоциации, политическое и экономическое измерения её развития, проблемы региональной безопасности и формирование социокультурного направления. Предложенная автором периодизация позволяет проследить изменение места АСЕАН в региональных процессах на протяжении первых четырёх десятилетий её существования. Отдельное внимание уделяется значению Ассоциации для внешнеполитических интересов России в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

³⁶ Sumsy V., Hong M., Lugg A., eds. ASEAN-Russia: Foundations and Future Prospects. Institute of Southeast Asian Studies, 2012. 376 p.

³⁷ Там же. Р. 261–264.

³⁸ Малетин Н. П. АСЕАН: четыре десятилетия развития: монография. М.: МГИМО-Университет, 2007. 312 с.

Необходимо выделить коллективный труд под ред. Е. В. Кобелева, Г. М. Локшина и Н. П. Малетина «АСЕАН в начале XXI века. Актуальные проблемы и перспективы»³⁹, который включает специальный раздел о сотрудничестве Россия–АСЕАН, где рассмотрены договорно-правовая база и институты диалога, а также взаимодействие в политической, экономической и гуманитарной сферах и в области безопасности. Авторы предлагают детальный анализ процессов регионализации в Юго-Восточной и Восточной Азии и их значение для стратегических интересов России в АТР. К рубежу 2010 г. в отношениях Россия–АСЕАН обозначена правовая и институциональная основа партнёрства; при этом развитие экономической составляющей обсуждается авторами как задача дальнейшего углубления сотрудничества.

Значительный вклад внесли исследования А. А. Киреевой, в которых уделяется значительное внимание вопросам внешней политики России в отношении стран АСЕАН. В статье «Отношения России со странами Восточной Азии: новые вызовы и возможности»⁴⁰ автор рассматривает многовекторную политику России, направленную на развитие равноправных отношений не только с Китаем, но и с АСЕАН. Киреева подчеркивает важность диверсификации российской внешней политики, чтобы избежать чрезмерной зависимости от Китая и укрепить позиции России как «балансира» в регионе. Исследователь также анализирует роль России в региональной интеграции и её стремление играть более значимую роль в обеспечении безопасности и стабильности в Восточной Азии. Работы А. А. Киреевой помогают понять, как Россия адаптирует свою внешнюю политику в ответ на изменения в региональной динамике и наращивает свои усилия по укреплению сотрудничества с АСЕАН⁴¹.

³⁹ АСЕАН в начале XXI века. Актуальные проблемы и перспективы / под ред. Е. В. Кобелева, Г. М. Локшина, Н. П. Малетина. М.: ИД «ФОРУМ», 2010. 368 с.

⁴⁰ Киреева А. А. Отношения России со странами Восточной Азии: новые вызовы и возможности // Вестник МГИМО-Университета. 2014. № 3 (36). С. 9–19.

⁴¹ Kireeva A. Russia's East Asia Policy: New Opportunities and Challenges // PERCEPTIONS: Journal of International Relations. 2012. Vol. 17, № 4. P. 49–78.

Также к этой группе относятся работы следующих авторов: Л. Е. Васильева⁴², Е. В. Кобелева⁴³, Л. Ф. Лебедевой и Е. В. Захаровой⁴⁴, Г. М. Локшина⁴⁵, Е. С. Мартыновой⁴⁶, Ю. А. Райкова⁴⁷, И. Ю. Ткаченко⁴⁸.

Более того, зарубежные авторы внесли серьезный вклад в исследование связей России и АСЕАН. Следует отметить сборник статей под редакцией бывшего посла Японии в России (1993–1996) Кодзи Ватанабэ «Engaging Russia in Asia Pacific»⁴⁹, где роль России в АТР анализируется через призму её конструктивного вовлечения в региональные механизмы. Во введении подчёркивается, что устойчивую региональную архитектуру безопасности невозможно сформировать без участия России; при этом её роль по-разному воспринимается в Юго-Восточной и Северо-Восточной Азии. В главе Б. Сингха фиксируется переход от «атлантизма» к более сбалансированному курсу после 1994 г. и с назначением Е. М. Примакова, при этом страхи перед японским и китайским влиянием на Дальний Восток описываются как фактор, сдерживающий его развитие и приток капитала. К. С. Натан констатирует, что присутствие России в ЮВА в 1990-е во многом сводилось к поставкам вооружений (напр., закупка Малайзией 18 истребителей МиГ). А. М. Мендоза показывает маргинальность экономического направления: скромные объёмы торговли, слабые прямые иностранные инвестиции (ПИИ) и отток капитала

⁴² Васильев Л. Е. Россия – АСЕАН. Укрепление сотрудничества // Азия и Африка сегодня. 2004. № 11 (568). С. 67–70.

⁴³ Кобелев Е. В. Партнерству «Россия – АСЕАН» – 20 лет // Проблемы Дальнего Востока. 2014. № 6. С. 10–18.

⁴⁴ Лебедева Л. Ф., Захарова Е. В. Россия среди основных торговых партнёров стран АСЕАН // Россия и Америка в XXI веке. 2014. Вып. 3. URL: <https://rusus.jes.su/s207054760011166-9-1/> (дата обращения: 10.12.2023).

⁴⁵ Локшин Г. М. Россия – АСЕАН: новые проекты и форматы сотрудничества // Азия и Африка сегодня. 2011. № 2 (643). С. 2–7.

⁴⁶ Martynova E. S. Strengthening of Cooperation Between Russia and ASEAN: Rhetoric or Reality? // Asian Politics & Policy. 2014. Vol. 6, Issue 3. P. 397–412.

⁴⁷ Райков Ю. А. Лаос в системе международных отношений Азиатско-Тихоокеанского региона в начале XXI века: монография. М.: Восток-Запад, 2010. 263 с.

⁴⁸ Ткаченко И. Ю. Восточноазиатские саммиты и интересы России // Российский внешнеэкономический вестник. 2014. № 10. С. 32–44. URL: <https://journal.vavt.ru/rfej/article/view/2465/2302> (дата обращения: 14.03.2024).

⁴⁹ Watanabe K., ed. Engaging Russia in Asia Pacific. Tokyo: Japan Center for International Exchange, 1999. 190 p.

при сырьевой структуре экспорта, из-за чего де-факто акцент смещается в сторону рынка вооружений.

В эту же группу следует отнести работы следующих авторов: Р. Битцингер⁵⁰, Л. Бушинский⁵¹, М. Кабальеро-Энтони⁵², М. Като⁵³, П. Рангсимапорн⁵⁴.

В рамках изучения вопросов данной группы автор также обращался к трудам китайских исследователей. Так, Сун Сяофэн в статье «Российская политика в Юго-Восточной Азии в контексте структуры АТР»⁵⁵ рассматривает изменения во внешнеполитическом курсе Москвы после окончания холодной войны. Он отмечает, что Россия выделяет АТР как одно из основных направлений внешней политики. При этом ЮВА и, прежде всего, АСЕАН выступает опорной площадкой для участия Москвы в многосторонних форматах. В свою очередь АСЕАН рассматривает сотрудничество с Россией как фактор сдерживания других крупных игроков.

Кан Линь в своей статье «Эволюция политики России в Юго-Восточной Азии и её влияние на проблему Южно-Китайского моря»⁵⁶ отмечает, что политика Москвы в ЮВА уходит корнями в советский период, но после окончания холодной войны заметно изменилась: Россия целенаправленно налаживает связи с регионом, стремясь восстановить влияние. По его оценке, повышение активности России в

⁵⁰ Bitzinger R. A New Arms Race? Explaining Recent Southeast Asian Military Acquisitions // *Contemporary Southeast Asia*. 2010. Vol. 32, No. 1. P. 50–69.

⁵¹ Buszynski L. Russia and Southeast Asia: A New Relationship // *Contemporary Southeast Asia*. 2006. Vol. 28, No. 2. P. 276–296.

⁵² Caballero-Anthony M. Partnership for Peace in Asia: ASEAN, the ARF, and the United Nations // *Contemporary Southeast Asia*. 2002. Vol. 24, No. 3. P. 528–548.

⁵³ Като М. Российская многосторонняя дипломатия в системе Азиатско-Тихоокеанской региональной интеграции // *Сравнительная политика*. 2010. Т. 1. № 1. С. 188–208.

⁵⁴ Rangsimaporn P. Russia as an Aspiring Great Power in East Asia: Perceptions and Policies from Yeltsin to Putin. London: Palgrave Macmillan, 2009. 260 p.; Rangsimaporn P. Russia's Search for Influence in Southeast Asia // *Asian Survey*. 2009. Vol. 49, No. 5. P. 786–808.

⁵⁵ 宋效峰. 亚太格局视角下俄罗斯的东南亚政策 // *东北亚论坛*. 2012. № 2. 72–80. [Сун Сяофэн. Политика России в Юго-Восточной Азии с точки зрения структуры Азиатско-Тихоокеанского региона // *Форум Северо-Восточной Азии*. 2012. № 2. С. 72–80.]

⁵⁶ 康霖. 俄罗斯东南亚政策演变及其对南海问题的影响 // *太平洋学报*. 2012. Т. 20, № 11. 29–38. [Кан Линь. Эволюция политики России в Юго-Восточной Азии и её влияние на проблему Южно-Китайского моря // *Журнал Тихоокеанских исследований*. 2012. Т. 20, № 11. С. 29–38.]

ЮВА неизбежно сталкивается с интересами Китая в ЮКМ. Вместе с тем исследователь считает, что подобные вопросы следует рассматривать в контексте всей повестки российско-китайских отношений и сглаживать за счёт дальнейшего углубления двустороннего сотрудничества.

В эту же группу следует отнести труды следующих исследователей: Го Жуй и Ван Сяокэ⁵⁷, Люй Сюэфэн⁵⁸, Чжао Хун и Хуан Синхуа⁵⁹, Чжоу Яньли⁶⁰.

К *третьей группе* относятся труды, посвящённые периоду 2016–2024 гг.: этапу после саммита в Сочи и дальнейшему переходу российско-асеановских отношений к стратегическому партнёрству.

Следует отметить такие работы Д. В. Мосякова, как «Страны Юго-Восточной Азии между Пекином и Вашингтоном: поиски баланса и трудности в сохранении единства»⁶¹ и «АСЕАН – Россия: “момент истины” в двусторонних отношениях»⁶², в которых автор подробно анализирует геополитические вызовы и перспективы, с которыми сталкиваются страны АСЕАН в контексте их взаимодействия с Россией и другими мировыми державами. Д. В. Мосяков акцентирует внимание на стратегии АСЕАН по поддержанию региональной стабильности и независимости, несмотря на влияние Китая и США. В коллективной статье Д. В. Мосякова, М. А. Шпаковской, Т. И. Поньки и В. А. Данилова «Разворот на Восток как фактор укрепления влияния России в Азии» российский поворот на Восток

⁵⁷ 郭锐, 王箫轲. 俄越防务合作的现状、动向与影响 // 南洋问题研究. 2011. № 4. 51–61. [Го Жуй, Ван Сяокэ. Современное состояние, тенденции и влияние российско-вьетнамского оборонного сотрудничества // Исследования по проблемам Юго-Восточной Азии. 2011. № 4. С. 51–61.]

⁵⁸ 吕雪峰. 东盟—俄罗斯对话伙伴关系 20 年述评(1994~2014) // 东北亚论坛. 2016. Т. 25, № 1. 75–86; 127. [Люй Сюэфэн. Обзор двадцати лет диалогового партнёрства АСЕАН – Россия (1994–2014) // Форум Северо-Восточной Азии. 2016. Т. 25, № 1. С. 75–86; 127.]

⁵⁹ 赵洪, 黄兴华. 试析冷战后东盟与俄罗斯的关系 // 南洋问题研究. 2008. № 4. 17–25. [Чжао Хун, Хуан Синхуа. К анализу отношений АСЕАН и России после холодной войны // Исследования по проблемам Юго-Восточной Азии. 2008. № 4. С. 17–25.]

⁶⁰ 周延丽. 俄罗斯与亚太地区经济合作驶入快车道 // 俄罗斯学刊. 2012. № 2. 58–65. [Чжоу Яньли. Экономическое сотрудничество России с Азиатско-Тихоокеанским регионом выходит на ускоренную траекторию // Журнал российских исследований. 2012. № 2. С. 58–65.]

⁶¹ Мосяков Д. В. Страны Юго-Восточной Азии между Пекином и Вашингтоном: поиски баланса и трудности в сохранении единства // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2016. Вып. XXXIII (33). С. 5–9.

⁶² Мосяков Д. В. АСЕАН – Россия: «момент истины» в двусторонних отношениях // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2022. Т. 3, № 3 (56). С. 30–39.

рассматривается как долгосрочная внешнеполитическая линия, связанная с изменением баланса сил в мировой политике, ростом значения Восточной Азии и необходимостью укрепления российских позиций в АТР после ухудшения отношений с Западом⁶³.

Высокую значимость для раскрытия данной проблематики имеют работы Е. А. Канаева с соавторами. В статье «АСЕАН в повороте России на Восток» (2016)⁶⁴ Е. А. Канаев и А. С. Пятачкова увязывают российский «поворот на Восток» с задачей модернизации Сибири и Дальнего Востока. АСЕАН показана как партнёр и площадка с отработанными форматами и институтами диалогового взаимодействия. В публикации с А. С. Королёвым «Большая Евразия, Индо-Тихоокеанский регион и отношения России с АСЕАН» (2019)⁶⁵ сопоставляются две концепции: «Большая Евразия» и Индо-Тихоокеанский регион (ИТР). Авторы аргументируют, что для российско-асеановского диалога перспективнее евразийская логика, предполагающая сопряжение форматов АСЕАН, ШОС и ЕАЭС, а также проработку ЗСТ ЕАЭС–АСЕАН, тогда как «индо-тихоокеанская» повестка даёт России меньше практических инструментов и экономических рычагов. В статье с В. А. Шумковой «Евразийские приоритеты асеаноцентричных диалоговых форматов по вопросам безопасности» (2017)⁶⁶ фиксируются сдвиги приоритетов АСЕАН в сфере безопасности и предлагаются способы встраивания асеаноцентричных форматов: АРФ, ВАС, Совещание министров обороны АСЕАН с диалоговыми партнёрами (СМОА+, англ. ADMM+) в формирующуюся евразийскую архитектуру. В работе «Цифровое измерение сотрудничества АСЕАН

⁶³ Мосяков Д. В., Шпаковская М. А., Понька Т. И., Данилов В. А. Разворот на Восток как фактор укрепления влияния России в Азии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2024. Т. 24, № 2. С. 181–191.

⁶⁴ Канаев Е. А., Пятачкова А. С. АСЕАН в повороте России на Восток // XVI Апрельская международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2016. С. 430–437.

⁶⁵ Канаев Е. А., Королёв А. С. Большая Евразия, Индо-Тихоокеанский регион и отношения России с АСЕАН // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2019. Т. 12, № 1. С. 26–43.

⁶⁶ Канаев Е. А., Шумкова В. А. Евразийские приоритеты асеаноцентричных диалоговых форматов по вопросам безопасности // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2017. Т. 17, № 3. С. 458–468.

и России» (2022)⁶⁷ Е. А. Канаев обращается к новому технологическому направлению российско-асеановских связей, анализируя цифровые инициативы Ассоциации и возможности расширения взаимодействия России и АСЕАН. Особое внимание уделяется прикладным компонентам цифрового сотрудничества, включая вопросы кибербезопасности. Эта работа расширяет традиционную исследовательскую повестку российско-асеановского взаимодействия за пределы энергетики, военно-технического сотрудничества и других уже сложившихся направлений.

Значимое место в современной отечественной историографии занимает монография Г. М. Локшина, Е. В. Кобелева и В. М. Мазырина «Сообщество АСЕАН в современном мире»⁶⁸. Авторы анализируют эволюцию Ассоциации, особенности её политического, экономического и социокультурного сообществ, а также взаимодействие АСЕАН с ведущими внешними партнёрами. Отдельная глава посвящена диалоговому партнёрству России и АСЕАН: в ней последовательно рассматриваются динамика отношений, сотрудничество в сфере политики и безопасности, институциональные механизмы взаимодействия, российско-вьетнамские связи, сочинский саммит 2016 г. и перспективы взаимодействия ЕАЭС–АСЕАН.

Особого внимания заслуживают работы Е. В. Колдуновой: она рассматривает диалоговые партнёрства как инструмент внешней политики АСЕАН и место России в этой архитектуре (АРФ, ВАС, СМОА+, «путь АСЕАН», принцип центральности)⁶⁹. В трансрегиональной плоскости подчёркивается, что отношения Россия–АСЕАН не строятся по модели донор–получатель помощи, в отличие от трека ЕС/США–АСЕАН, но при этом нуждаются в концептуальной и практической доработке, а также отличаются слабой экономической составляющей по сравнению

⁶⁷ Kanaev E. A. ASEAN-Russia Cooperation: The Digital Dimension // Yugo-Vostochnaya Aziya: aktual'nyye problemy razvitiya. 2022. T. 3, № 3 (56). P. 18–29.

⁶⁸ Локшин Г. М., Кобелев Е. В., Мазырин В. М. Сообщество АСЕАН в современном мире: монография. М.: ИД «ФОРУМ», 2019. 296 с.

⁶⁹ Колдунова Е. В. «Диалоговые партнёрства» во внешней политике АСЕАН // Международные процессы. 2017. Т. 15, № 3 (50). С. 55–66.

с политической⁷⁰. В актуальной повестке 2023 г. фиксируются рабочие направления сотрудничества (энергетика, инфраструктура, ИКТ, цифровизация образования, совместное реагирование на ЧС) и вопросы безопасности (борьба с терроризмом, транснациональной преступностью, киберугрозами) в рамках асеаноцентричных механизмов. При этом автор отмечает, что Россия поддерживает «Индо-тихоокеанское видение АСЕАН» (ASEAN Outlook on the Indo-Pacific, AOIP)⁷¹.

Среди новейших коллективных исследований следует отметить монографию «АСЕАН на пути интеграции: достижения, вызовы, дилеммы» под редакцией В. М. Мазырина и Е. В. Колдуновой⁷². В работе современное развитие Ассоциации рассматривается в контексте нарастающей турбулентности международной среды, а также политических, экономических и социокультурных трансформаций. Для настоящего исследования особое значение имеет глава А. С. Королёва, посвящённая стратегическому партнёрству России и АСЕАН в условиях региональной фрагментации.

В коллективной монографии «Страны Индокитая в АСЕАН: ключевые аспекты развития» под редакцией В. М. Мазырина рассматриваются современные процессы в континентальной Юго-Восточной Азии⁷³. Работа включает в себя специальный раздел о взаимодействии стран Индокитая с Россией и ЕАЭС. В нём анализируется место АСЕАН в российском «повороте на Восток», экономическое сотрудничество и военно-технические связи России со странами субрегиона.

Отдельное историографическое значение имеет работа А. С. Пятачковой «Изучение АСЕАН в СССР и России»⁷⁴, в которой систематизированы основные этапы отечественных исследований Ассоциации, выявлены их ключевые

⁷⁰ Колдунова Е. В. Дилеммы и противоречия трансрегиональных отношений АСЕАН с ЕС, США и Россией // Актуальные проблемы Европы. 2020. № 1. С. 136–154.

⁷¹ Koldunova E. V. Russia: A Real Turn to Asia // Regional Security Outlook 2024 / ed. R. Huysen. Council for Security Cooperation in the Asia Pacific, 2023. P. 22–26.

⁷² АСЕАН на пути интеграции: достижения, вызовы, дилеммы: монография / под ред. В. М. Мазырина, Е. В. Колдуновой. 2-е изд., испр. М.: Издательство «Аспект Пресс», 2024. 608 с.

⁷³ Страны Индокитая в АСЕАН: ключевые аспекты развития: коллективная монография / отв. ред. В. М. Мазырин. М.: ИКСА РАН, 2024. 308 с.

⁷⁴ Пятачкова А. С. Изучение АСЕАН в СССР и России // Международные процессы. 2017. Т. 15, № 3 (50). С. 67–80.

тенденции и рассмотрена институционализация российского экспертного сообщества по проблематике АСЕАН.

Следует также отметить исследования Е. С. Пыльциной (Буровой), посвящённые экономическим аспектам взаимодействия России со странами АСЕАН и социально-экономическим процессам в регионе. В статье «Оценка двусторонней торговли РФ-АСЕАН под влиянием санкций» она анализирует динамику и товарную структуру взаимной торговли и приходит к выводу, что изменения торговых потоков в большей степени зависели от мировой конъюнктуры и состояния отраслей в странах-партнёрах, чем от санкционного давления. Влияние санкций наиболее заметно проявлялось в отдельных товарных группах, тесно связанных с глобальными производственно-сбытовыми цепочками⁷⁵. Другие её исследования затрагивают региональное сотрудничество России и АСЕАН и социально-экономические процессы в отдельных государствах ЮВА⁷⁶.

Также к этой группе относятся работы следующих авторов: А. М. Грибанова, Е. В. Королева, Е. А. Чабыкина⁷⁷, Я. В. Дёмина⁷⁸, Л. С. Кабир и И. А. Яковлев⁷⁹, К.

⁷⁵ Бурова Е. С. Оценка двусторонней торговли РФ-АСЕАН под влиянием санкций // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2023. Т. 5, № 4 (61). С. 59–70.

⁷⁶ Бурова Е. С., Владимирова Д. А., Гарусова Л. Н., Глазкова Е. А., Егупов Е. В., Лукин А. Л., Мазырин В. М., Рыбаченко Е. А., Самойленко П. Ю., Соколовский А. Я., Сури Суриани, Ты Тхи Лоан. Россия и АСЕАН: региональное сотрудничество // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2023. № 1. С. 67–79;

Бурова Е. С. Тенденции развития туристической отрасли Камбоджи // Восточная Азия: факты и аналитика. 2019. № 1. С. 15–23.

⁷⁷ Грибанова А. М., Королева Е. В., Чабыкина Е. А. Россия и АСЕАН: инновационно-технологический вектор сотрудничества // Копирайт. Вестник Российской академии интеллектуальной собственности и Российского авторского общества. 2021. № 4. С. 59–67. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_47350406_42079751.pdf (дата обращения: 05.08.2024).

⁷⁸ Дёмина Я. В. Внешняя торговля Дальнего Востока России со странами АСЕАН: сравнение с общероссийской динамикой и структурой товаропотоков // Регионалистика. 2022. Т. 9, № 2. С. 49–62.

⁷⁹ Кабир Л. С., Яковлев И. А. Торговля в целях развития: формирование устойчивой платформы интеграции России в АСЕАН // Таможенная политика России на Дальнем Востоке. 2018. № 3 (84). С. 59–76.

Т. Мамедбекова⁸⁰, В. П. Мариан и А. Ю. Синицын⁸¹, К. Г. Муратшина⁸², Т. Н. Попова, Ю. А. Демина, Я. Ю. Гродзиевский, М. В. Ерисковский, Н. А. Стяжкина⁸³, А. А. Рогожин и Н. Г. Рогожина⁸⁴, А. В. Симоненок⁸⁵, А. П. Цветов⁸⁶.

Более того, зарубежные авторы внесли серьезный вклад в исследование связей России и АСЕАН. Следует отметить работу Н. К. Кюрт «Russia and Asia-Pacific: From ‘Competing’ to ‘Complementary’ Regionalisms?»⁸⁷ По оценке автора, в 2000-е — начале 2010-х Россия переосмыслила своё место в АТР: на уровне дискурса усилились призывы к многополярности, параллельно предпринимались попытки снизить зависимость от Китая, особенно для Дальнего Востока. АСЕАН и связанные с ней форматы (АРФ, ВАС) рассматривались как инструмент участия в региональных делах, однако реальная экономическая вовлечённость и институциональные возможности России оставались ограниченными. Даже в рамках Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС, англ. АПЕС) приоритет отдавался не торгово-инвестиционному, а антитеррористическому направлению.

Однако Россия участвует не только в асеаноцентричных форматах сотрудничества, но и развивает геополитический проект Большого Евразийского партнёрства (БЕП). С инициативой о формировании данного широкого интеграционного контура на евразийском континенте выступил президент России

⁸⁰ Мамедбекова К. Т. Диалоговое партнёрство Россия – АСЕАН // Экономика и бизнес: теория и практика. 2022. № 6–2. С. 24–27.

⁸¹ Мариан В. П., Синицын А. Ю. Россия – АСЕАН: 20 лет сотрудничества // Власть. 2017. Т. 25, № 2. С. 186–193.

⁸² Муратшина К. Г. Гуманитарное сотрудничество России и АСЕАН в новых исторических условиях // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2023. Т. 1, № 1 (58). С. 76–86.

⁸³ Попова Т. Н., Демина Ю. А., Гродзиевский Я. Ю., Ерисковский М. В., Стяжкина Н. А. Анализ динамики и структуры товарных потоков России и стран АСЕАН // Российский внешнеэкономический вестник. 2022. № 2. С. 42–48.

⁸⁴ Рогожин А. А., Рогожина Н. Г. Юго-Восточная Азия в приоритетах российской политики «поворота к Азии» // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2019. Т. 12, № 1. С. 185–203.

⁸⁵ Симоненок А. В. Внешнеторговые связи Дальнего Востока России со странами АСЕАН // Таможенная политика России на Дальнем Востоке. 2020. № 1 (90). С. 39–48.

⁸⁶ Tsvetov A. After Crimea: Southeast Asia in Russia's Foreign Policy Narrative // Contemporary Southeast Asia. 2016. Vol. 38, № 1. P. 55–80.

⁸⁷ Kuhrt N. C. Russia and Asia-Pacific: From ‘Competing’ to ‘Complementary’ Regionalisms? // Politics. 2014. Vol. 34, Issue 2. P. 138–148.

В. В. Путин в 2015 году. БЭП нацелено на сопряжение действующих интеграционных треков (ЕАЭС, ШОС, АСЕАН) и развёртывание отраслевых блоков: сети торгово-инвестиционных соглашений, общего транспортного и энергетического пространства, «цифрового» и финансового измерения⁸⁸.

М. Энтин и Е. Энтина в своей статье на тему «Russia's Role in Promoting Great Eurasia Geopolitical Project» трактуют БЭП как «объединение интеграций», нацеленное на сопряжение ЕАЭС, китайской инициативы «Пояс и путь» и асеаноцентричных институтов без формирования эксклюзивных блоков. Авторы фиксируют старт политического продвижения идеи на ПМЭФ-2016 и её обсуждение с АСЕАН. На сочинском саммите 2016 г. лидеры подтвердили интерес к формату «АСЕАН–ЕАЭС–ШОС»⁸⁹. В качестве первых практических шагов названы создание ЗСТ ЕАЭС–Вьетнам и интерес ряда государств к аналогичным соглашениям. В этой логике России отводится роль связующего звена между разными частями Евразии⁹⁰.

Н. Капур в своей статье «Wither the Greater Eurasian Partnership? Challenges from the East in an evolving world order» рассматривает БЭП как концепцию в стадии становления: в 2022–2023 гг. шло лишь формирование стратегических рамок⁹¹. Исследователь отмечает, что его географическая и стратегическая связность невозможна без реального вовлечения азиатских акторов (прежде всего в форматах ШОС и АСЕАН). На институциональном уровне фиксируются ограничения: у ЕАЭС ограниченная сеть соглашений о ЗСТ, а с АСЕАН – меморандумы о взаимопонимании без обязательств; у ЕЭК ограничены ресурсы для быстрого расширения договорной сети; даже ЗСТ с Вьетнамом не даёт автоматического

⁸⁸ О российской инициативе Большого Евразийского партнёрства // Министерство иностранных дел Российской Федерации. 15.06.2023. URL: https://www.mid.ru/ru/activity/COORDINATING_AND_ADVISORY_BODY/head_of_subjects_council/materialy-o-vypolnenii-rekomendacij-zasedanij-sgs/xxxvi-zasedanie-sgs/1767070/ (дата обращения: 02.08.2024).

⁸⁹ Entin M., Entina E. Russia's Role in Promoting Great Eurasia Geopolitical Project // *Rivista di Studi Politici Internazionali*. 2016. Vol. 83, № 3 (331). P. 333, 349–350.

⁹⁰ Там же. P. 345.

⁹¹ Kapoor N. Wither the Greater Eurasian Partnership? Challenges from the East in an evolving world order // *Asian Politics and Policy*. 2024. Vol. 16, No. 2. P. 231.

доступа на рынок АСЕАН⁹². Опора на связку ЕАЭС– «Пояс и путь» затрудняет участие Индии, последовательно возражающей против инициативы «Пояса и пути»⁹³.

В свою очередь Х. Манурунг в своей работе «Association of Southeast Asian Nations (ASEAN) and the Development of Regional Economic Cooperation — Partnership with Russia»⁹⁴ предлагает обзор эволюции и инструментов экономического сотрудничества России и АСЕАН от получения Москвой статуса партнёра по диалогу в 1996 г. до оформления стратегического партнёрства в 2018 г. Автор отмечает вклад России в борьбу с глобальными вызовами, такими как пандемия COVID-19, а также взаимодействие по противодействию терроризму и экстремизму в рамках асеаноцентричных механизмов.

В эту же группу следует отнести работы следующих авторов: Д. Горенбург и П. Шварц⁹⁵, Чжан Цзянь⁹⁶, Б. Ло⁹⁷, М. Сассекс⁹⁸, Дж. Умагapi⁹⁹, А. Хуан и П. Тамбипиллай¹⁰⁰.

В рамках изучения вопросов данной группы автор также обращался к трудам китайских исследователей, которые предлагают как прикладные, так и модельные

⁹² Там же. Р. 236–239.

⁹³ Там же. Р. 237.

⁹⁴ Manurung H. Association of Southeast Asian Nations (ASEAN) and the Development of Regional Economic Cooperation — Partnership with Russia // International Organizations: Serbia and Contemporary World. 2022. Vol. 2. P. 101–114.

⁹⁵ Gorenburg D., Schwartz P. Russia's Relations with Southeast Asia. Russie.Nei.Reports. Paris: Ifri, 2019. № 26. March. URL: <https://www.ifri.org/en/publications/etudes-de-lifri/russieneireports/russias-relations-southeast-asia> (дата обращения: 02.08.2024).

⁹⁶ Zhang J. Rebuilding strategic autonomy: ASEAN's response to US–China strategic competition // China International Strategy Review. 2023. Vol. 5. P. 73–89.

⁹⁷ Lo B. Once More with Feeling: Russia and the Asia-Pacific. Lowy Institute for International Policy, 2019. 30 p.

⁹⁸ Sussex M. The triumph of Russian national security policy? Russia's rapid rebound // Australian Journal of International Affairs. 2017. Vol. 71, No. 5. P. 499–515.

⁹⁹ Umagapi J. L. Russia-ASEAN Summit 2016: Improvement for the Better Strategic Partnership // Jurnal Ilmiah Hubungan Internasional. 2017. Vol. 13, No. 2. P. 135–144.

¹⁰⁰ Thambipillai P. Southeast Asia, Russia and the Ex-Soviet Republics: Expanding the Links // Contemporary Southeast Asia. 1994. Vol. 16, No. 1. P. 93–107; Huan A., Thambipillai P. The "Other" Major Power in the Region: Russia and Southeast Asia // Oriental Institute Journal. 2019. No. 4 (44). P. 67–79.

оценки. Юй Синь¹⁰¹ трактует санкционный фактор как стимул к диверсификации связей России в пользу АСЕАН и расширению экономического сотрудничества. Сяо Бинь¹⁰², используя инструменты кооперативных игр, приходит к выводу о недостаточности «кооперативного излишка»: при наличии политической воли, но без внешних стимулов не стоит ожидать быстрых качественных изменений.

В эту же группу следует отнести труды следующих исследователей: Лю Синтао¹⁰³, Сюэ Суосуо и Го Сяотин¹⁰⁴, Чэн Ханьпин¹⁰⁵, Чжан Юэ¹⁰⁶.

Таким образом, анализ отечественной и зарубежной литературы показал, что, несмотря на богатую традицию исследований отдельных направлений отношений России и АСЕАН, недостаточно внимания уделено комплексному изучению сотрудничества Россия–АСЕАН, охватывающему весь период с 1994 по 2024 гг. В большинстве работ лишь фрагментарно рассматриваются торговые связи, экономическое взаимодействие, политический диалог, сотрудничество в рамках реализации отдельных проектов, а также борьба с конкретными вызовами и угрозами, такими как терроризм, киберпреступность, международная преступность, научные и образовательные обмены. Комплексное изучение основных направлений и особенностей взаимодействия за последние тридцать лет

¹⁰¹ 余鑫. 西方制裁下俄罗斯与东南亚国家经济合作研究 // 现代交际. 2019. (20). 70–71. [Юй Синь. Исследование экономического сотрудничества России со странами Юго-Восточной Азии в условиях западных санкций // Современная коммуникация. 2019. № 20. С. 70–71.]

¹⁰² 肖斌. 俄罗斯与东盟关系前景——基于合作博弈视角的分析 // 太平洋学报. 2016. 24(09). 24–34. [Сяо Бинь. Перспективы отношений России и АСЕАН: анализ с точки зрения теории кооперативных игр // Журнал Тихоокеанских исследований. 2016. Т. 24, № 9. С. 24–34.]

¹⁰³ 刘兴涛. 俄罗斯参与东南亚基础设施建设的前景及对欧亚大陆的意义 // 东南亚纵横. 2021. (2). 85–96. [Лю Синтао. Перспективы участия России в развитии инфраструктуры Юго-Восточной Азии и значение такого участия для Евразийского континента // Панорама Юго-Восточной Азии. 2021. № 2. С. 85–96.]

¹⁰⁴ 薛锁锁, 郭晓婷. 俄罗斯“转向东方”以来与东盟国家关系的动向及前景 // 欧亚经济. 2024. (1). 43–57. [Сюэ Суосуо, Го Сяотин. Тенденции и перспективы отношений России со странами АСЕАН после «поворота России на Восток» // Евразийская экономика. 2024. № 1. С. 43–57.]

¹⁰⁵ 成汉平. 东盟国家在俄乌冲突中的立场差异分析: 动因, 影响与前景 // 东南亚纵横. 2022. (2). 3–10. [Чэн Ханьпин. Анализ различий в позициях стран АСЕАН по российско-украинскому конфликту: причины, влияние и перспективы // Панорама Юго-Восточной Азии. 2022. № 2. С. 3–10.]

¹⁰⁶ 张悦. 俄罗斯与东盟国家合作新趋势及影响因素 // 国际展望. 2020. 12(03). 134–152. [Чжан Юэ. Новые тенденции и факторы, влияющие на сотрудничество России со странами АСЕАН // Международные перспективы. 2020. Т. 12, № 3. С. 134–152.]

остаётся неразработанным. Данный пробел обуславливает необходимость проведения настоящего исследования, которое ставит своей целью систематизацию и комплексный анализ всех основных направлений и особенностей российско-азиатского сотрудничества в указанный период.

Объектом исследования являются отношения между Россией и Ассоциацией государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН) в период с 1994 по 2024 год.

Предметом исследования выступают основные направления, механизмы и особенности сотрудничества между Россией и АСЕАН в политической, торгово-экономической, гуманитарной сферах и в области безопасности, а также факторы, определявшие динамику этого взаимодействия в 1994–2024 гг.

Цель исследования состоит в выявлении особенностей и закономерностей эволюции сотрудничества России и АСЕАН в 1994–2024 гг., его основных направлений, механизмов, ограничений и перспектив дальнейшего развития.

Для достижения поставленной цели необходимо решить **следующие задачи**:

- рассмотреть исторические предпосылки становления сотрудничества России и АСЕАН, сформировавшиеся в период взаимодействия СССР с Ассоциацией и её государствами-членами;
- выделить и охарактеризовать ключевые этапы развития отношений между Россией и АСЕАН в период с 1994 по 2024 гг., определив наиболее значимые события и инициативы;
- выявить структуру и эволюцию внешнеполитических интересов России в Юго-Восточной Азии и определить место АСЕАН в их реализации;
- изучить основные направления сотрудничества России и АСЕАН в политической, экономической, гуманитарной сферах и в области безопасности;
- исследовать институциональные механизмы, которые способствуют укреплению связей между Россией и АСЕАН, и определить их эффективность;
- выявить ключевые вызовы и препятствия на пути к дальнейшему развитию отношений в контексте изменяющейся международной среды;

- исследовать влияние глобальных и региональных вызовов на характер и динамику взаимодействия между Россией и АСЕАН;
- обозначить перспективные направления и ограничения дальнейшего сотрудничества России и АСЕАН с учётом исторического опыта и современного состояния отношений.

Хронологические рамки исследования охватывают период с 1994 по 2024 гг. *Нижняя граница* исследования – 1994 г. – обусловлена получением Россией статуса консультативного партнёра АСЕАН и началом её участия в Региональном форуме АСЕАН (АРФ), в работу которого Россия включилась с момента его создания. Именно с этого времени взаимодействие России с АСЕАН приобретает устойчивые институциональные формы и выходит за рамки эпизодических контактов. *Верхняя граница* – 2024 г. – определяется необходимостью подведения итогов тридцатилетней эволюции отношений России и АСЕАН и оценки их современного состояния на этапе стратегического партнёрства в условиях трансформации международной среды. Выбранный период охватывает два этапа российско-асеановского взаимодействия: 1994–2015 гг., связанный с институциональным встраиванием России в асеаноцентричные механизмы и расширением практического сотрудничества, и 2016–2024 гг., характеризующийся углублением взаимодействия и переходом к стратегическому партнёрству. Такое деление позволяет выявить преемственность и изменения в подходах России к АСЕАН.

Источниковая база исследования. Для решения поставленных задач и достижения цели в диссертации использован широкий круг источников на русском, английском и китайском языках. По видовому признаку их можно разделить на четыре группы: нормативно-правовые, делопроизводственные, публицистические и статистические.

К первой группе относятся **нормативно-правовые источники**, определяющие договорно-правовую основу сотрудничества России и АСЕАН, а также общие ориентиры внешней политики Российской Федерации на азиатском направлении. В их число входят международные договоры и соглашения, Устав АСЕАН и программные документы Ассоциации, соглашения и планы действий

Россия–АСЕАН¹⁰⁷, а также Концепции внешней политики Российской Федерации 1993, 2000, 2008, 2016, 2023 гг.¹⁰⁸

Вторую группу составляют *делопроизводственные источники*. К ним относятся документы саммитов и министерских встреч, отчёты и информационные материалы Секретариата АСЕАН, Доклад Группы видных деятелей Россия – АСЕАН, материалы профильных государственных органов и международных

¹⁰⁷ Торговое соглашение между Союзом Советских Социалистических Республик и Республикой Сингапур от 2 апреля 1966 г. URL: <https://singapore.mid.ru/upload/iblock/97b/97b17c7bd393a01c149cfb9c94ab96e4.pdf> (дата обращения: 24.09.2024); Treaty of Amity and Cooperation in Southeast Asia. Denpasar, Bali, 24 February 1976. URL: <https://asean.org/wp-content/uploads/2025/02/12.-Treaty-of-Amity-and-Cooperation-in-Southeast-Asia.pdf> (дата обращения: 19.10.2024); ASEAN Charter. Singapore, 20.11.2007. URL: <https://hrlibrary.umn.edu/research/Philippines/ASEAN%20Charter.pdf> (дата обращения: 28.03.2026); Соглашение между Правительством Российской Федерации и правительствами государств-членов Ассоциации государств Юго-Восточной Азии о сотрудничестве в области экономики и развития. Куала-Лумпур, 10 декабря 2005 г. URL: https://asean.mgimo.ru/images/partn/Economic-Agreement_2005_ru.doc (дата обращения: 27.11.2023); Соглашение Россия–АСЕАН о сотрудничестве в области культуры. 2010. URL: https://asean.mgimo.ru/images/partn/Culture-Agreement_2010_ru.doc (дата обращения: 27.11.2023); Agreement on Cultural Cooperation between the Governments of the Member States of the Association of Southeast Asian Nations and the Government of the Russian Federation. Ha Noi, 20.10.2010. URL: <https://cil.nus.edu.sg/wp-content/uploads/2019/02/2010-Agreement-on-Cultural-Coop-between-the-Governments-of-ASEAN-and-the-Government-of-Russia-1.pdf> (дата обращения: 27.11.2023); ASEAN Outlook on the Indo-Pacific. ASEAN, 2019. URL: https://asean.org/wp-content/uploads/2021/01/ASEAN-Outlook-on-the-Indo-Pacific_FINAL_22062019.pdf (дата обращения: 28.11.2023); ASEAN Plan of Action in Combating Transnational Crime (2016–2025). Adopted by the 11th ASEAN Ministerial Meeting on Transnational Crime, 20.09.2017. 9 p. URL: https://asean.org/wp-content/uploads/2021/01/ASEAN-Plan-of-Action-in-Combating-TC_Adopted-by-11th-AMMTC-on-20Sept17-3.pdf (дата обращения: 27.11.2023); Executive Order No. 384. Promulgating Policy Guidelines and Trade with Socialist and Communist Countries. 11 March 1972. URL: <https://chanrobles.com/executiveorders/1972/executiveorderno384-1972.html> (дата обращения: 28.03.2026).

¹⁰⁸ Концепция внешней политики Российской Федерации от 23 апреля 1993 г. // Концепции внешней политики РФ, 1993–2023 гг. / сост. Д. В. Кузнецов. Б. м.: Б. изд., 2023. С. 5–32. URL: <https://clck.ru/3CT6Hn> (дата обращения: 27.11.2023); Концепция внешней политики Российской Федерации от 28 июня 2000 г. // Концепции внешней политики РФ, 1993–2023 гг. / сост. Д. В. Кузнецов. Б. м.: Б. изд., 2023. С. 32–42. URL: <https://clck.ru/3CT6Hn> (дата обращения: 27.11.2023); Концепция внешней политики Российской Федерации. 12 июля 2008 г., № Пр-1440 // Официальный сайт Президента России. URL: <http://kremlin.ru/acts/news/785> (дата обращения: 27.11.2023); Указ Президента Российской Федерации от 30 ноября 2016 г. № 640 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации» // Официальный сайт Президента России. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41451> (дата обращения: 27.11.2023); Указ Президента Российской Федерации от 31 марта 2023 г. № 229 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации» // Официальный сайт Президента России. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/49090> (дата обращения: 27.11.2023).

организаций ¹⁰⁹ , а также документы Генеральной Ассамблеи ООН ¹¹⁰ , использованные для анализа позиций государств-членов АСЕАН по украинскому

¹⁰⁹ Совместная декларация министров иностранных дел Российской Федерации и Ассоциации государств Юго-Восточной Азии о партнерстве в деле мира и безопасности, а также процветания и развития в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Пномпень, 19 июня 2003 г. URL: https://asean.mgimo.ru/images/partn/Declaration-Partnership-Asia-Pacific-2003_ru.doc (дата обращения: 27.11.2023); Совместная декларация Российской Федерации и АСЕАН о сотрудничестве в борьбе с международным терроризмом. Джакарта, 2 июля 2004 г. URL: <https://asean.mid.ru/upload/iblock/9e3/ug1c96s4cm093ueh6ttehrlsnj56ovlw.pdf> (дата обращения: 27.11.2023); Совместная декларация главы государства Российской Федерации и глав государств и правительств государств-членов Ассоциации государств Юго-Восточной Азии о развитии и всеобъемлющем партнерстве. Куала-Лумпур, 13 декабря 2005 г. URL: https://asean.mgimo.ru/images/partn/Joint-Declaration_2005_ru.doc (дата обращения: 27.11.2023); Co-Chairs' Statement of the Special ASEAN-Russia Foreign Ministers' Meeting. 06.07.2021. URL: <https://asean.org/wp-content/uploads/AMS-Consolidated-Input-Draft-Co-Chairs-Statement-of-the-SARFMM-FINAL-1.pdf> (дата обращения: 27.11.2023); Совместное заявление 4-го саммита Россия–АСЕАН: построение мирного, стабильного и устойчивого региона. 28 октября 2021 г. URL: <https://asean.mid.ru/upload/iblock/a9c/34ywehcloxs9hp7bgcd7l64g3erd3al.pdf> (дата обращения: 27.11.2023); Plan of Action to Implement the ASEAN-India Partnership for Peace, Progress and Shared Prosperity (2021-2025). 2020. URL: <https://asean.org/wp-content/uploads/2020/09/ASEAN-India-POA-2021-2025-Final.pdf> (дата обращения: 11.04.2026); Меморандум о взаимопонимании между Московским государственным институтом международных отношений (Университетом) и Секретариатом Ассоциации государств Юго-Восточной Азии об учреждении Центра АСЕАН при Московском государственном институте международных отношений (Университете). Пхукет, Таиланд, 23 июля 2009 г. URL: https://asean.mgimo.ru/upload/ckeditor/files/Memorandum-ASEAN-Centre_rus.pdf (дата обращения: 26.10.2025); Free Trade Agreement between the Eurasian Economic Union and its Member States, of the one part, and the Socialist Republic of Viet Nam, of the other part. Burabay, 29.05.2015. URL: https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/272/EAEU_VN_FTA.pdf (дата обращения: 28.11.2023); Free Trade Agreement between the Eurasian Economic Union and its Member States, of the one part, and the Republic of Singapore, of the other part. Yerevan, 01.10.2019. URL: https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/4d0/EAEU_Singapore-FTA_Main-Agreement.pdf (дата обращения: 28.11.2023); Regional Comprehensive Economic Partnership Agreement. 2020. URL: <https://asean.org/wp-content/uploads/2024/10/Regional-Comprehensive-Economic-Partnership-RCEP-Agreement-Full-Text.pdf> (дата обращения: 11.04.2026); Комплексная программа действий по развитию сотрудничества Российской Федерации и Ассоциации государств Юго-Восточной Азии на 2005–2015 гг. 2005. URL: https://asean.mgimo.ru/images/partn/Comprehensive-Programme-of-Action-2005-2015_ru.doc (дата обращения: 27.11.2023); Комплексный план действий по развитию сотрудничества Российской Федерации и Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (2016–2020 гг.). Сочи, 19–20 мая 2016 г. URL: <https://asean.mgimo.ru/images/partn/2016-2020-action-plan.pdf> (дата обращения: 27.11.2023); Комплексный план действий по реализации стратегического партнёрства между Российской Федерацией и Ассоциацией государств Юго-Восточной Азии (2021–2025 годы) // Официальный сайт Президента России. 28 октября 2021 г. URL: <http://kremlin.ru/supplement/5726> (дата обращения: 27.11.2023); ASEAN Community Vision 2025. Kuala Lumpur Declaration on ASEAN 2025. Kuala Lumpur, 22.11.2015. URL: <https://www.asean.org/wp-content/uploads/images/2015/November/aec-page/ASEAN-Community-Vision-2025.pdf> (дата обращения: 28.03.2026); ASEAN Economic Community Blueprint 2025. Jakarta: ASEAN Secretariat, 2015. 43 p. URL: <https://afcwp.asean.org/wp-content/uploads/2020/09/ANNEX-6-AEC-Blueprint-2025.pdf> (дата

обращения: 28.03.2026); ASEAN Political-Security Community Blueprint 2025. Jakarta: ASEAN Secretariat, 2016. 41 p. URL: <https://www.asean.org/wp-content/uploads/2012/05/ASEAN-APSC-Blueprint-2025.pdf> (дата обращения: 28.03.2026);

Plan of Action to Implement the ASEAN-India Comprehensive Strategic Partnership (2026-2030). 2026. URL: <https://asean.org/wp-content/uploads/2026/03/Final-POA-to-Implement-ASEAN-India-CSP-2026-2030-adopted.pdf> (дата обращения: 11.04.2026); Plan of Action to Implement the ASEAN-United States Strategic Partnership (2021-2025). Updated with Annex. 2021. URL: <https://asean.org/wp-content/uploads/2023/07/ASEAN-US-Plan-of-Action-2021-2025-updated-with-Annex.pdf> (дата обращения: 11.04.2026); Plan of Action to Implement the ASEAN-China Comprehensive Strategic Partnership (2026-2030). 2025. URL: <https://asean.org/wp-content/uploads/2025/08/Final-ASEAN-China-POA-2026-2030.pdf> (дата обращения: 11.04.2026); Протокол об экспорте некоторых товаров из СССР в Республику Сингапур и из Республики Сингапур в СССР. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/2_contract/57289/ (дата обращения: 24.09.2024);

The ASEAN Declaration (Bangkok Declaration). Bangkok, 8 August 1967. URL: <https://asean.org/wp-content/uploads/2022/02/0719.pdf> (дата обращения: 24.09.2024);

1971 Zone of Peace, Freedom and Neutrality Declaration. Kuala Lumpur, 27 November 1971. URL: <https://asean.org/photo/the-signing-of-kuala-lumpur-declaration-of-1971-zopfan/> (дата обращения: 24.09.2024); The Declaration of ASEAN Concord. Denpasar, Bali, 24 February 1976. URL: <https://asean.org/the-declaration-of-asean-concord-bali-indonesia-24-february-1976/> (дата обращения: 19.10.2024); Declaration of ASEAN Concord II. Bali, Indonesia, 07.10.2003. URL: https://www.icnl.org/wp-content/uploads/Transnational_2003Declaration.pdf (дата обращения: 28.03.2026); Declaration of ASEAN Heads of Government at the 3rd ASEAN Summit (Manila Declaration). Manila, 15.12.1987. 11 p. URL: <https://asean.org/wp-content/uploads/2022/09/D-0166-OCR.pdf> (дата обращения: 28.03.2026);

Singapore-Soviet Union Joint Communiqué Issued at the End of the Visit of the Prime Minister of the Republic of Singapore, Mr. Lee Kuan Yew, to the Soviet Union from 15th September, 1970 to 23rd September, 1970 // National Archives of Singapore. URL: <https://www.nas.gov.sg/archivesonline/data/pdfdoc/lky19700923a.pdf> (дата обращения: 28.03.2026);

Joint communiqué between Thailand and the Union of Soviet Socialist Republics issued on 12 February 1990 // United Nations General Assembly. Security Council. A/45/164; S/21187. 13.03.1990. P. 3–7. URL: https://digitallibrary.un.org/record/87737/files/A_45_164--S_21187-EN.pdf (дата обращения: 28.03.2026); ASEAN Foreign Ministers' Statement Calling for a Ceasefire in Ukraine. 03.03.2022. URL: <https://asean.org/wp-content/uploads/2022/03/ASEAN-Foreign-Ministers-Statement-calling-for-Ceasefire-in-Ukraine-EN.pdf> (дата обращения: 13.04.2024);

ASEAN-U.S. Leaders' Statement on the Establishment of the ASEAN-U.S. Comprehensive Strategic Partnership. Phnom Penh, 12.11.2022. URL: <https://asean.org/wp-content/uploads/2022/11/ASEAN-US-Leaders-Statement-on-CSP-final-1.pdf> (дата обращения: 11.04.2026);

Statement of ASEAN and Russia Ministers of Foreign Affairs on Joint Efforts to Counter International Terrorism. 07.08.2017. URL: <https://asean.org/statement-of-asean-and-russia-ministers-of-foreign-affairs-on-joint-efforts-to-counter-international-terrorism/> (дата обращения: 27.11.2023);

Declaration of the Admission of Brunei Darussalam into ASEAN. Jakarta, 7 January 1984. URL: <https://asean.org/wp-content/uploads/2025/07/Brunei-Declaration-of-Admission.pdf> (дата обращения: 26.09.2024);

Confidence and Security Building Measures: Chairman's Statement // The First ASEAN Regional Forum, Bangkok, 25 July 1994 // U.S. Department of State Archive. URL: https://1997-2001.state.gov/global/arms/bureau_pm/csbm/chairman_1994_arf.html (дата обращения: 27.11.2023);

Annual Report of the ASEAN Standing Committee 1990–1991. Jakarta: ASEAN Secretariat, 1991. 186 p. URL: <https://asean.org/wp-content/uploads/2021/08/ANNUAL-REPORT-1990-1991-reduced.pdf> (дата обращения: 28.03.2026);

Annual Report of the ASEAN Standing Committee 1991–1992. Jakarta: ASEAN Secretariat, 1992. 176 p. URL: <https://asean.org/wp-content/uploads/2021/08/ANNUAL-REPORT-1991-1992-reduced.pdf> (дата обращения: 28.03.2026);

The 1st Russia–ASEAN Youth

Summit: “Young Russia–Young ASEAN: Dialogue for Connectivity”, Moscow, 13–14 May 2013. Moscow: ASEAN Centre, MGIMO University, 2013. URL: <https://asean.mgimo.ru/images/photo/2013/Youth-Summit-Booklet.pdf> (дата обращения: 27.11.2023); The 2nd ASEAN–Russia Youth Summit: Young Russia–Young ASEAN: Contribution to Greater Connectivity, 17–19 October 2014, Kuala Lumpur, Malaysia. Kuala Lumpur, 2014. URL: https://mgimo.ru/files2/y10_2014/261076/2AR-Youth-Summit_pres.pdf (дата обращения: 27.11.2023); Young Russia–Young ASEAN: Expanding Regional Connections. Concept Paper. The 3rd Russia–ASEAN Youth Summit, 8–10 October 2015, Vladivostok, Russia. Vladivostok: Far Eastern Federal University; ASEAN Centre, MGIMO University, 2015. URL: <https://asean.mgimo.ru/images/files/3Youth-Summit-Preliminary-Concept.pdf> (дата обращения: 27.11.2023); Доклад Группы видных деятелей Россия–АСЕАН. 2016. URL: <https://asean.mgimo.ru/images/partn/2016-epg-report.pdf> (дата обращения: 27.11.2023); ASEAN Secretariat. Overview ASEAN–India Dialogue Relations. July 2018. 6 p. URL: <https://asean.org/wp-content/uploads/2012/05/Overview-ASEAN-India-as-of-July-2018-fn.pdf> (дата обращения: 11.04.2026); ASEAN Secretariat. Overview of ASEAN–China Dialogue Relations. ASEAN Secretariat Information Paper. April 2020. 7 p. URL: <https://accf-asean-china.com/wp-content/uploads/2023/09/Overview-of-ASEAN-China-Relations-22-Apr-2020.pdf> (дата обращения: 11.04.2026); ASEAN Secretariat. Overview ASEAN–Russia Dialogue Relations. ASEAN Secretariat Information Paper. Jakarta: ASEAN Secretariat, 2024. 7 p. URL: <https://asean.org/wp-content/uploads/2024/09/Overview-ASEAN-Russia-Dialogue-Relations-as-of-Sep-2024.pdf> (дата обращения: 09.11.2025); Ministry of Foreign Affairs of Japan. Regional Evaluation of ASEAN Connectivity Support Centered on the “Japan–ASEAN Connectivity Initiative”. Third Party Evaluation Report FY2024. Tokyo, March 2025. 67 p. URL: <https://www.mofa.go.jp/policy/oda/evaluation/FY2024/pdfs/japan-asean.pdf> (дата обращения: 11.04.2026); Europe, Russia and Central Asian States // Ministry of Foreign Affairs Brunei Darussalam. URL: https://www.mfa.gov.bn/Shared%20Documents/politics1document/Europe-Russia-Central_Asian_States.pdf (дата обращения: 28.03.2026); PH - Russia Relations // Embassy of the Philippines. URL: <https://moscowpe.dfa.gov.ph/85-diplomatic-relations/76-ph-russia-relations> (дата обращения: 28.03.2026); Summary of the Regional Comprehensive Economic Partnership Agreement. 2020. 10 p. URL: <https://asean.org/wp-content/uploads/2020/11/Summary-of-the-RCEP-Agreement.pdf> (дата обращения: 11.04.2026); The Billion Dollar Death Trade: The International Arms Networks that Enable Human Rights Violations in Myanmar. Conference room paper of the Special Rapporteur on the situation of human rights in Myanmar // United Nations Human Rights Council. Fifty-third session. 17.05.2023. A/HRC/53/CRP.2. URL: <https://www.ohchr.org/sites/default/files/documents/countries/myanmar/crp-sr-myanmar-2023-05-17.pdf> (дата обращения: 10.04.2026); Ассоциация государств Юго-Восточной Азии: справочный материал. 15.03.2016. МИД России. URL: <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1524218/> (дата обращения: 02.06.2025); О российской инициативе Большого Евразийского партнёрства // Министерство иностранных дел Российской Федерации. 15.06.2023. URL: https://www.mid.ru/ru/activity/coordinating_and_advisory_body/head_of_subjects_council/materialy-o-vypolnenii-rekomendacij-zasedanij-sgs/xxxvi-zasedanie-sgs/1767070/ (дата обращения: 02.08.2024); Двусторонние отношения. Российско-сингапурские отношения // Посольство Российской Федерации в Республике Сингапур. URL: <https://singapore.mid.ru/ru/countries/bilateral-relations/> (дата обращения: 24.03.2024); Бруней (Бруней–Даруссалам) // Центр АСЕАН МГИМО. URL: <https://asean.mgimo.ru/countries/brunei> (дата обращения: 26.09.2024).

¹¹⁰ Aggression against Ukraine: resolution / adopted by the General Assembly. A/RES/ES-11/1. 02.03.2022. United Nations Digital Library. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/3959039> (дата

кризису и специальной военной операции России на Украине. Данная группа источников позволяет проследить эволюцию официальной политической повестки российско-асеановского взаимодействия и выявить степень согласованности позиций сторон на различных этапах сотрудничества.

Третью группу составляют *публицистические источники*. К ней относятся публичные выступления, интервью, экспертные комментарии ¹¹¹. Они

обращения: 11.05.2024); Humanitarian consequences of the aggression against Ukraine: resolution / adopted by the General Assembly. A/RES/ES-11/2. 24.03.2022. United Nations Digital Library. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/3965954> (дата обращения: 11.05.2024); Suspension of the rights of membership of the Russian Federation in the Human Rights Council: resolution / adopted by the General Assembly. A/RES/ES-11/3. 07.04.2022. United Nations Digital Library. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/3967778> (дата обращения: 11.05.2024); Territorial integrity of Ukraine: defending the principles of the Charter of the United Nations: resolution / adopted by the General Assembly. A/RES/ES-11/4. 12.10.2022. United Nations Digital Library. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/3990400> (дата обращения: 11.05.2024); Furtherance of remedy and reparation for aggression against Ukraine: resolution / adopted by the General Assembly. A/RES/ES-11/5. 14.11.2022. United Nations Digital Library. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/3994052> (дата обращения: 11.05.2024); Principles of the Charter of the United Nations underlying a comprehensive, just and lasting peace in Ukraine: resolution / adopted by the General Assembly. A/RES/ES-11/6. 23.02.2023. United Nations Digital Library. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/4003921> (дата обращения: 11.05.2024).

¹¹¹ Горбачев М. С. Речь на торжественном собрании, посвященном вручению Владивостоку ордена Ленина. 28 июля 1986 года // Собрание сочинений. Т. 4. Апрель – октябрь 1986. М.: Весь Мир, 2008. С. 394–427. URL: https://www.gorby.ru/userfiles/rech_vladivostok_1986.pdf (дата обращения: 28.03.2026); Заявление Российской Федерации и АСЕАН о сотрудничестве в области обеспечения безопасности использования информационно-коммуникационных технологий и самих информационно-коммуникационных технологий. 2018 г. URL: <https://asean.mid.ru/upload/iblock/031/h93rjq46rp5p8rpo9tpewzjcsxdzivu.pdf> (дата обращения: 27.11.2023); Совместное заявление по итогам второго саммита Российская Федерация – АСЕАН. Ханой, 30 октября 2010 г. URL: https://asean.mgimo.ru/images/partn/Joint-Statement_2010_ru.doc (дата обращения: 27.11.2023); Совместное заявление министров иностранных дел Российской Федерации и Ассоциации государств Юго-Восточной Азии по случаю 15-летия диалогового партнерства Россия–АСЕАН. о. Бали, 22 июля 2011 г. URL: <https://asean.org/wp-content/uploads/AMS-Consolidated-Input-Draft-Co-Chairs-Statement-of-the-SARFMM-FINAL-1.pdf> (дата обращения: 27.11.2023); Совместное заявление о проведении в 2016 году Года культуры Россия–АСЕАН. 2016. URL: <https://asean.mgimo.ru/images/partn/2016-culture-year.pdf> (дата обращения: 27.11.2023); Joint Statement of the 3rd ASEAN–Russian Federation Summit on Strategic Partnership. Singapore, 14 November 2018. URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/d38bfabf57988d029de89931efc52bd1/Declaration3_2018.pdf (дата обращения: 27.11.2023); Заявление Российской Федерации и АСЕАН о сотрудничестве в области обеспечения безопасности использования информационно-коммуникационных технологий и самих информационно-коммуникационных технологий. 2018 г. URL: <https://asean.mid.ru/upload/iblock/031/h93rjq46rp5p8rpo9tpewzjcsxdzivu.pdf> (дата обращения: 27.11.2023); Co-Chairs' Statement of the Special ASEAN-Russia Foreign Ministers' Meeting. 06.07.2021. URL: <https://asean.org/wp-content/uploads/AMS-Consolidated-Input-Draft-Co-Chairs-Statement-of-the-SARFMM-FINAL-1.pdf> (дата обращения: 27.11.2023); Совместное заявление 4-го саммита Россия–АСЕАН: построение мирного, стабильного и устойчивого региона. 28 октября

использовались как вспомогательный материал при анализе публичного восприятия российско-асеановского сотрудничества и отдельных событий.

Четвертую группу составляют *статистические источники*. В работе использованы данные ASEANstats, World Integrated Trade Solution (WITS), SIPRI Arms Transfers Database ¹¹², советские статистические сборники внешней

2021 г. URL: <https://asean.mid.ru/upload/iblock/a9c/34ywehcloxs9hp7bgcd7l64g3erd3al.pdf> (дата обращения: 27.11.2023); Заявление Российской Федерации и АСЕАН о сотрудничестве в борьбе с незаконным оборотом наркотиков, сделанное на четвертом саммите Россия–АСЕАН 28 октября 2021 г. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5727> (дата обращения: 27.11.2023); Transcript of Press Conference Given by the Prime Minister, Mr. Lee Kuan Yew, at Leningrad on 22nd September, 1970, on the Eve of His Departure to Paris // National Archives of Singapore. URL: <https://www.nas.gov.sg/archivesonline/data/pdffdoc/lky19700922.pdf> (дата обращения: 28.03.2026); Mikhail Gorbachev's meeting with Prime Minister of Thailand // Soviet News. No. 6426. 25.05.1988. P. 187. URL: https://www.marxists.org/history/ussr/publications/soviet-news/1988/sovietnews_6426_0588.pdf (дата обращения: 28.03.2026); Mikhail Gorbachev meets Lee Kuan Yew // Soviet News. No. 6546. 03.10.1990. P. 332. URL: https://www.marxists.org/history/ussr/publications/soviet-news/1990/sovietnews_6546_1090.pdf (дата обращения: 28.03.2026); History of Japan's ODA Ties with ASEAN // JICA's World. September 2013. P. 10–11. URL: https://www.jica.go.jp/Resource/english/publications/j-world/c8h0vm000082pnre-att/1309_05.pdf (дата обращения: 11.04.2026); Zagaynov E. ASEAN–Russia: strengthening ties and exploring new horizons // Official website of the Permanent Mission of the Russian Federation to ASEAN. 14.11.2023. URL: https://asean.mid.ru/ru/news/asean_russia_strengthening_ties_and_exploring_new_horizons/ (дата обращения: 28.11.2023); Koulik B. T. Fifteen Years of Soviet-Malaysian Relations. 1982. URL: http://lib.perdana.org.my/PLF/Digital_Content/NA/Serial/0002/BeritaSoviet_YearsofSoviet-MalaysianRelations.pdf (дата обращения: 28.03.2026); Develop business links, Dr M urges Soviets. 31.07.1987. URL: http://lib.perdana.org.my/PLF/Digital_Content/Prominent_Leaders/Mahathir/News_1968-2004/1984-1988/1987/00006687.pdf (дата обращения: 28.03.2026); Yaacob R. Southeast Asia's arms suppliers, by the numbers // The Interpreter. Lowy Institute. 21.01.2025. URL: <https://www.lowyinstitute.org/the-interpreter/southeast-asia-s-arms-suppliers-numbers> (дата обращения: 02.06.2025); Tan S. Singapore's services trade with Russia could be at risk if Moscow retaliates for sanctions over Ukraine: analysts // South China Morning Post. 16.03.2022. URL: <https://www.scmp.com/week-asia/politics/article/3170590/singapores-services-trade-russia-could-be-risk-if-moscow> (дата обращения: 19.03.2023); Russia's arms exports to Indonesia top \$2.5 bln over 25 years // TASS. 21.02.2018. URL: <https://tass.com/defense/991061> (дата обращения: 10.04.2026); Russia following through on fighter jet deals with Myanmar – report // Reuters. 23.07.2021. URL: <https://www.reuters.com/business/aerospace-defense/russia-following-through-fighter-jet-deals-with-myanmar-report-2021-07-23/> (дата обращения: 10.04.2026); Storey I. Russia in Southeast Asia: Falling influence despite being largest arms seller // ThinkChina. 31.03.2021. URL: <https://www.thinkchina.sg/politics/russia-southeast-asia-falling-influence-despite-being-largest-arms-seller> (дата обращения: 10.04.2026).

¹¹² ASEAN Key Figures 2022. Vol. 5. Jakarta: ASEAN Secretariat, December 2022. 67 p. URL: https://www.aseanstats.org/wp-content/uploads/2023/04/AKF_2022_423.pdf (дата обращения: 28.11.2025); ASEAN Key Figures 2025. Vol. 8. Jakarta: ASEAN Secretariat, December 2025. 80 p. URL: https://www.aseanstats.org/wp-content/uploads/2026/01/akf_2025_120126.pdf (дата обращения: 04.01.2026); ASEAN Statistical Highlights 2025. Jakarta: ASEAN Secretariat, 2025. URL:

торговли¹¹³, а также национальные статистические и профильные ведомственные базы данных государств-членов АСЕАН¹¹⁴, применявшиеся прежде всего для

<https://www.aseanstats.org/wp-content/uploads/2025/10/ASH2025.pdf> (дата обращения: 28.03.2026); World Integrated Trade Solution (WITS). World Bank. URL: <https://wits.worldbank.org> (дата обращения: 13.11.2025); SIPRI Arms Transfers Database. Stockholm International Peace Research Institute (SIPRI). URL: <https://armstransfers.sipri.org> (дата обращения: 13.11.2025).

¹¹³ Внешняя торговля Союза ССР за 1967 год: статистический обзор / Министерство внешней торговли СССР, Планово-экономическое управление. М.: Международные отношения, 1968. 312 с.; Внешняя торговля СССР в 1980 г.: статистический сборник / Министерство внешней торговли СССР, Главное планово-экономическое управление. М.: Финансы и статистика, 1981. 279 с. : ил.; Внешние экономические связи СССР в 1990 г.: статистический сборник / Министерство внешних экономических связей СССР, Государственный комитет СССР по статистике. М., 1991. 288 с. : ил.

¹¹⁴ International Merchandise Trade Statistics // General Department of Customs and Excise of Cambodia (GDCE). URL: <https://stats.customs.gov.kh/en/> (дата обращения: 02.06.2026); Lao Trade Statistic System (MOIC E-Statistic) // Department of Foreign Trade, Ministry of Industry and Commerce, Lao PDR. URL: <https://laotradestat.moic.gov.la/estat/> (дата обращения: 02.06.2026); Malaysia External Trade Statistics // Malaysia External Trade Development Corporation (MATRADE). URL: <https://www.matrade.gov.my/en/export-to-the-world/step-4-export-opportunities/malaysia-external-trade-statistics> (дата обращения: 02.06.2026); Trade Situation of Myanmar in 2024-2025 Fiscal Year Compared to the Same Period of 2023-2024 Fiscal Year // Ministry of Commerce (Myanmar). URL: <https://commerce.gov.mm/en/article/kaalttuukunsymuniungnykhk/31562> (дата обращения: 02.06.2026); PSA OpenSTAT // Philippine Statistics Authority. URL: <https://openstat.psa.gov.ph/> (дата обращения: 02.06.2026); SingStat Table Builder // Singapore Department of Statistics. URL: <https://tablebuilder.singstat.gov.sg/> (дата обращения: 02.06.2026); Economic and Trade Data // Trade Policy and Strategy Office (TPSO), Ministry of Commerce, Thailand. URL: <https://www.tpsso.go.th/en/economic-data> (дата обращения: 02.06.2026); Trade Statistics // Brunei Trade, Ministry of Finance and Economy, Brunei Darussalam. URL: <https://www.brunetrade.mofe.gov.bn/trade-statistics/> (дата обращения: 02.06.2026); Department of Economic Planning and Statistics (DEPS) // Ministry of Finance and Economy, Brunei Darussalam. URL: <https://deps.mofe.gov.bn/> (дата обращения: 02.06.2026); Indonesia Foreign Trade Statistics Exports 2024, Book I. BPS-Statistics Indonesia. URL: <https://www.bps.go.id/en/publication/2025/07/07/6de51ef555c018f6ba7168d1/indonesia-foreign-trade-statistics-exports-2024--book-i.html> (дата обращения: 02.06.2026); Indonesia Foreign Trade Statistics Exports 2024, Book II. BPS-Statistics Indonesia. URL: <https://www.bps.go.id/en/publication/2025/07/07/7842f42c4ae5a3247816e223/statistik-perdagangan-luar-negeri-indonesia-ekspor-2024--buku-ii.html> (дата обращения: 02.06.2026); Foreign Trade Statistical Import of Indonesia 2024, Book I. BPS-Statistics Indonesia. URL: <https://www.bps.go.id/en/publication/2025/07/07/526bc1e0e937d64b8b2a8e61/foreign-trade-statistical-import-of-indonesia-2024--book-i.html> (дата обращения: 02.06.2026); Foreign Trade Statistical Import of Indonesia 2024 Book II. BPS-Statistics Indonesia. URL: <https://www.bps.go.id/en/publication/2025/07/07/7f63c3f56a347c6b9b15ab66/foreign-trade-statistical-import-of-indonesia-2024-book-ii.html> (дата обращения: 02.06.2026); Statistics of Exports by Country/Territory-Main Exports. Table: 19B/TCHQ. – Ministry of Finance of Vietnam. General Department of Customs. Customs IT & Statistics Department. December 2024. Preliminary. URL: https://files.customs.gov.vn/CustomsCMS/TONG_CUC/2025/1/10/2024-t12-5x%28ta-sb%29.pdf (дата обращения: 02.06.2026); Statistics of Import by Country/Territory-Main Imports. Table: 20B/TCHQ. Ministry of Finance of Vietnam. General Department of Customs. Customs IT & Statistics Department. December 2024. Preliminary. URL:

уточнения показателей за 2024 г. и сопоставления национальных и международных массивов. Использование данной группы источников позволило провести количественный анализ торгово-экономического и военно-технического аспектов взаимодействия России и АСЕАН.

Таким образом, использованная источниковая база носит комплексный и репрезентативный характер. Её структура обеспечивает возможность исследовать российско-асеановские отношения не только на уровне официально-декларативных и программных установок, но и с точки зрения практической реализации, публичного восприятия и количественно фиксируемых результатов сотрудничества.

Методология исследования. Теоретико-методологическая основа диссертационного исследования носит комплексный характер. При анализе внешнеполитических интересов России, баланса сил в Азиатско-Тихоокеанском регионе, конкуренции ведущих центров силы и стремления государств к обеспечению безопасности используются элементы реалистского подхода. Вместе с тем специфика темы требует обращения к подходам, позволяющим учитывать не только распределение сил, но и эволюцию региональных институтов, норм и процедур. Для изучения асеаноцентричной архитектуры и механизмов взаимодействия России с АСЕАН применяются элементы исторического институционализма, позволяющие рассматривать развитие институтов, правил и процедур в динамике. Конструктивистская перспектива используется при анализе норм и практик АСЕАН, включая «путь АСЕАН», принцип центральности, консенсус и невмешательство. Подходы к изучению регионализма и региональных комплексов безопасности позволяют определить место России в региональной системе Юго-Восточной Азии. Работа также опирается на традицию классической дипломатической истории, предполагающую реконструкцию хронологии контактов, анализ официальных документов, саммитов, переговорных процессов и институциональных решений.

Системный подход позволил рассматривать отношения России и АСЕАН как совокупность взаимосвязанных политических, торгово-экономических, гуманитарных связей и взаимодействия в области безопасности, развивающихся в общей региональной и международной среде.

В качестве основных методологических принципов использованы историзм, объективность и достоверность.

Принцип *историзма* позволил изучить развитие связей между Россией и АСЕАН с 1994 по 2024 годы в контексте эволюции международных и региональных структур и вызовов. Применение данного принципа позволило выявить причинно-следственные связи и проследить, как внешнеполитическая стратегия России трансформировалась под воздействием меняющихся условий.

Принцип *объективности* позволил рассмотреть события и процессы на основе сопоставления фактов и источников, а также избежать субъективных оценок влияния международных и региональных изменений на российско-асеановские отношения.

Принцип *достоверности* реализован посредством обращения к нормативно-правовым, делопроизводственным, публицистическим и статистическим источникам, а также их взаимного сопоставления.

Методы исследования. В настоящем исследовании применялись как общенаучные, так и специальные методы, которые позволили провести комплексный анализ развития сотрудничества между Россией и АСЕАН в период с 1994 по 2024 гг.

Кроме того, *аналитический метод* применялся при изучении официальных документов, включая совместные декларации, соглашения и резолюции, что позволило детально исследовать основные направления и выявить особенности сотрудничества.

В свою очередь использование *диалектического метода* в работе позволило рассмотреть налаживание связей между Россией и АСЕАН в динамике, раскрыть как процессы, стимулирующие развитие сотрудничества в различных сферах, так и противоречия, сдерживающие расширение взаимодействия.

Наконец, *метод формально-логического анализа* был применен для изучения содержания договорно-правовых и программно-стратегических документов, определяющих внешнеполитическую стратегию России и институциональную основу взаимодействия с АСЕАН и отдельными государствами-членами Ассоциации, а также для характеристики их роли в формировании современной архитектуры безопасности в АТР.

В ряду специально-исторических был использован *историко-генетический (ретроспективный) метод*, который дал возможность детально изучить эволюцию связей между Россией и АСЕАН, выявить закономерности и тенденции, определившие характер и направления их взаимодействия в указанный период.

Кроме того, был применен *метод сравнительно-исторического анализа* с целью сопоставления различных этапов развития сотрудничества, что позволило выделить ключевые события, повлиявшие на углубление отношений и переход от диалогового к стратегическому партнёрству.

Наконец, для анализа статистических данных, характеризующих объёмы и структуру торговли между Россией и странами ЮВА, а также динамику военно-технического сотрудничества, был применен *экономико-статистический метод*. Использование данного метода позволило провести количественный анализ ключевых показателей и выявить основные тенденции торгово-экономического взаимодействия в исследуемый период.

Научная новизна исследования определяется его комплексным характером, тридцатилетними хронологическими рамками, расширением предметного поля и введением в научный оборот широкого круга источников. Она заключается в следующем:

- осуществлено комплексное исследование эволюции сотрудничества России и АСЕАН в 1994–2024 гг., охватывающее политическое, торгово-экономическое, гуманитарное измерения и взаимодействие в области безопасности;

- предложена авторская периодизация развития отношений России и АСЕАН в 1994–2024 гг., выявлены критерии разграничения этапов и ключевые факторы трансформации сотрудничества;

- выявлены особенности функционирования институциональных механизмов Россия–АСЕАН и показана неравномерность их результативности в политической, экономической, гуманитарной сферах и в области безопасности;

- расширено предметное поле исследования за счёт системного включения гуманитарного измерения сотрудничества, включая образовательные обмены, молодёжные и академические контакты, туризм, культурные инициативы и деятельность Центра АСЕАН при МГИМО;

- систематизированы и сопоставлены статистические данные по торгово-экономическим связям России и государств АСЕАН за 1996–2024 гг., что позволило определить основные тенденции, структурные ограничения и дисбалансы данного направления взаимодействия;

- установлено воздействие ключевых международных и региональных кризисов на динамику сотрудничества России и АСЕАН и определены пределы устойчивости партнёрства в условиях внешнеполитической турбулентности;

- в научный оборот введён и систематизирован широкий комплекс источников на русском, английском и китайском языках, включая официальные документы, материалы многостороннего диалога и статистические массивы, позволяющие проследить динамику российско-асеановского взаимодействия на протяжении трёх десятилетий.

Теоретическая значимость исследования заключается в том, что совокупность полученных автором результатов вносит вклад в углубление знаний о характере и динамике отношений между Россией и АСЕАН на протяжении трёх десятилетий. Изучение отношений в рамках периода 1994–2024 гг. позволило определить закономерности, которые оказывают влияние на налаживание стратегического партнёрства, а также рассмотреть особенности внешнеполитических, экономических, гуманитарных связей и контактов в области безопасности России с государствами ЮВА. Результаты настоящего исследования могут послужить основой для последующих научных разработок в области международных отношений и региональной политики благодаря своему

детальному анализу влияния различных факторов на российско-асеановские отношения.

Практическая значимость диссертации состоит в том, что результаты и выводы могут быть использованы в деятельности федеральных органов исполнительной власти Российской Федерации, при подготовке позиций, предложений, рекомендаций и решений, направленных на укрепление сотрудничества как с АСЕАН, так и с отдельными странами Юго-Восточной Азии в политической, экономической, гуманитарной сферах, а также в области безопасности. Выводы диссертации также могут быть востребованы в информационно-аналитической работе по прогнозированию российско-асеановских отношений.

Материалы исследования также могут быть использованы в учебном процессе при разработке курсов для подготовки бакалавров, магистров и аспирантов по направлениям международных отношений, регионоведения и востоковедения. Результаты исследования применялись в качестве учебно-методического материала для студентов бакалавриата, обучающихся по специальности «Международные отношения».

Положения, выносимые на защиту:

1. В 1994–2024 гг. отношения России и АСЕАН прошли эволюцию от ограниченного формата политических контактов к стратегическому партнёрству. Отправной точкой данного процесса стали получение Россией статуса консультативного партнёра и её участие в Региональном форуме АСЕАН по безопасности (АРФ) в 1994 г., что положило начало институциональному включению Москвы в асеаноцентричную архитектуру. Последующее установление диалогового партнёрства в 1996 г., развитие договорно-правовой базы и расширение тематической повестки создали основу для перехода к стратегическому партнёрству.

2. Асеаноцентричные форматы стали для России основным механизмом институционального присутствия в Юго-Восточной Азии в политико-дипломатической сфере и в области безопасности. Наибольшее развитие получили

направления, связанные с борьбой с терроризмом, транснациональной преступностью, радикализацией, наркоугрозами и безопасностью ИКТ. Вместе с тем в данной сфере сохранялся разрыв между декларативным уровнем кооперации и её практической результативностью.

3. Изменения на международной арене обусловили постепенный пересмотр внешнеполитических приоритетов Москвы и повышение значимости АТР во внешнеполитическом курсе России. Стремление к диверсификации внешнеэкономических связей, снижению зависимости от отдельных направлений и укреплению собственных позиций в Азии повысило приоритетность Юго-Восточной Азии в российской внешней политике. Концепция «поворота на Восток» предполагала развитие взаимовыгодных отношений не только с Китаем, но и с другими заинтересованными государствами АТР. В этих условиях АСЕАН выступает для России не только партнёром, но и институциональной площадкой включения в региональные процессы, обеспечивающей развитие политических, экономических и гуманитарных связей без участия в жёстких блоковых объединениях.

4. К концу рассматриваемого периода политико-дипломатическая и нормативно-институциональная рамка сотрудничества Россия–АСЕАН оказалась значительно более развитой, чем его экономическая и практическая составляющие. Несмотря на оформление стратегического партнёрства и расширение программных документов в 2016–2024 гг., реализация многостороннего взаимодействия на практике оставалась неравномерной и во многом зависела от конкретных двусторонних связей и прикладных механизмов выполнения принятых решений.

5. Торгово-экономическое сотрудничество России и АСЕАН в 2016–2024 гг. сохраняло сравнительно скромный и структурно асимметричный характер. Политико-дипломатическое продвижение партнёрства не сопровождалось сопоставимым укреплением его экономической базы, а наиболее уязвимыми звеньями взаимодействия оставались расчёты, страхование и логистика.

6. Украинский кризис, который начался в 2014 г. и качественно изменился после начала специальной военной операции России на Украине в 2022 г.,

существенно повлиял на развитие отношений между Россией и АСЕАН, но не привёл к сворачиванию стратегического партнёрства. Проведённый анализ показал, что в институциональной сфере асеаноцентричные форматы сохранили устойчивость. Санкционное давление со стороны стран Запада привело к изменению структуры торговых потоков и трансформации хозяйственных связей между Москвой и государствами ЮВА. Пандемия и санкции 2022–2024 гг. выявили двойственный характер торгово-экономических связей Россия–АСЕАН: относительная устойчивость к прямым запретам вследствие низкой исходной базы в сочетании с высокой уязвимостью в сфере платежей, страхования и логистики.

7. Государства АСЕАН не выработали единой позиции по украинскому кризису и специальной военной операции России на Украине, начатой в 2022 г. Реакция стран Ассоциации оказалась политически неоднородной, что наглядно проявилось как в официальных заявлениях, так и в голосованиях на Чрезвычайной специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН по резолюциям серии ES-11. Такая неоднородность ограничивает способность АСЕАН выступать как единый внешнеполитический субъект в условиях международных кризисов и непосредственно сказывается на характере взаимодействия с Россией.

8. Гуманитарное сотрудничество России и государств АСЕАН в исследуемый период носило преимущественно вспомогательный, поддерживающий характер. Оно формировало социальную базу взаимодействия через образование, науку, культуру, туризм, молодёжные и экспертные обмены, однако его практическая отдача оставалась ограниченной и во многом зависела от узнаваемости и конкурентоспособности российских предложений в регионе.

Достоверность результатов диссертационного исследования и обоснованность сделанных в его рамках выводов обеспечиваются широкой источниковой базой, репрезентативной историографией, системным подходом к анализу проблем и использованием разнообразных научных методов исследования.

Апробация результатов. Основные результаты и выводы диссертационного исследования отражены в трёх научных публикациях диссертанта, опубликованных в рецензируемых научных изданиях, включенных в Перечень ВАК.

Основные положения и выводы были представлены в выступлениях на всероссийских и международных научно-практических конференциях: VI всероссийская научно-практическая конференция «Осмысляя Восток» (Москва, ИВ РАН, 2024); Международная конференция «Россия и АСЕАН в АТР: динамика взаимодействия, региональные процессы и глобальный контекст» (Москва, МГИМО, 2024); VII всероссийская научно-практическая конференция «Осмысляя Восток» (Москва, ИВ РАН, 2025).

Структура диссертации. Диссертация состоит из введения, трёх глав, включающих одиннадцать параграфов, заключения, списка источников и литературы.

Глава 1. Сотрудничество России и АСЕАН в постбиполярный период международных отношений

1.1. Исторический контекст отношений между СССР и АСЕАН (1967–1991 гг.)

Возникновение АСЕАН в 1967 г. стало попыткой пяти государств Юго-Восточной Азии институционализировать региональное сотрудничество в условиях холодной войны. Бангкокская декларация закрепила широкую программу взаимодействия — от содействия экономическому росту и социальному развитию до поддержания мира и стабильности в регионе, одновременно подчёркивая необходимость ограждения Юго-Восточной Азии от внешнего вмешательства. Для Советского Союза это не означало автоматического появления нового партнёра: в Москве Ассоциация долго воспринималась прежде всего через призму соперничества с США и как объединение государств, связанных с западной системой безопасности, хотя даже на этом фоне сохранялись отдельные двусторонние и торговые контакты¹¹⁵.

1967–1975 гг.: конфронтационное восприятие и ограниченные контакты

В 1967–1975 гг. отношения СССР со странами АСЕАН развивались в условиях взаимной политической настороженности. На раннем этапе сама Ассоциация ещё не обладала завершённой институциональной формой: её учредительный документ носил намеренно широкий характер, а между участниками сохранялись различия в оценках внешних угроз и целей регионального сотрудничества. Как показывает К. Кога, уже в конце 1960-х Индонезия, Малайзия и Сингапур акцентировали риск внешнего вмешательства,

¹¹⁵ The ASEAN Declaration (Bangkok Declaration). Bangkok, 8 August 1967. URL: <https://asean.org/wp-content/uploads/2022/02/0719.pdf> (дата обращения: 24.09.2024); Пятачкова А.С. Изучение АСЕАН в СССР и России //Международные процессы.2017.Т. 15. № 3 (50). С. 67–68; Nichol J. Soviet Views of the Association of Southeast Asian Nations. Washington, DC, 1985. P. 8.

тогда как Филиппины и Таиланд как союзники США занимали более осторожную позицию в вопросах безопасности. Для Москвы это подтверждало представление об АСЕАН как о политически неблизком региональном объединении, тесно связанном с прозападными режимами Юго-Восточной Азии. В этой связи в рамках советской внешней политики контакты с Ассоциацией уступали по значимости отношениям СССР с Индокитаем, КНР и советско-американскому соперничеству в Азии¹¹⁶.

Политическая настороженность, однако, не исключала прагматичных хозяйственных связей. Наиболее показателен пример Сингапура: торговое соглашение 1966 г. закрепило режим наиболее благоприятствуемой нации, возможность прямых коммерческих сделок и учреждение торговых представительств обеих сторон, а 1 июня 1968 г. между СССР и Сингапуром были установлены дипломатические отношения¹¹⁷. Протокол 1968 г. детализировал порядок взаимных поставок и расчётов, увязывая продажу советских товаров в Сингапуре с закупками продукции сингапурского происхождения¹¹⁸. Официальный статистический обзор внешней торговли СССР за 1967 г. подтверждает наличие таких точечных контактов уже в год создания АСЕАН, однако их структура

¹¹⁶ Koga K. The Process of ASEAN's Institutional Consolidation in 1968–1976: Theoretical Implications for Changes of Third-World Security Oriented Institution. RSIS Working Paper, No. 234. Singapore: S. Rajaratnam School of International Studies, Nanyang Technological University, 2012. P. 5; 12. URL: <https://www.rsis.edu.sg/wp-content/uploads/rsis-pubs/WP234.pdf> (дата обращения: 27.09.2024); Wilborn T. L. The Soviet Union and ASEAN: Strategic Issues Research Memorandum. Carlisle Barracks, PA: Strategic Studies Institute, U.S. Army War College, 1980. P. 2. URL: <https://apps.dtic.mil/sti/tr/pdf/ADA089202.pdf> (дата обращения: 27.09.2024); Андреев Ю. А. Страны АСЕАН: проблемы и тенденции современного развития. М.: Знание, 1987. С. 7.

¹¹⁷ Торговое соглашение между Союзом Советских Социалистических Республик и Республикой Сингапур от 2 апреля 1966 г. URL: <https://singapore.mid.ru/upload/iblock/97b/97b17c7bd393a01c149cfb9c94ab96e4.pdf> (дата обращения: 24.09.2024); Двусторонние отношения. Российско-сингапурские отношения // Посольство Российской Федерации в Республике Сингапур. URL: <https://singapore.mid.ru/ru/countries/bilateral-relations/> (дата обращения: 24.03.2024).

¹¹⁸ Протокол об экспорте некоторых товаров из СССР в Республику Сингапур и из Республики Сингапур в СССР. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/2_contract/57289/ (дата обращения: 24.09.2024).

оставалась ограниченной и асимметричной; подробные показатели приведены в табл. 1¹¹⁹.

Показательно, что уже в 1970 г. советско-сингапурские связи начали выходить за рамки сугубо торговых контактов. Во время официального визита премьер-министра Сингапура Ли Куан Ю в СССР 15–23 сентября 1970 г. состоялись его переговоры с Н. В. Подгорным, А. Н. Косыгиным и Д. С. Полянским, а в совместном коммюнике было зафиксировано, что отношения двух стран находятся в процессе расширения: развиваются торговые и культурные связи, осуществляется обмен делегациями и студентами, установлено прямое авиасообщение¹²⁰. Стороны подтвердили стремление к дальнейшему укреплению двусторонних отношений и договорились поручить профильным ведомствам проработать возможности расширения коммерческих, экономических, научно-технических и культурных контактов, включая подготовку кадров, что свидетельствовало о переходе от отдельных хозяйственных сделок к более широкому обсуждению практической кооперации¹²¹. Важным было и политическое измерение визита: в документе отмечалась близость или совпадение позиций по ряду международных вопросов, а также поддержка политического урегулирования проблем Индокитая без внешнего вмешательства¹²². В выступлении в Ленинграде Ли Куан Ю связывал перспективы отношений с ростом взаимовыгодных экономических связей и необходимостью их диверсификации, чтобы уменьшить зависимость Сингапура от какого-либо одного партнёра. При этом он положительно высказывался и об идее коллективной безопасности в Азии при условии её дальнейшей проработки¹²³. Тем самым

¹¹⁹ Внешняя торговля Союза ССР за 1967 год: статистический обзор / Министерство внешней торговли СССР, Планово-экономическое управление. М.: Международные отношения, 1968. С. 267.

¹²⁰ Singapore-Soviet Union Joint Communique Issued at the End of the Visit of the Prime Minister of the Republic of Singapore, Mr. Lee Kuan Yew, to the Soviet Union from 15th September, 1970 to 23rd September, 1970 // National Archives of Singapore. P. 1; 3. URL: <https://www.nas.gov.sg/archivesonline/data/pdfdoc/lky19700923a.pdf> (дата обращения: 28.03.2026).

¹²¹ Там же. С. 3.

¹²² Там же. С. 4.

¹²³ Transcript of Press Conference Given by the Prime Minister, Mr. Lee Kuan Yew, at Leningrad on 22nd September, 1970, on the Eve of His Departure to Paris // National Archives of Singapore. P. 2; 4—

контакты с Сингапуром уже в начале 1970-х гг. показывали, что даже в условиях общей политической настороженности СССР мог выстраивать с отдельными государствами АСЕАН ограниченный, но содержательный диалог, выходящий за рамки торговых связей.

Филиппины на протяжении большей части этого периода придерживались наиболее жёсткой линии в отношении СССР. До конца 1960-х гг. филиппинская внешняя политика оставалась тесно связанной с американским курсом, а поездки граждан в коммунистические страны были официально ограничены. Как указывает Т. Белтран, филиппинские паспорта 1946–1969 гг. содержали предупреждение об их недействительности для поездок, в частности, в СССР и другие социалистические страны¹²⁴. Вместе с тем уже в 1967–1968 гг. в Маниле начались обсуждения возможного расширения связей с социалистическими государствами, а в публичной сфере обозначилась тенденция к смягчению прежней жёсткой линии¹²⁵. По оценке Т. Белтран, перелом наметился уже в 1968 г., когда были предприняты меры по либерализации поездок в коммунистические страны¹²⁶. В дальнейшем этот курс получил нормативное оформление: исполнительный указ № 384 от 11 марта 1972 г. прямо предписывал нормализовать поездки в социалистические и коммунистические страны в торговых целях¹²⁷. Однако даже после этого до

5. URL: <https://www.nas.gov.sg/archivesonline/data/pdfdoc/lky19700922.pdf> (дата обращения: 28.03.2026).

¹²⁴ Beltran T. L. The Evolution of Philippine-Soviet Diplomatic and Trade Relations // *Contemporary Southeast Asia*. 1988. Vol. 10, No. 2. P. 147; 148; 160. URL: <https://www.jstor.org/stable/25798000> (дата обращения: 28.03.2026).

¹²⁵ Resos A. B. Diplomatic Relations between the Philippines and Eastern European Socialist Bloc under President Ferdinand E. Marcos, 1965–1986 // *Central European Journal of International and Security Studies*. 2014. Vol. 8, No. 3. P. 151. URL: https://cejiss.org/images/issue_articles/2014-volume-8-issue-3/article-07.pdf (дата обращения: 28.03.2026).

¹²⁶ Beltran T. L. The Evolution of Philippine-Soviet Diplomatic and Trade Relations // *Contemporary Southeast Asia*. 1988. Vol. 10, No. 2. P. 158. URL: <https://www.jstor.org/stable/25798000> (дата обращения: 28.03.2026).

¹²⁷ Executive Order No. 384. Promulgating Policy Guidelines and Trade with Socialist and Communist Countries. 11 March 1972. URL: <https://chanrobles.com/executiveorders/1972/executiveorderno384-1972.html> (дата обращения: 28.03.2026).

немедленной нормализации отношений с СССР было далеко: дипломатические отношения были установлены только 2 июня 1976 г.¹²⁸

Ограниченность советских контактов с АСЕАН в 1967–1975 гг. объяснялась и общей конфигурацией сил в Юго-Восточной Азии. С одной стороны, уже в Бангкокской декларации, а затем в Декларации о ЗОПФАН просматривалось стремление стран региона подчеркнуть собственную ответственность за безопасность и добиться признания Юго-Восточной Азии как пространства, свободного от вмешательства внешних держав. С другой стороны, эта линия не означала отказа от существующих связей с США: как показывают исследования К. Коги, именно Филиппины и Таиланд, оставаясь союзниками Вашингтона, наиболее осторожно подходили к тем положениям региональной повестки, которые могли ослабить их внешние опоры. Поэтому в первой половине 1970-х АСЕАН ещё не выступала для СССР самостоятельным центром притяжения, а воспринималась скорее как часть более широкой конфигурации соперничества с США и КНР¹²⁹.

В советской исследовательской среде интерес к АСЕАН на этом этапе оставался ограниченным и политически обусловленным. По наблюдению А. С. Пятачковой, публикаций об Ассоциации было сравнительно мало даже в рамках более широких исследований Юго-Восточной Азии, а сами оценки формировались под сильным влиянием текущей международной конъюнктуры. Поэтому АСЕАН рассматривалась преимущественно сквозь призму антикоммунизма, западных

¹²⁸ Beltran T. L. The Evolution of Philippine-Soviet Diplomatic and Trade Relations // *Contemporary Southeast Asia*. 1988. Vol. 10, No. 2. P. 152. URL: <https://www.jstor.org/stable/25798000> (дата обращения: 28.03.2026).

¹²⁹ The ASEAN Declaration (Bangkok Declaration). Bangkok, 8 August 1967. URL: <https://asean.org/wp-content/uploads/2022/02/0719.pdf> (дата обращения: 24.09.2024); 1971 Zone of Peace, Freedom and Neutrality Declaration. Kuala Lumpur, 27 November 1971. URL: <https://asean.org/photo/the-signing-of-kuala-lumpur-declaration-of-1971-zopfan/> (дата обращения: 24.09.2024);

Koga K. The Process of ASEAN's Institutional Consolidation in 1968–1976: Theoretical Implications for Changes of Third-World Security Oriented Institution. RSIS Working Paper, No. 234. Singapore: S. Rajaratnam School of International Studies, Nanyang Technological University, 2012. P. 12; 53. URL: <https://www.rsis.edu.sg/wp-content/uploads/rsis-pubs/WP234.pdf> (дата обращения: 27.09.2024); Воскресенский С. С. Советско-филиппинские отношения во второй половине XX века: этапы развития // *Ученые записки: электронный научный журнал Курского государственного университета*. 2012. № 1 (21). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovetsko-filippinskije-otnosheniya-vo-vtoroy-polovine-xx-veka-etapy-razvitiya> (дата обращения: 28.03.2026).

военных связей и сомнений в её самостоятельной жизнеспособности. Таким образом, в 1967–1975 гг. между СССР и странами АСЕАН уже существовали отдельные торговые и двусторонние каналы контакта, однако политико-дипломатический диалог оставался ограниченным, а само восприятие Ассоциации в Москве — преимущественно настороженным и скептическим¹³⁰.

Таблица 1. Торгово-экономические связи СССР с государствами АСЕАН в контрольные годы (1967, 1980, 1990 гг.)

(в ячейке: товарооборот / экспорт / импорт, млн руб.)

Государство	1967	1980	1990	Примечание
Индонезия	8,6 / 4,4 / 4,2	59,9 / 15,0 / 44,9	70,9 / 17,0 / 53,9	член АСЕАН с 08.08.1967
Малайзия	87,0 / 0,1 / 86,9	207,5 / 14,2 / 193,3	116,5 / 23,1 / 93,4	член АСЕАН с 08.08.1967
Сингапур	4,9 / 4,8 / 0,1	83,3 / 14,9 / 68,4	265,2 / 57,1 / 208,1	член АСЕАН с 08.08.1967
Таиланд	4,2 / 3,4 / 0,8	173,1 / 8,6 / 164,5	125,5 / 57,9 / 67,6	член АСЕАН с 08.08.1967
Филиппины	н/д	134,2 / 8,5 / 125,7	23,6 / 12,1 / 11,5	член АСЕАН с 08.08.1967
Бруней	—	—	н/д	член АСЕАН с 07.01.1984

Примечание:

1. В ячейках таблицы указаны: товарооборот / экспорт / импорт.
2. В таблицу включены только те государства, которые являлись членами АСЕАН в соответствующем контрольном году: Индонезия, Малайзия, Сингапур, Таиланд и Филиппины — с 8 августа 1967 г.; Бруней — с 7 января 1984 г. Соответственно, Вьетнам (1995), Лаос и Мьянма (1997), Камбоджа (1999) в таблицу не включаются.
3. Знак «—» означает, что государство не являлось членом АСЕАН в соответствующем контрольном году; «н/д» означает, что страна входила в АСЕАН, но отдельные показатели в использованном статистическом сборнике не выделены. В частности, в обзоре за 1967 г. таблица по странам включает лишь государства, с которыми торговля велась на основе двусторонних соглашений, а также страны, по которым товарооборот составил не менее 2 млн руб.; поэтому отсутствие отдельной строки по Филиппинам в сборнике за 1967 г. не следует автоматически трактовать как полное отсутствие любых связей. В опубликованной таблице по странам за 1990 г. отдельная строка по Брунею отсутствует.
4. Стоимостные показатели приведены в млн руб. в текущих ценах соответствующих лет и рассчитаны по ценам контрактов, приведённым к единому базису: по экспорту — к ценам фоб советские порты / франко-сухопутная граница СССР, по импорту — к ценам фоб иностранные порты / франко-граница страны отгрузки. Пересчёт иностранных валют в рубли в обзоре за 1967 г. произведён по курсу, установленному с 1 января 1961 г.; в сборниках за 1980 и 1990 гг. — по официальному курсу Государственного банка СССР за соответствующий период.
5. Таблица составлена по официальным статистическим публикациям ПЭУ МВТ СССР за 1967 г., Главного планово-экономического управления Министерства внешней торговли

¹³⁰ Пятачкова А. С. Изучение АСЕАН в СССР и России // Международные процессы. 2017. Т. 15. № 3 (50). С. 67–68; 70.

СССР за 1980 г., а также Министерства внешних экономических связей СССР и Госкомстата СССР за 1990 г.; сопоставление по контрольным годам носит индикативный характер, поскольку ведомственная принадлежность статистических изданий и отдельные параметры учёта в 1967, 1980 и 1990 гг. не были полностью тождественны.

Источник: составлено автором по:

Внешняя торговля Союза ССР за 1967 год: статистический обзор / Министерство внешней торговли СССР, Планово-экономическое управление. М.: Международные отношения, 1968. 312 с.; Внешняя торговля СССР в 1980 г.: статистический сборник / Министерство внешней торговли СССР, Главное планово-экономическое управление. М.: Финансы и статистика, 1981. 279 с. : ил.; Внешние экономические связи СССР в 1990 г.: статистический сборник / Министерство внешних экономических связей СССР, Государственный комитет СССР по статистике. М., 1991. 288 с. : ил.

Как показывают данные табл. 1, даже при сохранении политической настороженности СССР поддерживал с отдельными государствами АСЕАН ограниченные, но измеримые торговые связи, причём уже в 1967 г. они отличались выраженной асимметрией, а к 1980 г. и 1990 г. в большинстве случаев сохранялось преобладание импорта над экспортом.

1976–1985 гг.: осторожное смягчение и ограничения камбоджийского кризиса

1976 год ознаменовал качественный сдвиг в эволюции АСЕАН: Ассоциация перешла от относительно расплывчатых декларативных установок к более оформленной модели внутренней консолидации. Если ЗОПФАН задавала прежде всего общий политический ориентир невмешательства извне, то принятые на Бали Договор о дружбе и сотрудничестве в Юго-Восточной Азии (ДДС, англ. ТАС) и Декларация согласия АСЕАН перевели эту логику в более конкретную институциональную плоскость: был закреплён обязательный кодекс межгосударственного поведения, основанный на суверенном равенстве, невмешательстве, мирном урегулировании споров, отказе от угрозы силой и «эффективном сотрудничестве». В то же время документы саммита напрямую увязали безопасность не только с политической стабильностью, но и с национальным развитием, экономической координацией и взаимопомощью¹³¹. В

¹³¹ Treaty of Amity and Cooperation in Southeast Asia. Denpasar, Bali, 24 February 1976. URL: <https://asean.org/wp-content/uploads/2025/02/12.-Treaty-of-Amity-and-Cooperation-in-Southeast-Asia.pdf> (дата обращения: 19.10.2024); Koga K. The Process of ASEAN's Institutional Consolidation in 1968–1976: Theoretical Implications for Changes of Third-World Security Oriented Institution. RSIS Working Paper, No. 234. Singapore: S. Rajaratnam School of International Studies, Nanyang Technological University, 2012. P. 5–6. URL: <https://www.rsis.edu.sg/wp-content/uploads/rsis-pubs/WP234.pdf> (дата обращения: 27.09.2024).

этом состояло принципиальное отличие Бали 1976 г. от предшествующего этапа: Ассоциация не просто повторила общие нормы международного права, а выстроила собственный региональный механизм политического согласования, в котором приоритет отдавался не военному союзу и не наднациональным структурам, а регулярным консультациям, согласованию позиций и укреплению так называемой «национальной и асеановской устойчивости»¹³². Как показывает К. Кога, именно в этот момент АСЕАН стала проводить различие между широкой категорией Юго-Восточной Азии и собственно пространством асеановской консолидации: сохраняя формально открытый характер для других государств региона по ст. 18 ДДС, она в краткосрочной перспективе сосредоточилась на укреплении взаимодействия уже существующих участников¹³³. Тем самым 1976 г. обозначил не создание военного блока, а оформление более зрелой, политически скоординированной и в то же время сознательно негромоздкой модели регионального порядка, основанной на консультациях, консенсусе и отказе от жёсткой наднациональности. Именно эта институциональная логика позднее позволит Ассоциации выступать более сплочённо в условиях индокитайского кризиса и одновременно задаст те рамки, в которых Москва будет воспринимать АСЕАН уже не просто как рыхлую прозападную площадку, а как всё более значимый региональный политический субъект¹³⁴.

¹³² The Declaration of ASEAN Concord. Denpasar, Bali, 24 February 1976. URL: <https://asean.org/the-declaration-of-asean-concord-bali-indonesia-24-february-1976/> (дата обращения: 19.10.2024); Nichol J. Soviet Views of the Association of Southeast Asian Nations. Washington, DC, 1985. P. 2.

¹³³ Koga K. The Process of ASEAN's Institutional Consolidation in 1968–1976: Theoretical Implications for Changes of Third-World Security Oriented Institution. RSIS Working Paper, No. 234. Singapore: S. Rajaratnam School of International Studies, Nanyang Technological University, 2012. P. 6; 39. URL: <https://www.rsis.edu.sg/wp-content/uploads/rsis-pubs/WP234.pdf> (дата обращения: 27.09.2024); Treaty of Amity and Cooperation in Southeast Asia. Denpasar, Bali, 24 February 1976. URL: <https://asean.org/wp-content/uploads/2025/02/12.-Treaty-of-Amity-and-Cooperation-in-Southeast-Asia.pdf> (дата обращения: 19.10.2024).

¹³⁴ Acharya A. Ideas, identity, and institution building: From the 'ASEAN way' to the 'Asia Pacific way'? // The Pacific Review. 1997. Vol. 10, No. 3. P. 324; Severino R., Thuzar M. ASEAN Regionalism and the Future of ASEAN–Russia Relations // ASEAN–Russia: Foundations and Future Prospects. / Eds. V. Sumsky, M. Hong, A. Lugg. Singapore: Institute of Southeast Asian Studies, 2012. P. 329–330; Малетин Н. П. АСЕАН: четыре десятилетия развития: монография. М.: МГИМО-Университет, 2007. С. 53.

Во второй половине 1970-х гг. осторожное смягчение отношений СССР с отдельными государствами АСЕАН стало приобретать более институционализированный характер и выражалось уже не только в расширении торговых контактов, но и в большей регулярности визитов на высшем уровне. Для Филиппин важнейшей вехой стал государственный визит Ф. Маркоса в СССР с 21 мая по 7 июня 1976 г., в ходе которого 2 июня было подписано совместное коммюнике об установлении дипломатических отношений¹³⁵. Важно, однако, не преувеличивать значение этого шага: он обозначал не политическое сближение в собственном смысле, а завершение более длительного и прагматического отхода Манилы от прежней политики практически полной изоляции социалистических государств. Схожая логика лежала в основе визита премьер-министра Таиланда Криангсака Чоманана в Москву в марте 1979 г.: он стал первым тайским визитом такого уровня в СССР и был продиктован прежде всего камбоджийским кризисом, поскольку в ходе поездки Бангкок разъяснял отказ признавать режим Хенг Самрина и одновременно стремился убедить Москву, что Таиланд не взял курс на сближение с Китаем¹³⁶. Малайзийское направление также не сводилось к эпизодическим контактам: советская дипломатическая публикация начала 1980-х уже трактовала визит Хусейна бин Онна в Москву в 1979 г. как событие высокой важности для советско-малайзийских отношений и подчеркивала близость советского и малайзийского подходов по ряду международных вопросов¹³⁷. Но и в этом случае речь шла скорее о демонстрации расширяющегося диалога, чем о разрешении фундаментальных разногласий в сфере региональной безопасности.

Уже с 1977–1978 гг. Москва делала ставку не на развитие отношений с АСЕАН как с организацией, а на двусторонние контакты с отдельными государствами, поскольку признание АСЕАН полноценным политическим

¹³⁵ PH - Russia Relations // Embassy of the Philippines. URL: <https://moscow.pe.dfa.gov.ph/85-diplomatic-relations/76-ph-russia-relations> (дата обращения: 28.03.2026).

¹³⁶ Ramsay A. Thailand 1979: A Government in Trouble // Asian Survey. 1980. Vol. 20, No. 2. P. 120–121.

¹³⁷ Koulik B. T. Fifteen Years of Soviet-Malaysian Relations. 1982. P. 2. URL: http://lib.perdana.org.my/PLF/Digital_Content/NA/Serial/0002/BeritaSoviet_YearsofSoviet-MalaysianRelations.pdf (дата обращения: 28.03.2026).

партнером лишь укрепляло бы ту региональную структуру, которая ограничивала советское влияние¹³⁸. В начале 1980-х годов число таких контактов возросло, но сама их форма показывает пределы потепления. Именно в такой логике следует рассматривать поездки заместителя министра иностранных дел СССР М. С. Капицы в 1983 г. в Таиланд, Малайзию, Сингапур и Филиппины, а также визит заместителя председателя Совета министров Я. П. Рябова в Индонезию и Малайзию в 1985 г.: они сопровождались предложениями о диалоге, расширении торговли и культурных связей, но одновременно оставались тесно связаны с советско-вьетнамской линией по камбоджийскому вопросу¹³⁹. Поэтому речь шла не о линейном укреплении доверия, а о селективном и прагматическом зондировании позиций друг друга. Это особенно видно по разногласиям внутри самой АСЕАН: инициатива Куантана 1980 г., выдвинутая президентом Индонезии Сухарто и премьер-министром Малайзии Хусейном Онном, исходила из представления, что Вьетнам сближался с Советским Союзом и что его еще можно отчасти оторвать от советской орбиты, однако Таиланд считал такой курс идущим в ущерб собственной безопасности¹⁴⁰. Именно поэтому даже на фоне расширения официальных контактов политический диалог СССР со странами АСЕАН в 1976–1985 гг. оставался ограниченным: каналы связи становились шире, но ключевой конфликт вокруг Камбоджи продолжал задавать жесткие пределы для сближения.

Камбоджийский кризис стал главным ограничителем осторожного смягчения отношений СССР со странами АСЕАН в конце 1970-х — первой половине 1980-х гг. После вьетнамского вмешательства в Камбодже и провозглашения в январе 1979 г. Народной Республики Кампучия во главе с Хенг Самрином Советский Союз поддержал новую власть, тогда как для государств АСЕАН вопрос сразу приобрёл не только морально-политическое, но и стратегическое значение. Признание нового режима означало бы фактическое принятие вьетнамского вторжения и, в глазах

¹³⁸ Nichol J. *Soviet Views of the Association of Southeast Asian Nations*. Washington, DC, 1985. P. 32–33.

¹³⁹ Там же. С. 23; 30; 32.

¹⁴⁰ Suryadinata L. *Indonesia's Foreign Policy under Suharto: Aspiring to International Leadership*. 2nd ed. Singapore: ISEAS – Yusof Ishak Institute, 2022. P. 70–71.

многих асеановских элит, дальнейшее усиление советско-вьетнамских позиций в Восточном Индокитае. Сохранение же международного представительства «Демократической Кампучии» давало возможность не допустить закрепления статус-кво, хотя и ставило АСЕАН в политически неудобное положение, поскольку речь шла о сохранении режима Пол Пота, уже дискредитировавшего себя внутренним террором¹⁴¹. Именно поэтому для Ассоциации камбоджийский вопрос превратился в испытание на способность действовать как региональный политико-дипломатический субъект. Уже в январе 1979 г. министры иностранных дел АСЕАН на специальной встрече в Бангкоке осудили вьетнамское вторжение и потребовали вывода иностранных войск, а затем последовательно добивались международного обсуждения проблемы: в ноябре 1979 г. Генеральная Ассамблея ООН поддержала асеановскую инициативу о созыве международной конференции, в декабре того же года министры АСЕАН на неформальной встрече в Куала-Лумпуре осудили нарушения тайской границы и поставили вопрос о направлении наблюдателей ООН, в августе 1980 г. специальная сессия АСЕАН в Маниле выступила за сохранение места Камбоджи в ООН за анти-вьетнамской стороной, а в июле 1981 г. Международная конференция по Камбодже в Нью-Йорке фактически закрепила асеановскую линию, связав урегулирование с выводом иностранных войск и политическим процессом под международным наблюдением¹⁴². Для Таиланда, который оказался «прифронтовым» государством, кризис имел ещё и прямое военно-гуманитарное измерение: Бангкок отказался признавать режим Хенг Самрина, столкнулся с потоком беженцев, трансграничными обстрелами и опасением, что вьетнамские силы могут перенести конфликт на тайскую территорию, поэтому камбоджийский вопрос быстро стал для него центральной темой внешней политики 1979 г.¹⁴³

¹⁴¹ Wilborn T. L. The Soviet Union and ASEAN: Strategic Issues Research Memorandum. Carlisle Barracks, PA: Strategic Studies Institute, U.S. Army War College, 1980. P. 1–2. URL: <https://apps.dtic.mil/sti/tr/pdf/ADA089202.pdf> (дата обращения: 27.09.2024).

¹⁴² Nichol J. Soviet Views of the Association of Southeast Asian Nations. Washington, DC, 1985. P. 10–16.

¹⁴³ Ramsay A. Thailand 1979: A Government in Trouble // Asian Survey. 1980. Vol. 20, No. 2. P. 120–121.

При этом кризис не сделал АСЕАН полностью однородной, а лишь временно заглушил её внутренние разногласия. Наиболее жёсткую линию занимали Таиланд и Сингапур, тогда как Индонезия и Малайзия допускали более гибкие дипломатические формулы урегулирования. Иными словами, АСЕАН была едина в неприятии вьетнамского военного присутствия, но не в понимании того, каким образом следует добиваться его прекращения. Даже на фоне консолидации по камбоджийскому вопросу Ассоциация сохраняла внутренние двусторонние противоречия, наиболее заметным из которых оставался малайзийско-филиппинский спор вокруг Сабаха, что уже само по себе показывало условный, а не абсолютный характер асеановского единства.

Камбоджийский кризис был неотделим от китайского фактора, который придавал асеановскому восприятию происходящего заведомо двойственный характер. Ещё до 1978–1979 гг. внутри Ассоциации не существовало полного единства в оценке КНР: к середине 1970-х гг., когда региональный баланс всё заметнее определялся советско-китайским соперничеством, часть стран АСЕАН уже нормализовала отношения с Пекином, тогда как Индонезия и Сингапур продолжали избегать формализации таких связей. При этом сама АСЕАН пыталась встроить меняющуюся обстановку в рамки ЗОПФАН, но именно индокитайская нестабильность и нарастание советско-китайского соперничества подрывали возможность реализовать этот замысел в чистом виде ¹⁴⁴. Для Малайзии и Индонезии Китай оставался долгосрочным источником угрозы ещё и потому, что в Куала-Лумпуре Пекин связывали с поддержкой малайской компартии, а в Джакарте — с прежней поддержкой индонезийской компартии до её запрета. Поэтому даже после установления дипломатических отношений с КНР малайзийско-китайские отношения, по оценке Л. Сурьядинаты, оставались «далеко не тёплыми», а сам Китай по-прежнему рассматривался как «главная угроза» безопасности двух

¹⁴⁴ Koga K. The Process of ASEAN's Institutional Consolidation in 1968–1976: Theoretical Implications for Changes of Third-World Security Oriented Institution. RSIS Working Paper, No. 234. Singapore: S. Rajaratnam School of International Studies, Nanyang Technological University, 2012. P. 31–32. URL: <https://www.rsis.edu.sg/wp-content/uploads/rsis-pubs/WP234.pdf> (дата обращения: 27.09.2024).

государств¹⁴⁵. Отсюда следовала принципиальная двойственность асеановского восприятия Пекина: с одной стороны, Китай не вызывал доверия как внешняя сила с собственными интересами в регионе; с другой — после вьетнамского вторжения в Камбоджу именно китайское давление на Ханой объективно ограничивало возможности дальнейшего продвижения Вьетнама. Не случайно в обзоре Дж. Никола прямо отмечалось, что после 1979 г. китайское вторжение во Вьетнам и публичная поддержка ЗОПФАН фактически сделали КНР своеобразным гарантом безопасности для АСЕАН, хотя для части её членов такая роль вызывала тревогу ввиду опасений относительно китайской экспансии и китайских меньшинств внутри самих стран региона¹⁴⁶.

Именно поэтому камбоджийский вопрос для АСЕАН никогда не сводился к простой схеме «Вьетнам против Китая». После того как в декабре 1978 г. Вьетнам ввёл войска в Камбоджу и установил в Пномпене режим Хенг Самрина, государства АСЕАН, включая Индонезию, осудили происходящее и потребовали вывода войск. Когда же в феврале 1979 г. КНР вторглась во Вьетнам, АСЕАН вновь выступила с аналогичной озабоченной реакцией, то есть не приняла ни вьетнамскую, ни китайскую силовую логику как желательную норму регионального порядка¹⁴⁷. Особенно показательно, что даже в Индонезии, традиционно более осторожной, чем Таиланд и Сингапур, реакция военных кругов была двойственной: разочарование вьетнамской политикой сочеталось со всё большей тревогой по поводу китайской готовности применять силу, и, как пишет Л. Сурьядината, уже вскоре после китайского вторжения индонезийские военные стали смотреть на регион прежде всего в стратегических категориях и были крайне обеспокоены поведением Китая, опасаясь, что Пекин превратится в долгосрочную угрозу¹⁴⁸. В то же время Китай не ограничивался символическим давлением на Ханой: по

¹⁴⁵ Suryadinata L. *Indonesia's Foreign Policy under Suharto: Aspiring to International Leadership*. 2nd ed. Singapore: ISEAS – Yusof Ishak Institute, 2022. P. 70.

¹⁴⁶ Nichol J. *Soviet Views of the Association of Southeast Asian Nations*. Washington, DC, 1985. P. 3–4.

¹⁴⁷ Suryadinata L. *Indonesia's Foreign Policy under Suharto: Aspiring to International Leadership*. 2nd ed. Singapore: ISEAS – Yusof Ishak Institute, 2022. P. 126.

¹⁴⁸ Там же. С. 127.

сообщению, на которое ссылается А. Рамсей, Сианук в 1979 г. заявлял, что китайская сторона намеревалась снабжать и финансировать кхмерские силы на территории Таиланда для борьбы против правительства Хенг Самрина, а это означало, что тайско-камбоджийская приграничная зона превращалась в пространство опосредованного китайско-вьетнамского противостояния¹⁴⁹. На этом фоне Куантанская инициатива 1980 г., выдвинутая Сухарто и Хусейном Онном, показывает, насколько сложным было восприятие Китая в рамках АСЕАН: её смысл заключался не в поддержке Ханоя как такового, а в попытке не допустить превращения Вьетнама в безусловный придаток советской стратегии под китайским давлением. Предполагалось, что при ослаблении китайского нажима и при определённой политической гибкости со стороны АСЕАН Вьетнам мог бы постепенно дистанцироваться от Москвы. Однако Таиланд счёл, что такая линия идёт вразрез с его интересами, поскольку для Бангкока непосредственная вьетнамская угроза оставалась приоритетной¹⁵⁰. В итоге китайский фактор не только усиливал дипломатическую активность АСЕАН, но и одновременно препятствовал полной внутренней однородности Ассоциации: Пекин рассматривался как долгосрочная проблема, однако в краткосрочной перспективе часть государств региона была вынуждена учитывать его как противовес вьетнамско-советскому давлению. Именно эта двойственность и не позволяла странам АСЕАН воспринимать советскую линию в Камбодже как нейтральную: в их глазах Москва выступала не посредником, а участником более широкого советско-китайского соперничества за Индокитай.

Дополнительным препятствием для укрепления доверия становилось и качественное расширение советского военного присутствия во Вьетнаме после 1975 г. Для Москвы Юго-Восточная Азия представляла интерес не только как зона политического соперничества, но и как регион, позволявший контролировать важнейшие морские коммуникации между европейской и тихоокеанской частью

¹⁴⁹ Ramsay A. Thailand 1979: A Government in Trouble // Asian Survey. 1980. Vol. 20, No. 2. P. 120.

¹⁵⁰ Suryadinata L. Indonesia's Foreign Policy under Suharto: Aspiring to International Leadership. 2nd ed. Singapore: ISEAS – Yusof Ishak Institute, 2022. P. 70–71;

Nichol J. Soviet Views of the Association of Southeast Asian Nations. Washington, DC, 1985. P. 12.

СССР, а также выходы из Южно-Китайского моря в Индийский океан. Как отмечал Дж. Никол, усиление советского присутствия после воссоединения Вьетнама было связано с задачами проецирования силы, сдерживания Китая и обеспечения контроля над транзитом через регион. Ключевыми опорными пунктами стали Дананг и, прежде всего, Камрань, что заметно расширяло советские возможности в ЮВА¹⁵¹. Речь шла не только о символическом военном присутствии: в логике советской стратегии Камрань рассматривалась как основной пункт морского и воздушного проецирования силы в регионе. Её значение усиливалось совместными советско-вьетнамскими учениями в Южно-Китайском море, и весь этот потенциал был ориентирован на обеспечение свободного прохода через ключевые проливы ЮВА¹⁵².

Для государств АСЕАН это имело вполне конкретный политический смысл. Наращивание советского военного присутствия во Вьетнаме воспринималось не как нейтральный элемент регионального равновесия, а как материальное выражение советско-вьетнамского союза, позволявшего Ханю удерживать Кампучию и усиливать давление на Таиланд и другие страны Ассоциации. Особенно в Таиланде советская помощь Вьетнаму рассматривалась как одно из ключевых условий продолжения вьетнамского присутствия в Кампучии. Это порождало опасение, что военная инфраструктура СССР во Вьетнаме служит не только для сдерживания Китая, но и для изменения стратегического баланса в ЮВА в пользу советско-вьетнамского тандема¹⁵³. На этом фоне даже ограниченные дипломатические сигналы Москвы в адрес АСЕАН воспринимались с недоверием: как отмечал Т. Уилборн, после вьетнамского вторжения в Кампучию регион фактически превратился в ещё одно поле холодной войны между Москвой и Пекином. По этой причине государства-члены АСЕАН оценивали каждую

¹⁵¹ Nichol J. Soviet Views of the Association of Southeast Asian Nations. Washington, DC, 1985. P. IV; 1; 5.

¹⁵² Там же. С. 5–6.

¹⁵³ Там же. С. 4.

советскую инициативу с точки зрения того, способствует ли она урегулированию или лишь закрепляет новые военно-политические позиции СССР во Вьетнаме¹⁵⁴.

Вместе с тем АСЕАН в этот период не была монолитной. Наиболее показательным примером внутренних противоречий стал территориальный спор Малайзии и Филиппин из-за штата Сабах, который Ассоциация не решила, а фактически вывела за скобки ради сохранения региональной солидарности. Как отмечают П. Самад и Д. Абу Бакар, уже после создания АСЕАН между Куала-Лумпуром и Манилой существовало негласное понимание, что вопрос будет «отложен» в интересах единства Ассоциации, однако за более чем четверть века он так и не стал полноценным предметом асеановского урегулирования. Тем самым АСЕАН скорее смягчала политическую напряжённость, чем устраняла её причины¹⁵⁵. При этом сам спор в рассматриваемый период сохранял не только символическое, но и практическое значение. В 1976 г., накануне саммита АСЕАН, Ф. Маркос заявил, что Филиппины более не намерены добиваться суверенитета над Сабахом, однако формально от претензии не отказались, а рост мусульманского сопротивления на юге Филиппин фактически помешал Маниле реализовать этот курс¹⁵⁶. Более того, в 1970-е – начале 1980-х годов сабахский вопрос всё теснее переплетался с проблемой моро: по оценке тех же авторов, при Тун Мустафе в 1972–1976 гг. Сабах, как утверждалось, использовался как тренировочный лагерь, склад снабжения, узел связи и убежище для повстанцев, а малайзийская поддержка моро диктовалась не столько религиозной солидарностью, сколько стремлением оказать давление на Манилу и побудить её отказаться от территориальных претензий на Сабах¹⁵⁷. Даже после поражения Мустафы на выборах 1976 г. напряжение не исчезло: в 1980–1981 гг. в Маниле вновь обвиняли малайзийскую сторону в игнорировании сепаратистской активности на территории Сабаха, а к

¹⁵⁴ Wilborn T. L. The Soviet Union and ASEAN: Strategic Issues Research Memorandum. Carlisle Barracks, PA: Strategic Studies Institute, U.S. Army War College, 1980. P. 1–2. URL: <https://apps.dtic.mil/sti/tr/pdf/ADA089202.pdf> (дата обращения: 27.09.2024).

¹⁵⁵ Samad P. A., Abu Bakar D. Malaysia-Philippines Relations: The Issue of Sabah // Asian Survey. 1992. Vol. 32, No. 6. P. 555.

¹⁵⁶ Там же. С. 558.

¹⁵⁷ Там же. С. 559–560.

1983 г., по приводимой в статье оценке, в штате находилось от 160 до 200 тыс. эвакуировавшихся моря, что придавало спору дополнительное демографическое и внутривосточное измерение¹⁵⁸. К этому добавлялись пиратство и приграничная нестабильность: авторы указывают, что только с 1979 г. произошло не менее восьми крупных пиратских нападений, наиболее кровопролитным из которых стал рейд в Лахад-Дату в августе 1984 г.¹⁵⁹ Наконец, к началу 1980-х годов противостояние вышло далеко за рамки приграничного пиратства и повстанческой активности, приобретя характер прямого спора о морских границах: после публикации Малайзией карты 1979 г. и высадки на Лаянг-Лаянг в 1983 г. конфликт вокруг Сабаха наложился на сложный клубок встречных морских притязаний в районе Спратли, показывая, что речь шла не о частном историко-правовом казусе, а о долговременном источнике межгосударственной напряженности внутри самой Ассоциации¹⁶⁰.

Наряду с сабахским спором различия внутри АСЕАН проявлялись и в оценке внешних угроз, что особенно ярко показал камбоджийский кризис. Как подчёркивает Л. Сурьядината, страны Ассоциации по-разному воспринимали как экономическую интеграцию, так и безопасность: они находились на разных стадиях развития, имели схожие структуры экспорта и потому медленно продвигались к экономическому сотрудничеству, в то время как национальные интересы часто оказывались важнее региональных¹⁶¹. Различия особенно отчётливо проявлялись в оценке основных угроз. Для Таиланда главным источником опасений оставался Вьетнам, тогда как Индонезия в большей степени исходила из китайского фактора¹⁶². Именно это расхождение лежало в основе «куантанского принципа» 1980 г., когда Сухарто и Хусейн Онн попытались склонить Вьетнам к дистанцированию от СССР и одновременно снизить китайское влияние в регионе.

¹⁵⁸ Там же. С. 559.

¹⁵⁹ Там же. С. 560.

¹⁶⁰ Там же. С. 561–562.

¹⁶¹ Suryadinata L. *Indonesia's Foreign Policy under Suharto: Aspiring to International Leadership*. 2nd ed. Singapore: ISEAS – Yusof Ishak Institute, 2022. P. 69.

¹⁶² Там же. С. 69–70.

Однако Бангкок посчитал такой курс угрожающим тайской безопасности, поскольку мог узаконить вьетнамское доминирование в Индокитае¹⁶³. В результате Джакарта ради демонстрации асеановской солидарности отказалась от дальнейшего продвижения этой линии, но сам эпизод показал пределы асеановского единства. Оказалось, что Ассоциация могла выступать с общими заявлениями по Кампучии, однако за внешней сплочённостью сохранялись разные представления о том, кто именно (Вьетнам, Китай или советско-китайское соперничество как таковое) представляет главную угрозу региональному порядку¹⁶⁴. Таким образом, в конце 1970-х – первой половине 1980-х гг. АСЕАН действительно демонстрировала способность к политической консолидации по ключевым вопросам, но эта консолидация постоянно соседствовала с неурегулированными двусторонними спорами, различиями в восприятии угроз и разным уровнем экономического развития её участников.

После окончания войны во Вьетнаме роль Японии в Юго-Восточной Азии заметно возросла не только в экономическом, но и в политико-дипломатическом измерении. Как отмечает С. Судо, в Токио пришли к выводу, что ослабление американской вовлеченности, рост советского влияния и поляризация Индокитая и АСЕАН требуют от Японии более заметного регионального присутствия. Именно в этой логике в 1977 г. была сформулирована доктрина Фукуды, нацеленная на особые отношения с АСЕАН и на укрепление доверия к Японии как к невоенной державе¹⁶⁵. Важным было и то, что Токио начал смотреть на АСЕАН уже не как на случайный продукт холодной войны, а как на форму региональной солидарности, с которой необходимо работать системно. Об этом прямо пишет К. Кьяппони, показывая, что японский МИД в 1975–1976 гг. постепенно переориентировал политику именно на Ассоциацию как на самостоятельного регионального актора¹⁶⁶.

¹⁶³ Там же. С. 70–71.

¹⁶⁴ Там же. С. 83.

¹⁶⁵ Sudo S. The Road to Becoming a Regional Leader: Japanese Attempts in Southeast Asia, 1975–1980 // *Pacific Affairs*. 1988. Vol. 61, No. 1. P. 27–29.

¹⁶⁶ Chiapponi C. Japan and the Asia-Pacific in the 1970s: From an Economic to a ‘Heart-to-Heart’ Relationship // *Modern Asian Studies*. 2016. Vol. 50, No. 5. P. 1694–1695.

Отсюда и институционализация связей: в 1977 г. был создан японо-асеановский форум, в 1978 г. — встречи министров иностранных дел, в 1979 г. — министров экономики, а сама Япония всё активнее стремилась закрепиться не только как торговый партнер, но и как внешний участник, способный поддерживать устойчивость АСЕАН¹⁶⁷. Вместе с тем значение Японии не следует переоценивать: как отмечает тот же С. Судо, японская дипломатия пыталась играть роль «моста» между АСЕАН и Индокитаем, но после вьетнамского вторжения в Кампучию и обострения советско-китайского соперничества Токио был вынужден всё теснее сближаться именно с линией АСЕАН, а его прежняя ставка на политическое посредничество фактически исчерпала себя¹⁶⁸.

Экономическое значение Японии для государств АСЕАН в рассматриваемый период было ещё более весомым, и именно на этом фоне особенно четко проступали пределы советского влияния. Уже в середине 1970-х гг. Ф. Вайнштейн обращал внимание на то, что государства Юго-Восточной Азии всё сильнее зависели от Японии как торгового партнёра, источника официальной помощи и ведущего инвестора. При этом Япония являлась крупнейшим торговым партнёром Индонезии и Таиланда, занимала первое место по торговле с Малайзией и выступала главным источником новых капиталовложений в регионе¹⁶⁹. Эта зависимость имела структурный характер: как видно из анализа Т. Имагавы, торговля Японии с АСЕАН строилась по модели вертикального международного разделения труда, при которой Токио экспортировал прежде всего машины и оборудование, а импортировал в основном сырьё. Именно поэтому японское присутствие одновременно способствовало росту асеановских экономик и закрепляло их зависимое положение в региональной системе хозяйственных связей¹⁷⁰. Сопоставление данных табл. 1 с советско-японским товарооборотом

¹⁶⁷ Imagawa T. ASEAN-Japan Relations // *Civilisations*. 1991. No. 39. P. 321–323.

¹⁶⁸ Sudo S. The Road to Becoming a Regional Leader: Japanese Attempts in Southeast Asia, 1975–1980 // *Pacific Affairs*. 1988. Vol. 61, No. 1. P. 45–46.

¹⁶⁹ Weinstein F. B. Multinational Corporations and the Third World: The Case of Japan and Southeast Asia // *International Organization*. 1976. Vol. 30, No. 3. P. 379–384.

¹⁷⁰ Imagawa T. ASEAN-Japan Relations // *Civilisations*. 1991. No. 39. P. 324–325.

показывает значительный разрыв в масштабах экономических связей. СССР поддерживал измеримую торговлю с отдельными государствами АСЕАН, однако Япония уже тогда занимала несопоставимо более значимое место в экономике региона¹⁷¹. Поэтому для стран АСЕАН Япония в конце 1970-х – первой половине 1980-х гг. была тем самым актором, который сочетал экономическую незаменимость с осторожным политическим продвижением в регионе. Именно это делало советское предложение менее значимым и по экономическим, и по политическим, и по психологическим причинам.

Таким образом, к середине 1980-х гг. осторожное наращивание двусторонних контактов не привело к устойчивой политической разрядке: институционально укрепившаяся АСЕАН оставалась для Москвы скорее ограничителем, чем партнёром, а камбоджийский кризис сохранял значение главного водораздела в их отношениях.

1986–1991 гг.: «новое политическое мышление» и предпосылки нормализации

Во второй половине 1980-х гг. прежние ограничения в отношениях СССР со странами АСЕАН не исчезли, однако изменился подход Москвы к Юго-Восточной Азии. «Новое политическое мышление» означало не только корректировку дипломатической риторики, но и пересмотр доктринальных оснований советской внешней политики: признание недопустимости ядерной войны, взаимосвязанности мира, необходимости деидеологизации межгосударственных отношений и права народов самостоятельно выбирать модель развития¹⁷². Для советско-асеановского контекста это имело принципиальное значение: капиталистически ориентированные государства ЮВА теперь могли рассматриваться не только как часть прозападного окружения, но и как возможные участники диалога по вопросам региональной безопасности.

¹⁷¹ Внешняя торговля СССР в 1980 г.: статистический сборник / Министерство внешней торговли СССР, Главное планово-экономическое управление. М.: Финансы и статистика, 1981. С. 5; 11–12.

¹⁷² Польшов М. Ф. «Новое политическое мышление»: возникновение и основные идеи // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). 2012. № 1. С. 84; 86; 89.

Применительно к Азии этот поворот был наиболее чётко обозначен во Владивостокской речи М. С. Горбачёва 1986 г. В ней Советский Союз был представлен как азиатская и тихоокеанская страна, заинтересованная не в получении особых «привилегий», а в сотрудничестве при уважении самостоятельного выбора каждого народа¹⁷³. Тем самым Москва пыталась предложить странам региона новую формулу своего присутствия: не через идеологическое противостояние и военно-политическое давление, а через переговорные механизмы, снижение военной напряжённости и поддержку принципов региональной безопасности. Внешнеполитический смысл этого сдвига заключался в ослаблении прежней зависимости советской политики от логики глобального противостояния с США и в переходе к более гибкому сочетанию дипломатических, политических и экономических инструментов¹⁷⁴.

Тем не менее новый курс не устранил главного ограничителя советско-азиатских отношений — тесной связи СССР с Вьетнамом в сочетании с камбоджийским кризисом. Для государств АСЕАН советское присутствие в ЮВА по-прежнему ассоциировалось не только с декларациями о разрядке, но и с поддержкой Ханоя, вьетнамским военным присутствием в Камбодже и использованием военно-морской инфраструктуры в Камрани. Поэтому позднесоветская дипломатическая активность воспринималась в регионе осторожно: она открывала пространство для контактов, но не снимала подозрений относительно целей Москвы¹⁷⁵. Дополнительная сложность состояла в том, что Москва не могла полностью контролировать позицию Вьетнама по Камбодже. Даже при условии советского давления Ханой оставался самостоятельным актором, руководствовавшимся собственными представлениями о безопасности¹⁷⁶.

¹⁷³ Горбачев М. С. Речь на торжественном собрании, посвященном вручению Владивостоку ордена Ленина. 28 июля 1986 года // Собрание сочинений. Т. 4. Апрель – октябрь 1986. М.: Весь Мир, 2008. URL: https://www.gorby.ru/userfiles/rech_vladivostok_1986.pdf (дата обращения: 28.03.2026).

¹⁷⁴ Gill G. The Soviet Union and Southeast Asia: A new beginning? // Contemporary Southeast Asia. 1988. Vol. 10, No. 1. P. 70–71.

¹⁷⁵ Там же. С. 75–76.

¹⁷⁶ Там же. С. 78.

По этим причинам реакция АСЕАН на советские сигналы была не однозначно позитивной, а условно-прагматичной. Ассоциация не отвергала возможность диалога, но связывала проверку советских инициатив с конкретными региональными вопросами: политическим урегулированием в Камбодже, снижением военной напряжённости, поддержкой ЗОПФАН и перспективой создания зоны, свободной от ядерного оружия. В Манильской декларации 1987 г. лидеры АСЕАН подтвердили необходимость региональной устойчивости, общей позиции по Камбодже, продвижения ЗОПФАН и работы над созданием безъядерной зоны в Юго-Восточной Азии¹⁷⁷. Именно в этом контексте следует понимать и осторожно позитивные оценки, прозвучавшие во время визита премьер-министра Малайзии Махатхира Мохамада в СССР в 1987 г.: малайзийская сторона приветствовала владивостокские тезисы о роли СССР в АТР и разоружении, но одновременно подчёркивала, что Камбоджа и Афганистан остаются проверкой практического содержания нового курса¹⁷⁸.

Позднесоветская нормализация развивалась прежде всего через двусторонние каналы. Это соответствовало общей линии Москвы, которая в конце 1980-х гг. делала ставку на расширение контактов с отдельными государствами АСЕАН, не сразу превращая их в полноценный диалог с Ассоциацией как организацией¹⁷⁹. Визит Махатхира в Москву в 1987 г. показал, что экономическая составляющая начинала приобретать более заметное место: премьер-министр Малайзии прямо призывал советские хозяйственные органы и предприятия развивать деловые связи с малайзийским частным сектором и связывал дальнейшее

¹⁷⁷ Declaration of ASEAN Heads of Government at the 3rd ASEAN Summit (Manila Declaration). Manila, 15.12.1987. P. 4–5. URL: <https://asean.org/wp-content/uploads/2022/09/D-0166-OCR.pdf> (дата обращения: 28.03.2026).

¹⁷⁸ Develop business links, Dr M urges Soviets. 31.07.1987. URL: http://lib.perdana.org.my/PLF/Digital_Content/Prominent_Leaders/Mahathir/News_1968-2004/1984-1988/1987/00006687.pdf (дата обращения: 28.03.2026).

¹⁷⁹ Soviet Union: a Country Study / ed. by R. E. Zickel. 2nd ed. Washington, DC: Library of Congress, 1991. P. 437. URL: <https://dn710308.ca.archive.org/0/items/PAM550-95/PAM550-95.pdf> (дата обращения: 28.03.2026).

сотрудничество с созданием практических механизмов взаимодействия¹⁸⁰. Визит премьер-министра Таиланда Према Тинсуланона в 1988 г. имел более выраженное политическое значение. В ходе встречи с Горбачёвым обсуждались не только двусторонние отношения, но и политическое урегулирование в Камбодже. Советская сторона заявляла о стремлении поддерживать хорошие отношения со всеми государствами АСЕАН и через Таиланд, председательствовавший тогда в Постоянном комитете АСЕАН, передавала сигнал о желании сотрудничать с Ассоциацией¹⁸¹.

Продолжение тайской линии в 1990 г. показывает, что речь шла не о разовых дипломатических жестах. Совместное советско-тайландское коммюнике по итогам визита председателя Совета министров СССР Н. И. Рыжкова в Таиланд 11–12 февраля 1990 г. фиксировало рост двусторонних связей, регулярные консультации между внешнеполитическими ведомствами, создание торгово-экономических механизмов и обсуждение региональной безопасности на основе перехода от конфронтации к диалогу¹⁸². Особенно важно, что советская сторона в этом документе подтвердила поддержку асеановских концепций ЗОПФАН и зоны, свободной от ядерного оружия, а также признала необходимость политического урегулирования камбоджийской проблемы¹⁸³. Встреча Горбачёва с премьер-министром Сингапура Ли Куан Ю 25 сентября 1990 г. дополнила эту линию: советско-сингапурские отношения рассматривались уже в контексте общих

¹⁸⁰ Develop business links, Dr M urges Soviets. 31.07.1987. URL: http://lib.perdana.org.my/PLF/Digital_Content/Prominent_Leaders/Mahathir/News_1968-2004/1984-1988/1987/00006687.pdf (дата обращения: 28.03.2026).

¹⁸¹ Mikhail Gorbachev's meeting with Prime Minister of Thailand // Soviet News. No. 6426. 25.05.1988. P. 187. URL: https://www.marxists.org/history/ussr/publications/soviet-news/1988/sovietnews_6426_0588.pdf (дата обращения: 28.03.2026).

¹⁸² Joint communiqué between Thailand and the Union of Soviet Socialist Republics issued on 12 February 1990 // United Nations General Assembly. Security Council. A/45/164; S/21187. 13.03.1990. P. 6. URL: https://digitallibrary.un.org/record/87737/files/A_45_164--S_21187-EN.pdf (дата обращения: 28.03.2026).

¹⁸³ Там же.

изменений в Азии, признания права государств на собственный путь развития и необходимости учитывать баланс интересов¹⁸⁴.

Сдвиг был замечен и на уровне самой Ассоциации. В отчёте Постоянного комитета АСЕАН за 1990–1991 гг. прямо отмечалось, что Ассоциация рассматривала возможность установления отношений с Китаем, СССР и Индией в ответ на их стремление развивать связи с АСЕАН как с единой организацией¹⁸⁵. В отчёте за 1991–1992 гг. эта линия получила дальнейшее оформление: АСЕАН согласилась развивать консультационные отношения с заинтересованными странами, не являвшимися партнёрами по диалогу, а Китай и Советский Союз были приглашены в качестве гостей принимающей стороны на 24-е совещание министров иностранных дел АСЕАН¹⁸⁶. Это не означало немедленного признания СССР полноценным диалоговым партнёром, но фиксировало качественный переход: от прежнего дистанцирования к осторожному институциональному тестированию контактов.

К 1991 г. этот процесс совпал с более широким изменением региональной архитектуры. Камбоджийское урегулирование вышло на завершающую стадию: после международных переговоров и дипломатической активности АСЕАН в октябре 1991 г. были подписаны Парижские соглашения, предусматривавшие проведение выборов в Камбодже под контролем ООН. В результате Ассоциация укрепила собственный статус как регионального посредника, способного участвовать в решении вопросов безопасности, а не только в экономической координации¹⁸⁷. Одновременно завершение холодной войны, нормализация китайско-вьетнамских отношений, сближение Вьетнама с государствами АСЕАН и

¹⁸⁴ Mikhail Gorbachev meets Lee Kuan Yew // Soviet News. No. 6546. 03.10.1990. P. 332. URL: https://www.marxists.org/history/ussr/publications/soviet-news/1990/sovietnews_6546_1090.pdf (дата обращения: 28.03.2026).

¹⁸⁵ Annual Report of the ASEAN Standing Committee 1990–1991. Jakarta: ASEAN Secretariat, 1991. P. 5. URL: <https://asean.org/wp-content/uploads/2021/08/ANNUAL-REPORT-1990-1991-reduced.pdf> (дата обращения: 28.03.2026).

¹⁸⁶ Annual Report of the ASEAN Standing Committee 1991–1992. Jakarta: ASEAN Secretariat, 1992. P. 6. URL: <https://asean.org/wp-content/uploads/2021/08/ANNUAL-REPORT-1991-1992-reduced.pdf> (дата обращения: 28.03.2026).

¹⁸⁷ Малетин Н. П. АСЕАН: четыре десятилетия развития: монография / Н. П. Малетин. М.: МГИМО-Университет, 2007. С. 84.

дискуссия о будущей роли США после отказа филиппинского Сената ратифицировать договор об американских военных базах создавали для Ассоциации новую стратегическую среду¹⁸⁸. В этих условиях АСЕАН начала готовиться к постбиполярной повестке: укреплению Секретариата, развитию внешних консультационных форматов и запуску более амбициозной экономической интеграции через зону свободной торговли АСЕАН¹⁸⁹.

Особое место в завершении позднесоветского этапа занимает Бруней. Его пример важно отделять от общего вопроса расширения АСЕАН: Бруней стал шестым членом Ассоциации ещё 7 января 1984 г., приняв обязательство присоединиться к декларациям и договорам АСЕАН¹⁹⁰. Однако наличие членства в Ассоциации не означало автоматического установления отношений с СССР. Бруней как новое независимое малое государство выстраивал внешние связи постепенно, сочетая опору на региональные механизмы с сохранением особых связей в сфере безопасности¹⁹¹. Дипломатические отношения между СССР и Брунеем были установлены только 1 октября 1991 г.; тем самым именно на самом пороге распада Советского Союза формально закрылась последняя лакуна в отношениях Москвы с тогдашними шестью государствами АСЕАН¹⁹².

Экономический аспект позднесоветского сближения оставался ограниченным. Данные за 1990 г. показывают, что торговля СССР с государствами АСЕАН была измеримой, но не сопоставимой с ролью западных и японских

¹⁸⁸ Southeast Asian Affairs 1992 / ed. by D. Singh. – Singapore: Institute of Southeast Asian Studies, 1992. P. IX; 3–4.

¹⁸⁹ Annual Report of the ASEAN Standing Committee 1991–1992. Jakarta: ASEAN Secretariat, 1992. P. 5; 7. URL: <https://asean.org/wp-content/uploads/2021/08/ANNUAL-REPORT-1991-1992-reduced.pdf> (дата обращения: 28.03.2026).

¹⁹⁰ Declaration of the Admission of Brunei Darussalam into ASEAN. Jakarta, 7 January 1984. URL: <https://asean.org/wp-content/uploads/2025/07/Brunei-Declaration-of-Admission.pdf> (дата обращения: 26.09.2024).

¹⁹¹ Kershaw R. Brunei: Malay, Monarchical, Micro-state // Government and Politics in Southeast Asia / ed. by J. Funston. Singapore: Institute of Southeast Asian Studies, 2001. P. 1–2.

¹⁹² Бруней (Бруней-Даруссалам) // Центр АСЕАН МГИМО. URL: <https://asean.mgimo.ru/countries/brunei> (дата обращения: 26.09.2024); Europe, Russia and Central Asian States // Ministry of Foreign Affairs Brunei Darussalam. URL: https://www.mfa.gov.bn/Shared%20Documents/politics1document/Europe-Russia-Central_Aasian_States.pdf (дата обращения: 28.03.2026).

экономических партнёров региона. При этом, как видно из данных табл. 1, в большинстве случаев сохранялась асимметрия в пользу советского импорта из стран Ассоциации¹⁹³. Поэтому позднесоветский поворот не сформировал полноценного партнёрства между СССР и АСЕАН. Его значение состояло в другом: Москва отказалась от наиболее жёсткого идеологизированного подхода к восприятию Ассоциации, признала политическую значимость асеановских принципов региональной безопасности, расширила контакты с Малайзией, Таиландом и Сингапуром, а АСЕАН, в свою очередь, начала осторожно включать СССР в поле внешних консультаций. К 1991 г. были сформированы не устойчивые советско-асеановские отношения, а предпосылки для перехода от позднесоветского диалога к постсоветскому взаимодействию России с Ассоциацией.

1.2. Россия и АСЕАН в современной системе международных отношений

Под современной системой международных отношений в данном параграфе понимается постбиполярная, а затем полицентричная конфигурация, в которой наряду с великими державами растёт роль региональных подсистем и институтов. Для Юго-Восточной Азии такой подсистемой выступает асеаноцентричная архитектура, а для России участие в ней стало способом институционального присутствия в АТР без вступления в блоковые союзы.

Постбиполярная трансформация и этапы взаимодействия России с АСЕАН

Периодизация российского включения в асеаноцентричную архитектуру включает два этапа: 1994–2015 и 2016–2024 гг.

Таблица 2. Периодизация включения России в асеаноцентричную региональную архитектуру (1994–2024 гг.)

Период	Содержание этапа	Ключевой результат этапа
--------	------------------	--------------------------

¹⁹³ Внешние экономические связи СССР в 1990 г. : статистический сборник / Министерство внешних экономических связей СССР, Государственный комитет СССР по статистике. М., 1991. С. 12–13.

1994–2015	Участие в АРФ; переход от консультативного к диалоговому партнёрству; институционализация диалога; создание совместных механизмов; подключение к СМОА+ и ВАС; оформление договорно-правовой базы; первые саммиты и программы.	Формируется нормативно-институциональная основа сотрудничества, однако экономическое направление развивается медленнее всего.
2016–2024	Расширение участия в асеаноцентричной архитектуре; Сочи-2016, Комплексный план 2016–2020 гг.; стратегическое партнёрство; Комплексный план 2021–2025 гг.; пандемия COVID-19; санкционные ограничения; политическая неоднородность АСЕАН после 2022 г.	Россия стремится превратить участие в форматах АСЕАН в основу стратегического партнёрства, но практическая отдача зависит от логистики, расчётов, санкционных рисков и позиций отдельных стран АСЕАН.

Источник: составлено автором по: Overview ASEAN–Russia Dialogue Relations, 2024; Chairman’s Statement: The First ASEAN Regional Forum, 1994; Совместная декларация о развитии и всеобъемлющем партнёрстве, 2005; Комплексная программа действий Россия–АСЕАН на 2005–2015 гг.; Совместное заявление по итогам второго саммита Россия–АСЕАН, 2010; Совместное заявление министров иностранных дел России и АСЕАН по случаю 15-летия диалогового партнёрства, 2011; Сочинская декларация юбилейного саммита Россия–АСЕАН, 2016; Комплексный план действий Россия–АСЕАН на 2016–2020 гг.; Joint Statement of the 3rd ASEAN–Russian Federation Summit on Strategic Partnership, 2018; Комплексный план действий Россия–АСЕАН на 2021–2025 гг.

В рамках первого этапа (1994–2015 гг.) главным результатом 1990-х гг. стало институциональное возвращение России в регион, а в 2000-е — первой половине 2010-х гг. — оформление договорно-правовой и программной базы и расширение участия в асеаноцентричной архитектуре. Второй этап (2016–2024 гг.) связан с переходом к стратегическому партнёрству и проверкой его устойчивости пандемией, санкционным давлением и политической неоднородностью АСЕАН. Такая двухэтапная периодизация показывает, что современное положение России в отношениях с АСЕАН сложилось не одномоментно, а через постепенное наращивание институционального присутствия при сохранявшемся разрыве между политико-дипломатической рамкой и практической результативностью сотрудничества.

Региональная подсистема и асеановский регионализм: теоретическая рамка анализа

Используемые в настоящем исследовании концепции выполняют разные, но взаимодополняющие функции: подход Д. Лемке обосновывает необходимость анализа регионального уровня международных отношений; концепция

региональности Б. Хеттне и Ф. Сёдербаума объясняет, почему АСЕАН следует рассматривать не только как межправительственную организацию, но и как процесс постепенного формирования региональной субъектности; теория региональных комплексов безопасности Б. Бузана и О. Уэвера позволяет раскрыть структуру региональной безопасности и место внешних держав в ней¹⁹⁴.

Подход Д. Лемке важен прежде всего потому, что он позволяет избежать сведения международной системы только к глобальной иерархии великих держав. При анализе отношений России и АСЕАН это имеет принципиальное значение: взаимодействие сторон развивалось не в абстрактном мировом пространстве, а внутри конкретной региональной подсистемы, где действовали собственные механизмы безопасности, экономической взаимозависимости и институционального согласования интересов. Д. Лемке подчёркивает необходимость учёта локальных и региональных подсистем при переносе общих теоретических моделей на отношения малых и средних держав¹⁹⁵. Поэтому АСЕАН рассматривается не как второстепенный объект политики крупных держав, а как региональный институт, через который внешние акторы получают доступ к формированию правил взаимодействия в АТР.

В свою очередь Б. Хеттне и Ф. Сёдербаум предложили различать регионализм как сознательную программу и регионализацию как эмпирический процесс усиления связности пространства¹⁹⁶. Понятие региональности, введённое ими, позволяет описать состояние Юго-Восточной Азии как изменяемую характеристику: степень внутренней согласованности, институциональной плотности и способности действовать как самостоятельный субъект не является константой, а колеблется в зависимости от сферы и периода¹⁹⁷. Для АСЕАН это

¹⁹⁴ Lemke D. *Regions of War and Peace*. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. P. 12; Hettne B., Söderbaum F. *Theorising the Rise of Regionness* // *New Political Economy*. 2000. Vol. 5, No. 3. P. 12; Buzan B., Wæver O. *Regions and Powers: The Structure of International Security*. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. P. 44.

¹⁹⁵ Lemke D. *Regions of War and Peace*. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. P. 1–2; 15.

¹⁹⁶ Hettne B., Söderbaum F. *Theorising the Rise of Regionness* // *New Political Economy*. 2000. Vol. 5, No. 3. P. 4.

¹⁹⁷ Там же. С. 12; 21.

различие особенно существенно: Ассоциация не обладает наднациональными полномочиями по типу ЕС, однако через сеть форматов, норм и практик постепенно наращивает связность. Иными словами, АСЕАН – это процесс, и степень его субъектности в 1967 г. и в 2024 г. неодинакова.

Опыт регионализации в Восточной Азии подтверждает необходимость более сдержанного подхода к пониманию регионализма. После кризиса 1997–1998 гг. в Восточной Азии действительно усилились региональные механизмы, включая АСЕАН+3 и ВАС, однако этот процесс не привёл к созданию жёсткой интеграционной модели. Дж. Рейвенхилл считает, что восточноазиатский регионализм сочетал расширение межправительственных форматов с ограниченной обязательностью решений и сохранением ключевой роли суверенитета и консенсуса¹⁹⁸. Следовательно, асеаноцентричная архитектура создаёт для России важный канал присутствия, но не гарантирует, что институциональное участие автоматически конвертируется в практическое влияние. Это обстоятельство принципиально для оценки эффективности российской политики: сам факт участия в АРФ, ВАС или СМОА+ ещё не равен полноценному включению в региональные экономические и политические процессы.

С точки зрения включения в региональную архитектуру безопасности, Б. Бузан и О. Уэвер в своей теории региональных комплексов безопасности отмечают, что угрозы и процессы секьюритизации чаще концентрируются на региональном уровне, поскольку безопасность государств сильнее связана с ближайшим окружением, чем с отдалёнными акторами¹⁹⁹. Для Юго-Восточной Азии это означает, что региональная безопасность формируется не только глобальным соперничеством США и Китая, но и локальными противоречиями: территориальными спорами, вопросами морской безопасности, транснациональными угрозами, стремлением государств АСЕАН сохранить автономию в условиях внешнего давления. Россия в этой логике выступает не как

¹⁹⁸ Ravenhill J. Understanding the 'new East Asian regionalism' // Review of International Political Economy. 2010. Vol. 17, Issue 2. P. 173–175.

¹⁹⁹ Buzan B., Wæver O. Regions and Powers: The Structure of International Security. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. P. 4; 43.

внутрирегиональный участник, а как внешняя держава, способная включаться в региональную архитектуру через асеаноцентричные механизмы. Это особенно важно, поскольку, в отличие от Китая, Россия может выбирать степень своего присутствия в ЮВА, что делает её участие институциональным и политико-дипломатическим, но не автоматически структурообразующим для регионального комплекса²⁰⁰. Это одновременно и преимущество (отсутствие восприятия как прямой угрозы, возможность позиционировать себя как «дополнительного» партнёра), и ограничение (неспособность влиять на конфигурацию безопасности региона в той мере, в какой это делают Китай или США).

Эмпирические исследования объясняют двойственный характер российского взаимодействия с АСЕАН, при котором институциональная вовлечённость не сопровождается сопоставимым экономическим присутствием. М. Като показывает, что после холодной войны Россия получила возможность участвовать в региональных обсуждениях именно через АРФ и другие форматы, связанные с АСЕАН, тогда как её экономические позиции в АТР оставались ограниченными²⁰¹. С другой стороны, само участие в таких механизмах не устраняло структурные ограничения российской политики. В свою очередь, в исследовании А. В. Торкунова, Д. В. Стрельцова и Е. В. Колдуновой подчёркивается, что взаимодействие с АСЕАН и асеаноцентричными институтами было постоянным каналом присутствия России в регионе, но не решало проблем слабой экономической взаимозависимости и недостаточной приоритетности направления ЮВА²⁰².

Следует, однако, отметить и ограничения выбранной теоретической рамки. Модель Д. Лемке разрабатывалась прежде всего на материале межгосударственных конфликтов и войн между региональными державами. Применительно к

²⁰⁰ Там же. С. 60.

²⁰¹ Като М. Российская многосторонняя дипломатия в системе Азиатско-Тихоокеанской региональной интеграции // Сравнительная политика. 2010. Т. 1, № 1. С. 188; 190.

²⁰² Торкунов А. В., Стрельцов Д. В., Колдунова Е. В. «Азиатский поворот» в российской внешней политике: достижения, проблемы, перспективы // «Азиатский поворот» в российской внешней политике: достижения, проблемы, перспективы: монография / под ред. А. В. Торкунова, Д. В. Стрельцова, Е. В. Колдуновой. М.: Аспект Пресс, 2022. С. 105.

отношениям Россия–АСЕАН, где прямого военного противостояния не было и нет, она работает скорее как обоснование регионального уровня анализа, нежели как объяснительная модель динамики отношений. Концепция Хеттне и Сёдербаума позволяет зафиксировать процесс регионализации, но не объясняет, почему внешняя держава с ограниченными ресурсами может десятилетиями сохранять институциональное присутствие, не наращивая материального влияния. Теория Бузана и Уэвера, в свою очередь, описывает структуру безопасности, но не даёт инструмента для оценки экономической составляющей взаимодействия. Именно поэтому три теории используются не как конкурирующие, а как взаимодополняющие: каждая закрывает ту часть проблемы, которую две другие оставляют вне фокуса.

В совокупности эта рамка позволяет перейти от хронологического описания саммитов и деклараций к аналитической оценке. Дальнейший анализ строится вокруг трёх вопросов: насколько Россия встроена в асеаноцентричную архитектуру безопасности и в какой мере её участие подкреплено экономической взаимозависимостью; как гуманитарное взаимодействие способствует или не способствует долгосрочной устойчивости партнёрства; и каким образом внешние шоки, от пандемии до санкционного давления, проверяют прочность созданного институционального каркаса. Такая постановка вопроса позволяет далее рассмотреть три сообщества АСЕАН: сообщество в области политики и безопасности, экономическое и социокультурное как разные каналы и одновременно разные ограничения российско-асеановского взаимодействия.

Три сообщества АСЕАН и каналы взаимодействия с внешними партнёрами

После определения теоретической рамки необходимо показать, через какие институциональные контуры АСЕАН переводит региональную субъектность Юго-Восточной Азии в практические механизмы взаимодействия с внешними партнёрами. В Декларации согласия АСЕАН II 2003 г. была закреплена модель Сообщества АСЕАН, включающая три взаимосвязанные опоры: Сообщество АСЕАН в области политики и безопасности (англ. ASEAN Political-Security Community, APSC), Экономическое сообщество АСЕАН (англ. ASEAN Economic

Community, АЕС) и Социокультурное сообщество АСЕАН (англ. ASEAN Socio-Cultural Community, ASCC). Их взаимодополняемость означает, что безопасность, экономическая интеграция и гуманитарная связность рассматриваются в АСЕАН не как изолированные направления, а как разные измерения региональной устойчивости и внешнего позиционирования Ассоциации²⁰³. В Видении Сообщества АСЕАН 2025 эта логика была уточнена: APSC соотнесено с поддержанием регионального мира и центральной роли АСЕАН в архитектуре безопасности, АЕС — с формированием высокоинтегрированной и связанной с мировой экономикой региональной экономики, ASCC — с вовлечением населения, устойчивостью, инклюзивностью и укреплением общей идентичности²⁰⁴.

Таблица 3. Три сообщества АСЕАН как каналы взаимодействия с внешними партнёрами

Сообщество	Функция для АСЕАН	Основные инструменты	Значение для России
APSC	Координация в области политики и безопасности, поддержание региональной стабильности, укрепление центральности АСЕАН	ДДС / ТАС, АРФ, ВАС, СМОА+, меры доверия, превентивная дипломатия, диалог по нетрадиционным угрозам	Наиболее развитый канал российского участия в асеаноцентричной архитектуре: безопасность ИКТ, антитеррор, транснациональная преступность, наркотрафик, военная медицина, гуманитарное разминирование
АЕС	Экономическая интеграция, связанность рынков, включение АСЕАН в региональные и глобальные цепочки стоимости	ЗСТ АСЕАН, План построения Экономического сообщества АСЕАН до 2025 г., соглашения о свободной торговле с партнёрами, ВРЭП, отраслевые рабочие программы, диалоговые механизмы с внешними партнёрами	Важный, но менее результативный канал: Россия действует через ЕАЭС–Вьетнам, меморандум ЕЭК–АСЕАН, консультации АЕМ–Россия, отдельные энергетические, транспортные и цифровые проекты

²⁰³ Declaration of ASEAN Concord II. Bali, Indonesia, 07.10.2003. URL: https://www.icnl.org/wp-content/uploads/Transnational_2003Declaration.pdf (дата обращения: 28.03.2026).

²⁰⁴ ASEAN Community Vision 2025. Kuala Lumpur Declaration on ASEAN 2025. Kuala Lumpur, 22.11.2015. URL: <https://www.asean.org/wp-content/uploads/images/2015/November/aec-page/ASEAN-Community-Vision-2025.pdf> (дата обращения: 28.03.2026).

ASCC	Социокультурная связность, формирование человеческого капитала, развитие контактов между обществами	Образование, культура, наука, молодёжные обмены, экспертные сети, туризм, СМИ, НПО, академические и межуниверситетские форматы	Долгосрочный канал присутствия России через Центр АСЕАН при МГИМО, культурные соглашения, Год культуры Россия–АСЕАН, молодёжные саммиты, образовательные квоты и академическую мобильность
------	---	--	--

Источник: составлено автором на основе положений Декларации согласия АСЕАН II о трёх опорах Сообщества АСЕАН; Видения Сообщества АСЕАН 2025; Договора о дружбе и сотрудничестве в Юго-Восточной Азии; APSC Blueprint 2025, AEC Blueprint 2025 и ASCC Blueprint 2025; обзорного документа Секретариата АСЕАН о диалоговых отношениях Россия–АСЕАН; соглашений и документов Россия–АСЕАН в сфере безопасности, экономики, культуры и гуманитарного взаимодействия.

Наиболее институционально оформленным для России является трек политики и безопасности — Сообщество АСЕАН в области политики и безопасности (APSC). Его значение определяется не созданием союзнических обязательств, а доступом к регулярным асеаноцентричным площадкам, где обсуждаются региональная безопасность, нетрадиционные угрозы и меры доверия. ДДС закрепил для АСЕАН базовый кодекс межгосударственного поведения — уважение суверенитета, невмешательство, мирное урегулирование споров и отказ от угрозы силой, что делает этот документ нормативной основой взаимодействия Ассоциации с внешними партнёрами²⁰⁵. Для России вхождение в этот контур было связано с присоединением к ДДС в 2004 г., участием в АРФ, ВАС, СМОА+, Постминистерской конференции 10+1, консультациях по транснациональной преступности, Совместной рабочей группе по борьбе с терроризмом и транснациональной преступностью, а также в ежегодном диалоге по безопасности ИКТ с 2021 г.²⁰⁶ Поэтому именно APSC обеспечивает Москве наиболее устойчивую форму институционального присутствия в ЮВА: она позволяет участвовать в

²⁰⁵ Treaty of Amity and Cooperation in Southeast Asia. Denpasar, Bali, 24 February 1976. URL: <https://asean.org/wp-content/uploads/2025/02/12.-Treaty-of-Amity-and-Cooperation-in-Southeast-Asia.pdf> (дата обращения: 19.10.2024).

²⁰⁶ ASEAN Secretariat. Overview ASEAN–Russia Dialogue Relations. ASEAN Secretariat Information Paper. Jakarta: ASEAN Secretariat, 2024. P. 3. URL: <https://asean.org/wp-content/uploads/2024/09/Overview-ASEAN-Russia-Dialogue-Relations-as-of-Sep-2024.pdf> (дата обращения: 09.11.2025).

обсуждении вопросов безопасности без вступления в жёсткие военно-политические блоки. При этом практическое наполнение данного трека ограничено консенсусным характером асеановских механизмов: АРФ и СМОА+ важны как площадки доверия и координации, но не как инструменты принуждения или коллективной обороны²⁰⁷.

Экономическое сообщество АСЕАН образует для России более проблемный канал. С одной стороны, АЕС институционально открыто для внешних партнёров: в АЕС Blueprint 2025 прямо обозначены задачи углубления торговли, инвестиций, движения капитала и квалифицированной рабочей силы, а также укрепления связей с внешними сторонами и включения АСЕАН в глобальные цепочки стоимости²⁰⁸. На российском направлении эта логика проявилась в Соглашении о сотрудничестве в области экономики и развития 2005 г., комплексных планах действий, соглашении о ЗСТ ЕАЭС–Вьетнам, меморандуме между АСЕАН и ЕЭК 2018 г., а также в консультациях старших экономических должностных лиц и министров экономики АСЕАН–Россия. Обзор Секретариата АСЕАН за 2024 г. фиксирует наличие дорожной карты и рабочей программы торгово-инвестиционного сотрудничества на 2021–2025 гг., включающей торговлю, цифровую экономику, устойчивое развитие и взаимодействие АСЕАН с ЕАЭС²⁰⁹. С другой стороны, экономический трек остаётся слабее взаимодействия в области политики и безопасности. По данным Секретариата АСЕАН, товарооборот России и АСЕАН в 2023 г. составил 15,8 млрд долл., а Россия была лишь десятым торговым партнёром Ассоциации среди диалоговых партнёров²¹⁰. На этом фоне общий товарооборот АСЕАН в 2024 г. достиг около 3,8 трлн долл.; крупнейшими направлениями экспорта и импорта

²⁰⁷ Канаев Е. А., Шумкова В. А. Евразийские приоритеты асеаноцентричных диалоговых форматов по вопросам безопасности // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2017. Т. 17, № 3. С. 459.

²⁰⁸ ASEAN Economic Community Blueprint 2025. Jakarta: ASEAN Secretariat, 2015. P. 1. URL: <https://afcwp.asean.org/wp-content/uploads/2020/09/ANNEX-6-AEC-Blueprint-2025.pdf> (дата обращения: 28.03.2026).

²⁰⁹ ASEAN Secretariat. Overview ASEAN–Russia Dialogue Relations. ASEAN Secretariat Information Paper. Jakarta: ASEAN Secretariat, 2024. P. 3. URL: <https://asean.org/wp-content/uploads/2024/09/Overview-ASEAN-Russia-Dialogue-Relations-as-of-Sep-2024.pdf> (дата обращения: 09.11.2025).

²¹⁰ Там же. С. 3–4.

выступали внутриасианская торговля, США, Китай, ЕС, Япония, Республика Корея и другие азиатские партнёры, тогда как российское направление не занимало сопоставимого места в структуре внешнеэкономических связей Ассоциации²¹¹. Поэтому АЕС для России представляет скорее перспективную рамку, чем уже реализованный интеграционный канал. Даже ЗСТ ЕАЭС–Вьетнам не превращает автоматически Вьетнам в полноценные ворота России на рынок всей АСЕАН, а формат ЕАЭС–АСЕАН пока ограничен в основном консультациями, меморандумами и обменом практиками²¹².

Социокультурное сообщество АСЕАН требует отдельного рассмотрения, поскольку именно оно показывает не столько количественный масштаб, сколько устойчивость долгосрочных связей. ASCC Blueprint 2025 делает акцент на участии широкого круга участников: образовательных и научных структур, местных сообществ, НПО, частно-государственных форматов, межкультурного и межрелигиозного диалога, а также партнёров АСЕАН по развитию²¹³. Для России этот трек наполняется несколькими конкретными каналами. Первый — Центр АСЕАН при МГИМО, учреждённый в 2009 г. как площадка распространения информации об АСЕАН, содействия гуманитарным контактам, исследованиям, культурным и образовательным обменам²¹⁴. Второй — Соглашение Россия–АСЕАН

²¹¹ ASEAN Statistical Highlights 2025. Jakarta: ASEAN Secretariat, 2025. URL: <https://www.aseanstats.org/wp-content/uploads/2025/10/ASH2025.pdf> (дата обращения: 28.03.2026).

²¹² Ткаченко И. Ю. Перспективы общей экономической повестки ЕАЭС – ШОС – АСЕАН // Российский внешнеэкономический вестник. 2019. № 12. С. 13–14. URL: <https://journal.vavt.ru/rfej/article/view/2465/2302> (дата обращения: 14.03.2024); Kapoor N. Wither the Greater Eurasian Partnership? Challenges from the East in an evolving world order // Asian Politics and Policy. 2024. Vol. 16, No. 2. P. 236; Торкунов А. В., Стрельцов Д. В., Колдунова Е. В. «Азиатский поворот» в российской внешней политике: достижения, проблемы, перспективы // «Азиатский поворот» в российской внешней политике: достижения, проблемы, перспективы : монография / под ред. А. В. Торкунова, Д. В. Стрельцова, Е. В. Колдуновой. М. : Аспект Пресс, 2022. С. 105.

²¹³ ASEAN Socio-Cultural Community Blueprint 2025. Jakarta: ASEAN Secretariat, 2016. 34 p. URL: <https://asean.org/wp-content/uploads/2016/04/8.-March-2016-ASCC-Blueprint-2025.pdf> (дата обращения: 26.10.2025).

²¹⁴ Меморандум о взаимопонимании между Московским государственным институтом международных отношений (Университетом) и Секретариатом Ассоциации государств Юго-Восточной Азии об учреждении Центра АСЕАН при Московском государственном институте международных отношений (Университете). Пхукет, Таиланд, 23 июля 2009 г. URL:

о сотрудничестве в области культуры 2010 г., которое предусматривает взаимодействие в сфере музеев, архивов, библиотек, кино, культурного наследия, подготовки деятелей культуры, обменов экспертами, преподавателями, студентами, а также молодёжных и детских программ²¹⁵. Третий — Год культуры Россия–АСЕАН 2016 г., который стал примером многосторонней координации культурных мероприятий и был привязан к 20-летию диалогового партнёрства²¹⁶. Четвёртый — молодёжные саммиты и экспертно-академические обмены: первый молодёжный саммит 2013 г. в Москве собрал около 200 участников, а в 2013–2019 гг., по данным К. Г. Муратшиной, было проведено пять таких саммитов, включавших лекции, мастер-классы и культурные мероприятия для молодых участников из России и стран АСЕАН²¹⁷. Пятый канал — образование и академическая мобильность: наиболее заметная динамика наблюдается по Вьетнаму и Лаосу, где сохраняются исторические образовательные связи и значительная роль российских квот. В частности, для Вьетнама указывается не менее 1000 мест в год, а для Лаоса — 100 мест в 2023/2024 учебном году; при этом показатель академической мобильности у Лаоса и Вьетнама существенно выше, чем у большинства других стран АСЕАН, хотя по региону в целом образовательное взаимодействие остаётся неравномерным²¹⁸. Наконец, к гуманитарному измерению относится и туризм: по данным Секретариата АСЕАН, число прибытий из России в страны Ассоциации в 2023 г. достигло 2,1 млн человек после 0,6 млн в 2022 г., что показывает сохранение

https://asean.mgimo.ru/upload/ckeditor/files/Memorandum-ASEAN-Centre_rus.pdf (дата обращения: 26.10.2025).

²¹⁵ Соглашение Россия–АСЕАН о сотрудничестве в области культуры. 2010. URL: https://asean.mgimo.ru/images/partn/Culture-Agreement_2010_ru.doc (дата обращения: 27.11.2023).

²¹⁶ Совместное заявление о проведении в 2016 году Года культуры Россия–АСЕАН. 2016. URL: <https://asean.mgimo.ru/images/partn/2016-culture-year.pdf> (дата обращения: 27.11.2023).

²¹⁷ The 1st Russia–ASEAN Youth Summit: “Young Russia–Young ASEAN: Dialogue for Connectivity”, Moscow, 13–14 May 2013. Moscow: ASEAN Centre, MGIMO University, 2013. URL: <https://asean.mgimo.ru/images/photo/2013/Youth-Summit-Booklet.pdf> (дата обращения: 27.11.2023); Муратшина К. Г. Гуманитарное сотрудничество России и АСЕАН в новых исторических условиях // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2023. Т. 1, № 1 (58). С. 81.

²¹⁸ Донцов А. С. Образование как инструмент мягкой силы России в странах АСЕАН // Международные отношения. 2025. № 1. С. 140; 144.

массового социального канала контактов, хотя само по себе не доказывает глубину институционального гуманитарного взаимодействия²¹⁹.

Таким образом, три сообщества АСЕАН задают разные режимы включения России в региональную подсистему Юго-Восточной Азии. APSC обеспечивает наиболее развитый и устойчивый институциональный доступ к обсуждению вопросов безопасности; АЕС формирует перспективную, но пока ограниченную рамку экономического взаимодействия; ASCC создаёт менее масштабный в количественном выражении, но важный долгосрочный канал поддержания российского присутствия через образование, культуру, экспертные сети, молодёжные контакты и туризм. Поэтому гуманитарный трек не следует характеризовать как направление, которое количественно превосходит экономическое сотрудничество. Его значение состоит в другом: он менее заметен в статистике товарооборота, но обладает большей устойчивостью как инструмент долгосрочного присутствия, поскольку опирается на образовательные, экспертные, культурные и межличностные связи. Именно различие между этими тремя каналами позволяет далее перейти к анализу внешнеполитических интересов России в Юго-Восточной Азии и показать, почему политико-институциональное присутствие Москвы в асеаноцентричной архитектуре оказалось значительно более развитым, чем его экономическая основа.

Специфика российского участия на фоне других партнёров АСЕАН

Место России в структуре внешних связей АСЕАН проясняется лишь при сопоставлении с конкурирующим присутствием Китая, США, Японии и Индии — именно эти державы вместе с Россией формируют современную региональную среду. Для самой АСЕАН принципиально важно сохранить центральную роль в региональной архитектуре, не допустить превращения Юго-Восточной Азии в

²¹⁹ ASEAN Secretariat. Overview ASEAN–Russia Dialogue Relations. ASEAN Secretariat Information Paper. Jakarta: ASEAN Secretariat, 2024. P. 4. URL: <https://asean.org/wp-content/uploads/2024/09/Overview-ASEAN-Russia-Dialogue-Relations-as-of-Sep-2024.pdf> (дата обращения: 09.11.2025).

пространство жёсткой блоковой конкуренции и использовать внешние партнёрства как ресурс собственной стратегической автономии²²⁰.

Таблица 4. Сравнительная ниша России среди ключевых внешних партнёров АСЕАН

Партнёр АСЕАН	Экономическая роль	Сфера безопасности	Специфика подхода
Китай	Один из главных экономических партнёров Ассоциации; крупный источник импорта; АСЕАН–Китайская ЗСТ; участие во ВРЭП; инфраструктурная и цифровая повестка, сопряжение Генерального плана АСЕАН по взаимосвязанности 2025 г. и инициативы «Пояс и путь»	Одновременно партнёр по асеаноцентричным форматам и источник напряжённости в Южно-Китайском море; переговоры по Декларации о поведении сторон в Южно-Китайском море и Кодексу поведения в Южно-Китайском море, СМОА+	Высокая экономическая взаимозависимость при сохраняющейся стратегической настороженности части стран АСЕАН
США	Один из ключевых рынков для экспорта АСЕАН; инвестиции, технологические связи, цифровая экономика, инфраструктура, энергетика, помощь развитию	Союзнические связи с отдельными странами ЮВА, военно-политическое присутствие, морская безопасность, кибербезопасность, контртерроризм, СМОА+	Балансирование в области безопасности в отношении Китая, но с более выраженной нормативной и политической составляющей
Япония	Долгосрочный инфраструктурный, инвестиционный и партнёр по официальной помощи развитию (ОПР); поддержка связности, качественной инфраструктуры, производственных сетей, Всеобъемлющее экономическое партнёрство АСЕАН–Япония и ВРЭП	Поддержка морской безопасности, гуманитарная помощь и ликвидация последствий стихийных бедствий, разминирование, миротворчество и укрепление институционального потенциала, но без жёсткой военно-блоковой роли	Экономико-инфраструктурный партнёр долгого цикла, воспринимаемый как надёжный и менее политически конфликтный

²²⁰ ASEAN Outlook on the Indo-Pacific. ASEAN, 2019. URL: https://asean.org/wp-content/uploads/2021/01/ASEAN-Outlook-on-the-Indo-Pacific_FINAL_22062019.pdf (дата обращения: 28.11.2023); Zhang J. Rebuilding strategic autonomy: ASEAN's response to US–China strategic competition // China International Strategy Review. 2023. Vol. 5. P. 79; Мосяков Д. В. Страны Юго-Восточной Азии между Пекином и Вашингтоном: поиски баланса и трудности в сохранении единства // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. М.: ИВ РАН, 2016. Вып. XXXIII (33). С. 5.

Индия	Растущий, но ограниченный по масштабу партнёр; зона свободной торговли АСЕАН–Индия, транспортная связность, цифровые и технологические проекты, Трёхстороннее шоссе Индия–Мьянма–Таиланд	Индо-Тихоокеанская повестка, морская безопасность, противодействие пиратству, СМОА+, АРФ, ВАС, кибербезопасность	Балансирующий актор, полезный для диверсификации внешних связей АСЕАН, но без доминирующего экономического веса
Россия	Ограниченная торговля и инвестиции; нишевые направления — энергетика, транспорт, цифровая экономика, продовольственная безопасность, ЕАЭС–АСЕАН и ЕАЭС–Вьетнам	АРФ, ВАС, СМОА+, безопасность ИКТ, антитеррор, транснациональная преступность, ВТС, военно-морские и оборонные контакты с отдельными странами	Ниша политики и безопасности без модели донор–получатель и без требования присоединения к блокам, но со слабой торговле-инвестиционной основой

Источник: составлено автором по официальной статистике АСЕАН, обзорным документам Секретариата АСЕАН по отношениям с Россией, Китаем и Индией, документам АСЕАН–США, АСЕАН–Япония, материалам по ВРЭП, а также исследованиям Е. В. Колдуновой, А. В. Торкунова, Д. В. Стрельцова, А. С. Королёва, Д. Горенбурга и П. Шварца, Р. Якуба и SIPRI²²¹.

²²¹ ASEAN Statistical Highlights 2025. Jakarta: ASEAN Secretariat, 2025. URL: <https://www.aseanstats.org/wp-content/uploads/2025/10/ASH2025.pdf> (дата обращения: 28.03.2026); ASEAN Secretariat. Overview ASEAN–Russia Dialogue Relations. ASEAN Secretariat Information Paper. Jakarta: ASEAN Secretariat, 2024. 7 p. URL: <https://asean.org/wp-content/uploads/2024/09/Overview-ASEAN-Russia-Dialogue-Relations-as-of-Sep-2024.pdf> (дата обращения: 09.11.2025); ASEAN Secretariat. Overview of ASEAN–China Dialogue Relations. ASEAN Secretariat Information Paper. April 2020. 7 p. URL: <https://accf-asean-china.com/wp-content/uploads/2023/09/Overview-of-ASEAN-China-Relations-22-Apr-2020.pdf> (дата обращения: 11.04.2026); ASEAN–U.S. Leaders’ Statement on the Establishment of the ASEAN–U.S. Comprehensive Strategic Partnership. Phnom Penh, 12.11.2022. URL: <https://asean.org/wp-content/uploads/2022/11/ASEAN-US-Leaders-Statement-on-CSP-final-1.pdf> (дата обращения: 11.04.2026); Ministry of Foreign Affairs of Japan. Regional Evaluation of ASEAN Connectivity Support Centered on the “Japan–ASEAN Connectivity Initiative”. Third Party Evaluation Report FY2024. Tokyo, March 2025. 67 p. URL: <https://www.mofa.go.jp/policy/oda/evaluation/FY2024/pdfs/japan-asean.pdf> (дата обращения: 11.04.2026); ASEAN Secretariat. Overview ASEAN–India Dialogue Relations. July 2018. 6 p. URL: <https://asean.org/wp-content/uploads/2012/05/Overview-ASEAN-India-as-of-July-2018-fn.pdf> (дата обращения: 11.04.2026); Summary of the Regional Comprehensive Economic Partnership Agreement. 2020. 10 p. URL: <https://asean.org/wp-content/uploads/2020/11/Summary-of-the-RCEP-Agreement.pdf> (дата обращения: 11.04.2026); Колдунова Е. В. Дилеммы и противоречия трансрегиональных отношений АСЕАН с ЕС, США и Россией // Актуальные проблемы Европы. 2020. № 1. С. 136–154; Торкунов А. В., Стрельцов Д. В., Колдунова Е. В. «Азиатский поворот» в российской внешней политике: достижения, проблемы, перспективы // «Азиатский поворот» в российской внешней политике: достижения, проблемы, перспективы: монография / под ред. А. В. Торкунова, Д. В. Стрельцова, Е. В. Колдуновой. М.: Аспект Пресс, 2022. С.104–132;

Сравнение показывает, что Китай и США образуют для АСЕАН два наиболее значимых, но качественно разных внешних полюса. Китайская роль основана прежде всего на экономической плотности: ещё в 2018 г. Китай сохранял положение крупнейшего торгового партнёра АСЕАН, а в 2024 г. выступал крупнейшим источником импорта Ассоциации — 25,4% от общего объёма импорта товаров. При этом китайская линия включает не только торговлю, но и инфраструктуру, транспорт, цифровую экономику, производственные цепочки, сопряжение Генерального плана АСЕАН по взаимосвязанности 2025 г. (англ. Master Plan on ASEAN Connectivity 2025, МРАС 2025) с инициативой «Пояс и путь» (англ. Belt and Road Initiative, BRI), а также участие во ВРЭП²²². Однако именно Китай остаётся для АСЕАН двойственным партнёром: экономическая зависимость сочетается с напряжённостью вокруг Южно-Китайского моря и необходимостью переговоров по Декларации о поведении сторон в Южно-Китайском море (англ. DOC) и Кодексу поведения в Южно-Китайском море (англ. COC). Поэтому китайское участие не может рассматриваться только как экономический ресурс: оно одновременно усиливает возможности развития и обостряет задачу сохранения стратегической автономии Ассоциации²²³.

Korolev A. S. Russia-ASEAN Relations—Strategic Partnership or Strategic Illusion? // *Russia in Global Affairs*. 2024. Vol. 22, No. 3. P. 159–178;
 Gorenburg D., Schwartz P. Russia's Relations with Southeast Asia. *Russie.NEI.Reports*, No. 26. Paris: Ifri, 2019. 45 p. URL: <https://www.ifri.org/en/publications/etudes-de-lifri/russieneireports/russias-relations-southeast-asia> (дата обращения: 02.08.2024);
 Yaacob R. Southeast Asia's arms suppliers, by the numbers // *Lowy Institute. The Interpreter*. 21.01.2025. URL: <https://www.lowyinstitute.org/the-interpreter/southeast-asia-s-arms-suppliers-numbers> (дата обращения: 02.06.2025);
 SIPRI Arms Transfers Database. Stockholm International Peace Research Institute (SIPRI). URL: <https://armstransfers.sipri.org> (дата обращения: 13.11.2025).

²²² ASEAN Secretariat. Overview of ASEAN-China Dialogue Relations. ASEAN Secretariat Information Paper. April 2020. P. 3. URL: <https://accf-asean-china.com/wp-content/uploads/2023/09/Overview-of-ASEAN-China-Relations-22-Apr-2020.pdf> (дата обращения: 11.04.2026);

ASEAN Statistical Highlights 2025. Jakarta: ASEAN Secretariat, 2025. URL: <https://www.aseanstats.org/wp-content/uploads/2025/10/ASH2025.pdf> (дата обращения: 28.03.2026);
 Summary of the Regional Comprehensive Economic Partnership Agreement. 2020. P. 2. URL: <https://asean.org/wp-content/uploads/2020/11/Summary-of-the-RCEP-Agreement.pdf> (дата обращения: 11.04.2026).

²²³ Plan of Action to Implement the ASEAN-China Comprehensive Strategic Partnership (2026-2030). 2025. P. 1–2. URL: <https://asean.org/wp-content/uploads/2025/08/Final-ASEAN-China-POA-2026->

США занимают иную нишу. В экономике они выступают одним из главных рынков для экспорта АСЕАН: в 2024 г. на США приходилось 16% товарного экспорта Ассоциации, что делало американское направление вторым после внутриазиатской торговли. В сфере политики и безопасности Вашингтон сохраняет сеть союзнических и партнёрских связей с отдельными странами региона, а в отношениях с АСЕАН делает акцент на морской безопасности, кибербезопасности, противодействии транснациональной преступности, энергетическом переходе, инфраструктуре и человеческом капитале. Обновление отношений до уровня всеобъемлющего стратегического партнёрства в 2022 г. сопровождалось ссылкой на значительный объём американской помощи развитию, экономике, здравоохранению и безопасности с 2002 г.²²⁴ Вместе с тем американское присутствие тесно связано с логикой сдерживания Китая и с продвижением нормативной повестки. Это делает США важным ресурсом балансирования для части стран АСЕАН, но одновременно усиливает опасения Ассоциации перед втягиванием в соперничество великих держав²²⁵.

Япония отличается от Китая и США тем, что её участие имеет преимущественно долгосрочный характер, связанный с развитием инфраструктуры. Японская роль исторически складывалась через официальную помощь развитию (ОПР, англ. official development assistance, ODA), производственные сети,

2030.pdf (дата обращения: 11.04.2026);

Zhang J. Rebuilding strategic autonomy: ASEAN's response to US–China strategic competition // China International Strategy Review. 2023. Vol. 5. P. 79;

Мосяков Д. В. Страны Юго-Восточной Азии между Пекином и Вашингтоном: поиски баланса и трудности в сохранении единства // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. М.: ИВ РАН, 2016. Вып. XXXIII (33). С. 6.

²²⁴ ASEAN Statistical Highlights 2025. Jakarta: ASEAN Secretariat, 2025. URL: <https://www.aseanstats.org/wp-content/uploads/2025/10/ASH2025.pdf> (дата обращения: 28.03.2026); Plan of Action to Implement the ASEAN–United States Strategic Partnership (2021–2025). Updated with Annex. 2021. P. 6. URL: <https://asean.org/wp-content/uploads/2023/07/ASEAN-US-Plan-of-Action-2021-2025-updated-with-Annex.pdf> (дата обращения: 11.04.2026); ASEAN–U.S. Leaders' Statement on the Establishment of the ASEAN–U.S. Comprehensive Strategic Partnership. Phnom Penh, 12.11.2022. P. 2. URL: <https://asean.org/wp-content/uploads/2022/11/ASEAN-US-Leaders-Statement-on-CSP-final-1.pdf> (дата обращения: 11.04.2026).

²²⁵ Zhang J. Rebuilding strategic autonomy: ASEAN's response to US–China strategic competition // China International Strategy Review. 2023. Vol. 5. P. 77–78.

инфраструктуру, поддержку связности и подготовку человеческих ресурсов. Уже к 2011 финансовому году Япония приняла около 170 тыс. стажёров из стран АСЕАН и направила около 48 тыс. экспертов в регион, а в 1960–2011 гг. обеспечила значительную долю глобальной ОПР, направленной в АСЕАН²²⁶. В рамках современной повестки эта линия продолжена через Инициативу Япония–АСЕАН по взаимосвязанности (англ. Japan–ASEAN Connectivity Initiative) и последующие инициативы по связности: японская оценка 2025 г. фиксирует 65 проектов в десяти странах АСЕАН, включая наземные, морские, воздушные коридоры и мягкую инфраструктуру. В отличие от более конфликтных внешнеполитических линий, японский подход строится вокруг качественной инфраструктуры, прозрачности, устойчивости, жизненного цикла проектов и подготовки кадров²²⁷. Поэтому Япония выступает для АСЕАН не столько балансирующей военной силой, сколько партнёром долгого экономико-институционального цикла.

Индия занимает промежуточное положение. Её участие менее масштабно, чем китайское, американское или японское, но оно важно для диверсификации внешних связей Ассоциации и для расширения индийско-тихоокеанской повестки без жёсткой привязки к американо-китайскому противостоянию. Официальный обзор АСЕАН–Индия показывает, что индийско-асеановская торговля в 2017 г. достигла 73,49 млрд долл., а институциональная база была расширена за счёт зоны свободной торговли АСЕАН–Индия, соглашений по услугам и инвестициям, ежегодных саммитов, связности и механизмов делового взаимодействия²²⁸. В сфере

²²⁶ History of Japan's ODA Ties with ASEAN // JICA's World. September 2013. P. 11. URL: https://www.jica.go.jp/Resource/english/publications/j-world/c8h0vm000082pnre-att/1309_05.pdf (дата обращения: 11.04.2026).

²²⁷ Ministry of Foreign Affairs of Japan. Regional Evaluation of ASEAN Connectivity Support Centered on the "Japan-ASEAN Connectivity Initiative". Third Party Evaluation Report FY2024. Tokyo, March 2025. P. iii; 1. URL: <https://www.mofa.go.jp/policy/oda/evaluation/FY2024/pdfs/japan-asean.pdf> (дата обращения: 11.04.2026); Implementation Plan of the Joint Vision Statement on ASEAN-Japan Friendship and Cooperation. Tokyo, 17.12.2023. P. 7. URL: <https://asean.org/wp-content/uploads/2023/12/Final-Implementation-Plan-of-the-ASEAN-Japan-Joint-Vision-Statement.pdf> (дата обращения: 11.04.2026).

²²⁸ ASEAN Secretariat. Overview ASEAN-India Dialogue Relations. July 2018. P. 3. URL: <https://asean.org/wp-content/uploads/2012/05/Overview-ASEAN-India-as-of-July-2018-fn.pdf> (дата обращения: 11.04.2026).

безопасности Индия работает через ВАС, АРФ, СМОА+, морскую безопасность, кибербезопасность, противодействие терроризму и связку «Индо-тихоокеанского видения АСЕАН» с индийской Индо-Тихоокеанской океанской инициативой. В плане на 2026–2030 гг. дополнительно сохраняется акцент на морской безопасности, «синей экономике», цифровом взаимодействии, энергетике и завершении Трёхстороннего шоссе Индия–Мьянма–Таиланд²²⁹. Поэтому Индия значима для АСЕАН как дополнительный балансирующий и связующий актор, но её экономическое присутствие пока не сопоставимо с Китаем, США и Японией.

На этом фоне российская ниша оказывается более узкой и асимметричной. Её специфика состоит не в экономическом масштабе, а в сочетании присутствия в контексте политики и безопасности, статуса постоянного члена СБ ООН, военно-технических, энергетических и технологических компетенций, а также готовности взаимодействовать с АСЕАН без навязывания модели политического выравнивания. По данным Секретариата АСЕАН, товарооборот России и АСЕАН в 2023 г. составил 15,8 млрд долл., а прямые инвестиции из России в АСЕАН — 200,74 млн долл. По обоим показателям Россия занимала только десятое место среди диалоговых партнёров Ассоциации. Эти цифры особенно показательны на фоне общего товарооборота АСЕАН в 2024 г., достигшего около 3,8 трлн долл.²³⁰ Поэтому российско-асеановское партнёрство нельзя оценивать по тем же критериям, что взаимодействие АСЕАН с Китаем, США или Японией: оно не обладает сопоставимой торгово-инвестиционной плотностью.

²²⁹ Plan of Action to Implement the ASEAN-India Partnership for Peace, Progress and Shared Prosperity (2021-2025). 2020. P. 3. URL: <https://asean.org/wp-content/uploads/2020/09/ASEAN-India-POA-2021-2025-Final.pdf> (дата обращения: 11.04.2026); Plan of Action to Implement the ASEAN-India Comprehensive Strategic Partnership (2026-2030). 2026. P. 4; 7–10. URL: <https://asean.org/wp-content/uploads/2026/03/Final-POA-to-Implement-ASEAN-India-CSP-2026-2030-adopted.pdf> (дата обращения: 11.04.2026).

²³⁰ ASEAN Secretariat. Overview ASEAN–Russia Dialogue Relations. ASEAN Secretariat Information Paper. Jakarta: ASEAN Secretariat, 2024. P. 3-4. URL: <https://asean.org/wp-content/uploads/2024/09/Overview-ASEAN-Russia-Dialogue-Relations-as-of-Sep-2024.pdf> (дата обращения: 09.11.2025); ASEAN Statistical Highlights 2025. Jakarta: ASEAN Secretariat, 2025. URL: <https://www.aseanstats.org/wp-content/uploads/2025/10/ASH2025.pdf> (дата обращения: 28.03.2026).

В то же время Россия имеет сравнительные преимущества в контексте политики и безопасности. Её участие в АРФ, ВАС, СМОА+, консультациях по транснациональной преступности, диалоге по безопасности ИКТ, энергетических и научно-технологических форматах создаёт устойчивый институциональный контур присутствия²³¹. Отдельное значение сохраняет военно-техническое сотрудничество. По оценке Р. Якуба на основе данных SIPRI, в 2004–2023 гг. Россия была крупнейшим поставщиком вооружений в Юго-Восточную Азию по стоимости поставок, занимая 25% регионального рынка, хотя её доля в последующие годы снижалась²³². SIPRI также фиксирует более широкий структурный спад российского экспорта: в 2020–2024 гг. Россия оставалась третьим крупнейшим экспортёром вооружений в мире, но объём её экспорта снизился на 64% по сравнению с 2015–2019 год²³³. Следовательно, даже сильная российская ниша в сфере ВТС имеет ограничения: она зависит от санкционных рисков, производственных возможностей, обслуживания ранее поставленной техники и концентрации поставок на отдельных странах.

Наиболее точную критическую характеристику российской позиции даёт сопоставление институционального статуса и практического наполнения партнёрства. Е. В. Колдунова подчёркивает, что отношения России и АСЕАН отличаются от многих трансрегиональных связей тем, что они не строятся по модели донора и получателя, а Россия не навязывает Ассоциации ролевую модель поведения²³⁴. Это действительно создаёт для Москвы определённое преимущество

²³¹ ASEAN Secretariat. Overview ASEAN–Russia Dialogue Relations. ASEAN Secretariat Information Paper. Jakarta: ASEAN Secretariat, 2024. P. 2-3. URL: <https://asean.org/wp-content/uploads/2024/09/Overview-ASEAN-Russia-Dialogue-Relations-as-of-Sep-2024.pdf> (дата обращения: 09.11.2025).

²³² Yaacob R. Southeast Asia's arms suppliers, by the numbers // Lowy Institute. The Interpreter. 21.01.2025. URL: <https://www.lowyinstitute.org/the-interpreter/southeast-asia-s-arms-suppliers-numbers> (дата обращения: 02.06.2025).

²³³ Trends in international arms transfers, 2024 / Mathew George, Katarina Djokic, Zain Hussain, Pieter D. Wezeman, Siemon T. Wezeman. SIPRI Fact Sheet. Solna: Stockholm International Peace Research Institute, 2025. P. 1; 5. URL: https://www.sipri.org/sites/default/files/2025-03/fs_2503_at_2024_0.pdf (дата обращения: 02.06.2025).

²³⁴ Колдунова Е. В. Дилеммы и противоречия трансрегиональных отношений АСЕАН с ЕС, США и Россией // Актуальные проблемы Европы. 2020. № 1. С. 137.

на фоне более ресурсных, но политически чувствительных партнёрств АСЕАН. Однако эта особенность не компенсирует слабую материальную базу. А. В. Торкунов, Д. В. Стрельцов и Е. В. Колдунова указывают, что асеаноцентричные институты позволяли России сохранять присутствие в регионе, но не устраняли структурных проблем: слабой экономической взаимозависимости и недостаточной приоритетности юго-восточноазиатского направления²³⁵. А. С. Королёв описывает ту же асимметрию через метафору «обратного азиатского парадокса»: политико-институциональная рамка выстроена и поддерживается, тогда как торгово-экономическое наполнение остаётся минимальным²³⁶. Его расчёты на основе данных за 2018–2021 гг. показывают, что топливо и удобрения составляли порядка половины российского экспорта в АСЕАН, а основная масса товарооборота приходилась на Вьетнам и Индонезию²³⁷. Это означает, что Россия не формирует для Ассоциации единого регионального экономического интереса: её присутствие расплывлено по узкому набору товарных позиций и географически сконцентрировано на двух-трёх направлениях.

В результате сравнительная ниша России среди внешних партнёров АСЕАН имеет двойственный характер. С одной стороны, Россия не является для Ассоциации экономическим партнёром первого ряда и уступает Китаю, США, Японии и Индии по масштабу торгово-инвестиционного присутствия, инфраструктурных программ и вовлечённости в производственные цепочки. С другой стороны, российское участие отличается политической автономностью, отсутствием конфликтов с государствами ЮВА, готовностью поддерживать центральность АСЕАН и способностью действовать в нишевых сферах безопасности, энергетики, ВТС, ИКТ и науки. Именно поэтому Россию целесообразно рассматривать не как альтернативу Китаю, США или Японии, а как

²³⁵ Торкунов А. В., Стрельцов Д. В., Колдунова Е. В. «Азиатский поворот» в российской внешней политике: достижения, проблемы, перспективы // «Азиатский поворот» в российской внешней политике: достижения, проблемы, перспективы: монография / под ред. А. В. Торкунова, Д. В. Стрельцова, Е. В. Колдуновой. М.: Аспект Пресс, 2022. С. 105.

²³⁶ Korolev A. S. Russia-ASEAN Relations—Strategic Partnership or Strategic Illusion? // *Russia in Global Affairs*. 2024. Vol. 22, No. 3. P. 166.

²³⁷ Там же. С. 168-169.

дополнительного партнёра в контексте политики и безопасности, расширяющего пространство манёвра АСЕАН. Однако слабость торгово-инвестиционной базы ограничивает превращение этой ниши в полноценное влияние и делает российское присутствие в асеаноцентричной архитектуре более институциональным, чем экономическим.

1.3. Внешнеполитические интересы России в Юго-Восточной Азии

Российские внешнеполитические интересы в ЮВА складывались в условиях уже сформировавшейся вокруг АСЕАН сети диалоговых механизмов по вопросам безопасности и сотрудничества. В первой постсоветской Концепции внешней политики 1993 года подчёркивается необходимость развития сотрудничества с азиатскими государствами, включая страны Индокитая, с опорой на накопленный капитал советских вложений. Кроме того, отмечается, что участие России в урегулировании конфликтов в АТР способствует укреплению её статуса как надёжного партнёра для стран региона²³⁸. Уже здесь ЮВА появляется как часть более широкой задачи: избежать маргинализации России в быстро меняющемся азиатско-тихоокеанском окружении.

Закрепление АТР и ЮВА в качестве приоритетных направлений прослеживается и в следующих концепциях. В Концепции внешней политики Российской Федерации 2000 года отдельно подчёркивается, что российская внешняя политика должна наращивать позитивную динамику отношений с государствами Юго-Восточной Азии, что оформляет переход от общей ориентации

²³⁸ Концепция внешней политики Российской Федерации от 23 апреля 1993 г. // Концепции внешней политики РФ, 1993–2023 гг. / сост. Д. В. Кузнецов. Б. м.: Б. изд., 2023. С. 23. URL: <https://clck.ru/3CT6Hn> (дата обращения: 27.11.2023).

на азиатское направление к более предметной постановке задач в АТР²³⁹. В редакции 2008 года АТР характеризуется как пространство, приобретающее для России «особое значение». Однако эта формулировка остаётся в рамках перечисления региональных приоритетов: АТР назван наряду с другими направлениями многовекторной политики и не выделен как самостоятельный стратегический ориентир. Регион рассматривается с двух сторон: как источник экономического роста, значимый для модернизации Сибири и Дальнего Востока, и как поле формирования новой архитектуры безопасности, в которой Россия стремится участвовать на правах одного из ключевых игроков²⁴⁰.

В Концепции 2016 года АТР упоминается не просто как одно из направлений, а как стратегический приоритет. В документе сформулированы три конкретные задачи внешней политики в регионе: участие в интеграционных процессах, использование потенциала региона для развития восточных территорий и формирование «всеобъемлющей, открытой, транспарентной и равноправной» архитектуры безопасности и сотрудничества²⁴¹. В том же документе отдельно фиксируется курс на укрепление долгосрочного диалогового партнёрства с АСЕАН и вывод его на уровень стратегического²⁴². В последней редакции Концепции 2023 года эта линия увязывается с идеей Большого Евразийского партнёрства: предполагается формирование широкого интеграционного контура на евразийском пространстве с опорой, в том числе, на Ассоциацию государств Юго-Восточной Азии²⁴³.

²³⁹ Концепция внешней политики Российской Федерации от 28 июня 2000 г. // Концепции внешней политики РФ, 1993–2023 гг. / сост. Д. В. Кузнецов. Б. м.: Б. изд., 2023. С. 41. URL: <https://clck.ru/3CT6Hn> (дата обращения: 27.11.2023).

²⁴⁰ Концепция внешней политики Российской Федерации. 12 июля 2008 г., № Пр-1440 // Официальный сайт Президента России. URL: <http://kremlin.ru/acts/news/785> (дата обращения: 27.11.2023).

²⁴¹ Указ Президента Российской Федерации от 30 ноября 2016 г. № 640 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации» // Официальный сайт Президента России. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41451> (дата обращения: 27.11.2023).

²⁴² Там же.

²⁴³ Концепция внешней политики Российской Федерации от 31 марта 2023 г. // Концепции внешней политики РФ, 1993–2023 гг. / сост. Д. В. Кузнецов. Б. м.: Б. изд., 2023. С. 115. URL: <https://clck.ru/3CT6Hn> (дата обращения: 27.11.2023).

Параллельно с концептуальными установками интерес к Юго-Восточной Азии отражается и в двусторонних документах Россия–АСЕАН: совместных политических декларациях 2003–2004 гг., экономическом соглашении и декларации о всестороннем партнёрстве 2005 г., а также Комплексной программе действий 2005–2015 гг., где общие приоритеты переводятся в язык конкретных направлений сотрудничества²⁴⁴. Совместные заявления 2010–2011 гг. по итогам саммитов фиксируют устойчивость диалога и расширение повестки²⁴⁵.

На юбилейном саммите Россия–АСЕАН в Сочи в 2016 г. стороны зафиксировали стремление вывести отношения на стратегический уровень²⁴⁶. Кроме того, на саммите был принят Комплексный план действий на 2016–2020 гг., который конкретизировал эту установку в виде многоотраслевой программы, опирающейся на итоги реализации программы 2005–2015 гг. и декларацию

²⁴⁴ Совместная декларация министров иностранных дел Российской Федерации и Ассоциации государств Юго-Восточной Азии о партнерстве в деле мира и безопасности, а также процветания и развития в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Пномпень, 19 июня 2003 г. URL: https://asean.mgimo.ru/images/partn/Declaration-Partnership-Asia-Pacific-2003_ru.doc (дата обращения: 27.11.2023); Совместная декларация Российской Федерации и АСЕАН о сотрудничестве в борьбе с международным терроризмом. Джакарта, 2 июля 2004 г. URL: <https://asean.mid.ru/upload/iblock/9e3/ug1c96s4cm093ueh6ttehrlsnj56ov1w.pdf> (дата обращения: 27.11.2023); Соглашение между Правительством Российской Федерации и правительствами государств-членов Ассоциации государств Юго-Восточной Азии о сотрудничестве в области экономики и развития. Куала-Лумпур, 10 декабря 2005 г. URL: https://asean.mgimo.ru/images/partn/Economic-Agreement_2005_ru.doc (дата обращения: 27.11.2023); Совместная декларация главы государства Российской Федерации и глав государств и правительств государств-членов Ассоциации государств Юго-Восточной Азии о развитии и всеобъемлющем партнерстве. Куала-Лумпур, 13 декабря 2005 г. URL: https://asean.mgimo.ru/images/partn/Joint-Declaration_2005_ru.doc (дата обращения: 27.11.2023); Комплексная программа действий по развитию сотрудничества Российской Федерации и Ассоциации государств Юго-Восточной Азии на 2005–2015 гг. 2005. URL: https://asean.mgimo.ru/images/partn/Comprehensive-Programme-of-Action-2005-2015_ru.doc (дата обращения: 27.11.2023).

²⁴⁵ Совместное заявление по итогам второго саммита Российская Федерация – АСЕАН. Ханой, 30 октября 2010 г. URL: https://asean.mgimo.ru/images/partn/Joint-Statement_2010_ru.doc (дата обращения: 27.11.2023); Совместное заявление министров иностранных дел Российской Федерации и Ассоциации государств Юго-Восточной Азии по случаю 15-летия диалогового партнерства Россия–АСЕАН. о. Бали, 22 июля 2011 г. URL: https://asean.mgimo.ru/images/partn/Joint-Statement-15anniv-partn_ru.doc (дата обращения: 27.11.2023).

²⁴⁶ Сочинская декларация юбилейного саммита Россия–АСЕАН «На пути к взаимовыгодному стратегическому партнерству». Сочи, 19–20 мая 2016 г. URL: <https://asean.mgimo.ru/images/partn/2016-sochi-declaration.pdf> (дата обращения: 27.11.2023).

«АСЕАН-2025», и выдвинул вперёд приоритеты цифровой экономики, взаимосвязанности и поддержки формирования Сообщества АСЕАН²⁴⁷. Более того, президент России В. В. Путин на полях саммита предложил идею сопряжения форматов ЕАЭС, ШОС и АСЕАН в рамках концепции Большого Евразийского партнёрства²⁴⁸.

На саммите Россия–АСЕАН в Сингапуре в ноябре 2018 г. партнёрство получило статус стратегического. В литературе этот шаг нередко рассматривается как одна из опор более широкого «поворота на Восток» наряду с китайским направлением²⁴⁹. Кроме того, на полях саммита было принято заявление по безопасности в сфере ИКТ, которое зафиксировало курс на координацию усилий по предотвращению злоупотреблений цифровыми технологиями и выработку норм ответственного поведения государств в киберпространстве²⁵⁰. Следующий Комплексный план действий на 2021–2025 гг. развил эту линию, включив в повестку цифровую экономику и безопасность использования ИКТ наряду с более традиционными направлениями сотрудничества²⁵¹.

В рамках диверсификации внешнеполитических и внешнеэкономических связей в логике «поворота на Восток» сотрудничество с АСЕАН выступает для России одновременно модернизационным ресурсом, каналом участия в азиатско-тихоокеанском экономическом регионализме и способом снижения чрезмерной

²⁴⁷ Комплексный план действий по развитию сотрудничества Российской Федерации и Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (2016–2020 гг.). Сочи, 19–20 мая 2016 г. URL: <https://asean.mgimo.ru/images/partn/2016-2020-action-plan.pdf> (дата обращения: 27.11.2023).

²⁴⁸ Колдунова Е. В. Дилеммы и противоречия трансрегиональных отношений АСЕАН с ЕС, США и Россией // Актуальные проблемы Европы. 2020. № 1. С. 148.

²⁴⁹ Там же.

²⁵⁰ Заявление Российской Федерации и АСЕАН о сотрудничестве в области обеспечения безопасности использования информационно-коммуникационных технологий и самих информационно-коммуникационных технологий. 2018 г. URL: <https://asean.mid.ru/upload/iblock/031/h93rjq46rp5p8rpo9tpewzjcsxdzivzu.pdf> (дата обращения: 27.11.2023).

²⁵¹ Комплексный план действий по реализации стратегического партнёрства между Российской Федерацией и Ассоциацией государств Юго-Восточной Азии (2021–2025 годы) // Официальный сайт Президента России. 28 октября 2021 г. URL: <http://kremlin.ru/supplement/5726> (дата обращения: 27.11.2023).

зависимости от китайского направления²⁵². Вместе с тем вплоть до 2010-х гг. Юго-Восточная Азия оставалась периферийным направлением российской политики: её значение стало возрастать по мере углубления кризиса отношений с Западом и усиления потребности в диверсификации внешнеэкономических связей²⁵³. После 2022 г. восточный вектор приобрёл ещё более прикладное значение: санкционное давление и разрыв прежних хозяйственных связей с европейским направлением превратили укрепление российских позиций в АТР из долгосрочной задачи внешнеэкономического планирования в один из факторов устойчивости российской экономики и внешнеполитического курса²⁵⁴. В зарубежной литературе эти изменения также интерпретируются как попытка России адаптироваться к тому, что именно АТР становится основным полем концентрации мирового экономического роста и соперничества крупных держав на фоне относительного снижения роли Европы²⁵⁵.

В совокупности анализ официальных документов с 1990-х по 2020-е гг. показывает последовательную эволюцию российских интересов в Юго-Восточной Азии. Это задаёт рамку для выделения структуры интересов России в Юго-Восточной Азии (политико-стратегического, экономического и гуманитарного измерений) и сопоставления заявленных установок с возможностями их реализации.

Выделение структуры внешнеполитических интересов России в Юго-Восточной Азии удобно вести по трём взаимосвязанным измерениям. Во-первых,

²⁵² Канаев Е. А., Пятачкова А. С. АСЕАН в повороте России на Восток // XVI Апрельская международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества: в 4 кн. / Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2016. С. 431. URL: <https://publications.hse.ru/pubs/share/folder/42amutferv/180456578.pdf> (дата обращения: 04.08.2024).

²⁵³ Рогожин А. А., Рогожина Н. Г. Юго-Восточная Азия в приоритетах российской политики «поворота к Азии» // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2019. Т. 12, № 1. С. 188–189.

²⁵⁴ Мосяков Д. В., Шпаковская М. А., Понька Т. И., Данилов В. А. Разворот на Восток как фактор укрепления влияния России в Азии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2024. Т. 24. № 2. С. 183–186.

²⁵⁵ Lo B. Once More with Feeling: Russia and the Asia-Pacific. – Sydney: Lowy Institute for International Policy, 2019. P. 1–4. URL: <http://www.jstor.org/stable/resrep19784> (дата обращения: 03.08.2024).

это политико-стратегический интерес к институциональному присутствию и участию в обсуждении региональной безопасности. Во-вторых, экономический интерес к торгово-инвестиционной диверсификации, прежде всего через расширение доступа к рынкам ЮВА и к связанным с ними логистическим маршрутам. В-третьих, гуманитарный интерес, обеспечивающий более устойчивую социальную и имиджевую основу взаимодействия и дополняющий первые два направления²⁵⁶.

Политико-стратегическое измерение интересов России в Юго-Восточной Азии связано не только с двусторонними контактами, но и с задачей институционально закрепить своё присутствие в региональном диалоге через асеаноцентричные площадки. М. Като отметил, что участие в АРФ и АТЭС рассматривалось Москвой как способ встроиться в действующую систему многосторонних консультаций, не располагая при этом сопоставимыми с Японией, США или Китаем экономическими ресурсами²⁵⁷. Д. Горенбург и П. Шварц фиксируют ту же логику: Россия последовательно добивалась включения в ключевые механизмы, формирующие региональную повестку²⁵⁸. Принципиальным условием такого включения выступала «мягкая» процедурная среда асеановского регионализма: опора на консенсус, невмешательство и отсутствие жёстких обязательств позволяла Москве участвовать в обсуждении вопросов безопасности, сохраняя высокую степень внешнеполитической гибкости²⁵⁹.

Из этой логики вытекает конкретная ниша, которую Россия стремится занимать в региональной архитектуре. Д. Горенбург и П. Шварц описывают Россию как актора, который не требует от стран ЮВА жёсткого выбора между внешними

²⁵⁶ Bukh A. Russia's Image and Soft Power Resources in Southeast Asia: Perceptions among Young Elites in Laos, Thailand and Vietnam // *Contemporary Southeast Asia*. 2016. Vol. 38, No. 3. P. 445; Муратшина К. Г. Гуманитарное сотрудничество России и АСЕАН в новых исторических условиях // *Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития*. 2023. Т. 1, № 1 (58). С. 77.

²⁵⁷ Като М. Российская многосторонняя дипломатия в системе Азиатско-Тихоокеанской региональной интеграции // *Сравнительная политика*. 2010. Т. 1, № 1. С. 188.

²⁵⁸ Gorenburg D., Schwartz P. Russia's Relations with Southeast Asia. *Russie.NEI.Reports*, No. 26. Paris: Ifri, 2019. P. 15. URL: <https://www.ifri.org/en/publications/etudes-de-lifri/russieneireports/russias-relations-southeast-asia> (дата обращения: 02.08.2024).

²⁵⁹ Като М. Российская многосторонняя дипломатия в системе Азиатско-Тихоокеанской региональной интеграции // *Сравнительная политика*. 2010. Т. 1, № 1. С. 189.

центрами силы и потому может выступать дополнительным партнёром в условиях соперничества США и Китая²⁶⁰. Россия старается поддерживать рабочие отношения со всеми правительствами региона без привязки к какому-либо блоку и позиционирует себя как фактор, расширяющий пространство стратегического манёвра АСЕАН, а не сужающий его. Эта роль опирается прежде всего на дипломатическую и институциональную активность: участие в саммитах, рабочих группах, межсессионных встречах, тогда как экономическая и ресурсная база влияния остаётся ограниченной²⁶¹. В дискуссии о концепции Большой Евразии асеаноцентричные форматы нередко рассматриваются как один из каналов сопряжения региональных инициатив с более широкими евразийскими проектами, однако практическая реализация этого сопряжения до сих пор не вышла за рамку экспертных обсуждений²⁶².

Отдельного внимания требует военно-техническое взаимодействие. В литературе оно трактуется не как универсальный механизм влияния России на регион в целом, а как сегмент двусторонних отношений с отдельными странами: прежде всего Вьетнамом, Индонезией, Малайзией и Мьянмой. При этом Россия не воспринимается большинством государств ЮВА как прямой источник угроз, а её позиционирование по ключевым вопросам региональной безопасности характеризуется как осторожное и не ведущее к формированию устойчивых блоковых связей²⁶³.

Экономическое измерение интересов России в ЮВА в исследуемой литературе описывается как одновременно желаемое и уязвимое: потенциал взаимодействия постоянно декларируется, но фактический масштаб связей

²⁶⁰ Gorenburg D., Schwartz P. Russia's Relations with Southeast Asia. *Russie.NEI.Reports*, No. 26. Paris: Ifri, 2019. P. 12. URL: <https://www.ifri.org/en/publications/etudes-de-lifri/russieneireports/russias-relations-southeast-asia> (дата обращения: 02.08.2024).

²⁶¹ Rangsimaporn P. Russia's Search for Influence in Southeast Asia // *Asian Survey*. 2009. Vol. 49, No. 5. P. 808.

²⁶² Канаев Е. А., Королев А. С. Большая Евразия, Индо-Тихоокеанский регион и отношения России с АСЕАН // *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. 2019. Т. 12, № 1. С. 28; 36.

²⁶³ Gorenburg D., Schwartz P. Russia's Relations with Southeast Asia. *Russie.NEI.Reports*, No. 26. Paris: Ifri, 2019. P. 12; 20–21. URL: <https://www.ifri.org/en/publications/etudes-de-lifri/russieneireports/russias-relations-southeast-asia> (дата обращения: 02.08.2024).

ограничен. Так, в работе Л. Ф. Лебедевой и Е. В. Захаровой показано, что при росте торговли в 2000–2012 гг. доля России в товарообороте АСЕАН в целом оставалась ниже 1%²⁶⁴. Более того, по данным за 2020 г. доля стран АСЕАН во внешнеторговом обороте России составляла около 2,5%, а общий оборот России со странами АСЕАН оценивался в 15178,609 млн долл. США, при этом импорт превышал экспорт²⁶⁵.

Содержательная специфика экономического интереса проявляется в товарной структуре и в концентрации торговли по ограниченному числу партнёров и групп товаров. Обзор динамики 2017–2020 гг. фиксирует сокращение как экспорта, так и импорта России со странами АСЕАН, причём экспорт уменьшался сильнее²⁶⁶. Это важно для интерпретации интересов: стратегическая задача расширения присутствия в Азии и снижения чрезмерной зависимости от Китая наталкивается на то, что экономические результаты нестабильны и зависят от санкционной среды, конъюнктурных колебаний и структурных ограничений самого российского экспорта²⁶⁷.

Отдельного внимания заслуживает дальневосточный компонент. Я. В. Дёмина зафиксировала, что в 2012–2021 гг. доля стран АСЕАН во внешнеторговом обороте Дальнего Востока не превышала 2%, а по России в целом составляла около 3%²⁶⁸. Эта цифра наглядно демонстрирует разрыв между риторикой «поворота на Восток» и реальной экономической вовлечённостью восточных регионов в торговлю с ЮВА. При этом структура дальневосточного экспорта в направлении АСЕАН отличается от общероссийской: здесь выше доля рыбопродукции и отдельных продовольственных товаров, тогда как на федеральном уровне

²⁶⁴ Лебедева Л. Ф., Захарова Е. В. Россия среди основных торговых партнёров стран АСЕАН // Россия и Америка в XXI веке. 2014. Вып. 3. С. 3.

²⁶⁵ Попова Т. Н., Демина Ю. А., Гродзиевский Я. Ю., Ерисковский М. В., Стяжкина Н. А. Анализ динамики и структуры товарных потоков России и стран АСЕАН // Российский внешнеэкономический вестник. 2022. № 2. С. 44.

²⁶⁶ Там же.

²⁶⁷ Бурова Е. С. Оценка двусторонней торговли РФ-АСЕАН под влиянием санкций // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2023. Т. 5, № 4 (61). С. 69.

²⁶⁸ Дёмина Я. В. Внешняя торговля Дальнего Востока России со странами АСЕАН: сравнение с общероссийской динамикой и структурой товаропотоков // Регионалистика. 2022. Т. 9. № 2. С. 49.

преобладают топливно-сырьевые и металлургические позиции²⁶⁹. С точки зрения анализа интересов, задачам развития восточных регионов соответствует не механический рост оборота, а постепенное изменение товарной структуры и логистики торговли. Без этого дальневосточное направление продолжит экспорт ограниченного набора сырьевых позиций с низкой степенью обработки, не развивая переработку.

Гуманитарное измерение интересов России в ЮВА в рассматриваемой литературе занимает промежуточное положение: оно не является приоритетным в стратегическом смысле, но выполняет функцию долгосрочной поддержки контактов. Д. Горенбург и П. Шварц выделяют в нём образовательное сотрудничество и взаимодействие в области безопасности человека, включая борьбу с инфекционными заболеваниями, как сферы, влияющие на качество долгосрочных связей²⁷⁰. Л. Ф. Лебедева и Е. В. Захарова обращают внимание на то, что значимую долю торговли услугами между Россией и странами ЮВА составляют туристические поездки, фактически выводя контакты между людьми в самостоятельный элемент взаимных интересов²⁷¹. Отдельные исследования указывают, что экспорт медицинской продукции способен временно усиливать присутствие России на рынках региона²⁷².

В российской литературе гуманитарный трек описывается как совокупность направлений, обеспечивающих устойчивые межобщественные контакты: культура, образование, наука, здравоохранение, спорт, молодёжные и экспертные обмены²⁷³. Институционально он оформлен через рамочные документы партнёрства и специализированные соглашения (Соглашение о сотрудничестве в области

²⁶⁹ Там же. С. 53.

²⁷⁰ Gorenburg D., Schwartz P. Russia's Relations with Southeast Asia. *Russie.NEI.Reports*, No. 26. Paris: Ifri, 2019. P. 18. URL: <https://www.ifri.org/en/publications/etudes-de-lifri/russieneireports/russias-relations-southeast-asia> (дата обращения: 02.08.2024).

²⁷¹ Лебедева Л. Ф., Захарова Е. В. Россия среди основных торговых партнёров стран АСЕАН // Россия и Америка в XXI веке. 2014. Вып. 3. С. 4.

²⁷² Дёмина Я. В. Внешняя торговля Дальнего Востока России со странами АСЕАН: сравнение с общероссийской динамикой и структурой товаропотоков // Регионалистика. 2022. Т. 9, № 2. С. 53.

²⁷³ Муратшина К. Г. Гуманитарное сотрудничество России и АСЕАН в новых исторических условиях // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2023. Т. 1. № 1 (58). С. 77.

культуры 2010 г., инициатива Года культуры Россия–АСЕАН 2016 г.)²⁷⁴. Более информативным для анализа является уровень восприятия. В исследовании А. Буха показано, что для части молодёжи в Лаосе, Таиланде и Вьетнаме образ России по-прежнему связан с советским прошлым и представлением о стране как о великой державе. Вместе с тем оценки современного присутствия России заметно различаются по странам: там, где сохранились исторические связи (Лаос, Вьетнам), восприятие более устойчиво; там, где их нет (Филиппины, Сингапур), образ России размыт и не подкреплён конкретным опытом взаимодействия²⁷⁵. На этом фоне образовательные связи, как отмечает А. С. Донцов, могут рассматриваться как самостоятельный инструмент мягкой силы, а показатели академической мобильности – как один из немногих количественно фиксируемых индикаторов интенсивности гуманитарного сотрудничества²⁷⁶.

Три выделенных измерения вписываются в более широкую концептуальную рамку евразийских инициатив, которые используются в исследовательской литературе для интерпретации мотивов расширения российского участия в процессах сотрудничества с государствами ЮВА помимо двусторонних проектов. В статье Н. Капур концепция Большого Евразийского партнёрства рассматривается как инструмент позиционирования России в качестве одного из ключевых участников интеграционных процессов в Большой Евразии, предполагающий, прежде всего, сопряжение ЕАЭС с китайской инициативой «Пояса и пути» (англ. BRI) и расширение кооперации в многосторонних форматах, среди которых АСЕАН занимает важное место как часть Большого Евразийского партнерства

²⁷⁴ Соглашение Россия–АСЕАН о сотрудничестве в области культуры. 2010. URL: https://asean.mgimo.ru/images/partn/Culture-Agreement_2010_ru.doc (дата обращения: 27.11.2023); Совместное заявление о проведении в 2016 году Года культуры Россия–АСЕАН. 2016. URL: <https://asean.mgimo.ru/images/partn/2016-culture-year.pdf> (дата обращения: 27.11.2023); Муратшина К. Г. Гуманитарное сотрудничество России и АСЕАН в новых исторических условиях // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2023. Т. 1, № 1 (58). С. 78.

²⁷⁵ Bukh A. Russia's Image and Soft Power Resources in Southeast Asia: Perceptions among Young Elites in Laos, Thailand and Vietnam // Contemporary Southeast Asia. 2016. Vol. 38, No. 3. P. 462; 466.

²⁷⁶ Донцов А. С. Образование как инструмент мягкой силы России в странах АСЕАН // Международные отношения. 2025. № 1. С. 138.

(БЕП, англ. GEP)²⁷⁷. В работе М. Энтина и Э. Энтиной подчёркивается, что уже в 2016 г. предлагалось рассматривать площадку Россия–АСЕАН как возможный элемент более широкого взаимодействия и как точку для обсуждения перспектив сопряжения евразийских форматов²⁷⁸.

В результате структура интересов России в Юго-Восточной Азии может быть описана не как набор разрозненных направлений, а как взаимосвязанный комплекс, включающий политико-стратегическое присутствие через институты АСЕАН, экономическую диверсификацию при сохраняющейся ограниченности и волатильности торговой базы, а также гуманитарное измерение, обеспечивающее устойчивость контактов и расширение повестки.

По наблюдению А. С. Королёва, институциональная активизация отношений после 2014 г.: заключение соглашения о ЗСТ ЕАЭС–Вьетнам (2015), оформление стратегического партнёрства (2018) не привела к сопоставимому росту товарооборота. К 2019 г. объём взаимной торговли оказался ниже уровня 2014 г.²⁷⁹ После 2022 г. к этим структурным ограничениям добавился санкционный контур, который усложнил практическую реализацию экономических инициатив. А. С. Королёв отмечает, что ужесточение санкций и настороженность частного сектора повышают издержки расчётов, страхования и логистики, увеличивая риск пересмотра или сворачивания проектов даже при сохранении политической заинтересованности сторон²⁸⁰. В качестве примера он приводит ситуацию с отключением части российских банков от международной системы межбанковских сообщений, что создало неопределённость для финансирования и реализации крупных проектов во Вьетнаме. Кроме того, А. С. Королёв указывает на

²⁷⁷ Kapoor N. Wither the Greater Eurasian Partnership? Challenges from the East in an evolving world order // Asian Politics and Policy. 2024. Vol. 16, No. 2. P. 233.

²⁷⁸ Entin M., Entina E. Russia's Role in Promoting Great Eurasia Geopolitical Project // Rivista di Studi Politici Internazionali. 2016. Vol. 83, № 3 (331). P. 350. URL: <https://www.jstor.org/stable/44427783> (дата обращения: 03.08.2024).

²⁷⁹ Королёв А.С. Новый «поворот» или пробуксовка: влияние украинского кризиса на отношения России и АСЕАН // РСМД. 2022. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/novyuy-povorot-ili-probuksovka-vliyanie-ukrainskogo-krizisa-na-otnosheniya-rossii-i%20-ASEAN/> (дата обращения: 09.03.2024).

²⁸⁰ Там же.

сокращение туристического потока из России как фактор, негативно сказавшийся на секторе услуг и связанных с ним отраслях в ряде стран региона²⁸¹.

Санкционная конфронтация России с США и ЕС после 2022 г. создала для государств АСЕАН ситуацию, которую в китайской литературе принято описывать как совокупность «третьих факторов»: давление, не исходящее напрямую от стран региона, но меняющее условия их взаимодействия с Россией²⁸². Это выражалось в трёх аспектах. Во-первых, банковское сопровождение расчётов: часть российских контрагентов была отключена от системы SWIFT, а западные банки-корреспонденты отказывались проводить платежи, связанные с Россией, даже если формально сделка не подпадала под санкционные ограничения. Во-вторых, страхование и перестрахование грузов: крупнейшие страховые компании прекратили обслуживание российских направлений, что увеличило стоимость фрахта и сделало ряд маршрутов экономически нецелесообразными. В-третьих, репутационные риски: компании и финансовые структуры в третьих странах предпочитали воздерживаться от расширения кооперации с российскими партнёрами, опасаясь вторичных санкций и ограничений доступа к западным рынкам капитала. В совокупности эти факторы не прервали торговлю, но существенно замедлили её и сузили круг контрагентов, готовых работать с российской стороной.

Сами государства ЮВА воспринимали украинский конфликт не только как политический вызов, но и как источник непосредственной экономической нестабильности. П. Саха и А. С. Королёв зафиксировали, что рост мировых цен на

²⁸¹ Там же.

²⁸² 张悦. 俄罗斯与东盟国家合作新趋势及影响因素 // 国际展望. 2020. 12(03). 138; 147. URL: <https://www.scholarmate.com/S/CfNCMT> (дата обращения: 02.08.2024). [Чжан Юэ. Новые тенденции и факторы, влияющие на сотрудничество России со странами АСЕАН // Международные перспективы. 2020. Т. 12, № 3. С. 138; 147.]; 薛锁锁, 郭晓婷. 俄罗斯“转向东方”以来与东盟国家关系的动向及前景 // 欧亚经济. 2024.(1).52–53. URL: <https://d.wanfangdata.com.cn/periodical/ChlQZXJpb2RpY2FsQ0hJTmV3UzIwMjQwNzA0EhJlbHN6eWRvc2MyMDI0MDEwMDQaCGM4a3p3NG85> (дата обращения: 02.08.2024). [Сюэ Суоуо, Го Сяотин. Тенденции и перспективы отношений России со странами АСЕАН после «поворота России на Восток» // Евразийская экономика. 2024. № 1. С. 52–53.]

энергоносители и продовольствие, а также риски разрыва цепочек поставок создали для стран региона ощутимое давление и стимулировали выбор прагматичной линии, ориентированной на деэскалацию и сохранение каналов диалога со всеми сторонами конфликта²⁸³. Как подчёркивают М. Камар и С. Шарма, для государств ЮВА более значимыми оказались косвенные последствия конфликта: прежде всего для продовольственной, энергетической и экономической сферы, что во многом объясняет сдержанность риторики и осторожность практических шагов в отношении России²⁸⁴.

Ещё одним важным ограничением для российско-асеановского взаимодействия выступает неоднородность позиций внутри АСЕАН и, как следствие, ограниченные возможности выработки согласованной коллективной линии. И. Стори и У. Чунг показывают, что первоначальные реакции государств ЮВА на события в Украине заметно разошлись: от наиболее жёсткой позиции Сингапура, осудившего действия России и объявившего санкционные меры, до открытой поддержки Москвы со стороны военного руководства Мьянмы. На уровне ассоциации это привело к формулированию компромиссного заявления, позволившего сохранить единство, но содержание оказалось размыто²⁸⁵. Исследователи отмечают, что расхождения проявились и при голосованиях в Генеральной Ассамблее ООН, что связано с различиями во внешнеполитических ориентирах и историческом опыте взаимодействия отдельных государств с

²⁸³ Saha P. Understanding ASEAN's Non-Linear Approach to the Russia-Ukraine War // ORF Issue Brief. 2022. No. 596. P. 4. URL: <https://www.orfonline.org/research/understanding-asean-s-non-linear-approach-to-the-russia-ukraine-war> (дата обращения: 26.04.2024); Королев А.С. Новый «поворот» или пробуксовка: влияние украинского кризиса на отношения России и АСЕАН // РСМД. 2022. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/novyuy-povorot-ili-probuksovka-vliyanie-ukrainskogo-krizisa-na-otnosheniya-rossii-i-ASEAN/> (дата обращения: 09.03.2024).

²⁸⁴ Qamar M., Sharma S. Ukraine–Russia Conflict from the Southeast Asian Perspective. *Indian Journal of Asian Affairs*, 2023, Vol. 36, No. 1/2, P. 56; 62; 66; 67. URL: <https://www.jstor.org/stable/10.2307/27307175> (дата обращения: 03.08.2024).

²⁸⁵ Storey I., Choong W. Russia's Invasion of Ukraine: Southeast Asian Responses and Why the Conflict Matters to the Region. *ISEAS Perspective*. 2022. No. 24. Singapore, 9 March 2022. P. 2. URL: https://www.iseas.edu.sg/wp-content/uploads/2022/02/ISEAS_Perspective_2022_24.pdf (дата обращения: 26.10.2025).

великими державами²⁸⁶. Китайский исследователь Чэн Ханьпин, анализируя те же голосования, выделяет две основные модели поведения: поддержка осуждающей резолюции при стремлении сохранить рабочие каналы с Москвой и более подчеркнутый нейтралитет (включая воздержание или неучастие в голосовании), при общей установке на невмешательство. При этом шаг Сингапура по введению санкций трактуется как нетипичный для АСЕАН и фактор, способный осложнять поддержание внутреннего единства и «центральности» ассоциации²⁸⁷.

Существенные ограничения проявляются и в военно-техническом сотрудничестве, которое традиционно рассматривалось как одно из ключевых направлений присутствия России в Юго-Восточной Азии. А. С. Королёв отмечает, что санкционное законодательство США и связанное с ним политическое давление повышают риски и издержки закупок российского вооружения для государств региона и стимулируют их к диверсификации поставщиков²⁸⁸. В качестве показательного примера он рассматривает ситуацию с Индонезией, где планировавшийся контракт на закупку российских истребителей был сорван под угрозой применения Закона о противодействии противникам Америки посредством санкций (англ. CAATSA), а освободившуюся нишу заняли другие экспортеры вооружений²⁸⁹. Этот кейс показывает, что даже военно-техническая сфера, долго воспринимавшаяся как относительно устойчивое направление, оказывается чувствительной к санкционным ограничениям.

²⁸⁶ Saha P. Understanding ASEAN's Non-Linear Approach to the Russia-Ukraine War // ORF Issue Brief. 2022. No. 596. P. 5. URL: <https://www.orfonline.org/research/understanding-asean-s-non-linear-approach-to-the-russia-ukraine-war> (дата обращения: 26.04.2024);

Королёв А.С. Новый «поворот» или пробуксовка: влияние украинского кризиса на отношения России и АСЕАН // РСМД. 2022. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/novyuy-povorot-ili-probuksovka-vliyanie-ukrainskogo-krizisa-na-otnosheniya-rossii-i-ASEAN/> (дата обращения: 09.03.2024).

²⁸⁷ 成汉平. 东盟国家在俄乌冲突中的立场差异分析: 动因, 影响与前景 // 东南亚纵横. 2022. (2). 3–4; 8–10. URL: <https://www.scholarmate.com/S/0a2MJP> (дата обращения: 02.08.2024). [Чэн Ханьпин. Анализ различий в позициях стран АСЕАН по российско-украинскому конфликту: причины, влияние и перспективы // Панорама Юго-Восточной Азии. 2022. № 2. С. 3–4; 8–10.]

²⁸⁸ Королёв А.С. Новый «поворот» или пробуксовка: влияние украинского кризиса на отношения России и АСЕАН // РСМД. 2022. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/novyuy-povorot-ili-probuksovka-vliyanie-ukrainskogo-krizisa-na-otnosheniya-rossii-i-ASEAN/> (дата обращения: 09.03.2024).

²⁸⁹ Там же.

Китайские исследователи вписывают эти ограничения в более широкий контекст конкуренции США и КНР и изменения региональной архитектуры. Чжан Юэ связывает рост рисков для российских проектов в ЮВА с реализацией американской стратегии в Индо-Тихоокеанском регионе, предполагающей усиление военно-политического присутствия США и активное использование санкционных инструментов, что снижает готовность партнёров расширять сотрудничество с Москвой ²⁹⁰. Чжан Цзянь показывает, что расширение американской системы союзников: от четырёхстороннего диалога по безопасности (англ. QUAD) до трёхстороннего оборонного альянса (англ. AUKUS) и других форматов формирует параллельный уровень институтов, де-факто конкурирующий с асеаноцентричными механизмами и размывающий их центральность ²⁹¹.

На этом фоне ставка России на асеаноцентричные площадки остаётся логичной, но её результативность всё в большей степени зависит не от российских инициатив, а от способности самой АСЕАН поддерживать единство и центральную роль в условиях фрагментации региональной архитектуры и роста числа конкурирующих минилатеральных инициатив. Если Ассоциация теряет координирующую функцию, а именно такой риск возникает при конкуренции между индотихоокеанскими проектами США и асеаноцентричной моделью, то каналы присутствия России в региональных форматах сужаются автоматически, независимо от готовности Москвы продолжать диалог.

²⁹⁰ 张悦. 俄罗斯与东盟国家合作新趋势及影响因素 // 国际展望. 2020. 12(03). 147–148. URL: <https://www.scholarmate.com/S/CfNCMT> (дата обращения: 02.08.2024). [Чжан Юэ. Новые тенденции и факторы, влияющие на сотрудничество России со странами АСЕАН // Международные перспективы. 2020. Т. 12, № 3. С. 147–148.]

²⁹¹ Zhang J. Rebuilding strategic autonomy: ASEAN's response to US–China strategic competition // China International Strategy Review. 2023. Vol. 5. P. 5–6; 26–31.

Глава 2. Развитие отношений между Россией и АСЕАН 1994–2015 гг.

2.1. Политическое взаимодействие и институциональные механизмы Россия–АСЕАН

Опираясь на выделенную ранее структуру интересов России в Юго-Восточной Азии, данный параграф посвящён политико-дипломатической инфраструктуре, которая обеспечивает устойчивость взаимодействия России и АСЕАН во времени. Особое внимание уделяется формированию и закреплению форматов и процедур диалога, через которые Россия получила возможность регулярного присутствия в асеаноцентричной региональной архитектуре. В литературе подчёркивается, что после окончания холодной войны интерес к региональным институтам вырос именно потому, что они стали рассматриваться как важные механизмы поддержания международного мира и безопасности, хотя их потенциал и практики заметно различаются по регионам²⁹².

В настоящем исследовании под институциональными механизмами взаимодействия Россия–АСЕАН понимается совокупность устойчивых форматов и процедур, которые (а) обеспечивают регулярность контактов и (б) задают правила участия в многостороннем диалоге. К ним относятся, во-первых, набор регулярных встреч и консультаций на разных уровнях: от саммитов и министерских встреч до совещаний старших должностных лиц, где обсуждаются двусторонние и региональные вопросы²⁹³. Во-вторых, процедурная среда асеановских институтов: практики консультаций и консенсуса, а также принцип невмешательства, связанные с «путем АСЕАН» (англ. ASEAN Way)²⁹⁴.

²⁹² Caballero-Anthony M. Partnership for Peace in Asia: ASEAN, the ARF, and the United Nations // Contemporary Southeast Asia. 2002. Vol. 24, No. 3. P. 528.

²⁹³ Там же. С. 533.

²⁹⁴ Там же. С. 534.

Именно сочетание этих двух особенностей придаёт асеаноцентричным механизмам специфический характер, позволяющий решать задачу управления стратегической неопределённостью. Для внешних акторов это означает, что институциональная включённость сама по себе становится формой политического капитала: участие в таких форматах поддерживает легитимность и укрепляет их роль в региональной политике, даже если материальные ресурсы влияния ограничены.

Дальнейший анализ эволюции институциональных механизмов Россия–АСЕАН в 1994–2015 гг. опирается на несколько критериев: (1) уровень контактов (лидерский/министерский/рабочий), (2) регулярность и воспроизводимость процедур, (3) степень оформления взаимодействия в виде устойчивых форматов и согласованных процедур, (4) связь этих практик с асеаноцентричной региональной архитектурой, в которой АСЕАН выступает основным инициатором и связующим звеном между ЮВА и внешними партнёрами²⁹⁵.

Институциональная вовлечённость России в асеаноцентричную архитектуру формировалась на фоне внутренних ограничений и неопределённости относительно её роли в АТР. Уже в первой половине 1990-х отмечалось, что внешнеполитические приоритеты постсоветской России были сосредоточены на ближнем зарубежье и отношениях с западными государствами, тогда как Юго-Восточная Азия не получала сопоставимого внимания и оставалась периферийным направлением²⁹⁶. При этом первоначальный интерес к расширению контактов в 1991–1992 гг. достаточно быстро ослаб, и уже к началу 1993 г. фиксировалось замедление и стагнация в развитии связей между Россией и странами ЮВА²⁹⁷. Взаимные стереотипы, политико-идеологическое наследие холодной войны и

²⁹⁵ Severino R., Thuzar M. ASEAN Regionalism and the Future of ASEAN–Russia Relations // ASEAN–Russia: Foundations and Future Prospects. / Eds. V. Sumsy, M. Hong, A. Lugg. Singapore: Institute of Southeast Asian Studies, 2012. P. 22; 24; 26.

²⁹⁶ Thambipillai P. Southeast Asia, Russia and the Ex-Soviet Republics: Expanding the Links // Contemporary Southeast Asia. 1994. Vol. 16, No. 1. P. 94–95. URL: <https://www.jstor.org/stable/25798234> (дата обращения: 03.08.2024).

²⁹⁷ Там же. С. 97.

недостаток практического опыта взаимодействия с обеих сторон обуславливали сохранение значительной дистанции в отношениях²⁹⁸.

Одновременно в регионе происходила переоценка России со стороны государств ЮВА. В постбиполярной ситуации Москва перестала восприниматься как источник идеологической угрозы, а страны АСЕАН на фоне экономического роста стали рассматриваться как перспективные партнёры и формирующийся центр силы в Азии²⁹⁹. Усиление политического веса Ассоциации вследствие расширения в середине 1990-х гг. повышало значимость асеаноцентричных форматов как основного механизма доступа внешних акторов к региональной политике. Важным элементом такого институционального включения стало создание в 1994 г. Регионального форума АСЕАН по безопасности (АРФ). На первом заседании председатель охарактеризовал форум как высокоуровневый консультативный механизм регулярного диалога и консультаций по политическим вопросам и в сфере безопасности, призванный способствовать укреплению мер доверия и развитию практики превентивной дипломатии³⁰⁰. Вместе с тем в документе зафиксирована многоуровневая система участников вокруг АСЕАН: помимо диалоговых, выделяется категория консультативных партнеров. Именно в этом качестве Россия начала взаимодействие с региональной архитектурой³⁰¹.

Этот статус можно рассматривать как самостоятельный ресурс – политический капитал. Участие в институтах АСЕАН укрепляет престиж Москвы – евразийской державы, поддерживающей контакты с государствами разных регионов, играющей роль в делах АТР. П. Рангсимапорн трактует присоединение России к АРФ как инструмент поддержания внешнеполитической репутации в условиях ограниченных ресурсов³⁰². Следует отметить, что Россия наращивала

²⁹⁸ Там же. С. 98–99.

²⁹⁹ Rangsimaporn P. Russia's Search for Influence in Southeast Asia // Asian Survey. 2009. Vol. 49, No. 5. P. 788.

³⁰⁰ Confidence and Security Building Measures: Chairman's Statement // The First ASEAN Regional Forum, Bangkok, 25 July 1994 // U.S. Department of State Archive. 1994. URL: https://1997-2001.state.gov/global/arms/bureau_pm/csbm/chairman_1994_arf.html (дата обращения: 27.11.2023).

³⁰¹ Там же.

³⁰² Rangsimaporn P. Russia's Search for Influence in Southeast Asia // Asian Survey. 2009. Vol. 49, No. 5. P. 790.

вовлеченность не только на уровне межправительственных встреч: в апреле 1995 г. Москва приняла семинар АРФ «второго трека» Россия–АСЕАН по вопросам безопасности и стабильности в Азиатско-Тихоокеанском регионе, что дополнило официальные форматы и укрепило её позиционирование в экспертно-консультативной среде³⁰³.

К концу 1990-х годов на двустороннем уровне начала оформляться институциональная структура диалогового партнёрства Россия–АСЕАН³⁰⁴. К. Ватанабэ связывает с этим периодом появление первых специализированных структур сотрудничества: Совместного комитета сотрудничества Россия–АСЕАН (англ. ASEAN–Russia Joint Cooperation Committee, ARJCC), созданного в 1997 г.; Фонда сотрудничества Россия–АСЕАН (англ. ASEAN–Russia Cooperation Fund), учреждённого в 1997 г. с первоначальной суммой в 0,5 млн долл. США; Совместного комитета Россия–АСЕАН по управлению Фондом сотрудничества Россия–АСЕАН (англ. ASEAN–Russia Joint Management Committee of the ASEAN–Russia Cooperation Fund); Московского комитета АСЕАН (англ. ASEAN Committee in Moscow) и Делового совета Россия–АСЕАН (англ. ASEAN–Russia Business Council), которые рассматривались как элементы формирующейся институциональной инфраструктуры диалога³⁰⁵. Схожие акценты присутствуют и в китайской литературе: подчёркивается, что во второй половине 1990-х гг. институционализация диалога выражалась в создании совместных структур, обеспечивавших устойчивое функционирование сотрудничества на постоянной

³⁰³ Watanabe K., ed. *Engaging Russia in Asia Pacific*. Tokyo: Japan Center for International Exchange, 1999. P. 132;

赵洪, 黄兴华. 试析冷战后东盟与俄罗斯的关系 // 南洋问题研究. 2008. № 4. 18. URL: https://xueshu.baidu.com/ndscholar/browse/detail?paperid=f211fe7e67f32558d26d8010aad8c453&site=xueshu_se (дата обращения: 02.08.2024). [Чжао Хун, Хуан Синхуа. К анализу отношений АСЕАН и России после холодной войны // Исследования по проблемам Юго-Восточной Азии. 2008. № 4. С. 18.]

³⁰⁴ Воронин А. С. Диалоговое партнёрство Россия–АСЕАН: договорно-правовая база и институты // АСЕАН в начале XXI века. Актуальные проблемы и перспективы / под ред. Е. В. Кобелева, Г. М. Локшина, Н. П. Малетина. – М.: ИД «ФОРУМ», 2010. С. 294.

³⁰⁵ Watanabe K., ed. *Engaging Russia in Asia Pacific*. Tokyo: Japan Center for International Exchange, 1999. P. 132–133.

основе³⁰⁶. При неровной динамике реальных связей и сохранявшейся дистанции во взаимном восприятии именно эти механизмы обеспечили минимально необходимую процедурную рамку и каналы коммуникации, на которые в последующие годы можно было опираться при развитии более содержательных направлений сотрудничества.

К началу 2000-х годов институциональная инфраструктура диалога Россия–АСЕАН, заложенная в 1990-е гг., оставалась фрагментарной. Переход от разрозненных шагов к системному оформлению произошёл в 2003–2005 гг., когда за три года были подписаны два совместных заявления и одно межправительственное соглашение. В литературе этот комплекс называют нормативно-правовой базой диалогового сотрудничества³⁰⁷.

Совместная декларация министров иностранных дел России и АСЕАН 2003 г. о партнёрстве в деле мира, безопасности и развития в АТР (Пномпень) стала отправной точкой этого процесса. Её главное отличие от договорённостей 1990-х гг. состояло в масштабе: если ранее взаимодействие России и АСЕАН рассматривалось как элемент более широкой региональной повестки, то декларация 2003 г. впервые зафиксировала партнёрство как самостоятельный трек, привязанный к конкретной региональной подсистеме. Документ увязывал развитие сотрудничества с уже действовавшими форматами: постминистерскими встречами, совещаниями старших должностных лиц, совместными комитетами и одновременно обозначал возможность запуска новых площадок, включая уровень

³⁰⁶ 赵洪, 黄兴华. 试析冷战后东盟与俄罗斯的关系 // 南洋问题研究. 2008. № 4. 18. URL: https://xueshu.baidu.com/ndscholar/browse/detail?paperid=f211fe7e67f32558d26d8010aad8c453&site=xueshu_se (дата обращения: 02.08.2024). [Чжао Хун, Хуан Синхуа. К анализу отношений АСЕАН и России после холодной войны // Исследования по проблемам Юго-Восточной Азии. 2008. № 4. С. 18.]

³⁰⁷ Васильев Л. Е. Россия – АСЕАН. Укрепление сотрудничества // Азия и Африка сегодня. 2004. № 11 (568). С. 68. URL: <https://clck.ru/3Pa82S> (дата обращения: 14.03.2024); Головченко В. И., Манжолла В. А. Диалоговое партнёрство Российская Федерация – АСЕАН: уроки и перспективы // Россия и АТР. 2014. № 2 (84). С. 56–58.

саммитов³⁰⁸. Тем самым декларация не столько создавала новые механизмы, сколько легитимировала переход к более регулярному и многоуровневому диалогу.

Год спустя, в Джакарте, была подписана Совместная декларация о сотрудничестве в борьбе с международным терроризмом. Её значение для анализа состоит в том, что это был первый документ в российско-асеановском треке, выходящий за пределы общих политических формул. В нём содержался набор конкретных задач: обмен информацией о финансировании терроризма, сближение правовых режимов, взаимодействие компетентных органов, координация в сфере пограничного и миграционного контроля³⁰⁹.

Следующим элементом стало межправительственное Соглашение о сотрудничестве в области экономики и развития, подписанное в Куала-Лумпуре в декабре 2005 г. В отличие от двух предыдущих документов, носивших преимущественно политический характер, соглашение задавало договорно-правовую рамку именно экономического взаимодействия: стороны брали на себя обязательства улучшать условия для торговли и инвестиций и развивать кооперацию в ключевых отраслях³¹⁰. Важный акцент сделан на связи экономического сотрудничества с задачами развития государств АСЕАН: подчёркивается необходимость расширять возможности для обмена опытом, подготовки кадров и реализации совместных проектов³¹¹. В организационном плане документ закрепляет роль Совместного комитета сотрудничества Россия–АСЕАН (СКС) как основного органа, отвечающего за выполнение соглашения, и учреждает

³⁰⁸ Совместная декларация министров иностранных дел Российской Федерации и Ассоциации государств Юго-Восточной Азии о партнерстве в деле мира и безопасности, а также процветания и развития в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Пномпень, 19 июня 2003 г. URL: https://asean.mgimo.ru/images/partn/Declaration-Partnership-Asia-Pacific-2003_ru.doc (дата обращения: 27.11.2023).

³⁰⁹ Совместная декларация Российской Федерации и АСЕАН о сотрудничестве в борьбе с международным терроризмом. Джакарта, 2 июля 2004 г. URL: <https://asean.mid.ru/upload/iblock/9e3/ug1c96s4cm093ueh6ttehrlnsj56ovlw.pdf> (дата обращения: 27.11.2023).

³¹⁰ Соглашение между Правительством Российской Федерации и правительствами государств-членов Ассоциации государств Юго-Восточной Азии о сотрудничестве в области экономики и развития. Куала-Лумпур, 10 декабря 2005 г. URL: https://asean.mgimo.ru/images/partn/Economic-Agreement_2005_ru.doc (дата обращения: 27.11.2023).

³¹¹ Там же.

Финансовый фонд диалогового партнёрства (ФФДП), формируя институциональную базу для подготовки и финансирования конкретных проектов и в перспективе открывая возможности для развития отраслевых форматов диалога.

Значимой вехой формирования нормативного аспекта сотрудничества стала Совместная декларация лидеров России и АСЕАН о развитом и всеобъемлющем партнёрстве 2005 г., принятая по итогам первого саммита Россия–АСЕАН в Куала-Лумпуре. В ней достигнутый уровень отношений описывается как результат многолетнего расширения сотрудничества в политической, экономической и гуманитарной сферах и наращивания взаимодействия в многосторонних форматах под эгидой АСЕАН³¹².

Ключевым документом, переведшим партнёрство из режима деклараций в режим программного планирования, стала Комплексная программа действий по развитию сотрудничества России и АСЕАН на 2005–2015 гг. Её принятие означало, что взаимодействие впервые получило не только нормативно-правовую базу (заложенную декларациями 2003–2004 гг. и соглашением 2005 г.), но и среднесрочную программу конкретных шагов³¹³. В докладе Группы видных деятелей Россия–АСЕАН эта программа была оценена как один из ключевых элементов формирующейся институциональной основы партнёрства³¹⁴.

По своей структуре Комплексная программа выделяет три ключевых направления сотрудничества: политику и безопасность, экономику и социально-культурное взаимодействие, тем самым воспроизводя закреплённую в официальных документах логику всеобъемлющего партнёрства³¹⁵. Для политико-

³¹² Совместная декларация главы государства Российской Федерации и глав государств и правительств государств-членов Ассоциации государств Юго-Восточной Азии о развитом и всеобъемлющем партнерстве. Куала-Лумпур, 13 декабря 2005 г. URL: https://asean.mgimo.ru/images/partn/Joint-Declaration_2005_ru.doc (дата обращения: 27.11.2023).

³¹³ Комплексная программа действий по развитию сотрудничества Российской Федерации и Ассоциации государств Юго-Восточной Азии на 2005–2015 гг. 2005. URL: https://asean.mgimo.ru/images/partn/Comprehensive-Programme-of-Action-2005-2015_ru.doc (дата обращения: 27.11.2023).

³¹⁴ Доклад Группы видных деятелей Россия–АСЕАН. 2016. URL: <https://asean.mgimo.ru/images/partn/2016-epg-report.pdf> (дата обращения: 27.11.2023).

³¹⁵ Комплексная программа действий по развитию сотрудничества Российской Федерации и Ассоциации государств Юго-Восточной Азии на 2005–2015 гг. 2005. URL:

стратегического измерения задаются приоритеты углубления диалога по вопросам региональной и международной безопасности, укрепления взаимодействия в ООН и других универсальных организациях, развития контактов в рамках асеаноцентричных форматов — прежде всего Регионального форума АСЕАН по безопасности и Постминистерских конференций Россия–АСЕАН. При этом подчёркивается, что Россия поддерживает центральную роль Ассоциации в формирующейся архитектуре АТР и заинтересована в дальнейшем укреплении её институтов³¹⁶.

Отдельный раздел посвящен практическим вопросам безопасности, с уже четко выраженной программной логикой. В Комплексной программе фиксируется необходимость развивать сотрудничество в борьбе с международным терроризмом и транснациональной преступностью на основе обмена информацией и координации работы правоохранительных, пограничных и миграционных служб³¹⁷. Тем самым положения совместной антитеррористической декларации 2004 г. получают логическое продолжение в виде перечня приоритетных задач и каналов их реализации.

Ключевое новшество Комплексной программы для институционализации диалога связано с механизмом реализации. В заключительном разделе документа подчёркивается, что выполнение намеченных мероприятий предполагает использование целого набора уже существующих и, при необходимости, новых механизмов: встреч на высшем и министерском уровнях, совещаний старших должностных лиц, Совместного комитета сотрудничества Россия–АСЕАН и его подкомитетов, а также потенциала Секретариата АСЕАН и российских ведомств. Отдельно оговаривается роль Фонда сотрудничества Россия–АСЕАН и устанавливается практика регулярного пересмотра хода реализации программы на

https://asean.mgimo.ru/images/partn/Comprehensive-Programme-of-Action-2005-2015_ru.doc (дата обращения: 27.11.2023).

³¹⁶ Там же.

³¹⁷ Там же.

соответствующих заседаниях, что фактически вводит элемент мониторинга и обратной связи в институциональную архитектуру партнёрства³¹⁸.

К завершению первого пятилетнего периода действия Комплексной программы (2005–2010 гг.) встречи на высшем уровне становятся основной площадкой подведения итогов и обновления политических ориентиров. Совместное заявление по итогам второго саммита Россия–АСЕАН в Ханое 2010 г. соотносит текущее состояние отношений с решениями 2005 г., подчёркивая, что именно Совместная декларация о развитии и всеобъемлющем партнёрстве и Комплексная программа действий заложили основу для придания сотрудничеству более динамичного и всестороннего характера³¹⁹. В документе вновь подтверждается приверженность сторон укреплению политического диалога и сотрудничества в интересах мира и стабильности в АТР и отмечается важность регулярных саммитов, министерских встреч и деятельности постоянных механизмов, включая Совместный комитет сотрудничества и связанные с ним структуры, для реализации Комплексной программы и экономического соглашения 2005 г. Отдельно выделяется роль АСЕАН в региональной архитектуре: подтверждается её центральное место и подчёркивается заинтересованность России в расширении участия в механизмах региональной архитектуры безопасности³²⁰.

Г. М. Локшин отмечает, что после принятия Комплексной программы действий и экономического соглашения 2005 г. диалог Россия–АСЕАН получил более предметное наполнение: на базе созданной договорно-правовой базы активизировались механизмы сотрудничества, прежде всего по линии Совместного комитета и связанных с ним структур, а также появились новые проекты и форматы взаимодействия³²¹. А. С. Воронин и А. А. Козлов, анализируя развитие диалога,

³¹⁸ Там же.

³¹⁹ Совместное заявление по итогам второго саммита Российская Федерация – АСЕАН. Ханой, 30 октября 2010 г. URL: https://asean.mgimo.ru/images/partn/Joint-Statement_2010_ru.doc (дата обращения: 27.11.2023).

³²⁰ Там же.

³²¹ Локшин Г. М. Россия – АСЕАН: новые проекты и форматы сотрудничества // Азия и Африка сегодня. 2011. № 2 (643). С. 4–5. URL: <https://clck.ru/3Pa8Dk> (дата обращения: 14.03.2024).

подчеркивают, что к концу 2000-х годов сложилась многоуровневая система контактов — от встреч лидеров и министров до рабочих органов и экспертных площадок, — которая создала основу для обсуждения более комплексных программ действий³²².

Однако Е. С. Мартынова, оценивая последствия принятия Комплексной программы, приходит к выводу, что несмотря на рост числа саммитов, министерских встреч и подписанных документов, Россия и АСЕАН по-прежнему не рассматривали друг друга в качестве приоритетных партнёров, а активизация политико-дипломатических контактов не сопровождалась сопоставимым расширением экономической основы взаимодействия. По её мнению, партнёрство этого периода было политически значимым и во многом символическим, опирающимся на ограниченный набор реализованных проектов и сохраняющим высокую чувствительность к внешним условиям³²³.

Эта характеристика в целом согласуется с фактическим материалом. В 2005–2010 гг. институциональная надстройка действительно наращивалась: были проведены первые саммиты Россия–АСЕАН, принята Комплексная программа, сформированы рабочие группы и среднесрочная программа действий. Однако за этим институциональным ростом не следовало пропорциональное увеличение материального наполнения. Вместе с тем уже тогда проявлялось расхождение между широтой программных установок и реальной глубиной вовлечённости, что в дальнейшем станет одним из ключевых ограничений развития партнёрства. В совокупности описанные форматы образуют систему институциональных механизмов на различных уровнях, обобщённую в таблице 5.

Таблица 5. Институциональные механизмы Россия–АСЕАН (1994–2015)

Уровень	Формат	Периодичность	Ключевые документы / результаты
Саммит	Саммиты «Россия–АСЕАН» (встречи глав	нерегулярно	Совместная декларация лидеров России и АСЕАН о развитии и

³²² Воронин А. С., Козлов А. А. Россия–АСЕАН: к отношениям развитого и всеобъемлющего партнёрства // АСЕАН в начале XXI века. Актуальные проблемы и перспективы / под ред. Е. В. Кобелева, Г. М. Локшина, Н. П. Малетина. М.: ИД «ФОРУМ», 2010. С. 318.

³²³ Martynova E. S. Strengthening of Cooperation Between Russia and ASEAN: Rhetoric or Reality? // Asian Politics & Policy. 2014. Vol. 6, Issue 3. P. 410.

	государств/правительств в формате 10+1)		всеобъемлющем партнёрстве (Куала-Лумпур, 2005); Совместное заявление по итогам второго саммита Россия–АСЕАН (Ханой, 2010) — подведение итогов сотрудничества
МИД	Постминистерские конференции АСЕАН с Российской Федерацией (ПМК, формат 10+1)	ежегодно	Совместная декларация о партнёрстве в деле мира и безопасности, а также процветания и развития в АТР (2003); Комплексная программа действий 2005–2015 — регулярные консультации, мониторинг решений
МИД	Отдельные встречи министров иностранных дел России и АСЕАН на полях ГА ООН и других международных форумов	нерегулярно	Комплексная программа действий 2005–2015; совместные заявления 2010–2011 — текущие консультации, согласование позиций
МИД	Региональный форум АСЕАН по безопасности (АРФ) — участие России на уровне министров иностранных дел	ежегодно	Заявление председателя первого заседания АРФ (Бангкок, 1994); Комплексная программа действий 2005–2015 — институциональный вход в региональную архитектуру
Старшие должностные лица	Совещания старших должностных лиц Россия–АСЕАН (ССДЛ) по политическим вопросам	регулярно	Комплексная программа действий 2005–2015 — подготовка повестки саммитов и ПМК
Старшие должностные лица	Консультации старших должностных лиц Россия–АСЕАН по экономическим вопросам	регулярно	Комплексная программа действий 2005–2015; Соглашение о сотрудничестве в области экономики и развития 2005 г. — подготовка дорожной карты, координация проектов
Старшие должностные лица	Совещания старших должностных лиц по борьбе с транснациональной преступностью (формат SOMTC+Россия)	регулярно	Совместная декларация Россия–АСЕАН о сотрудничестве в борьбе с международным терроризмом (2004); Комплексная программа действий 2005–2015 — координация по линии ТНП и терроризма
Профильные треки	Совместный комитет сотрудничества Россия–АСЕАН (СКС)	нерегулярно	Комплексная программа действий 2005–2015 — координация проектов и консультаций

Профильные треки	Совместный комитет Россия–АСЕАН по управлению Фондом сотрудничества (СПРК)	нерегулярно	Комплексная программа действий 2005–2015 — отбор и мониторинг проектов фонда
Профильные треки	Рабочая группа Россия–АСЕАН по торгово-экономическому сотрудничеству	регулярно	Комплексная программа действий 2005–2015; Соглашение о сотрудничестве в области экономики и развития 2005 г. — подготовка дорожной карты, секторные проекты
Профильные треки	Рабочая группа Россия–АСЕАН по научно-техническому сотрудничеству	нерегулярно	Концепция научно-технического сотрудничества Россия–АСЕАН; План действий по НТС (2007–2011) — координация НИР, обмен экспертами
Профильные треки	Фонд сотрудничества Россия–АСЕАН	проектный фонд	Учреждение Фонда сотрудничества (1997) — финансирование совместных семинаров и проектов
Профильные треки	Финансовый фонд диалогового партнёрства Россия–АСЕАН (ФФДП)	проектный фонд	Совместная декларация 2005 г.; совместные решения 2010–2011 гг. — ежегодные взносы России, финансирование совместных проектов
Профильные треки	Секторные форматы и программы сотрудничества (энергетика, ЧС, туризм и др.) под эгидой Россия–АСЕАН	нерегулярно	Программа сотрудничества Россия–АСЕАН в области энергетики 2010–2015; программа по сотрудничеству в области ЧС — реализация отраслевых проектов и консультаций

Источник: составлено автором на основе Комплексной программы действий по развитию сотрудничества Российской Федерации и Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (2005–2015 гг.), 2005; Совместной декларации министров иностранных дел Российской Федерации и Ассоциации государств Юго-Восточной Азии о партнерстве в деле мира и безопасности, а также процветания и развития в Азиатско-Тихоокеанском регионе, 2003; Совместной декларации Российской Федерации и АСЕАН о сотрудничестве в борьбе с международным терроризмом, 2004; Совместной декларации главы государства Российской Федерации и глав государств и правительств государств-членов Ассоциации государств Юго-Восточной Азии о развитии и всеобъемлющем партнерстве, 2005; Confidence and Security Building Measures: Chairman's Statement, 1994; Соглашения между Правительством Российской Федерации и правительствами государств-членов Ассоциации государств Юго-Восточной Азии о сотрудничестве в области экономики и развития, 2005; Соглашения Россия–АСЕАН о сотрудничестве в области культуры, 2010; Совместного заявления по итогам второго саммита Россия – АСЕАН, 2010; Совместного заявления министров иностранных дел Российской Федерации и Ассоциации государств Юго-Восточной Азии по случаю 15-летия диалогового партнерства Россия–АСЕАН, 2011; работ Локшина Г. М. (Диалоговое партнёрство Россия–АСЕАН: сотрудничество в сфере политики и безопасности), 2010, (Россия – АСЕАН: новые проекты и форматы сотрудничества), 2011; работы Воронина А. С., Козлова А. А. (Россия–АСЕАН: к отношениям развитого и всеобъемлющего партнёрства), 2010; Доклада Группы видных деятелей Россия–АСЕАН, 2016.

На базе сформированной в 2000-е годы институциональной инфраструктуры в начале 2010-х годов политическое взаимодействие Россия–АСЕАН всё более явно ориентируется на сопряжение двустороннего и формата 10+1 с асеаноцентричной региональной архитектурой. В Совместном заявлении министров иностранных дел по случаю 15-летия диалогового партнёрства (Бали, 2011) Россия подтверждает приверженность центральной роли АСЕАН и формированию асеаноцентричной региональной архитектуры и подчёркивает, что эта система должна строиться вокруг АСЕАН как координационного центра, при этом оставаться доступной для всех заинтересованных государств и опираться на согласованные решения, вырабатываемые в многостороннем формате³²⁴. Следует отметить, что эта архитектура задаётся через конкретные площадки: Восточноазиатский саммит, АРФ, СМОА+, а также через намерение развивать рабочие связи асеаноцентричных структур с другими объединениями, включая АТЭС и ШОС. При этом партнёрство Россия–АСЕАН вписывается в формирующуюся конфигурацию региональной архитектуры и рассматривается как один из её важных элементов³²⁵.

Центральным показателем такого сопряжения стал Восточноазиатский саммит. Уже в исследованиях конца 2000-х годов отмечалось, что поддержка АСЕАН становилась для Москвы ресурсом институционального продвижения, в том числе по линии ВАС³²⁶. Решение о приглашении было принято в 2010 г., а в 2011 г. Россия впервые участвовала во встрече министров иностранных дел ВАС в качестве полноформатного члена³²⁷. В том же году в совместном заявлении Москва выразила признательность за поддержку и обозначила готовность вносить вклад в

³²⁴ Совместное заявление министров иностранных дел Российской Федерации и Ассоциации государств Юго-Восточной Азии по случаю 15-летия диалогового партнерства Россия–АСЕАН. о. Бали, 22 июля 2011 г. URL: https://asean.mgimo.ru/images/partn/Joint-Statement-15anniv-partn_ru.doc (дата обращения: 27.11.2023).

³²⁵ Там же.

³²⁶ Като М. Российская многосторонняя дипломатия в системе Азиатско-Тихоокеанской региональной интеграции // Сравнительная политика. 2010. Т. 1, № 1. С. 204.

³²⁷ Ткаченко И. Ю. Восточноазиатские саммиты и интересы России // Российский внешнеэкономический вестник. 2014. № 10. С. 33–34. URL: <https://journal.vavt.ru/rfej/article/view/1094/1014> (дата обращения: 14.03.2024).

работу форума³²⁸. Однако присоединение к ВАС не происходило без критики. Люй Сюэфэн обращает внимание на существенную деталь: ещё в середине 2000-х гг. заявка России на участие в ВАС подвергалась критике как недостаточно содержательная именно потому, что связи Россия–АСЕАН на тот момент не обладали достаточным экономическим содержанием³²⁹. Этот эпизод продемонстрировал, что доступ к ключевым площадкам региональной архитектуры зависел не от политической декларации о намерениях, а от степени реальной встроенности в повестку Ассоциации.

Расширение многостороннего контура в начале 2010-х гг. не сводилось к механическому добавлению новых площадок. Совместное заявление 2011 г. фиксировало многослойность асеаноцентричной архитектуры и задавало внешнее сопряжение с АТЭС и ШОС³³⁰. В российской научной интерпретации АСЕАН рассматривалась как актор, задающий повестку и формат работы АРФ, СМОА+ и ВАС и выстраивающий многоуровневую систему связей между ними³³¹. Для Москвы это означало расширение каналов политических консультаций и укрепление присутствия в региональной архитектуре. Вместе с тем, как подчёркивает Е. В. Колдунова, «функциональное расширение» и рост числа многосторонних форматов создавали для самой АСЕАН ограничения управляемости: согласование внешних партнёрств становилось всё более сложным

³²⁸ Совместное заявление министров иностранных дел Российской Федерации и Ассоциации государств Юго-Восточной Азии по случаю 15-летия диалогового партнерства Россия–АСЕАН. о. Бали, 22 июля 2011 г. URL: https://asean.mgimo.ru/images/partn/Joint-Statement-15anniv-partn_ru.doc (дата обращения: 27.11.2023).

³²⁹ 吕雪峰. 东盟—俄罗斯对话伙伴关系 20 年述评(1994~2014) // 东北亚论坛. 2016. 25(1). 78. URL: https://xueshu.baidu.com/ndscholar/browse/detail?paperid=0c4578d37e7a910e1cc3c66dd0c58cb8&site=xueshu_se (дата обращения: 02.08.2024). [Люй Сюэфэн. Обзор двадцати лет диалогового партнёрства АСЕАН – Россия (1994–2014) // Форум Северо-Восточной Азии. 2016. Т. 25, № 1. С. 78.]

³³⁰ Совместное заявление министров иностранных дел Российской Федерации и Ассоциации государств Юго-Восточной Азии по случаю 15-летия диалогового партнерства Россия–АСЕАН. о. Бали, 22 июля 2011 г. URL: https://asean.mgimo.ru/images/partn/Joint-Statement-15anniv-partn_ru.doc (дата обращения: 27.11.2023).

³³¹ Канаев Е. А., Шумкова В. А. Евразийские приоритеты асеаноцентричных диалоговых форматов по вопросам безопасности // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2017. Т. 17. № 3. С. 460.

по мере увеличения числа участников и тематических треков³³². Н. Кюрт характеризует институциональную среду Восточной Азии как лоскутную конструкцию, в которой сопряжение разных регионализмов требует не формального присутствия, а устойчивого политического участия и содержательного наполнения форматов. Вместе с тем в начале 2010-х сохранялись вопросы относительно серьезности участия Москвы в ВАС как важной площадки стратегического диалога³³³.

Отдельного упоминания заслуживает практическая функция участия в ВАС, проявившаяся уже после 2014 г. В условиях осложнения отношений с западными странами асеаноцентричные площадки стали для России одним из немногих многосторонних каналов, через которые можно было поддерживать регулярный контакт с широким кругом государств АТР без привязки к западным институтам³³⁴. Эта функция не была изначально заложена в логику создания ВАС, но стала побочным, хотя и существенным, результатом участия.

К 2015 г. диалог Россия–АСЕАН в политико-институциональном измерении приобрёл устойчивые контуры и перестал сводиться к набору разрозненных эпизодов. Нормативный фундамент, заложенный декларациями 2003–2004 гг. и соглашением 2005 г., был дополнен многоканальной системой форматов и регулярными процедурами консультаций. Вместе с тем двадцатилетний опыт сотрудничества 1994–2015 гг. выявил системные ограничения этой модели. Асимметрия между интенсивностью политического диалога и экономической составляющей сохранялась: форматы развивались быстрее, чем наполнялись совместными проектами³³⁵. Ряд исследователей отмечал расхождение между заявленным интересом к ЮВА и реальной практикой: российская политика на

³³² Колдунова Е. В. «Диалоговые партнёрства» во внешней политике АСЕАН // Международные процессы. 2017. Т. 15, № 3 (50). С. 63–64.

³³³ Kuhrt N. C. Russia and Asia-Pacific: From 'Competing' to 'Complementary' Regionalisms? // Politics. 2014. Vol. 34, Issue 2. P. 144–145.

³³⁴ Ткаченко И. Ю. Восточноазиатские саммиты и интересы России // Российский внешнеэкономический вестник. 2014. № 10. С. 42. URL: <https://journal.vavt.ru/rfej/article/view/1094/1014> (дата обращения: 14.03.2024).

³³⁵ Кобелев Е. В. Партнерству «Россия – АСЕАН» – 20 лет // Проблемы Дальнего Востока. 2014. № 6. С. 15.

протяжении значительной части периода оставалась слабо подкреплённой конкретными действиями, а недостаточная содержательность отношений осложняла институциональное продвижение³³⁶. В результате к середине 2010-х гг. Россия и АСЕАН подошли со сформированным политико-институциональным каркасом, который создал предпосылки для расширения сотрудничества, но одновременно породил его системные ограничения: архитектура диалога существовала, вопрос состоял в том, чем она будет наполнена.

2.2. Экономическое направление сотрудничества Россия–АСЕАН

Экономическое взаимодействие России и АСЕАН в рассматриваемый период 1994–2015 гг. анализируется в трёх измерениях. Во-первых, динамика и структура товарооборота – это наиболее поддающийся количественной фиксации показатель. Во-вторых, инвестиционно-проектное взаимодействие – именно этот уровень показывает, переходит ли торговля в устойчивые производственные и технологические связи. При этом инвестиционно-проектная составляющая, где сопоставимые ряды ограничены, раскрывается через сочетание доступной статистики с анализом каналов взаимодействия. В-третьих, институциональные механизмы экономического сопровождения диалога – координационные форматы, деловые советы, дорожные карты, совместные комитеты. Без этого уровня невозможно понять, почему при наличии программных документов практическая реализация оставалась ограниченной.

Отправной точкой для анализа служит 2005 г., когда были подписаны Соглашение о сотрудничестве в области экономики и развития и принята Комплексная программа действий на 2005–2015 гг. В Комплексной программе

³³⁶ Martynova E. S. Strengthening of Cooperation Between Russia and ASEAN: Rhetoric or Reality? // Asian Politics & Policy. 2014. Vol. 6, Issue 3. P. 399–400; Rangsimaporn P. Russia's Search for Influence in Southeast Asia // Asian Survey. 2009. Vol. 49, No. 5. P. 795.

действий 2005–2015 закреплены регулярные консультации старших должностных лиц по экономическим вопросам и проведение заседаний рабочей группы по торгово-экономическому сотрудничеству, а также меры по активизации Делового совета и регулярному проведению бизнес-форумов³³⁷. Соглашение 2005 г. определяет механизм реализации: наделяет Совместный комитет сотрудничества функцией контроля за выполнением Соглашения и учреждает Финансовый фонд диалогового партнёрства, обеспечивающий институциональное и финансовое сопровождение совместных инициатив³³⁸.

Вместе с тем наличие нормативной и программной основы, оформленной в 2005 г., не привело к интенсификации экономического взаимодействия к 2015 г. сопоставимой с политико-институциональным направлением. Ограничения проявлялись в масштабах и структуре торговли, а также в ограниченной воспроизводимости координационных механизмов и вовлечённости деловых кругов. Так, Л. С. Кабир и И. А. Яковлев связывают низкий уровень торгово-экономического взаимодействия, в том числе, с недостаточной системной координацией и слабостью механизмов, ориентированных на взаимодействие бизнес-сообществ³³⁹. В экспертной оценке Е. В. Колдуновой подчёркивается, что даже в более благоприятный период государства ЮВА не относились к числу ведущих экономических партнёров России, а Россия едва удерживалась в десятке основных торгово-экономических партнёров Ассоциации³⁴⁰.

³³⁷ Комплексная программа действий по развитию сотрудничества Российской Федерации и Ассоциации государств Юго-Восточной Азии на 2005–2015 гг. 2005. URL: https://asean.mgimo.ru/images/partn/Comprehensive-Programme-of-Action-2005-2015_ru.doc (дата обращения: 27.11.2023).

³³⁸ Соглашение между Правительством Российской Федерации и правительствами государств-членов Ассоциации государств Юго-Восточной Азии о сотрудничестве в области экономики и развития. Куала-Лумпур, 10 декабря 2005 г. – URL: https://asean.mgimo.ru/images/partn/Economic-Agreement_2005_ru.doc (дата обращения: 27.11.2023).

³³⁹ Кабир Л. С., Яковлев И. А. Торговля в целях развития: формирование устойчивой платформы интеграции России в АСЕАН // Таможенная политика России на Дальнем Востоке. 2018. № 3 (84). С. 69.

³⁴⁰ Колдунова Е. В. Россия – АСЕАН: пределы и возможности экономического партнёрства // Центр АСЕАН при МГИМО МИД России. – 29.08.2022. – URL: <https://asean.mgimo.ru/opinions/koldunova-russia-asean-limits-and-opportunities-valdai-08-22> (дата обращения: 04.03.2024).

Для анализа динамики товарооборота Россия–АСЕАН используются агрегированные годовые ряды базы WITS (World Integrated Trade Solution) по экспорту и импорту России с государствами-членами Ассоциации. Агрегированный показатель рассчитывается по составу Ассоциации соответствующего года; расширения 1995–1999 гг. учитываются при интерпретации динамики конца 1990-х. Величины приведены в текущих долл. США, товарооборот трактуется как сумма экспорта и импорта. Агрегат «РФ–АСЕАН» формируется путём суммирования показателей по государствам-членам Ассоциации в соответствующем году и отражает совокупный масштаб торговли России с АСЕАН. 1994–1995 гг., охватываемые общей хронологией диссертации, остаются вне количественного анализа из-за отсутствия сопоставимых рядов и характеризуются качественно как стартовый этап с низкой базой и высокой волатильностью торговли³⁴¹.

Использование WITS обеспечивает сопоставимые по единой методике статистического учёта годовые ряды по экспорту и импорту, однако требует учёта ограничений выгрузки. В отдельные годы по отдельным странам (наиболее заметно по Брунею) в выгрузке отсутствуют значения экспорта и/или импорта, что может занижать агрегированные оценки за соответствующие годы. Аналогичная проблема отмечалась и в более ранних исследованиях: М. С. Крапивин подчёркивал, что даже официальные российские сборники таможенной статистики публиковали данные не по всем государствам Ассоциации, причём Бруней вообще отсутствовал в перечне партнёров³⁴².

Во второй половине 1990-х гг. можно заметить сочетание низкой базы и значительных колебаний. В 1996 г. экспорт России в совокупности в страны АСЕАН составил около 1,24 млрд долл. США, импорт — 0,49 млрд долл., а товарооборот — 1,73 млрд долл. (по составу Ассоциации на 1996 г.; данные по

³⁴¹ Крапивин М. С. Торгово-экономические отношения СССР, России со странами Юго-Восточной Азии: дис. ... канд. экон. наук: 08.00.14, 23.00.01 / М. С. Крапивин; Ин-т востоковедения РАН. М., 2007. С. 21.

³⁴² Там же. С. 16.

экспорту в Бруней отсутствуют)³⁴³. К 1998 г. на фоне азиатского и российского финансового кризисов суммарный оборот снизился до 0,96 млрд долл. (по составу Ассоциации на 1998 г.; данные по импорту из Брунея отсутствуют), после чего к 2000 г. восстановился лишь до 1,46 млрд долл. (данные по экспорту в Бруней отсутствуют). В этот период сохранялось устойчивое положительное сальдо в пользу России, однако сами масштабы торговли оставались ограниченными: даже в годы относительного подъёма (1996–1997 и 2000) оборот не выходил за рамки 1,4–1,8 млрд долл.³⁴⁴ Такая конфигурация согласуется с оценками о неустойчивости и эпизодическом характере торговых связей России с ключевыми партнёрами Юго-Восточной Азии в 1990-е годы³⁴⁵.

В первой половине 2000-х гг. торговля в целом перешла от колебаний к восходящей траектории. В 2001 г. совокупный товарооборот России со странами АСЕАН составил 1,77 млрд долл., в 2002 г. — 2,34 млрд долл., в 2003 г. — 2,50 млрд долл., а к 2004 г. вырос до 3,09 млрд долл. К 2005 г. оборот увеличился до 4,21 млрд долл., что примерно в 2,9 раза превышало показатель 2000 г.³⁴⁶ Тем самым в начале–середине 2000-х годов двусторонняя торговля вышла из диапазона порядка 1–2 млрд долл. в год и приблизилась к уровню 3–4 млрд долл.

Наращивание торговли в середине 2000-х годов совпало по времени с оформлением экономико-институциональных инструментов диалога Россия–АСЕАН. Соглашение 2005 г. ориентировало стороны на снятие барьеров и формирование режима, благоприятного для торговли и вложений, а также на расширение отраслевой повестки хозяйственной кооперации³⁴⁷. Комплексная

³⁴³ Расчёты автора по данным World Integrated Trade Solution (WITS): Russian Federation Exports/Imports by country and region; Import/Export Partner Share; Import/Export Share in Total Products, 1996–2021. URL: <https://wits.worldbank.org> (дата обращения: 13.11.2025).

³⁴⁴ Там же.

³⁴⁵ Крапивин М. С. Торгово-экономические отношения СССР, России со странами Юго-Восточной Азии: дис. ... канд. экон. наук: 08.00.14, 23.00.01 / М. С. Крапивин; Ин-т востоковедения РАН. М., 2007. С. 19; 21.

³⁴⁶ Расчёты автора по данным WITS: Russian Federation exports/imports by country and region, 1996–2021.

³⁴⁷ Соглашение между Правительством Российской Федерации и правительствами государств-членов Ассоциации государств Юго-Восточной Азии о сотрудничестве в области экономики и

программа действий 2005–2015 придала этой повестке процедурную форму, закрепив регулярные консультации по экономическим вопросам, деятельность профильной рабочей группы и каналы делового взаимодействия³⁴⁸. Поскольку рост товарооборота фиксируется ещё до принятия этих документов, их корректнее трактовать как попытку институционально структурировать и закрепить наметившееся расширение торговли, а не как исходный источник динамики.

В 2006–2009 гг. динамика товарооборота России со странами АСЕАН характеризовалась ускорением роста с последующим спадом в 2009 г. Уже в 2006 г. оборот составил 4,72 млрд долл., в 2007 г. — 6,82 млрд долл., а к 2008 г. превысил 10,15 млрд долл., увеличившись по сравнению с 2006 г. более чем вдвое. В 2009 г. на фоне глобального финансового кризиса товарооборот сократился до 7,90 млрд долл. (примерно на 22% относительно 2008 г.), оставаясь при этом примерно втрое выше среднего уровня 2000–2005 гг. В среднем за 2006–2009 гг. оборот составил около 7,4 млрд долл., что почти в три раза превышало показатель 2000–2005 гг. и более чем в пять раз — уровень второй половины 1990-х³⁴⁹.

В середине 2000-х годов изменилась конфигурация экспортно-импортного баланса в торговле России с АСЕАН. Если в конце 1990-х — первой половине 2000-х экспорт, как правило, превышал импорт, то к 2005 г. разрыв почти исчез, а в 2006–2009 гг. импорт устойчиво превосходил экспорт, что означало переход к отрицательному сальдо в пользу стран Ассоциации. Этот сдвиг важен для последующей динамики 2010-х годов, когда более сбалансированная структура товарооборота в отдельные годы вновь сопровождалась дефицитом для России³⁵⁰.

В 2010–2014 гг. товарооборот рос и достиг пика в 2014 г., после чего в 2015 г. произошло резкое сокращение. В 2010 г. товарооборот России и АСЕАН составил

развития. Куала-Лумпур, 10 декабря 2005 г. – URL: https://asean.mgimo.ru/images/partn/Economic-Agreement_2005_ru.doc (дата обращения: 27.11.2023).

³⁴⁸ Комплексная программа действий по развитию сотрудничества Российской Федерации и Ассоциации государств Юго-Восточной Азии на 2005–2015 гг. 2005. URL: https://asean.mgimo.ru/images/partn/Comprehensive-Programme-of-Action-2005-2015_ru.doc (дата обращения: 27.11.2023).

³⁴⁹ Расчёты автора по данным WITS: Russian Federation exports/imports by country and region, 1996–2021.

³⁵⁰ Там же.

12,07 млрд долл., в 2011–2013 гг. колебался в диапазоне 15,44–17,48 млрд долл., а к 2014 г. достиг максимального за рассматриваемый период значения в 20,58 млрд долл. Таким образом, по сравнению с 1996–1999 гг. среднегодовой товарооборот в 2010–2014 гг. вырос более чем в одиннадцать раз³⁵¹.

Соотношение экспорта и импорта в торговле России с АСЕАН в 2010–2014 гг. стало более сбалансированным. В 2010 г. экспорт составил 6,51 млрд долл., импорт — 5,55 млрд долл., то есть сохранялось умеренное положительное сальдо. В 2012–2013 гг. импорт превысил экспорт, тогда как в 2014 г. экспорт вновь опередил импорт (11,80 и 8,78 млрд долл. соответственно)³⁵². В 2015 г. на фоне ухудшения внешнеэкономической конъюнктуры после 2014 г. и введения санкционных ограничений в отношении России товарооборот резко сократился до 12,66 млрд долл., при этом экспорт снизился до 5,35 млрд долл., а импорт — до 7,30 млрд долл., что привело к формированию значительного отрицательного сальдо в пользу стран АСЕАН³⁵³.

Несмотря на кратный рост в абсолютных величинах, удельный вес стран АСЕАН во внешней торговле России в 1996–2015 гг. оставался ограниченным. Расчёты на основе данных WITS о доле стран-партнёров в экспорте и импорте России показывают, что в 1996 г. (по составу Ассоциации на 1996 г.; данные по экспорту в Бруней отсутствуют) на государства АСЕАН приходилось около 1,40% совокупного экспорта России и около 0,81% импорта. К 2000 г. (данные по экспорту в Бруней отсутствуют) эти доли составляли около 1,09% и 1,00% соответственно. К 2005 г. доля АСЕАН в российском экспорте снизилась до 0,89%, тогда как в импорте выросла до 2,07%. В начале 2010-х гг. вклад АСЕАН в российский экспорт

³⁵¹ Там же.

³⁵² Там же.

³⁵³ Расчёты автора по данным WITS: Russian Federation exports/imports by country and region, 1996–2021;

Нгуен С. Т. Соперничество великих держав в Индо-Тихоокеанском регионе и его влияние на стратегию Вьетнама // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2023. Т. 23, № 3. С. 570;
Колдунова Е. В. Россия – АСЕАН: пределы и возможности экономического партнёрства // Центр АСЕАН при МГИМО МИД России. – 29.08.2022. – URL: <https://asean.mgimo.ru/opinions/koldunova-russia-asean-limits-and-opportunities-valdai-08-22> (дата обращения: 04.03.2024).

увеличился до 1,64% в 2010 г. и достиг 2,37% в 2014 г., после чего сократился до 1,56% в 2015 г.; в импорте России доля стран Ассоциации последовательно возрастала и к 2015 г. приблизилась к 4,0%. Для сравнения: в 2010–2015 гг. доля Китая в экспорте России составляла около 5–8%, а в импорте — порядка 17–19%, что подчёркивает второстепенный по масштабам характер направления АСЕАН в структуре внешней торговли РФ³⁵⁴.

Представленная выше динамика построена на валовых данных внешней торговли (таможенный учёт), агрегированных в базе WITS. При их интерпретации следует учитывать ограничения, на которые обращает внимание К. Ю. Мурадов: такие данные удобны для сопоставления уровней и динамики, но при анализе двусторонних потоков содержат системные источники расхождений³⁵⁵. Во-первых, принципы фиксации операций во внешнеторговой статистике не совпадают с правилами Системы национальных счетов (СНС), поэтому для сопоставления с макроэкономическими агрегатами применяются корректировки и переоценки. Во-вторых, возникают «зеркальные» расхождения – несоответствия между экспортом, зарегистрированным страной-отправителем, и импортом, учтённым страной-получателем. Они усиливаются различиями в статистической территории и торговых системах, порогах регистрации, временных задержках и реэкспортных операциях через третьи страны.

В целом таможенная статистика фиксирует валовые двусторонние потоки: экспорт учитывается в ценах FOB (франко-борт), а импорт – в ценах CIF (стоимость, страхование и фрахт), что уже порождает расхождение в стоимостной оценке потоков. На примере данных Россия–АСЕАН проступает отчётливое расхождение: оценки стран Ассоциации об импорте из России нередко значительно превышают российские оценки экспорта в те же направления, а часть потоков фиксируется без товарной классификации, что затрудняет интерпретацию не только абсолютных значений, но и структуры торговли³⁵⁶. Кроме того, как отмечает К. Ю.

³⁵⁴ Расчёты автора по данным WITS: Russian Federation export/import partner share, 1996–2021.

³⁵⁵ Мурадов К. Ю. Россия–АСЕАН: торговля и глобальные производственные цепочки // Мировая экономика и международные отношения. 2015. № 8. С. 26.

³⁵⁶ Там же. С. 26–28.

Мурадов, валовые данные не позволяют выявить участие сторон в глобальных цепочках создания стоимости и опосредованные потоки добавленной стоимости через третьи страны³⁵⁷.

Однако указанные ограничения не отменяют общей картины. Конфигурация, зафиксированная в расчётах по WITS, устойчива: товарооборот России со странами АСЕАН рос поэтапно с низкой базы, но даже к середине 2010-х гг. доля АСЕАН во внешней торговле России оставалась скромной. Этот вывод согласуется с аналитическими оценками, рассматривающими торговую компоненту Россия–АСЕАН как ограниченную по масштабу³⁵⁸. Для наглядной фиксации ключевых опорных лет динамики и изменения доли АСЕАН во внешней торговле России сводные показатели представлены в таблице 6.

Таблица 6. Динамика товарооборота РФ–АСЕАН (1996/2000/2005/2010/2015)

Год	Экспорт РФ→АСЕАН, млрд долл. США	Импорт РФ←АСЕАН, млрд долл. США	Товарооборот, млрд долл. США	Доля АСЕАН в торговле РФ, % (экспорт / импорт)
1996	1,24	0,49	1,73	1,40 / 0,81
2000	1,12	0,34	1,46	1,09 / 1,00
2005	2,16	2,05	4,21	0,89 / 2,07
2010	6,51	5,55	12,07	1,64 / 2,43
2015	5,35	7,30	12,66	1,56 / 4,00

Примечание: агрегат «РФ–АСЕАН» рассчитан по составу Ассоциации соответствующего года (Лаос и Мьянма вступили в 1997 г., Камбоджа — в 1999 г.). В WITS имеются пропуски: экспорт в Бруней отсутствует в 1996 и 2000 гг.; импорт из Брунея отсутствует в 2005 г., из-за чего соответствующие оценки/доли могут быть слегка занижены.

Источник: расчёты автора по данным World Integrated Trade Solution (WITS): Russian Federation Exports/Imports by country and region; Import/Export Partner Share; Import/Export Share in Total Products, 1996–2021. URL: <https://wits.worldbank.org> (дата обращения: 13.11.2025).

Далее рассматривается структура торговли России со странами АСЕАН в 1996–2015 гг. в разрезе укрупнённых товарных групп и основных стран-контрагентов. Расчёты выполнены по данным WITS, содержащим значения экспорта и импорта по укрупнённым товарным категориям; для сопоставимости

³⁵⁷ Там же. С. 25–26.

³⁵⁸ Костюнина Г. М. Внешняя торговля России со странами АСЕАН: основные тенденции развития // Российский внешнеэкономический вестник. 2019. № 3. С. 43; Нгуен С. Т. Соперничество великих держав в Индо-Тихоокеанском регионе и его влияние на стратегию Вьетнама // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2023. Т. 23, № 3. С. 570.

показатели сведены в агрегат «Россия–АСЕАН» путём суммирования по государствам Ассоциации. Для 1996 г. агрегирование производится по семи членам АСЕАН (Индонезия, Малайзия, Филиппины, Сингапур, Таиланд, Вьетнам, Бруней), тогда как с 2000 г. учитывается состав АСЕАН-10. Доли товарных групп рассчитываются как отношение стоимости экспорта (импорта) соответствующей группы к суммарному экспорту (импорту) по всем товарам по АСЕАН в выбранном году; при этом по Брунею за 2005 г. в WITS отсутствует разбивка по товарным группам, что может слегка смещать агрегированные доли. Наконец, в WITS используются параллельные способы укрупнения товарных позиций (по назначению и по отраслевым кластерам), поэтому доли отдельных категорий предназначены для сопоставления веса крупнейших групп и не предполагают суммирования в 100%. Полученные структурные пропорции следует интерпретировать с учётом ограничений валовой внешнеторговой статистики, отмеченных выше.

Товарная структура экспорта России в АСЕАН в 1996–2015 гг. по укрупнённым категориям WITS в целом отражает преобладание топливной, металлургической и промежуточной составляющих при низкой доле инвестиционных товаров. В 1996 г. на промежуточные товары (Intermediate goods) приходилось около 52,3% совокупного экспорта, высокими были также доли топливных товаров (Fuels) и металлов (Metals) – порядка 36,3% и 30,0%, тогда как химическая продукция (Chemicals) и инвестиционные товары (Capital goods) занимали около 8,0% и 4,6%³⁵⁹. В 2000 г. промежуточные товары сохраняли доминирующие позиции (около 47%), набирали вес потребительские товары (Consumer goods), металлы и топливо (по 36–38% каждая категория)³⁶⁰. К 2005 г. структура стала ещё более концентрированной: доли промежуточных товаров и металлов превысили 50%, тогда как топливо и потребительские товары отошли на

³⁵⁹ Расчёты автора по данным World Integrated Trade Solution (WITS): Russian Federation, product exports and imports to ASEAN member states, 1996–2015. URL: <https://wits.worldbank.org> (дата обращения: 13.11.2025).

³⁶⁰ Расчёты автора по данным WITS за 2000 г.

второй план³⁶¹. Эти пропорции в целом согласуются с выводом М. С. Крапивина о сравнительно узкой номенклатуре российского промышленного экспорта в регион в условиях преобладания металлургической и химической продукции и скромной роли машин и оборудования³⁶².

В 2010–2015 гг. происходит сдвиг, который заслуживает отдельной интерпретации. Доля топливных товаров в российском экспорте в АСЕАН выросла с приблизительно 49% в 2010 г. до 56% в 2015 г., тогда как доли потребительских товаров, сырья (Raw materials) и промежуточных товаров, хотя и оставались заметными, не компенсировали роста топливной составляющей³⁶³. Одновременно наблюдался умеренный рост химической продукции – до приблизительно 12% к 2015 г.³⁶⁴ Эта картина находит подтверждение в выводах других исследователей о доминировании минеральных товаров/продукции ТЭК в российском экспорте в страны АСЕАН³⁶⁵. Аналогичный акцент на сырьевой направленности экспорта и высокой доле минерального топлива зафиксирован в работе Г. М. Костюниной на материале 2008–2017 гг.³⁶⁶ С одной стороны, рост доли топлива отражает конъюнктурный фактор: высокие мировые цены на энергоносители в первой половине 2010-х гг. увеличивали стоимостной объём топливных поставок даже при стабильных физических объёмах. С другой стороны, сама по себе тенденция к концентрации экспорта на топливе свидетельствует о том, что диверсификация товарной структуры, обозначенная в программных документах 2005 г., не была реализована: доля машин, оборудования и продукции высокой переработки в российском экспорте в АСЕАН на протяжении всего периода оставалась пренебрежимо малой.

³⁶¹ Расчёты автора по данным WITS за 2005 г.

³⁶² Крапивин М. С. Торгово-экономические отношения СССР, России со странами Юго-Восточной Азии : дис. ... канд. экон. наук : 08.00.14, 23.00.01 / М. С. Крапивин ; Ин-т востоковедения РАН. М., 2007. С. 54.

³⁶³ Расчёты автора по данным WITS за 2010 г.

³⁶⁴ Расчёты автора по данным WITS за 2015 г.

³⁶⁵ Лебедева Л. Ф., Захарова Е. В. Россия среди основных торговых партнёров стран АСЕАН // Россия и Америка в XXI веке. 2014. Вып. 3. URL: <https://rusus.jes.su/s207054760011166-9-1/> (дата обращения: 05.10.2025).

³⁶⁶ Костюнина Г. М. Внешняя торговля России со странами АСЕАН: основные тенденции развития // Российский внешнеэкономический вестник. 2019. № 3. С. 46.

Товарная структура импорта России из стран АСЕАН заметно отличается от экспортной: в ядре находятся группы готовой промышленной продукции (в том числе машины и электрооборудование) и потребительские товары, при заметной роли продукции растительного происхождения и продовольствия в конце 1990-х — начале 2000-х. В 1996 г. доли потребительских товаров и машин и электрооборудования (Mach and Elec) составляли около 43,5% и 42,4%, а инвестиционных товаров — порядка 29,3%; заметной оставалась и доля товаров растительного происхождения (Vegetable) ($\approx 21,0\%$)³⁶⁷. В 2000 г. наряду с потребительскими товарами ($\approx 35,8\%$) в пятёрку крупных категорий вошли продовольственные товары (Food Products) ($\approx 27,5\%$) и продукция растительного происхождения ($\approx 24,3\%$)³⁶⁸. В 2005–2010 гг. структура импорта оставалась стабильной: доли потребительских товаров и машинно-электротехнической продукции удерживались в диапазоне $\approx 42\text{--}46\%$, а инвестиционных товаров — около $\approx 36\text{--}39\%$ ³⁶⁹. В 2015 г. крупнейшими категориями оставались инвестиционные товары ($\approx 44,6\%$) и машины и электрооборудование ($\approx 43,7\%$), при доле потребительских товаров около $\approx 38,0\%$ ³⁷⁰. К схожему выводу о значительной роли оборудования и транспортных средств, продовольственных товаров и текстильной продукции пришли в своей работе Л. Ф. Лебедева и Е. В. Захарова³⁷¹. Г. М. Костюнина также отмечала более высокую степень обработки импорта из АСЕАН по сравнению с российским экспортом³⁷².

Товарная асимметрия, зафиксированная выше, дополняется высокой географической концентрацией торговли на ограниченном числе партнёров. В 1996 и 2000 гг. почти половина российского экспорта в АСЕАН приходилась на Сингапур

³⁶⁷ Расчёты автора по данным WITS за 1996 г.

³⁶⁸ Расчёты автора по данным WITS за 2000 г.

³⁶⁹ Расчёты автора по данным WITS за 2005, 2010 гг.

³⁷⁰ Расчёты автора по данным WITS за 2015 г.

³⁷¹ Лебедева Л. Ф., Захарова Е. В. Россия среди основных торговых партнёров стран АСЕАН // Россия и Америка в XXI веке. 2014. Вып. 3. URL: <https://rusus.jes.su/s207054760011166-9-1/> (дата обращения: 05.10.2025).

³⁷² Костюнина Г. М. Внешняя торговля России со странами АСЕАН: основные тенденции развития // Российский внешнеэкономический вестник. 2019. № 3. С. 49.

(около 48% и 43% соответственно)³⁷³. Сингапур выступал не столько конечным потребителем российских товаров, сколько реэкспортным и финансовым хабом, через который часть потоков перенаправлялась в другие страны региона. Высокая доля Сингапура в статистике экспорта, таким образом, частично отражает транзитную функцию города-государства в региональной торговле.

В последующие годы структура экспорта постепенно диверсифицировалась, хотя концентрация сохранялась. К 2005 г. возрастает роль Вьетнама (около 34%) и Таиланда (около 25%), что отражает как исторические связи России с Ханоем, так и рост торгово-экономического взаимодействия с Бангкоком³⁷⁴. К 2015 г. Сингапур вновь занимает первую позицию (около 47%), однако в отличие от середины 1990-х гг. его доля уже не является доминирующей: Вьетнам, Малайзия и Таиланд формируют заметный второй эшелон³⁷⁵. В импорте из АСЕАН картина иная: к 2015 г. структура становится более сбалансированной, потоки распределяются между четырьмя-пятью крупными поставщиками: Вьетнамом (около 28%), Индонезией и Таиландом (по 20–21%), Малайзией (около 18%), Сингапуром (порядка 7%)³⁷⁶. Эта статистика согласуется с выводами Г. М. Костюниной о высокой доле узкого круга стран в российско-асеановской торговле: Сингапур, Вьетнам и Индонезия в экспорте; Вьетнам, Индонезия и Таиланд в импорте³⁷⁷.

Контраст между экспортной и импортной географией заслуживает внимания. Экспорт России в АСЕАН концентрируется на двух-трёх направлениях, что делает его уязвимым к конъюнктурным изменениям в отдельных странах. Импорт, напротив, распределён более равномерно, что отражает диверсифицированный характер поставок промышленной продукции из региона. Однако даже при относительной сбалансированности импорта его товарная структура остаётся асимметричной по отношению к экспорту: Россия поставляет преимущественно

³⁷³ Расчёты автора по данным WITS за 1996, 2000 гг.

³⁷⁴ Расчёты автора по данным WITS за 2005 г.

³⁷⁵ Расчёты автора по данным WITS за 2015 г.

³⁷⁶ Расчёты автора по данным WITS за 1996, 2015 гг.

³⁷⁷ Костюнина Г. М. Внешняя торговля России со странами АСЕАН: основные тенденции развития // Российский внешнеэкономический вестник. 2019. № 3. С. 57.

топливо, сырьё и промежуточную продукцию, а получает машины, электрооборудование, инвестиционные и потребительские товары. Это означает, что торговля носит характер вертикальной специализации, при которой Россия занимает нижние звенья цепочки добавленной стоимости в обмене с АСЕАН.

В совокупности товарная и географическая структуры торговли 1996–2015 гг. позволяют сделать вывод о том, что ограниченная номенклатура российской продукции высокой степени обработки и концентрация потоков на узком круге партнёров сдерживают возможности углубления кооперации исключительно за счёт торговли товарами. Без расширения инвестиционного взаимодействия, создания совместных производств и развития проектной кооперации торговый рост сам по себе не способен преодолеть структурную асимметрию. Эти особенности служат рамкой для анализа инвестиционно-проектного измерения сотрудничества: в какой мере выявленная взаимодополняемость торговых потоков подкреплялась устойчивыми инвестиционными связями и совместными проектами. Для наглядного сопоставления ключевых товарных групп в торговле Россия–АСЕАН по опорным годам соответствующие доли сведены в таблице 7.

Таблица 7. Топ-5 товарных групп во взаимной торговле Россия–АСЕАН (WITS Product Group), 1996/2000/2005/2010/2015

Год	Ранг	Экспорт РФ→АСЕАН: товарная группа	Доля в экспорте, %	Импорт РФ←АСЕАН: товарная группа	Доля в импорте, %
1996	1	Промежуточные товары (Intermediate goods)	52,3	Потребительские товары (Consumer goods)	43,5
1996	2	Топливные товары (Fuels)	36,3	Машины и электрооборудование (Mach and Elec)	42,4
1996	3	Металлы (Metals)	30	Инвестиционные товары (Capital goods)	29,3
1996	4	Химическая продукция (Chemicals)	8	Товары растительного происхождения (Vegetable)	21
1996	5	Инвестиционные товары (Capital goods)	4,6	Промежуточные товары (Intermediate goods)	12
2000	1	Промежуточные товары (Intermediate goods)	46,7	Потребительские товары (Consumer goods)	35,8
2000	2	Металлы (Metals)	38,1	Продовольственные товары (Food Products)	27,5

2000	3	Потребительские товары (Consumer goods)	36,6	Промежуточные товары (Intermediate goods)	24,3
2000	4	Топливные товары (Fuels)	36,6	Товары растительного происхождения (Vegetable)	24,3
2000	5	Инвестиционные товары (Capital goods)	10,2	Инвестиционные товары (Capital goods)	24,3
2005	1	Промежуточные товары (Intermediate goods)	60,4	Потребительские товары (Consumer goods)	46,2
2005	2	Металлы (Metals)	54,6	Машины и электрооборудование (Mach and Elec)	41,9
2005	3	Потребительские товары (Consumer goods)	15,2	Инвестиционные товары (Capital goods)	36,3
2005	4	Топливные товары (Fuels)	14,8	Товары растительного происхождения (Vegetable)	21,8
2005	5	Инвестиционные товары (Capital goods)	7,2	Промежуточные товары (Intermediate goods)	11,8
2010	1	Топливные товары (Fuels)	48,7	Потребительские товары (Consumer goods)	43,1
2010	2	Потребительские товары (Consumer goods)	32,5	Машины и электрооборудование (Mach and Elec)	42,9
2010	3	Промежуточные товары (Intermediate goods)	29,3	Инвестиционные товары (Capital goods)	38,7
2010	4	Сырьё (Raw materials)	27,8	Товары растительного происхождения (Vegetable)	17,6
2010	5	Металлы (Metals)	19,7	Промежуточные товары (Intermediate goods)	9,3
2015	1	Топливные товары (Fuels)	55,6	Инвестиционные товары (Capital goods)	44,6
2015	2	Потребительские товары (Consumer goods)	43	Машины и электрооборудование (Mach and Elec)	43,7
2015	3	Сырьё (Raw materials)	23,7	Потребительские товары (Consumer goods)	38
2015	4	Промежуточные товары (Intermediate goods)	21,7	Товары растительного происхождения (Vegetable)	15,7
2015	5	Химическая продукция (Chemicals)	11,7	Промежуточные товары (Intermediate goods)	10

Примечание: 1996 г. — расчёт по АСЕАН-7; расширение до АСЕАН-10 завершено к 1999 г. В 2005 г. по Брунею в выгрузке отсутствуют строки (лист пустой), поэтому доли рассчитаны без него. Категории WITS перекрываются, поэтому суммы долей по 5 группам не интерпретируются как 100%.

Источник: расчёты автора по данным World Integrated Trade Solution (WITS): Russian Federation product exports and imports to ASEAN member states, 1996, 2000, 2005, 2010, 2015. URL: <https://wits.worldbank.org> (дата обращения: 13.11.2025).

Наряду с динамикой и структурой товарооборота, инвестиции и совместные проекты позволяют оценить глубину экономических связей между Россией и АСЕАН в 1994–2015 гг. Именно они отражают не только обмен товарами, но и наличие более долгосрочных форм кооперации. После принятия Комплексной программы действий 2005–2015 гг. и Соглашения об экономическом сотрудничестве 2005 г. практическая конкретизация экономической повестки обсуждалась через механизмы экономических консультаций и подготовку «дорожной карты» торгово-экономического сотрудничества. Её целью было снижение барьеров для делового взаимодействия и расширение участия компаний в проектной деятельности по приоритетным направлениям: энергетика, разведка и добыча полезных ископаемых, медицина, ИКТ, технологии новых материалов, поддержка малого и среднего бизнеса³⁷⁸. Однако сама по себе дорожная карта не содержала привязки к конкретным срокам, бюджетам или ответственным ведомствам, и её реализация в значительной степени зависела от инициативы отдельных компаний и ведомств, а не от системного механизма координации. В результате к середине 2010-х гг. большинство обозначенных в ней направлений не вышли за стадию деклараций или единичных пилотных проектов.

В отличие от торговли, где данные WITS позволяют построить сопоставимые ряды, инвестиционные потоки и проектное взаимодействие России и стран АСЕАН в 1994–2015 гг. отражены в статистике фрагментарно и несистемно. Поэтому анализ опирается на качественные оценки исследований и на задокументированные примеры проектов. В. М. Мазырин отмечает, что по масштабу и интенсивности прямых инвестиций Россия заметно уступала ведущим внешним инвесторам в

³⁷⁸ Severino R., Thuzar M. ASEAN Regionalism and the Future of ASEAN–Russia Relations // ASEAN–Russia: Foundations and Future Prospects / Eds. V. Sumsy, M. Hong, A. Lugg. Singapore: Institute of Southeast Asian Studies, 2012. P. 25–26;
Strigunova N. N. Towards a Roadmap for Russia–ASEAN Trade and Economic Cooperation // ASEAN–Russia: Foundations and Future Prospects / Eds. V. Sumsy, M. Hong, A. Lugg. Singapore: Institute of Southeast Asian Studies, 2012. P. 263–265.

регионе: Китаю, Японии и Республике Корея³⁷⁹. Е. В. Колдунова также подчёркивает периферийность России в торгово-инвестиционном измерении взаимодействия с Ассоциацией³⁸⁰.

К середине 2010-х годов инвестиционно-проектное сотрудничество России и АСЕАН носило точечный характер и проявлялось прежде всего через специализированные финансовые механизмы сопровождения. Так, в рамках урегулирования долговых обязательств по советским кредитам Россия списала 85% долга Вьетнама (2000) и Лаоса (2003), а оставшиеся суммы были реструктурированы. Погашение, в частности, допускалось товарами, в валютной форме либо через реинвестирование в национальные программы развития. Для расчётно-кредитного сопровождения операций был создан Вьетнамо-российский банк с уставным капиталом около US\$0,4 млрд. Предполагалось, что он будет обслуживать операции не только с Вьетнамом, но и с другими странами Индокитая³⁸¹. На многостороннем уровне действовал Финансовый фонд диалогового партнёрства Россия–АСЕАН: за период с 2007 по 2010 гг. совокупный вклад России оценивался в US\$1,75 млн. Поддержку получали проекты в области возобновляемой энергетики, помощи МСП, туризма и здравоохранения, а также сотрудничество по линии реагирования на стихийные бедствия и в сфере биотехнологий³⁸².

³⁷⁹ Mazyrin V. Russia and ASEAN-4: Potential and Realms of Cooperation // ASEAN-Russia: Foundations and Future Prospects. / Eds. V. Sumskey, M. Hong, A. Lugg. Singapore: Institute of Southeast Asian Studies, 2012. P. 217.

³⁸⁰ Колдунова Е. В. Россия – АСЕАН: пределы и возможности экономического партнёрства // Центр АСЕАН при МГИМО МИД России. – 29.08.2022. – URL: <https://asean.mgimo.ru/opinions/koldunova-russia-asean-limits-and-opportunities-valdai-08-22> (дата обращения: 04.03.2024).

³⁸¹ Mazyrin V. Russia and ASEAN-4: Potential and Realms of Cooperation // ASEAN-Russia: Foundations and Future Prospects. / Eds. V. Sumskey, M. Hong, A. Lugg. Singapore: Institute of Southeast Asian Studies, 2012. P. 216–217.

³⁸² Severino R., Thuzar M. ASEAN Regionalism and the Future of ASEAN–Russia Relations // ASEAN-Russia: Foundations and Future Prospects. / Eds. V. Sumskey, M. Hong, A. Lugg. Singapore: Institute of Southeast Asian Studies, 2012. P. 24–25; Rangsimaporn P. Russia's Search for an Enhanced Role in Southeast Asia // ASEAN-Russia: Foundations and Future Prospects. / Eds. V. Sumskey, M. Hong, A. Lugg. Singapore: Institute of Southeast Asian Studies, 2012. P. 331.

Отраслевое и технологическое сотрудничество осуществлялось через конкретные проекты, наиболее заметные в энергетике и, в частности, во взаимодействии с Вьетнамом. В качестве опорных примеров нефтегазовой кооперации следует отметить российско-вьетнамскую компанию «Вьетсовпетро», которая в 2000-е годы приносила России до US\$400–500 млн прибыли ежегодно, и «Вьетгазпром», начавшую работу в 2002 г. и приступившую к разработке газового месторождения у Дананга в 2007 г. Более того, российские компании участвовали в строительстве и модернизации объектов электроэнергетики Вьетнама, включая строительство ГЭС Хоа-Бинь (1 920 МВт) и ГЭС Яли (720 МВт), работы по проектам ГЭС Плэй Кронг и ГЭС Сесан-3, поставки оборудования для реконструкции ТЭС Уонг Би, а также начало строительства в 2009 г. двух крупных тепловых электростанций мощностью по 1 200 МВт каждая³⁸³. Среди задействованных подрядчиков и поставщиков оборудования упоминаются «Технопромэкспорт», «Силовые машины» и «Интер РАО». Вьетнамские инвестиции в Россию описываются как менее масштабные и более поздние по времени, однако отмечается появление проектов крупных государственных корпораций, в частности «Петровьетнам», реализующей нефтегазовые проекты совместно с «Газпромом» и «Зарубежнефтью» в различных регионах России³⁸⁴. В это же время Сингапур, Филиппины и Малайзия демонстрировали высокие показатели в экспорте высокотехнологичной продукции, а научно-техническое взаимодействие внутри самой Ассоциации выступало одним из факторов укрепления инновационного потенциала ЮВА³⁸⁵. На этом фоне российско-асеановская технологическая повестка выглядела заметно слабее: вопросы интеллектуальной собственности, совместных исследований и трансфера

³⁸³ Mazyrin V. Russia and Vietnam: Building a Strategic Partnership // ASEAN-Russia: Foundations and Future Prospects. / Eds. V. Sumsky, M. Hong, A. Lugg. Singapore: Institute of Southeast Asian Studies, 2012. P. 179–180.

³⁸⁴ Там же. С. 180–181.

³⁸⁵ Грибанова А. М., Королева Е. В., Чабыкина Е. А. Россия и АСЕАН: инновационно-технологический вектор сотрудничества // Копирайт. Вестник Российской академии интеллектуальной собственности и Российского авторского общества. 2021. № 4. С. 61. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_47350406_42079751.pdf (дата обращения: 05.08.2024).

технологий были отражены в договорно-правовой базе диалога 2005–2015 гг. лишь фрагментарно и не получили институционального оформления³⁸⁶.

Энергетическое сотрудничество с Вьетнамом оставалось одним из немногих устойчивых примеров отраслевой кооперации, выходящих за рамки торговли сырьём. Именно поэтому к 2015 г. инвестиционно-проектное взаимодействие Россия–АСЕАН правомерно характеризовать как точечное: оно концентрировалось на одном-двух направлениях (нефтегазовая кооперация, электроэнергетика), на ограниченном числе стран (прежде всего Вьетнам) и опиралось на узкий набор финансовых инструментов при отсутствии системной поддержки со стороны деловых ассоциаций или профильных ведомств.

Масштаб прямых инвестиций и число устойчивых совместных проектов оставались заметно ниже уровня ведущих внешних партнёров АСЕАН: Китая, Японии, Южной Кореи. Анализ этого разрыва требует учёта нескольких групп факторов, которые действовали одновременно и взаимно усиливали друг друга.

1. Структурные ограничения, заложенные в самой конфигурации торгово-экономических связей. По расчётам на основе данных WITS за 1996–2015 гг. (см. табл. 7) экспорт России в АСЕАН был сконцентрирован в сегментах с низкой и средней степенью обработки, а импорт из стран Ассоциации состоял преимущественно из машин и оборудования. Эта структурная асимметрия ограничивала потенциал взаимодополняемости экономик, что также отмечается в литературе³⁸⁷.

2. Структурные ограничения усиливались географической удалённостью региона. Исследователи также относили к «объективным препятствиям» неконкурентоспособность российской экономики, дефицит делового опыта

³⁸⁶ Там же. С. 63.

³⁸⁷ Попова Т. Н., Демина Ю. А., Гродзиевский Я. Ю., Ерисковский М. В., Стяжкина Н. А. Анализ динамики и структуры товарных потоков России и стран АСЕАН // Российский внешнеэкономический вестник. 2022. № 2. С. 47.

взаимодействия с местным бизнесом и низкую взаимную информированность, что сдерживало наращивание торговли и инвестиций³⁸⁸.

3. Существенным институциональным ограничением оставалось слабое развитие горизонтальных бизнес-связей и отсутствие эффективных механизмов координации, способных поддерживать и расширять такие контакты. В качестве практического решения Л. С. Кабир и И. А. Яковлев предлагают формирование комплексной системы организационной и информационной поддержки, а также разработку инструментов снижения рисков для участников внешней торговли³⁸⁹.

4. Среди контекстных ограничений следует отметить конкуренцию внешнеполитических приоритетов: даже «поворот на Восток» в середине 2010-х уступал по вниманию и ресурсам западному направлению, включая украинский кризис и воссоединение Крыма с Россией, а также задачам евразийской интеграции и вовлечённости Москвы в ближневосточную повестку (военная операция в Сирии)³⁹⁰. В этих условиях Юго-Восточная Азия занимала второстепенное место даже внутри азиатского вектора (по отношению к Китаю), что ограничивало возможности для углубления экономических связей³⁹¹.

5. Дополнительным ограничением выступала высокая чувствительность торговых связей к внешним шокам при сохранении малой доли АСЕАН во внешней торговле России: после подъёма 2006–2008 гг. товарооборот снизился с 10,15 млрд долл. в 2008 г. до 7,90 млрд долл. в 2009 г., а после пика 2014 г. (20,58 млрд долл.) сократился до 12,66 млрд долл. в 2015 г. (см. табл. 6). Этот характер динамики согласуется с выводом о большей волатильности потоков АСЕАН–Россия по

³⁸⁸ Рогожин А. А., Рогожина Н. Г. Юго-Восточная Азия в приоритетах российской политики «поворота к Азии» // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2019. Т. 12, № 1. С. 186.

³⁸⁹ Кабир Л. С., Яковлев И. А. Торговля в целях развития: формирование устойчивой платформы интеграции России в АСЕАН // Таможенная политика России на Дальнем Востоке. 2018. № 3 (84). С. 69.

³⁹⁰ Tsvetov A. After Crimea: Southeast Asia in Russia's Foreign Policy Narrative // Contemporary Southeast Asia. 2016. Vol. 38, № 1. P. 57; 59.

³⁹¹ Там же. С. 57.

сравнению с внутрирегиональной торговлей Ассоциации³⁹². При этом А. А. Рогожин и Н. Г. Рогожина отмечают, что Россия играла незначительную роль во внешней торговле стран ЮВА³⁹³.

В совокупности выявленные ограничения объясняют, почему к 2015 г. экономическое наполнение сотрудничества Россия–АСЕАН оставалось ограниченным и не соответствовало масштабу политико-дипломатической рамки, созданной в предшествующее десятилетие. Институциональный каркас существовал, программные документы были подписаны, форматы консультаций работали, но материальная основа партнёрства не поспевала за институциональным строительством.

2.3. Сотрудничество в области безопасности Россия–АСЕАН

В отличие от сравнительно ограниченного экономического сотрудничества, к 2015 г. более устойчивым каналом взаимодействия России и АСЕАН оставались форматы, связанные с безопасностью. Под сотрудничеством в области безопасности понимаются прежде всего консультации по вопросам политики и безопасности в асеноцентричных механизмах, а также координация по нетрадиционным угрозам. Ключевой площадкой выступает Региональный форум АСЕАН по безопасности (АРФ)³⁹⁴, а сопряжённые с ним механизмы, включая СМОА+, ВАС и постминистерские встречи, расширяют каналы диалога. Формирующееся Сообщество безопасности АСЕАН обсуждалось как возможный

³⁹² Кабир Л. С., Яковлев И. А. Торговля в целях развития: формирование устойчивой платформы интеграции России в АСЕАН // Таможенная политика России на Дальнем Востоке. 2018. № 3 (84). С. 65.

³⁹³ Рогожин А. А., Рогожина Н. Г. Юго-Восточная Азия в приоритетах российской политики «поворота к Азии» // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2019. Т. 12, № 1. С. 186.

³⁹⁴ Severino R., Thuzar M. ASEAN Regionalism and the Future of ASEAN–Russia Relations // ASEAN–Russia: Foundations and Future Prospects. / Eds. V. Sumsy, M. Hong, A. Lugg. Singapore: Institute of Southeast Asian Studies, 2012. P. 22–23.

прообраз региональной модели коллективной безопасности, хотя на практике оно оставалось преимущественно нормативным ориентиром, а не действующим механизмом³⁹⁵.

Динамика сотрудничества в сфере безопасности в 1994–2015 гг. разворачивалась как последовательное, хотя и неравномерное, движение от консультаций к нормативному оформлению и далее к отдельным практическим направлениям. Исходным уровнем был именно консультационный трек: устойчивые каналы диалога в асеаноцентричных форматах, ориентация на процедурный способ согласования позиций, отсутствие обязывающих решений³⁹⁶. На этот фундамент постепенно наслаивалась нормативная и тематическая повестка: среди ключевых инструментов закреплялись диалог и консультации, меры доверия и превентивная дипломатия; среди приоритетов: нераспространение и транснациональные вызовы³⁹⁷. Наконец, часть повестки переводилась в практические направления нетрадиционной безопасности, что нашло выражение в создании профильных механизмов и рабочих планов³⁹⁸. Однако ориентация на консультационные процедуры и сравнительная новизна созданных механизмов приводили к тому, что практическое наполнение сотрудничества складывалось медленно и оставалось ограниченным³⁹⁹. Иными словами, архитектура диалога опережала его содержание.

³⁹⁵ Локшин Г. М. Диалоговое партнёрство Россия–АСЕАН: сотрудничество в сфере политики и безопасности // АСЕАН в начале XXI века. Актуальные проблемы и перспективы / под ред. Е. В. Кобелева, Г. М. Локшина, Н. П. Малетина. М.: ИД «ФОРУМ», 2010. С. 300–301.

³⁹⁶ Там же. С. 302–303.

³⁹⁷ Caballero-Anthony M. Partnership for Peace in Asia: ASEAN, the ARF, and the United Nations // *Contemporary Southeast Asia*. 2002. Vol. 24, No. 3. P. 535–536;

Локшин Г. М. Диалоговое партнёрство Россия–АСЕАН: сотрудничество в сфере политики и безопасности // АСЕАН в начале XXI века. Актуальные проблемы и перспективы / под ред. Е. В. Кобелева, Г. М. Локшина, Н. П. Малетина. М.: ИД «ФОРУМ», 2010. С. 299.

³⁹⁸ Severino R., Thuzar M. ASEAN Regionalism and the Future of ASEAN–Russia Relations // *ASEAN–Russia: Foundations and Future Prospects*. / Eds. V. Sumsky, M. Hong, A. Lugg. Singapore: Institute of Southeast Asian Studies, 2012. P. 26.

³⁹⁹ Acharya A. Ideas, identity, and institution building: From the ‘ASEAN way’ to the ‘Asia Pacific way’? // *The Pacific Review*. 1997. Vol. 10, No. 3. P. 324; Severino R., Thuzar M. ASEAN Regionalism and the Future of ASEAN–Russia Relations // *ASEAN–Russia: Foundations and Future Prospects*. / Eds. V. Sumsky, M. Hong, A. Lugg. Singapore: Institute of Southeast Asian Studies, 2012. P. 28.

В 1994–2002 гг. сотрудничество выстраивалось прежде всего как консультационный трек, обеспечивавший институциональное присутствие России в региональной архитектуре. На первом заседании АРФ в Бангкоке 25 июля 1994 г. Форум был закреплён как высокоуровневая площадка для обмена мнениями по вопросам политики и безопасности, а также развития мер доверия, включая элементы превентивной дипломатии⁴⁰⁰. Нормативным ориентиром для участников выступали цели и принципы Договора о дружбе и сотрудничестве в Юго-Восточной Азии, задававшие общую рамку обсуждения⁴⁰¹.

Включение России в асеаноцентричные форматы безопасности началось с запуска АРФ в 1994 г.: предшествующий опыт участия в постминистерских конференциях АСЕАН (с 1992 г.) облегчил институциональное встраивание, а в июле 1996 г. оно было закреплено получением статуса диалогового партнёра Ассоциации⁴⁰². Через присоединение к АРФ Москва решала несколько задач: поддержание стабильной внешней среды через практически единственную многостороннюю площадку по вопросам безопасности в регионе и закрепление политического присутствия в АТР с подтверждением права России участвовать в ключевых региональных форматах⁴⁰³.

На раннем этапе, однако, практическое наполнение участия оставалось ограниченным. В ходе экспертной дискуссии конца 1990-х гг. участник из Республики Корея, поддерживая саму идею вовлечения России в региональные процессы, отмечал, что остаётся неясным, какие конкретные инициативы Москва способна предложить региональным партнёрам помимо военно-технического взаимодействия⁴⁰⁴. Схожий скепсис фиксируется в дипломатическом комментарии, приведённом П. Рангсимапорном: участие России в многосторонних форматах

⁴⁰⁰ Confidence and Security Building Measures: Chairman's Statement // The First ASEAN Regional Forum, Bangkok, 25 July 1994 // U.S. Department of State Archive. 1994. URL: https://1997-2001.state.gov/global/arms/bureau_pm/csbm/chairman_1994_arf.html (дата обращения: 27.11.2023).

⁴⁰¹ Там же.

⁴⁰² Rangsimaporn P. Russia as an Aspiring Great Power in East Asia: Perceptions and Policies from Yeltsin to Putin. London: Palgrave Macmillan, 2009. P. 130.

⁴⁰³ Там же. С. 130–131.

⁴⁰⁴ Watanabe K., ed. Engaging Russia in Asia Pacific. Tokyo: Japan Center for International Exchange, 1999. P. 179.

само по себе не гарантирует «содержательности» её роли, поскольку Москва не располагает значительным военным присутствием в регионе. В качестве аргумента указывались ограниченные возможности Тихоокеанского флота. Российский дипломат Александр Панов в ответ подчёркивал, что Россия не ставит целью проецирование военной мощи в АТР и связывает значение своего присутствия с поддержанием баланса сил⁴⁰⁵. Этот обмен фиксирует проблему несоответствия между институциональным присутствием и способностью предложить конкретное содержание диалога.

Переход от преимущественно консультационного формата 1990-х гг. к нормативному оформлению обозначила серия совместных документов 2003–2005 гг. Отправной точкой стала Совместная декларация министров иностранных дел, подписанная в Пномпене 19 июня 2003 г. Её главное отличие от предшествующих договорённостей состояло в том, что впервые была зафиксирована именно двусторонняя рамка партнёрства Россия–АСЕАН в сфере мира и безопасности, привязанная к конкретному региону и конкретным механизмам (АРФ, меры доверия)⁴⁰⁶. Как отмечает А. Ачарья, асеановское институциональное строительство изначально ориентировалось на процессуальную логику: закрепление принципов и процедур взаимодействия предшествовало выработке обязывающих решений, а иногда и заменяло её⁴⁰⁷. Пномпеньская декларация вписывается именно в эту логику: она создаёт рамку, а не обязательства.

На уровне содержательной повестки декларация выдвинула на первый план нетрадиционные и транснациональные угрозы: терроризм, незаконный оборот наркотиков и стрелкового оружия, нелегальную миграцию, торговлю людьми⁴⁰⁸.

⁴⁰⁵ Rangsimaporn P. Russia as an Aspiring Great Power in East Asia: Perceptions and Policies from Yeltsin to Putin. London: Palgrave Macmillan, 2009. P. 111.

⁴⁰⁶ Совместная декларация министров иностранных дел Российской Федерации и Ассоциации государств Юго-Восточной Азии о партнерстве в деле мира и безопасности, а также процветания и развития в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Пномпень, 19 июня 2003 г. URL: https://asean.mgimo.ru/images/partn/Declaration-Partnership-Asia-Pacific-2003_ru.doc (дата обращения: 27.11.2023).

⁴⁰⁷ Acharya A. Ideas, identity, and institution building: From the 'ASEAN way' to the 'Asia Pacific way'? // The Pacific Review. 1997. Vol. 10, No. 3. P. 324.

⁴⁰⁸ Совместная декларация министров иностранных дел Российской Федерации и Ассоциации государств Юго-Восточной Азии о партнерстве в деле мира и безопасности, а также процветания

Этот акцент не был случайным. Для государств АСЕАН именно нетрадиционные угрозы представляли наиболее острую практическую проблему, и именно в этой сфере Россия могла предложить конкретное взаимодействие, не вступая в конкуренцию с США или Китаем по вопросам традиционной безопасности. Одновременно декларация закрепляла приверженность режимам нераспространения и глобальному разоружению⁴⁰⁹, что позволяло Москве подчеркнуть свой статус ядерной державы и постоянного члена СБ ООН без необходимости демонстрировать военное присутствие в регионе.

Год спустя, в Джакарте, нормативная рамка была конкретизирована в Совместной декларации о сотрудничестве в борьбе с международным терроризмом (2 июля 2004 г.). Для российско-асеановского трека это был первый документ, выходящий за пределы общих политических формул. Он задавал прикладной контур взаимодействия: обмен разведывательной информацией о финансировании терроризма, координацию пограничного и миграционного контроля, наращивание потенциала через совместные мероприятия и подготовку кадров, а также возможность создания профильной рабочей группы. Нормативно-правовой основой сотрудничества провозглашалось выполнение ключевых резолюций СБ ООН и продвижение присоединения к антитеррористическим конвенциям⁴¹⁰.

По оценке Г. М. Локшина, в политической повестке взаимодействия России и АСЕАН совместная борьба с терроризмом была выдвинута в число ключевых задач, а необходимая юридическая база для практической координации была оформлена антитеррористической декларацией 2004 г.⁴¹¹ На этой основе контртеррористическое сотрудничество получило институциональное развитие: в

и развития в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Пномпень, 19 июня 2003 г. URL: https://asean.mgimo.ru/images/partn/Declaration-Partnership-Asia-Pacific-2003_ru.doc (дата обращения: 27.11.2023).

⁴⁰⁹ Там же.

⁴¹⁰ Совместная декларация Российской Федерации и АСЕАН о сотрудничестве в борьбе с международным терроризмом. Джакарта, 2 июля 2004 г. URL: <https://asean.mid.ru/upload/iblock/9e3/ug1c96s4cm093ueh6ttehrlsnj56ov1w.pdf> (дата обращения: 27.11.2023).

⁴¹¹ Локшин Г. М. Диалоговое партнёрство Россия–АСЕАН: сотрудничество в сфере политики и безопасности // АСЕАН в начале XXI века. Актуальные проблемы и перспективы / под ред. Е. В. Кобелева, Г. М. Локшина, Н. П. Малетина. – М.: ИД «ФОРУМ», 2010. С. 302.

документе фиксировалась проработка вопроса об учреждении Рабочей группы Россия–АСЕАН и опора на механизмы АСЕАН по линии транснациональной преступности⁴¹². В том же году был запущен механизм совещаний старших должностных лиц России и АСЕАН по транснациональной преступности, в рамках которого профильные ведомства согласовывали приоритетные направления взаимодействия⁴¹³.

Первый саммит Россия–АСЕАН в г. Куала-Лумпур 13 декабря 2005 г. закрепил на уровне лидеров дальнейшее развитие диалогового партнёрства в сфере политики и безопасности. В Совместной декларации о развитии и всеобъемлющем партнерстве Россия характеризует АСЕАН как движущую силу интеграционных процессов в АТР и поддерживает усилия по созданию Сообщества безопасности АСЕАН⁴¹⁴. Со своей стороны Ассоциация подтверждает готовность содействовать более полной интеграции России в систему регионального многостороннего взаимодействия. Отдельно подчеркнуто значение присоединения России к Договору о дружбе и сотрудничестве (2004), который стороны рассматривают как основу кодекса поведения государств региона в деле поддержания мира и стабильности⁴¹⁵.

Практическим продолжением стало принятие Комплексной программы действий по развитию сотрудничества России и АСЕАН на 2005–2015 гг. в Куала-Лумпуре 13 декабря 2005 г. В преамбуле программы её назначение прямо увязано с

⁴¹² Совместная декларация Российской Федерации и АСЕАН о сотрудничестве в борьбе с международным терроризмом. Джакарта, 2 июля 2004 г. URL: <https://asean.mid.ru/upload/iblock/9e3/ug1c96s4cm093ueh6ttehrlnj56ov1w.pdf> (дата обращения: 27.11.2023);

Локшин Г. М. Диалоговое партнёрство Россия–АСЕАН: сотрудничество в сфере политики и безопасности // АСЕАН в начале XXI века. Актуальные проблемы и перспективы / под ред. Е. В. Кобелева, Г. М. Локшина, Н. П. Малетина. – М.: ИД «ФОРУМ», 2010. С. 303.

⁴¹³ Локшин Г. М. Диалоговое партнёрство Россия–АСЕАН: сотрудничество в сфере политики и безопасности // АСЕАН в начале XXI века. Актуальные проблемы и перспективы / под ред. Е. В. Кобелева, Г. М. Локшина, Н. П. Малетина. – М.: ИД «ФОРУМ», 2010. С. 303.

⁴¹⁴ Совместная декларация главы государства Российской Федерации и глав государств и правительств государств-членов Ассоциации государств Юго-Восточной Азии о развитии и всеобъемлющем партнерстве. Куала-Лумпур, 13 декабря 2005 г. URL: https://asean.mgimo.ru/images/partn/Joint-Declaration_2005_ru.doc (дата обращения: 27.11.2023).

⁴¹⁵ Там же.

реализацией целей и задач, зафиксированных в декларациях 2003–2005 гг., включая документы по вопросам мира и безопасности и сотрудничества в борьбе с международным терроризмом⁴¹⁶. Для сферы политики и безопасности это означало переход от рамочных политических формулировок к планированию конкретных совместных мер и регулярных консультаций в рамках имеющихся диалоговых механизмов⁴¹⁷.

В разделе I Комплексной программы действий 2005–2015 гг. зафиксирован режим регулярных встреч и консультаций в рамках действующих диалоговых механизмов Россия–АСЕАН: ежегодных постминистерских конференций в формате 10+1, совещаний старших должностных лиц, Совместного комитета сотрудничества и Совместного планово-распорядительного комитета⁴¹⁸. Программа также предусматривает координацию в ООН, включая отдельные встречи министров иностранных дел в ходе сессий Генеральной Ассамблеи и консультации делегаций по её повестке, а также консультации по вопросам повестки дня сессий АРФ⁴¹⁹.

Сотрудничество по противодействию терроризму и транснациональной преступности выделено в самостоятельный раздел, где закрепляется регулярное проведение совещаний старших должностных лиц Россия–АСЕАН по борьбе с транснациональной преступностью и проработка вопроса об учреждении рабочей группы как экспертного координационного механизма компетентных органов⁴²⁰. В содержательном плане акцент переносится на прикладные инструменты: обмен информацией и наращивание потенциала профильных ведомств (включая предотвращение финансирования терроризма и содействие в проведении поисково-спасательных и гуманитарных операций), а также на согласованные меры

⁴¹⁶ Комплексная программа действий по развитию сотрудничества Российской Федерации и Ассоциации государств Юго-Восточной Азии на 2005–2015 гг. 2005. URL: https://asean.mgimo.ru/images/partn/Comprehensive-Programme-of-Action-2005-2015_ru.doc (дата обращения: 27.11.2023).

⁴¹⁷ Там же.

⁴¹⁸ Там же.

⁴¹⁹ Там же.

⁴²⁰ Там же.

против отдельных направлений транснациональной преступности, прежде всего легализации преступных доходов, незаконного оборота наркотиков и торговли людьми⁴²¹.

Помимо контртеррористического раздела Комплексная программа действий 2005–2015 гг. фиксирует отдельное практическое направление по предупреждению и преодолению последствий стихийных бедствий и техногенных катастроф. В программе предусматривается проработка вопроса о содействии России государствам-членам АСЕАН в развитии потенциала реагирования — через создание и укрепление национальных служб по чрезвычайным ситуациям и их оснащение оборудованием и специальной техникой⁴²².

Второй саммит Россия–АСЕАН в Ханое 30 октября 2010 г. стал контрольной точкой, которая закрепила связь динамики диалогового партнёрства с решениями 2005 г. и реализацией Комплексной программы действий 2005–2015 гг.⁴²³ В сфере безопасности документ поддержал запуск механизма Совещаний министров обороны стран АСЕАН с партнёрами по диалогу (СМОА+) и подтвердил развитие направления противодействия терроризму и транснациональной преступности через ежегодные Совещания старших должностных лиц России и АСЕАН по транснациональной преступности (ССДЛ-ТНП), рабочую группу Россия–АСЕАН и рабочий план, принятый в 2009 г.⁴²⁴

В ханойском заявлении 2010 г. контртеррористическая повестка дополняется профилактическим измерением: среди приоритетов названы противодействие идеологии терроризма и пресечение вербовки, а также использование потенциала гражданского общества и средств массовой информации. Отдельно фиксируется развитие сотрудничества по чрезвычайному реагированию — посредством совершенствования работы национальных и региональных антикризисных центров

⁴²¹ Там же.

⁴²² Там же.

⁴²³ Совместное заявление по итогам второго саммита Российская Федерация – АСЕАН. Ханой, 30 октября 2010 г. URL: https://asean.mgimo.ru/images/partn/Joint-Statement_2010_ru.doc (дата обращения: 27.11.2023).

⁴²⁴ Там же.

и подготовку Рабочего плана Россия–АСЕАН по чрезвычайному реагированию на 2011–2015 гг.⁴²⁵

Исследователи выделяют 2005–2010 гг. как период наращивания практической повестки в сфере безопасности. Г. М. Локшин отмечает, что за пять лет после первого саммита была сформирована договорно-правовая база, особенно по «нетрадиционным угрозам» (терроризм, пиратство, трансграничная преступность, предупреждение и ликвидация последствий стихийных бедствий)⁴²⁶. Вместе с тем анализ Е. С. Мартыновой показывает, что рост политической и процедурной активности долгое время сопровождался ограниченной реализацией договорённостей, поэтому даже при наличии программ и рабочих планов практическая нагрузка части механизмов оставалась умеренной⁴²⁷.

Для иллюстрации материальной составляющей взаимодействия в сфере безопасности в таблице 8 приведены данные SIPRI Arms Transfers Database о поставках основных систем вооружений из России в государства АСЕАН в 1994–2015 гг. Показатель выражен в млн индикаторных единиц SIPRI (TIV) и используется как вспомогательный ориентир динамики идентифицированных поставок, не подменяя анализ политико-дипломатических механизмов и не являясь прямым показателем политического доверия. Агрегаты рассчитаны по составу Ассоциации соответствующего года; расширение АСЕАН в 1995–1999 гг. учитывается при интерпретации ранних периодов (Вьетнам — с 1995 г.; Лаос и Мьянма — с 1997 г.; Камбоджа — с 1999 г.). В выгрузке SIPRI отсутствуют идентифицированные поставки российских основных вооружений в Бруней и на Филиппины, поэтому в агрегированных суммах они учитываются как нулевые значения⁴²⁸.

⁴²⁵ Там же.

⁴²⁶ Локшин Г. М. Россия – АСЕАН: новые проекты и форматы сотрудничества // Азия и Африка сегодня. 2011. № 2 (643). С. 6. URL:

https://www.elibrary.ru/download/elibrary_16909259_30634744.pdf (дата обращения: 14.03.2024).

⁴²⁷ Martynova E. S. Strengthening of Cooperation Between Russia and ASEAN: Rhetoric or Reality? // Asian Politics & Policy. 2014. Vol. 6, Issue 3. P. 398–399.

⁴²⁸ Расчёты автора по данным SIPRI Arms Transfers Database: exports of major arms from Russia to ASEAN member states, 1994–2024 (TIV, trend-indicator values). URL: <https://armstransfers.sipri.org/ArmsTransfer/CSVResult> (дата обращения: 13.11.2025).

Таблица 8. Поставки основных вооружений из России в государства АСЕАН по данным SIPRI (млн TIV), 1994–2015

Период	Σ РФ→АСЕАН, млн TIV	Топ-3 получателя (объём; доля от суммы периода)	Доля топ-3
1994–1998	1371	Вьетнам — 720 (52,5%); Малайзия — 536 (39,1%); Лаос — 65 (4,7%)	96,4%
1999–2003	858	Вьетнам — 295 (34,4%); Индонезия — 241 (28,1%); Мьянма — 219 (25,5%)	88,0%
2004–2008	2117	Малайзия — 787 (37,2%); Вьетнам — 650 (30,7%); Мьянма — 600 (28,3%)	96,2%
2009–2013	4141	Вьетнам — 2267 (54,7%); Индонезия — 787 (19,0%); Мьянма — 642 (15,5%)	89,3%
2014–2015	1932	Вьетнам — 1821 (94,3%); Индонезия — 56 (2,9%); Мьянма — 40 (2,1%)	99,2%
1994–2015 (итого)	10419	Вьетнам — 5753 (55,2%); Малайзия — 1809 (17,4%); Мьянма — 1537 (14,8%)	87,3%

Примечание:

1. Значения приведены в млн SIPRI TIV.
2. Обозначение «0» в базе означает объём поставок в диапазоне 0–0,5 млн TIV; пустое поле означает отсутствие идентифицированных поставок.
3. Итоги могут не совпадать с суммой строк из-за правил округления.
4. Агрегаты «РФ→АСЕАН» рассчитаны по составу Ассоциации соответствующего года: Вьетнам учитывается с 1995 г.; Лаос и Мьянма — с 1997 г.; Камбоджа — с 1999 г. (год вступления учитывается целиком).
5. В выгрузке SIPRI по направлению «Russia→ASEAN» отсутствуют идентифицированные поставки в Бруней и на Филиппины; в расчётах они учитываются как нулевые значения.

Источник: расчёты автора по данным SIPRI Arms Transfers Database: exports of major arms from Russia to ASEAN member states, 1994–2024 (TIV, trend-indicator values). URL: <https://armstransfers.sipri.org/ArmsTransfer/CSVResult> (дата обращения: 13.11.2025).

Качественная структура поставок показывает, что военно-техническое сотрудничество России с государствами АСЕАН в 1994–2015 гг. было сконцентрировано не только количественно, но и по странам и номенклатуре. Главным получателем российских вооружений выступал Вьетнам, на который, как видно из табл. 8, пришлось более половины всех поставок за рассматриваемый период. В отличие от большинства других государств Ассоциации, вьетнамские закупки имели наиболее широкую номенклатуру и охватывали сразу несколько сегментов модернизации вооружённых сил: боевую авиацию, корабельный состав,

подводные лодки, противокорабельные и береговые средства, а также отдельные элементы ПВО. Это отличало Вьетнам от Малайзии и Мьянмы, где российские поставки были в большей степени связаны с авиационной техникой и средствами её сопровождения. В материалах SIPRI по структуре вьетнамского импорта за 1999–2018 гг. наибольшая доля приходилась на корабли, авиационную технику и ракеты, что подтверждает более комплексный характер российско-вьетнамского ВТС по сравнению с другими странами АСЕАН⁴²⁹.

Вторым по значимости направлением в разные периоды выступала Малайзия. Однако её закупки были менее диверсифицированными: основу закупок составляла авиационная техника, прежде всего истребители МиГ-29, приобретённые в 1994 г., и Су-30, контракт по которым был заключён в 2003 г.⁴³⁰ Российские поставки в Мьянму, которая занимала третье место по совокупному объёму поставок в 1994–2015 гг., также были преимущественно ориентированы на авиацию, вертолёт и средства ПВО, включая МиГ-29, учебно-боевые Як-130, вертолёты Ми-17/Ми-35 и комплексы Печора-2М⁴³¹. Индонезийское направление было заметным, но менее устойчивым: российские поставки включали самолёты Су-27/Су-30, вертолёты Ми-17/Ми-35, бронетехнику и стрелковое вооружение, однако не сформировали такой же долгосрочной модели сотрудничества, как в случае с Вьетнамом⁴³². Таким образом, в 1994–2015 гг. ВТС так и не стало направлением сотрудничества в масштабах всей Ассоциации, а развивалось как совокупность нескольких

⁴²⁹ Wezeman S. T. Arms Flows to South East Asia. Stockholm: SIPRI, December 2019. P. 44–45. URL: https://www.sipri.org/sites/default/files/2019-12/1912_arms_flows_to_south_east_asia_wezeman.pdf (дата обращения: 10.04.2026);

Storey I. Russia in Southeast Asia: Falling influence despite being largest arms seller // ThinkChina. 31.03.2021. URL: <https://www.thinkchina.sg/politics/russia-southeast-asia-falling-influence-despite-being-largest-arms-seller> (дата обращения: 10.04.2026).

⁴³⁰ Storey I. Russia in Southeast Asia: Falling influence despite being largest arms seller // ThinkChina. 31.03.2021. URL: <https://www.thinkchina.sg/politics/russia-southeast-asia-falling-influence-despite-being-largest-arms-seller> (дата обращения: 10.04.2026).

⁴³¹ Там же.

⁴³² Russia's arms exports to Indonesia top \$2.5 bln over 25 years // TASS. 21.02.2018. URL: <https://tass.com/defense/991061> (дата обращения: 10.04.2026); Storey I. Russia in Southeast Asia: Falling influence despite being largest arms seller // ThinkChina. 31.03.2021. URL: <https://www.thinkchina.sg/politics/russia-southeast-asia-falling-influence-despite-being-largest-arms-seller> (дата обращения: 10.04.2026).

двусторонних линий, среди которых Вьетнам отличался наиболее широкой номенклатурой закупок, Малайзия и Мьянма — преимущественно авиационным профилем, а Индонезия — более эпизодической и диверсифицированной структурой поставок.

К началу 2010-х годов диалог России и АСЕАН в сфере безопасности всё заметнее опирался на многосторонний контур асеаноцентричных площадок, дополняя ранее сформированные программные и ведомственные механизмы. Совместное заявление министров иностранных дел по случаю 15-летия диалогового партнёрства (о. Бали, 22 июля 2011) фиксирует ориентацию на консультации по вопросам региональной безопасности на ключевых площадках асеаноцентричной архитектуры, включая Восточноазиатский саммит (ВАС), Региональный форум АСЕАН по безопасности (АРФ), Совещания министров обороны АСЕАН с диалоговыми партнёрами (СМОА+)⁴³³. К их числу с 2012 года добавился и Расширенный морской форум АСЕАН (РМФА), где Россия также участвует в обсуждении вопросов морской безопасности⁴³⁴. Вместе с тем закреплена установка на развитие рабочих связей между асеаноцентричными структурами и другими региональными объединениями, включая АТЭС и ШОС, расширяя каналы взаимодействия без автоматического перехода к глубокой совместной кооперации⁴³⁵.

В ряде работ участие России в асеаноцентричных многосторонних форматах трактуется как инструмент институциональной включённости в обсуждение региональной повестки безопасности. И. Ю. Ткаченко связывает значение Восточноазиатского саммита для России с задачей закрепления в круге ключевых региональных акторов. В его трактовке в число целей Москвы входят поддержание

⁴³³ Совместное заявление министров иностранных дел Российской Федерации и Ассоциации государств Юго-Восточной Азии по случаю 15-летия диалогового партнерства Россия–АСЕАН. о. Бали, 22 июля 2011 г. URL: https://asean.mgimo.ru/images/partn/Joint-Statement-15anniv-partn_ru.doc (дата обращения: 27.11.2023).

⁴³⁴ Ассоциация государств Юго-Восточной Азии: справочный материал. 15.03.2016. МИД России. URL: <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1524218/> (дата обращения: 02.06.2025).

⁴³⁵ Там же.

мира, стабильности и укрепление доверия⁴³⁶. М. Като рассматривает участие в АРФ и других форматах как способ обеспечить вовлечённость России в обсуждение региональной безопасности и экономических проблем АТР в постбиполярный период⁴³⁷. Оба автора сходятся в том, что для Москвы многосторонние площадки выполняли функцию подтверждения статуса, а не достижения конкретных практических результатов.

Е. А. Канаев и В. А. Шумкова обращают внимание на существенное ограничение этой логики: включение России в асеаноцентричные форматы увеличивает количество каналов консультаций, но не устраняет структурных ограничений самих механизмов. Исследователи отмечают, что трансграничная динамика угроз безопасности не соответствует возможностям переговорных форматов. Их вклад в разрешение споров и достижение компромиссов остается скромным в силу приверженности принципам консенсуса и невмешательства. Они лишь обеспечивают мониторинг и обмен позициями. В результате параметры их работы требуют пересмотра и обновления⁴³⁸. Анализ Е. В. Колдуновой дополняет эту картину, изучая внешние диалоговые партнёрства АСЕАН как механизм распределения функций между внешними игроками. Если взаимодействие с США, Китаем, Японией и ЕС связано прежде всего с задачами безопасности и экономики, то партнёрство с Россией используется как один из инструментов наращивания региональных политических связей⁴³⁹. Иными словами, Россия встраивалась в асеаноцентричную архитектуру не как актор, способный изменить конфигурацию безопасности региона, а как участник, расширяющий пространство диалога.

⁴³⁶ Ткаченко И. Ю. Восточноазиатские саммиты и интересы России // Российский внешнеэкономический вестник. 2014. № 10. С. 33–34. URL: <https://journal.vavt.ru/rfej/article/view/1094/1014> (дата обращения: 14.03.2024).

⁴³⁷ Като М. Российская многосторонняя дипломатия в системе Азиатско-Тихоокеанской региональной интеграции // Сравнительная политика. 2010. Т. 1, № 1. С. 188.

⁴³⁸ Канаев Е. А., Шумкова В. А. Евразийские приоритеты асеаноцентричных диалоговых форматов по вопросам безопасности // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2017. Т. 17, № 3. С. 458–460.

⁴³⁹ Колдунова Е. В. «Диалоговые партнёрства» во внешней политике АСЕАН // Международные процессы. 2017. Т. 15, № 3 (50). С. 56–57; 61.

Подводя итоги развития сотрудничества России и АСЕАН в сфере безопасности в 1994–2015 гг., необходимо зафиксировать три ключевых результата и одно системное ограничение.

Первый результат состоит в том, что к середине 2010-х гг. сформировался устойчивый нормативно-институциональный каркас взаимодействия. Консультационные механизмы в асеаноцентричных форматах (АРФ, ВАС, СМОА+ и РМФА) обеспечили регулярный обмен мнениями по вопросам региональной стабильности⁴⁴⁰. Совместные декларации 2003–2004 гг. и Комплексная программа действий 2005–2015 гг. закрепили приоритеты противодействия терроризму и транснациональной преступности, а также взаимодействия по линии чрезвычайного реагирования⁴⁴¹. В российской интерпретации это взаимодействие строилось на принципах внеблоковости и недискриминационного подхода: акцент делался на мерах доверия, консультациях и отказе от логики соперничества и закрытых союзов⁴⁴².

Второй результат – закрепление за Россией роли участника, не создающего угрозу и не требующего от партнёров жёсткого выбора. Именно это позиционирование, как было показано выше, позволяло Москве сохранять присутствие в региональной архитектуре даже при ограниченных экономических и военных ресурсах. Однако оно же определяло и пределы влияния: Россия не воспринималась как актор, способный предложить альтернативную модель

⁴⁴⁰ Локшин Г. М. Россия – АСЕАН: новые проекты и форматы сотрудничества // Азия и Африка сегодня. 2011. № 2 (643). С. 5. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_16909259_30634744.pdf (дата обращения: 14.03.2024); Martynova E. S. Strengthening of Cooperation Between Russia and ASEAN: Rhetoric or Reality? // Asian Politics & Policy. 2014. Vol. 6, Issue 3. P. 398.

⁴⁴¹ Кобелев Е. В. Партнерству «Россия – АСЕАН» – 20 лет // Проблемы Дальнего Востока. 2014. № 6. С. 12;

Локшин Г. М. Россия – АСЕАН: новые проекты и форматы сотрудничества // Азия и Африка сегодня. 2011. № 2 (643). С. 6. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_16909259_30634744.pdf (дата обращения: 14.03.2024).

⁴⁴² Локшин Г. М. Россия – АСЕАН: новые проекты и форматы сотрудничества // Азия и Африка сегодня. 2011. № 2 (643). С. 5. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_16909259_30634744.pdf (дата обращения: 14.03.2024).

безопасности или выступить гарантом стабильности в конкретной конфликтной ситуации⁴⁴³.

Третьим результатом стало формирование материальной составляющей взаимодействия, прежде всего военно-технического сотрудничества. Однако эта составляющая была сконцентрирована на ограниченном числе партнёров (Вьетнам, Индонезия, Малайзия) и не может служить прямым индикатором глубины политико-дипломатической кооперации в многостороннем формате. Данные SIPRI (табл. 8) в этой связи рассматриваются как вспомогательный фон к анализу институтов и процедур, а не как самостоятельный показатель эффективности партнёрства.

Системное ограничение, выявленное на протяжении всего рассматриваемого периода, состоит в разрыве между масштабом институционального строительства и практической отдачей. Несмотря на выработку и подписание всё новых документов и рабочих планов, реализация согласованных мер оставалась умеренной. Контакты на высшем уровне были нерегулярными, крупные многосторонние проекты оставались единичными, а практическая реализация согласованных мер была ограниченной. Этот разрыв объясняется не столько отсутствием политической воли, сколько природой самих асеаноцентричных механизмов: консенсусная процедура, необязательность решений и отсутствие механизмов принуждения делают эти форматы пригодными для поддержания диалога, но не для оперативного реагирования на конкретные угрозы. Именно поэтому к 2015 г. сотрудничество России и АСЕАН в сфере безопасности можно характеризовать как институционально оформленное, но выборочное по практическому наполнению.

На этом фоне гуманитарное сотрудничество выступало важным дополнением к взаимодействию в сфере политики и безопасности, расширяя каналы контактов между обществами.

⁴⁴³ Martynova E. S. Strengthening of Cooperation Between Russia and ASEAN: Rhetoric or Reality? // Asian Politics & Policy. 2014. Vol. 6, Issue 3. P. 398–399.

2.4. Гуманитарное сотрудничество Россия–АСЕАН

К 2015 г. институциональная основа диалога России и АСЕАН в сферах политики, безопасности и экономики была в целом сформирована. Гуманитарное направление занимало в этой конструкции вспомогательное, но не второстепенное положение. Оно не определяло стратегическую повестку партнёрства, однако создавало социальную основу контактов, без которой политические и экономические договорённости оставались абстракцией. В настоящем параграфе гуманитарное сотрудничество рассматривается через те подсферы, где в 1994–2015 гг. сложились относительно устойчивые форматы и имеется достаточная источниковая база: образование и наука, культурные обмены, туризм, молодёжные и экспертные форматы.

Отправной точкой для анализа служит туризм – наиболее массовый и количественно фиксируемый канал прямых контактов между Россией и странами АСЕАН. В торговле услугами на туристические поездки приходилось около 70% оборота России со странами Ассоциации, а на государства АСЕАН – более 6% российского импорта туристических услуг⁴⁴⁴. Эта цифра наглядно показывает, что именно туризм, а не образование или культурные обмены, формировал основной массив повседневных контактов между гражданами России и ЮВА. Вместе с тем развитие гуманитарного трека в целом происходило на фоне ограниченного присутствия России в регионе и второстепенной приоритетности ЮВА по сравнению с СНГ, Европой и даже Китаем внутри азиатского вектора, что сдерживало регулярность и масштаб инициатив⁴⁴⁵.

⁴⁴⁴ Лебедева Л. Ф., Захарова Е. В. Россия среди основных торговых партнёров стран АСЕАН // Россия и Америка в XXI веке. 2014. Вып. 3. URL: <https://rusus.jes.su/s207054760011166-9-1/> (дата обращения: 10.12.2023).

⁴⁴⁵ Gorenburg D., Schwartz P. Russia's Relations with Southeast Asia. Russie.NEI.Reports, No. 26. Paris: Ifri, 2019. P. 10–11. URL: <https://www.ifri.org/en/publications/etudes-de-lifri/russieneireports/russias-relations-southeast-asia> (дата обращения: 02.08.2024).

Институциональное оформление гуманитарного направления началось в середине 2000-х гг. и прошло три этапа. Во-первых, включение гуманитарных направлений в Комплексную программу действий на 2005–2015 гг., которая впервые систематизировала сотрудничество в этой сфере на программном уровне⁴⁴⁶. В ней были закреплены основы сотрудничества: развитие человеческих ресурсов через образовательные обмены, поддержание культурных контактов, формирование консультационных механизмов в сфере туризма⁴⁴⁷. Во-вторых, создание специализированной институциональной опоры: Меморандум 2009 г. об учреждении Центра АСЕАН при МГИМО закрепил задачи информационного и экспертно-образовательного сопровождения партнёрства⁴⁴⁸. В-третьих, отдельное договорное оформление: Соглашение о сотрудничестве в области культуры 2010 г. превратило культурное взаимодействие в рамочную конструкцию, открытую для детализации через конкретные программы и дополнительные соглашения⁴⁴⁹.

Политическое подтверждение этой линии было зафиксировано в Совместном заявлении второго саммита 2010 г.: лидеры приветствовали подписание культурного соглашения и открытие Центра АСЕАН при МГИМО, а также закрепили намерение развивать туризм и другие формы взаимодействия, укрепляющие доверие⁴⁵⁰.

В то же время наличие рамочных документов и институтов само по себе не означало автоматического расширения взаимодействия: как отмечал Г. М. Локшин,

⁴⁴⁶ Комплексная программа действий по развитию сотрудничества Российской Федерации и Ассоциации государств Юго-Восточной Азии на 2005–2015 гг. 2005. URL: https://asean.mgimo.ru/images/partn/Comprehensive-Programme-of-Action-2005-2015_ru.doc (дата обращения: 27.11.2023).

⁴⁴⁷ Там же.

⁴⁴⁸ Меморандум о взаимопонимании между Московским государственным институтом международных отношений (Университетом) и Секретариатом Ассоциации государств Юго-Восточной Азии об учреждении Центра АСЕАН при Московском государственном институте международных отношений (Университете). Пхукет, Таиланд, 23 июля 2009 г. URL: https://asean.mgimo.ru/upload/ckeditor/files/Memorandum-ASEAN-Centre_rus.pdf (дата обращения: 26.10.2025).

⁴⁴⁹ Соглашение Россия–АСЕАН о сотрудничестве в области культуры. 2010. URL: https://asean.mgimo.ru/images/partn/Culture-Agreement_2010_ru.doc (дата обращения: 27.11.2023).

⁴⁵⁰ Совместное заявление по итогам второго саммита Российская Федерация – АСЕАН. Ханой, 30 октября 2010 г. URL: https://asean.mgimo.ru/images/partn/Joint-Statement_2010_ru.doc (дата обращения: 27.11.2023).

одним из устойчивых ограничений оставались дефицит взаимной информированности и слабая развитость контактов на уровне общественности, в связи с чем с учреждением Центра АСЕАН при МГИМО связывались ожидания по снижению этого барьера⁴⁵¹. Ключевые документы и институты сведены в таблице 9.

Таблица 9. Инструменты гуманитарного сотрудничества Россия–АСЕАН (1994–2015)

Документ / институт / формат	Год	Сфера	Значение для гуманитарного сотрудничества
Комплексная программа действий по развитию сотрудничества РФ–АСЕАН на 2005–2015 гг.	2005	Образование, наука, развитие человеческих ресурсов	Задаёт программную рамку образовательного и научного взаимодействия: развитие межвузовских связей и академических обменов, включая совместные образовательные форматы.
Комплексная программа действий по развитию сотрудничества РФ–АСЕАН на 2005–2015 гг.	2005	Культура и информационные обмены	Выделяет культурные и информационные контакты как самостоятельное направление гуманитарного взаимодействия.
Комплексная программа действий по развитию сотрудничества РФ–АСЕАН на 2005–2015 гг.	2005	Туризм	Закрепляет консультационный механизм по туризму и связанные формы профильной координации.
Меморандум о взаимопонимании об учреждении Центра АСЕАН при МГИМО	2009	Экспертно-образовательная и информационная поддержка	Создаёт специализированную инфраструктуру гуманитарного направления: распространение информации об АСЕАН и партнёрстве, содействие гуманитарным контактам и участие в культурно-образовательных обменах, проведение исследований.
Соглашение между Правительством РФ и правительствами государств-членов АСЕАН о сотрудничестве в области культуры	2010	Культура, культурное наследие, гуманитарные обмены	Формирует договорную рамку культурного сотрудничества: координацию через профильные органы и возможность последующей детализации через программы и проекты.
Совместное заявление по итогам второго саммита Россия–АСЕАН (Ханой)	2010	Политическое закрепление гуманитарных инициатив	Подтверждает гуманитарный блок на высшем уровне: приветствует подписание культурного соглашения и открытие Центра АСЕАН при

⁴⁵¹ Локшин Г. М. Россия – АСЕАН: новые проекты и форматы сотрудничества // Азия и Африка сегодня. 2011. № 2 (643). С. 6. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_16909259_30634744.pdf (дата обращения: 14.03.2024).

			МГИМО; фиксирует ориентир на развитие туризма и регулярность профильных консультаций.
--	--	--	---

Источник: составлено автором по документам, перечисленным в табл. 9 (Комплексная программа действий РФ–АСЕАН 2005–2015; Меморандум об учреждении Центра АСЕАН при МГИМО (2009); Соглашение о сотрудничестве в области культуры (2010); Совместное заявление второго саммита Россия–АСЕАН (Ханой, 2010)).

В 1994–2015 гг. образовательное и научное сотрудничество выступало наиболее устойчивой и структурированной частью гуманитарного взаимодействия России со странами АСЕАН. Его специфика во многом определялась советским образовательным наследием в Индокитае: подготовка кадров в СССР и России сформировала устойчивые профессиональные и личные связи, на которые опирались последующие контакты. В качестве количественного ориентира Е. С. Мартынова приводит данные о масштабах подготовки: свыше 30 тыс. граждан Вьетнама и 8,5 тыс. граждан Камбоджи получили профессиональную подготовку в российских (советских) вузах⁴⁵². В отношении Лаоса также отмечен сопоставимый по объему опыт: около 7 тыс. граждан Лаоса прошли обучение в советских вузах, а выпускники заняли заметные позиции в системе государственного управления⁴⁵³.

Научная составляющая была менее институционально оформлена, чем образовательная. В рамках изученных материалов значительно реже встречаются устойчивые совместные исследовательские проекты, чем программы подготовки кадров и академических обменов. Привлекательность российского высшего образования для партнёров из ЮВА определялась не столько научной репутацией конкретных вузов, сколько доступностью стипендий и наличием исторически сложившихся связей.

Важным элементом институционализации гуманитарного трека стало создание Центра АСЕАН при МГИМО в 2009 г. В его задачи входили информационное сопровождение диалога, содействие развитию научных и

⁴⁵² Martynova E. S. Strengthening of Cooperation Between Russia and ASEAN: Rhetoric or Reality? // Asian Politics & Policy. 2014. Vol. 6, Issue 3. P. 406.

⁴⁵³ Юн С. М., Пхонкео В. Сотрудничество России и Лаоса в сфере образования // Вестник Томского государственного университета. История. 2022. № 79. С. 197.

образовательных обменов⁴⁵⁴. Для гуманитарного направления это означало появление единственной специализированной площадки на весь регион, объединяющей академическую среду, экспертные контакты и образовательные проекты. В отличие от культурных связей, которые оставались разрозненными и зависели от инициативы отдельных учреждений, Центр АСЕАН при МГИМО обеспечил минимальную институциональную непрерывность трека.

Вместе с тем масштабы образовательной мобильности в Россию из стран АСЕАН оставались ограниченными. А. Бух, опираясь на опрос студентов профильных факультетов вузов в Лаосе, Таиланде и Вьетнаме, показывает, что на фоне альтернативных направлений возможность обучения в России занимает скромное место. В 2012 г. в России обучалось 3 800 студентов из Вьетнама, а в Австралии – 22 500, в США – 15 500⁴⁵⁵. В 2014 г. насчитывалось 29 обучающихся из Лаоса в России⁴⁵⁶. Автор также подчеркивает ограниченное количество стипендий (около 20 стипендий в год) для граждан Таиланда и отсутствие точной статистики по числу студентов при общей оценке их малочисленности⁴⁵⁷. Более того, 2013–2014 гг. в российских университетах обучалось порядка 10 тыс. студентов из стран АСЕАН, по оценке Е. С. Мартыновой⁴⁵⁸. В то же время в 2013 г. количество только вьетнамских студентов, обучающихся за рубежом составляло 125 тыс.⁴⁵⁹ Таким образом, образовательное и научное сотрудничество действительно выступало наиболее институционально оформленной частью

⁴⁵⁴ Меморандум о взаимопонимании между Московским государственным институтом международных отношений (Университетом) и Секретариатом Ассоциации государств Юго-Восточной Азии об учреждении Центра АСЕАН при Московском государственном институте международных отношений (Университете). Пхукет, Таиланд, 23 июля 2009 г. URL: https://asean.mgimo.ru/upload/ckeditor/files/Memorandum-ASEAN-Centre_rus.pdf (дата обращения: 26.10.2025).

⁴⁵⁵ Bukh A. Russia's Image and Soft Power Resources in Southeast Asia: Perceptions among Young Elites in Laos, Thailand and Vietnam // *Contemporary Southeast Asia*. 2016. Vol. 38, No. 3. P. 451; 459.

⁴⁵⁶ Там же. С. 452.

⁴⁵⁷ Там же. С. 454.

⁴⁵⁸ Martynova E. S. Strengthening of Cooperation Between Russia and ASEAN: Rhetoric or Reality? // *Asian Politics & Policy*. 2014. Vol. 6, Issue 3. P. 407.

⁴⁵⁹ Краснова Г. А., Белоус В. В. Мобильность вьетнамских студентов // Аккредитация в образовании. 2016. № 1 (85). С. 56. URL: <https://ifap.ru/cfeoll/disc/content/books/06.pdf> (дата обращения: 14.03.2024).

гуманитарного трека, но оставалось направлением ограниченного масштаба и выраженной неравномерности по странам с высокой чувствительностью к конкуренции образовательных рынков и языковым барьерам.

Наряду с образовательным сотрудничеством заметное место в гуманитарной повестке Россия–АСЕАН занимали культурные связи, публичная дипломатия и туризм. При сравнительно скромных масштабах официальных программ именно эти направления обеспечивали наиболее массовые либо регулярные контакты, которые повышали взаимную узнаваемость и формировали устойчивые представления о партнёре.

Институциональную основу культурной дипломатии составляли структуры, созданные для работы за рубежом. В 2008 г. было учреждено Россотрудничество, которое опиралось на сеть российских центров науки и культуры. Подобные структуры работали в ряде стран ЮВА ещё с 1980-х гг., что позволило обеспечить преемственность культурных контактов на национальном уровне⁴⁶⁰. Её ценность заключалась в поддержании присутствия через проведение регулярных культурных и языковых программ вне зависимости от политической конъюнктуры. При этом критерий количества мероприятий сам по себе не отражал эффективность работы. В то же время такого рода центры существенно уступали по ресурсному обеспечению аналогичным структурам Китая, Японии и Южной Кореи.

В начале 2010-х гг. молодёжные саммиты Россия–АСЕАН стали значимым форматом публичной дипломатии. Первый такой саммит прошёл в мае 2013 г. на базе Центра АСЕАН при МГИМО с участием студентов, дипломатов и экспертов⁴⁶¹. К. А. Ефремова, оценивая результаты этих мероприятий, приходит к выводу, что наиболее продуктивной их составляющей является образовательный компонент, что позволяет рассматривать саммиты как действующий инструмент публичной дипломатии⁴⁶². Вместе с тем необходимо отметить ограниченность этого формата:

⁴⁶⁰ Martynova E. S. Strengthening of Cooperation Between Russia and ASEAN: Rhetoric or Reality? // Asian Politics & Policy. 2014. Vol. 6, Issue 3. P. 406.

⁴⁶¹ Там же. С. 406–407.

⁴⁶² Ефремова К. А. Молодежные саммиты Россия – АСЕАН как инструмент публичной дипломатии: предварительные оценки эффективности // 25 лет внешней политике России:

саммиты расширяли круг вовлечённых участников и поддерживали горизонтальные связи, но не заменяли постоянно действующих структур и не обеспечивали системной работы со всей десяткой стран АСЕАН.

Самым масштабным каналом прямых контактов между Россией и странами АСЕАН в 1994–2015 гг. был туризм. На него приходилось порядка 70% оборота в торговле услугами, а доля государств АСЕАН составляла более 6% российского импорта туристических услуг⁴⁶³. Послабление визовых требований способствовало увеличению числа поездок: в первой половине 2013 г. Таиланд принял свыше 570 тыс. российских туристов, что делало его одним из наиболее популярных направлений выездного туризма для граждан России. Безвизовые и упрощённые режимы въезда в ряде стран региона сыграли серьёзную роль в наращивании межличностных связей. При этом количество туристов из стран ЮВА в Россию оставалось крайне низким⁴⁶⁴.

Ключевой вопрос, однако, состоит в том, трансформировался ли массовый туристический контакт в более глубокие формы взаимодействия. Опрос студентов в Лаосе, Таиланде и Вьетнаме, проведённый А. Бухом, даёт на этот вопрос однозначный ответ: большая часть респондентов не имела опыта участия в российских инициативах в сфере публичной дипломатии, а интерес к поездке в Россию носил туристический, а не образовательный или рабочий характер⁴⁶⁵. Иными словами, туризм создавал узнаваемость, но не конвертировал её в образовательную, научную или профессиональную вовлечённость. Разрыв между массовым туристическим контактом и ограниченным участием в долгосрочных гуманитарных программах оставался структурной особенностью всего рассматриваемого периода. В отсутствие целенаправленной политики по переводу

сборник материалов X Конвента РАМИ (Москва, 8–9 декабря 2016 г.): в 5 т. Т. 2: Россия и современный мир: политика и безопасность. В 2 ч. Ч. 1. М.: МГИМО-Университет, 2017. С. 91.

⁴⁶³ Лебедева Л. Ф., Захарова Е. В. Россия среди основных торговых партнёров стран АСЕАН // Россия и Америка в XXI веке. 2014. Вып. 3. URL: <https://rusus.jes.su/s207054760011166-9-1/> (дата обращения: 10.12.2023).

⁴⁶⁴ Martynova E. S. Strengthening of Cooperation Between Russia and ASEAN: Rhetoric or Reality? // Asian Politics & Policy. 2014. Vol. 6, Issue 3. P. 407.

⁴⁶⁵ Bukh A. Russia's Image and Soft Power Resources in Southeast Asia: Perceptions among Young Elites in Laos, Thailand and Vietnam // Contemporary Southeast Asia. 2016. Vol. 38, No. 3. P. 459.

туристического интереса в образовательные и профессиональные каналы контакты оставались эпизодическими и не формировали устойчивой социальной базы партнёрства.

В 2011–2015 гг. гуманитарная составляющая отношений Россия–АСЕАН расширилась за счёт новых форматов. В Совместном заявлении министров иностранных дел по случаю 15-летия диалогового партнёрства (Бали, 2011) были обозначены намерения развивать культурные контакты и туризм, а также взаимодействие в области предупреждения стихийных бедствий и ликвидации их последствий⁴⁶⁶. На практике одним из наиболее заметных форматов стали молодёжные саммиты Россия–АСЕАН: первый форум прошёл в Москве в мае 2013 г. и собрал около 200 участников; второй состоялся в Куала-Лумпуре 17–19 октября 2014 г.; третий — во Владивостоке 8–10 октября 2015 г.⁴⁶⁷ При этом, как отмечает К. Г. Муратшина, важно наращивать работу по распространению информации о различных форматах гуманитарного сотрудничества Россия–АСЕАН, которая зачастую не достигает широкой общественности, а остается уделом специализированных каналов и научной литературы⁴⁶⁸.

Обобщая вышеизложенное, можно сделать следующие выводы. К середине 2010-х гг. гуманитарная повестка сотрудничества Россия–АСЕАН получила институциональную опору и стала важным направлением работы диалогового

⁴⁶⁶ Совместное заявление министров иностранных дел Российской Федерации и Ассоциации государств Юго-Восточной Азии по случаю 15-летия диалогового партнерства Россия–АСЕАН. о. Бали, 22 июля 2011 г. URL: https://asean.mgimo.ru/images/partn/Joint-Statement-15anniv-partn_ru.doc (дата обращения: 27.11.2023).

⁴⁶⁷ The 1st Russia–ASEAN Youth Summit: “Young Russia–Young ASEAN: Dialogue for Connectivity”, Moscow, 13–14 May 2013. Moscow: ASEAN Centre, MGIMO University, 2013. URL: <https://asean.mgimo.ru/images/photo/2013/Youth-Summit-Booklet.pdf> (дата обращения: 27.11.2023); The 2nd ASEAN–Russia Youth Summit: Young Russia–Young ASEAN: Contribution to Greater Connectivity, 17–19 October 2014, Kuala Lumpur, Malaysia. Kuala Lumpur, 2014. URL: https://mgimo.ru/files2/y10_2014/261076/2AR-Youth-Summit_pres.pdf (дата обращения: 27.11.2023); Young Russia–Young ASEAN: Expanding Regional Connections. Concept Paper. The 3rd Russia–ASEAN Youth Summit, 8–10 October 2015, Vladivostok, Russia. Vladivostok: Far Eastern Federal University; ASEAN Centre, MGIMO University, 2015. URL: <https://asean.mgimo.ru/images/files/3Youth-Summit-Preliminary-Concept.pdf> (дата обращения: 27.11.2023).

⁴⁶⁸ Муратшина К. Г. Гуманитарное сотрудничество России и АСЕАН в новых исторических условиях // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2023. Т. 1, № 1 (58). С. 85.

партнёрства. Развитию культурно-образовательных контактов способствовали сеть российских центров науки и культуры, учреждение Россотрудничества и создание Центра АСЕАН при МГИМО⁴⁶⁹.

1. Ядром гуманитарного направления выступали образование и наука: сохранялся спрос на российские программы, прежде всего в области инженерно-технической и медицинской подготовки⁴⁷⁰.

2. В сфере публичной дипломатии важным форматом стали молодёжные саммиты Россия–АСЕАН.

3. Туризм оставался наиболее массовым каналом гуманитарных контактов: отмечался рост поездок россиян в государства ЮВА, однако встречные потоки в Россию были скромными⁴⁷¹.

4. Среди ограничений можно выделить недостаточную взаимную информированность и слабое развитие общественных и деловых контактов, что не позволяло в полной мере реализовать потенциал гуманитарных инициатив⁴⁷².

Сформированная к 2015 г. база определила основные направления гуманитарного сотрудничества в 2016–2024 гг.

⁴⁶⁹ Martynova E. S. Strengthening of Cooperation Between Russia and ASEAN: Rhetoric or Reality? // Asian Politics & Policy. 2014. Vol. 6, Issue 3. P. 406–407.

⁴⁷⁰ Там же.

⁴⁷¹ Там же. С. 407.

⁴⁷² Локшин Г. М. Россия – АСЕАН: новые проекты и форматы сотрудничества // Азия и Африка сегодня. 2011. № 2 (643). С. 6. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_16909259_30634744.pdf (дата обращения: 14.03.2024).

Глава 3. Развитие сотрудничества между Россией и АСЕАН 2016–2024 гг.

3.1. Политическое взаимодействие между Россией и АСЕАН

В качестве нижней границы второго этапа (2016–2024 гг.) принят 2016 год, поскольку именно юбилейный саммит Россия–АСЕАН в Сочи задал цель выведения диалога на уровень стратегического партнёрства⁴⁷³. Одновременно был утвержден Комплексный план действий на 2016–2020 гг., который переводил политические установки в режим пятилетнего планирования и обозначил конкретные шаги по наращиванию сотрудничества в сфере политики и безопасности, экономики и социально-культурного взаимодействия. Кроме того, данный план подчеркнул преемственность по отношению к результатам предыдущей программы 2005–2015 гг. и целям декларации «АСЕАН-2025»⁴⁷⁴. В том же году Россия закрепила курс на укрепление диалога с Ассоциацией и стремление к повышению уровня диалога до стратегического партнерства в обновленной Концепции внешней политики⁴⁷⁵.

Дальнейший анализ политического взаимодействия Россия–АСЕАН в 2016–2024 гг. проводится по трём взаимосвязанным линиям: (1) изменения статуса и институциональной рамки партнёрства; (2) эволюция тематической повестки, закрепляемой в совместных документах; (3) устойчивость механизмов диалога в условиях внешних шоков 2020–2024 гг. Такая рамка позволяет сопоставлять нормативные установки и реальную практику политических контактов, избегая

⁴⁷³ Сочинская декларация юбилейного саммита Россия–АСЕАН «На пути к взаимовыгодному стратегическому партнерству». Сочи, 19–20 мая 2016 г. URL: <https://asean.mgimo.ru/images/partn/2016-sochi-declaration.pdf> (дата обращения: 27.11.2023).

⁴⁷⁴ Комплексный план действий по развитию сотрудничества Российской Федерации и Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (2016–2020 гг.). Сочи, 19–20 мая 2016 г. URL: <https://asean.mgimo.ru/images/partn/2016-2020-action-plan.pdf> (дата обращения: 27.11.2023).

⁴⁷⁵ Указ Президента Российской Федерации от 30 ноября 2016 г. № 640 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации» // Официальный сайт Президента России. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41451> (дата обращения: 27.11.2023).

описания периода как последовательности событийных эпизодов. В 2020–2024 гг. политический диалог развивался на фоне пандемии COVID-19 и изменений международной обстановки после начала специальной военной операции в 2022 г. В этих условиях высокое значение для России сохраняли асеаноцентричные площадки как каналы поддержания контактов с региональными партнёрами⁴⁷⁶.

Одним из важнейших механизмов диалога, появившихся после сочинского саммита, стало постоянное представительство России при АСЕАН в Джакарте, учрежденное в 2017 г. Тем самым была выполнена рекомендация Группы видных деятелей, которая ещё в 2016 г. указывала на необходимость постоянного дипломатического присутствия для поддержания регулярного диалога⁴⁷⁷. Создание отдельной миссии оформило постоянный канал взаимодействия с органами Ассоциации и создало организационную опору для последующего закрепления более высокого статуса отношений.

В совместном заявлении по итогам третьего саммита в Сингапуре в ноябре 2018 г. сотрудничество Россия–АСЕАН было официально оформлено как стратегическое партнерство. Кроме того, в том же документе было зафиксировано создание представительства России при АСЕАН в Джакарте и назначение постоянного представителя при АСЕАН как элементов устойчивой инфраструктуры контактов⁴⁷⁸.

Одновременно происходило расширение тематической повестки политического диалога. Если в документах 2000-х гг. акцент делался на

⁴⁷⁶ Koldunova E. V. Russia: A Real Turn to Asia // Regional Security Outlook 2024 / ed. R. Huisken. Canberra: Council for Security Cooperation in the Asia Pacific, 2023. P. 25. URL: <https://www.cscap.org/index.php?mact=News,cntnt01,detail,0&cntnt01articleid=63&cntnt01origid=51&cntnt01returnid=31> (дата обращения: 04.08.2024).

⁴⁷⁷ Доклад Группы видных деятелей Россия–АСЕАН. 2016. URL: <https://asean.mgimo.ru/images/partn/2016-epg-report.pdf> (дата обращения: 27.11.2023); Joint Statement of the 3rd ASEAN–Russian Federation Summit on Strategic Partnership. Singapore, 14 November 2018. URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/d38bfabf57988d029de89931efc52bd1/Declaration3_2018.pdf (дата обращения: 27.11.2023).

⁴⁷⁸ Joint Statement of the 3rd ASEAN–Russian Federation Summit on Strategic Partnership. Singapore, 14 November 2018. URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/d38bfabf57988d029de89931efc52bd1/Declaration3_2018.pdf (дата обращения: 27.11.2023).

традиционных угрозах и мерах доверия, то Сочинская декларация включила в раздел политики и безопасности информационную безопасность и киберпреступность, выведя цифровую тематику из сугубо экономической плоскости⁴⁷⁹. Дальнейшую конкретизацию это направление получило в отдельном Заявлении по безопасности ИКТ, принятом на сингапурском саммите. Документ не только фиксировал риски, связанные с использованием информационных технологий, но и встраивал диалог Россия–АСЕАН в асеановскую правовую логику, опираясь на профильные документы АРФ и АСЕАН по кибербезопасности. Принципиально важным стало решение сторон рассмотреть учреждение отдельного диалогового механизма по безопасности ИКТ, тем самым переводя цифровую тему из общего политического декларирования в процедурный формат координации⁴⁸⁰.

Таким образом, к концу 2018 г. отношения Россия–АСЕАН приобрели не только формально более высокий статус, но и более плотную институциональную структуру (постоянное представительство, регулярные саммиты) и расширенную повестку, включавшую новые для двустороннего диалога темы. Вместе с тем вышеперечисленные новации сами по себе не гарантировали рост практической вовлеченности России в региональную повестку⁴⁸¹. Последующие кризисные явления 2020–2024 гг. подвергли созданную институциональную рамку проверке на устойчивость в стрессовых условиях. Ключевые документы и институты сведены в таблице 10.

Таблица 10. Ключевые политические документы и вехи Россия–АСЕАН (2016–2024)

⁴⁷⁹ Сочинская декларация юбилейного саммита Россия–АСЕАН «На пути к взаимовыгодному стратегическому партнерству». Сочи, 19–20 мая 2016 г. URL: <https://asean.mgimo.ru/images/partn/2016-sochi-declaration.pdf> (дата обращения: 27.11.2023).

⁴⁸⁰ Заявление Российской Федерации и АСЕАН о сотрудничестве в области обеспечения безопасности использования информационно-коммуникационных технологий и самих информационно-коммуникационных технологий. 2018 г. URL: <https://asean.mid.ru/upload/iblock/031/h93rjq46rp5p8rpo9tpewzjcsxdzivzu.pdf> (дата обращения: 27.11.2023).

⁴⁸¹ Gorenburg D., Schwartz P. Russia's Relations with Southeast Asia. *Russie.NEI.Reports*, No. 26. Paris: Ifri, 2019. P. 11. URL: <https://www.ifri.org/en/publications/etudes-de-lifri/russieneireports/russias-relations-southeast-asia> (дата обращения: 02.08.2024).

Год / площадка	Документ / решение	Что меняет в статусе/механизмах	Что добавляет в повестку
2016 / Сочи (юбилейный саммит Россия–АСЕАН)	Сочинская декларация юбилейного саммита Россия–АСЕАН	Задаёт цель продвижения к стратегическому партнерству через асеаноцентричные форматы; встраивает дальнейшую работу в механизм реализации с контролем со стороны профильных министров	Расширяет повестку в области политики и безопасности: наряду с традиционными угрозами фиксирует блок информационной безопасности
2016 / Сочи (план действий на пять лет)	Комплексный план действий РФ–АСЕАН на 2016–2020 гг.	Переводит сотрудничество в режим пятилетнего планирования; закрепляет регулярные механизмы взаимодействия (саммиты, постминистерские конференции «10+1», совещания старших должностных лиц, Совместный комитет сотрудничества); вводит отчетность на постминистерских конференциях	Включает тематику информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) в блок угроз и мер доверия
2016 / Сочи (рекомендации Группы видных деятелей)	Доклад Группы видных деятелей Россия–АСЕАН (EPG Report)	Содержит рекомендации по развитию дипломатической инфраструктуры, включая учреждение отдельной миссии России при АСЕАН в Джакарте; предлагает усилить координацию постоянных представителей при ООН	Закрепляет в качестве нормативной основы развитие партнерства в русле ASEAN Vision 2025 и принципа центральной роли АСЕАН
2016 / Москва (внешнеполитическое планирование РФ)	Концепция внешней политики Российской Федерации	Включает задачу выведения диалога с АСЕАН на уровень стратегического партнерства в число внешнеполитических приоритетов; фиксирует опору на асеаноцентричные форматы	Закрепляет «восточное направление» внешней политики, определяя асеаноцентричные механизмы как каналы политического присутствия России в регионе

2017 / трек МИД (совместное заявление министров)	Заявление министров иностранных дел России и АСЕАН о совместных усилиях по борьбе с международным терроризмом	Перечисляет комплекс профильных форматов и рабочих механизмов как основу взаимодействия; предусматривает создание каналов связи между компетентными органами	Детализирует контртеррористическую повестку: противодействие пропаганде терроризма, насильственному экстремизму, использованию ИКТ в террористических целях
2017 / Джакарта (инфраструктура диалога)	Учреждение Миссии Российской Федерации при АСЕАН и назначение постоянного представителя при АСЕАН	Формирует постоянно действующий дипломатический контур, что повышает регулярность и эффективность контактов с органами АСЕАН	Создает институциональные условия для сопровождения работы по расширяющейся повестке
2018 / Сингапур (3-й саммит Россия–АСЕАН)	Совместное заявление третьего саммита Россия–АСЕАН о стратегическом партнерстве	Официально повышает уровень отношений до стратегического партнерства; закрепляет миссию в Джакарте как элемент инфраструктуры; подчеркивает важность участия в асеаноцентричных форматах и практики обсуждений послов стран-участниц ВАС в Джакарте	Расширяет повестку в области политики и безопасности за счет добавления угроз в использовании ИКТ в качестве нетрадиционных угроз. Подчеркивает стремление бороться с международным терроризмом, транснациональной преступностью, производством и распространением наркотиков
2018 / Сингапур (отдельное тематическое заявление)	Заявление Российской Федерации и АСЕАН о сотрудничестве в области обеспечения безопасности использования ИКТ и самих ИКТ	Фиксирует возможность создания отдельного диалогового механизма по безопасности ИКТ; интегрирует сотрудничество в существующие региональные механизмы	Выделяет безопасность ИКТ в самостоятельное направление политического диалога, опираясь на резолюции ГА ООН и профильные треки АРФ
2019 / АСЕАН (региональная рамка)	Концепция АСЕАН об Индо-Тихоокеанском регионе (ASEAN	Закрепляет подход к развитию сотрудничества через укрепление существующих асеаноцентричных	Определяет ключевые принципы взаимодействия: центральная роль АСЕАН, приоритетные области сотрудничества

	Outlook on the Indo-Pacific, AOIP)	механизмов, а не через создание новых структур	(морская безопасность, взаимосвязанность, Цели устойчивого развития (SDGs), цифровая экономика)
2021 / видеоконференция (4-й саммит Россия–АСЕАН)	Совместное заявление четвертого саммита Россия–АСЕАН	Подтверждает приверженность асеаноцентричным механизмам (ВАС, АРФ, СМОА+, РМФА) как основе политического диалога	Привязывает сотрудничество к принципам АОIP и вводит в политический лексикон концепцию «взаимосвязанности взаимосвязанностей», ориентируясь на Генеральный план АСЕАН по взаимосвязанности (МРАС 2025)
2021	Комплексный план действий по реализации стратегического партнёрства между Российской Федерацией и Ассоциацией государств Юго-Восточной Азии (2021–2025 годы)	Развивает логику пятилетнего планирования на этапе реализации стратегического партнерства; закрепляет механизмы взаимодействия (саммиты, ПМК «10+1», СДЛ, Совместный комитет) и институционализирует Диалог Россия–АСЕАН по безопасности ИКТ	Смещает акценты в сторону новых вызовов: безопасность ИКТ (включая кибербезопасность), комплексное противодействие терроризму, транснациональной преступности и наркотрафику, а также тематика здравоохранения и готовности к пандемии
2021 / 4-й саммит (тематическое заявление); 2022 / Вена (Комиссия ООН по наркотическим средствам)	Заявление Российской Федерации и АСЕАН о сотрудничестве в борьбе с незаконным оборотом наркотиков	Закрепляет развитие диалога через консультации старших должностных лиц по сотрудничеству в области борьбы с наркотрафиком; выносит часть взаимодействия на площадку ООН	Адаптирует повестку к новым условиям: противодействие использованию интернета, онлайн-рынков и криптовалют в наркопреступности в контексте пандемии COVID-19

Источник: составлено автором по документам, перечисленным в табл. 10 (см. Список источников и литературы).

Сравнение двух пятилетних планов действий (2016–2020 и 2021–2025) позволяет проследить, как менялись приоритеты и инструменты взаимодействия. План 2016–2020 был призван развивать и диверсифицировать сотрудничество в

русле Сочинской декларации⁴⁸². План 2021–2025 уже прямо позиционировался как инструмент реализации достигнутого стратегического партнёрства, что отражает переход к более детализированной и практически ориентированной повестке. В нём можно отметить расширение тематического охвата: добавляются блоки по цифровой экономике, устойчивому развитию и посткризисной устойчивости⁴⁸³. Документ по результатам саммита 2021 г. задаёт для этой программной работы политическую основу: «построение мирного, стабильного и устойчивого региона»⁴⁸⁴. Само появление этой формулы показательно: если в 2016 г. акцент делался на углублении и расширении сотрудничества, то к 2021 г. речь идёт уже о поддержании диалога в условиях нарастающих внешних рисков. Это смещение отражает изменение контекста: пандемия, ухудшение отношений России с Западом и рост геополитической напряжённости в АТР сделали саму непрерывность диалога задачей, требующей политического закрепления.

При всех различиях в детализации оба плана в своей основе имеют ряд прочных смысловых блоков, которые воспроизводятся из документа в документ без существенных изменений. К ним относятся приверженность Уставу ООН и Балийскому договору как нормативной базе взаимодействия, а также фиксация центральной роли АСЕАН в региональной архитектуре и исключение создания параллельных структур⁴⁸⁵. Эти формулы присутствуют в большинстве деклараций

⁴⁸² Комплексный план действий по развитию сотрудничества Российской Федерации и Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (2016–2020 гг.). Сочи, 19–20 мая 2016 г. URL: <https://asean.mgimo.ru/images/partn/2016-2020-action-plan.pdf> (дата обращения: 27.11.2023).

⁴⁸³ Комплексный план действий по реализации стратегического партнёрства между Российской Федерацией и Ассоциацией государств Юго-Восточной Азии (2021–2025 годы) // Официальный сайт Президента России. 28 октября 2021 г. URL: <http://kremlin.ru/supplement/5726> (дата обращения: 27.11.2023).

⁴⁸⁴ Совместное заявление 4-го саммита Россия–АСЕАН: построение мирного, стабильного и устойчивого региона. 28 октября 2021 г. URL: <https://asean.mid.ru/upload/iblock/a9c/34ywehcloxs9hp7bgcd7l64g3erd3al.pdf> (дата обращения: 27.11.2023).

⁴⁸⁵ Комплексный план действий по развитию сотрудничества Российской Федерации и Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (2016–2020 гг.). Сочи, 19–20 мая 2016 г. URL: <https://asean.mgimo.ru/images/partn/2016-2020-action-plan.pdf> (дата обращения: 27.11.2023); Комплексный план действий по реализации стратегического партнёрства между Российской Федерацией и Ассоциацией государств Юго-Восточной Азии (2021–2025 годы) // Официальный сайт Президента России. 28 октября 2021 г. URL: <http://kremlin.ru/supplement/5726> (дата обращения: 27.11.2023).

АСЕАН с внешними партнёрами и не являются специфичными для российско-асеановского трека. Их воспроизведение выполняет функцию подтверждения лояльности асеаноцентричной модели, но не создаёт нового содержания. Более информативным для анализа является то, что в планах отсутствует: ни один из двух документов не содержит измеримых целевых показателей, привязанных к конкретным срокам и бюджетам, а также механизмов мониторинга реализации. В этом отношении планы остаются рамочными документами, задающими направления, но не обеспечивающими автоматическую конвертацию программных установок в практические результаты. Таким образом, АСЕАН расширяет внешние связи функционально с помощью сети диалоговых партнерств без формального включения в состав Ассоциации⁴⁸⁶. Несмотря на концептуальную проработанность, наполненность партнёрства России (и ЕАЭС) с АСЕАН на практике уступает отношениям Ассоциации с другими ключевыми акторами⁴⁸⁷.

В-третьих, уже в плане 2016–2020 ставится вопрос о формате взаимодействия ЕАЭС, АСЕАН и ШОС⁴⁸⁸. В плане 2021–2025 эта линия продолжена уже как поиск практического сотрудничества АСЕАН с ЕАЭС и ШОС по вопросам взаимного интереса и как налаживание трансрегионального сотрудничества в Евразии⁴⁸⁹. На саммите 2021 г. появляется формула «взаимосвязанности взаимосвязанностей», которая позволяет совмещать различные интеграционные инициативы, сохраняя асеаноцентричность и не превращая сопряжение в конкуренцию проектов⁴⁹⁰.

⁴⁸⁶ Колдунова Е. В. «Диалоговые партнёрства» во внешней политике АСЕАН // Международные процессы. 2017. Т. 15, № 3 (50). С. 56–58.

⁴⁸⁷ Колдунова Е. В. Дилеммы и противоречия трансрегиональных отношений АСЕАН с ЕС, США и Россией // Актуальные проблемы Европы. 2020. № 1. С. 149.

⁴⁸⁸ Комплексный план действий по развитию сотрудничества Российской Федерации и Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (2016–2020 гг.). Сочи, 19–20 мая 2016 г. URL: <https://asean.mgimo.ru/images/partn/2016-2020-action-plan.pdf> (дата обращения: 27.11.2023).

⁴⁸⁹ Комплексный план действий по реализации стратегического партнёрства между Российской Федерацией и Ассоциацией государств Юго-Восточной Азии (2021–2025 годы) // Официальный сайт Президента России. 28 октября 2021 г. URL: <http://kremlin.ru/supplement/5726> (дата обращения: 27.11.2023).

⁴⁹⁰ Совместное заявление 4-го саммита Россия–АСЕАН: построение мирного, стабильного и устойчивого региона. 28 октября 2021 г. URL: <https://asean.mid.ru/upload/iblock/a9c/34ywehcloxs9hp7bgcd7l64g3erd3al.pdf> (дата обращения: 27.11.2023).

Этот подход вписывается в более широкий контекст дискуссии о проекте Большой Евразии и концепции Индо-Тихоокеанского региона. Как отмечают Е. А. Канаев и А. С. Королёв, российская инициатива Большой Евразии изначально задумывалась как объединение интеграций, тогда как концепция ИТР носит антикитайский характер⁴⁹¹. Ответом АСЕАН стало «Индо-тихоокеанское видение АСЕАН» (АОИР, 2019), которое принципиально не создаёт новых механизмов, а укрепляет существующие асеаноцентричные форматы, позволяя Ассоциации сохранять стратегическую автономию и балансировать между крупными державами за счёт инклюзивного развития и взаимосвязанности⁴⁹². В результате возникает не столько прямая несовместимость проектов, сколько возможность их сосуществования в логике комплементарных регионализмов, где разные инициативы образуют «лоскутную» конфигурацию институтов при сохранении открытости и ориентации на сопряжение⁴⁹³.

В-четвертых, в плане 2016–2020 тема цифровых технологий упоминается как одно из направлений сотрудничества преимущественно в рамках обмена опытом, семинаров⁴⁹⁴. А в плане 2021–2025 цифровой блок становится более выраженным: отдельно обозначены задачи по цифровой экономике и прямо введена рамка Целей ООН в области устойчивого развития до 2030 г.⁴⁹⁵ Кроме того, в документе впервые

⁴⁹¹ Entin M., Entina E. Russia's Role in Promoting Great Eurasia Geopolitical Project // *Rivista di Studi Politici Internazionali*. 2016. Vol. 83, № 3 (331). P. 351. URL: <https://www.jstor.org/stable/44427783> (дата обращения: 03.08.2024);

Канаев Е. А., Королев А. С. Большая Евразия, Индо-Тихоокеанский регион и отношения России с АСЕАН // *Контурь глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. 2019. Т. 12, № 1. С. 28–29.

⁴⁹² Zhang J. Rebuilding strategic autonomy: ASEAN's response to US–China strategic competition // *China International Strategy Review*. 2023. Vol. 5. P. 79; ASEAN Outlook on the Indo-Pacific. ASEAN, 2019. URL: https://asean.org/wp-content/uploads/2021/01/ASEAN-Outlook-on-the-Indo-Pacific_FINAL_22062019.pdf (дата обращения: 28.11.2023).

⁴⁹³ Kuhrt N. C. Russia and Asia-Pacific: From 'Competing' to 'Complementary' Regionalisms? // *Politics*. 2014. Vol. 34, Issue 2. P. 146.

⁴⁹⁴ Комплексный план действий по развитию сотрудничества Российской Федерации и Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (2016–2020 гг.). Сочи, 19–20 мая 2016 г. URL: <https://asean.mgimo.ru/images/partn/2016-2020-action-plan.pdf> (дата обращения: 27.11.2023).

⁴⁹⁵ Комплексный план действий по реализации стратегического партнёрства между Российской Федерацией и Ассоциацией государств Юго-Восточной Азии (2021–2025 годы) // Официальный

появляется отдельный блок, посвящённый пандемической готовности и реагированию на инфекционные заболевания, что отражает влияние кризиса COVID-19 на повестку диалога⁴⁹⁶. Эти изменения важны не столько как перечень новых мер, сколько как индикатор перехода от общего политического декларирования к обеспечению стабильности и управлению трансграничными рисками.

Таким образом, к началу 2020-х годов политический трек Россия–АСЕАН приобрёл более насыщенную и дифференцированную структуру. В ней можно выделить устойчивую правовую и институциональную основу, расширяющуюся повестку взаимосвязанности и растущее внимание к новым вызовам. В то же время важно подчеркнуть несоответствие между амбициозными целями сопряжения (в частности, в формате ЕАЭС–АСЕАН–ШОС) и их реализацией на практике⁴⁹⁷. Этот разрыв превращает период 2020–2024 в некую проверку способности сторон воплотить заявленные планы, наполнить сформированную институциональную базу реальным содержанием.

В 2016–2024 гг. асеаноцентричные форматы выполняли для России функцию, которую двусторонняя дипломатия обеспечить не могла: регулярное многостороннее взаимодействие одновременно с группой государств региона и ключевыми внешними участниками на площадках, где повестка и связи между треками задаются самой Ассоциацией⁴⁹⁸. Для Москвы это было не второстепенное направление, а естественная среда для отстаивания принципов инклюзивной безопасности и противодействия формированию закрытых блоков. Российская позиция по архитектуре безопасности в АТР последовательно исходила из того, что любая дискуссия по её преобразованию требует опоры на действующие

сайт Президента России. 28 октября 2021 г. URL: <http://kremlin.ru/supplement/5726> (дата обращения: 27.11.2023).

⁴⁹⁶ Там же.

⁴⁹⁷ Колдунова Е. В. Дилеммы и противоречия трансрегиональных отношений АСЕАН с ЕС, США и Россией // Актуальные проблемы Европы. 2020. № 1. С. 149.

⁴⁹⁸ Канаев Е. А., Шумкова В. А. Евразийские приоритеты асеаноцентричных диалоговых форматов по вопросам безопасности // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2017. Т. 17, № 3. С. 458.

региональные организации, среди которых АСЕАН занимает ключевое место⁴⁹⁹. В условиях нарастающего американо-китайского соперничества эта позиция приобретала дополнительное значение. Асеаноцентричные площадки оставались одним из немногих пространств, где Россия могла участвовать в обсуждении региональной безопасности вне западных ангажированных институтов и без необходимости участвовать в противостоянии США и Китая.

Конкретным примером того, как эти ограничения проявляются на практике, служит сотрудничество в сфере кибербезопасности в рамках АРФ. В августе 2021 г. Россия стала сопредседателем межсессионных встреч АРФ по безопасности ИКТ на 2022–2024 гг., а в мае 2024 г. в Москве прошёл семинар по противодействию использованию ИКТ в преступных целях⁵⁰⁰. Ни сопредседательство, ни семинар не привели к принятию каких-либо обязывающих решений или формированию устойчивого механизма координации в сфере кибербезопасности на региональном уровне. Это характерно для асеаноцентричных форматов в целом: они обеспечивают присутствие и возможность высказаться, но не гарантируют конвертации участия в конкретные результаты.

Таким образом, асеаноцентричные форматы в 2016–2024 гг. служили для России устойчивым каналом многосторонней коммуникации и площадкой для обсуждения инициатив. Их ценность состояла не в практической отдаче, которая оставалась ограниченной, а в поддержании институционального присутствия и политической видимости в условиях, когда другие каналы взаимодействия сужались.

Таблица 11 (продолжение табл. 5). Институциональные механизмы Россия–АСЕАН (2016–2024): что добавилось/изменилось

Уровень	Формат	Периодичность	Ключевые документы / результаты (только изменения 2016–2024)
---------	--------	---------------	--

⁴⁹⁹ Lukin A. Russia's Approach to Security Architecture in the Asia Pacific // CSCAP Regional Security Outlook 2020. Council for Security Cooperation in the Asia Pacific, 2019. P. 25. URL: <http://www.jstor.org/stable/resrep22261.8> (дата обращения: 09.03.2024).

⁵⁰⁰ Донцов А. С. Инициативы России в области кибербезопасности в рамках Регионального форума АСЕАН (АРФ): от заявлений к практическому сотрудничеству (2010–2024 гг.) // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2025. Т. 2, № 2 (67). С. 110.

Саммит	Саммиты Россия–АСЕАН (10+1)	нерегулярно	Сочинская декларация (2016) – закреплён курс на стратегическое партнёрство. Совместное заявление (Сингапур, 2018) – оформление стратегического партнёрства. Совместное заявление (2021) – подтверждение опоры на асеаноцентричные механизмы, цель построения устойчивого региона
МИД	Постминистерские конференции АСЕАН с РФ (ПМК, 10+1)	ежегодно	Отчёты о ходе выполнения Комплексных планов действий (2016–2020 и 2021–2025); регулярная координация и мониторинг решений
Старшие должностные лица	Совещания/консультации старших должностных лиц Россия–АСЕАН	регулярно	Закреплены в качестве обязательного рабочего уровня в Планах 2016–2020 и 2021–2025 наряду с саммитами и ПМК
Профильные треки	Совместный комитет сотрудничества Россия–АСЕАН (СКС) и рабочие механизмы диалогового партнёрства	нерегулярно	В Планах 2016–2020 и 2021–2025 закреплена задача укрепления СКС и рабочих механизмов
Дипломатическая инфраструктура	Миссия РФ при АСЕАН (Джакарта) и посол России при АСЕАН	постоянное присутствие	Учреждение Миссии РФ при АСЕАН в Джакарте (2017), назначение отдельного посла; отражено в Совместном заявлении (Сингапур, 2018)
МИД / Секторальные консультации по безопасности	Консультации высоких представителей Россия–АСЕАН по вопросам безопасности	нерегулярно / по мере необходимости	Создан новый механизм – неформальная платформа для обмена оценками угроз и передовым опытом. Закреплён в Плане 2021–2025 (п. 5)
МИД / Секторальный диалог по безопасности ИКТ	Диалог Россия–АСЕАН по безопасности использования ИКТ	по мере проведения	Заявление по безопасности ИКТ (2018) – стороны договорились рассмотреть учреждение диалога. План 2021–2025 – учреждение и проведение диалога
МИД, координация в рамках ВАС	Взаимодействие постоянных представителей стран-участниц Восточноазиатского саммита (ВАС) в Джакарте	регулярно	Практика встреч приветствуется в Совместном заявлении (Сингапур, 2018); закреплена в Плане 2021–2025 (п. 7) как регулярное взаимодействие для реализации решений лидеров
Старшие должностные лица	Консультации старших должностных лиц по противодействию транснациональной преступности (СДЛ-	регулярно	Регулярные консультации СДЛ-ТНП и заседания рабочей группы закреплены в Планах 2016–2020 и 2021–2025; подтверждены в Заявлении МИД Россия–АСЕАН о совместных усилиях

	ТНП) и заседания Совместной рабочей группы по противодействию терроризму и транснациональной преступности		по борьбе с международным терроризмом (2017)
--	---	--	---

Источник: составлено автором по документам диалогового партнёрства Россия–АСЕАН (Сочинская декларация юбилейного саммита Россия–АСЕАН «На пути к взаимовыгодному стратегическому партнерству», 2016; Комплексный план действий по развитию сотрудничества Российской Федерации и Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (2016–2020 гг.), 2016; Statement of ASEAN and Russia Ministers of Foreign Affairs on Joint Efforts to Counter International Terrorism, 2017; Joint Statement of the 3rd ASEAN–Russian Federation Summit on Strategic Partnership, 2018; Заявление Российской Федерации и АСЕАН о сотрудничестве в области обеспечения безопасности использования информационно-коммуникационных технологий и самих информационно-коммуникационных технологий, 2018; Совместное заявление 4-го саммита Россия–АСЕАН: построение мирного, стабильного и устойчивого региона, 2021; Комплексный план действий по реализации стратегического партнёрства между Российской Федерацией и Ассоциацией государств Юго-Восточной Азии (2021–2025 годы), 2021).

Пандемия COVID-19 и эскалация украинского кризиса после начала специальной военной операции в 2022 г. стали проверкой устойчивости стратегического партнёрства Россия–АСЕАН, оформленного в 2018 г. и детализированного в программных документах 2021 г. В отличие от сотрудничества до пандемии, когда основное внимание уделялось развитию механизмов диалога, в 2020–2024 гг. на первый план вышли вопросы их адаптации к внешним шокам и сохранения политического взаимодействия в условиях санкционных рисков и внешнего давления.

Пандемия изменила формат взаимодействия: саммит 2021 г. прошёл дистанционно, что отразило необходимость поддерживать контакты при закрытых границах⁵⁰¹. В Комплексном плане действий на 2021–2025 гг. тема здравоохранения закреплена как самостоятельное направление сотрудничества: предусмотрены консультации профильных ведомств, обмен практиками и развитие кооперации посредством профилактики и диагностики, включая вакцинную тематику⁵⁰². В то

⁵⁰¹ Совместное заявление 4-го саммита Россия–АСЕАН: построение мирного, стабильного и устойчивого региона. 28 октября 2021 г. URL: <https://asean.mid.ru/upload/iblock/a9c/34ywehcloxs9hp7bgcd7l64g3erd3al.pdf> (дата обращения: 27.11.2023).

⁵⁰² Комплексный план действий по реализации стратегического партнёрства между Российской Федерацией и Ассоциацией государств Юго-Восточной Азии (2021–2025 годы) // Официальный

же время в итоговом документе саммита 2021 г. подчеркнута важность устойчивого восстановления, в том числе через развитие транспортной и логистической взаимосвязанности⁵⁰³.

Более серьёзным испытанием для политического диалога стал период 2022–2024 гг., связанный с беспрецедентным санкционным давлением на Россию после начала специальной военной операции. Введённые ограничения существенно сократили возможности для развития партнерства Россия–АСЕАН, прежде всего в экономической сфере, что сказалось и на политическом треке⁵⁰⁴. Дополнительным фактором стал риск вторичных санкций, включая применение Закона о противодействии противникам Америки посредством санкций (CAATSA), который усложнял реализацию совместных проектов ещё до 2022 г., а в новых условиях стал ещё более серьёзной угрозой для партнёров из Юго-Восточной Азии⁵⁰⁵.

Реакция АСЕАН на события 2022 г. отражала стремление сохранить баланс между приверженностью принципам международного права и необходимостью поддерживать рабочие отношения с Россией. В заявлении министров иностранных дел государств-членов АСЕАН от 3 марта 2022 г. акцент был сделан на прекращении огня, политическом диалоге и гуманитарных аспектах, без персонализации ответственности⁵⁰⁶. Голосования на Чрезвычайной специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН продемонстрировали неоднородность

сайт Президента России. 28 октября 2021 г. URL: <http://kremlin.ru/supplement/5726> (дата обращения: 27.11.2023).

⁵⁰³ Совместное заявление 4-го саммита Россия–АСЕАН: построение мирного, стабильного и устойчивого региона. 28 октября 2021 г. URL: <https://asean.mid.ru/upload/iblock/a9c/34ywehcloxs9hp7bgcd7l64g3erd3al.pdf> (дата обращения: 27.11.2023).

⁵⁰⁴ Королев А. С. Новый «поворот» или пробуксовка: влияние украинского кризиса на отношения России и АСЕАН // Российский совет по международным делам (РСМД). 17.03.2022. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/novyy-povorot-ili-probuksovka-vliyanie-ukrainskogo-krizisa-na-otnosheniya-rossii-i-20-ASEAN/> (дата обращения: 04.03.2024).

⁵⁰⁵ Колдунова Е. В. Россия – АСЕАН: пределы и возможности экономического партнёрства // Центр АСЕАН при МГИМО МИД России. 29.08.2022. URL: <https://asean.mgimo.ru/opinions/koldunova-russia-asean-limits-and-opportunities-valdai-08-22> (дата обращения: 04.03.2024).

⁵⁰⁶ ASEAN Foreign Ministers' Statement Calling for a Ceasefire in Ukraine. 03.03.2022. URL: <https://asean.org/wp-content/uploads/2022/03/ASEAN-Foreign-Ministers-Statement-calling-for-Ceasefire-in-Ukraine-EN.pdf> (дата обращения: 13.04.2024).

позиций стран Ассоциации. По резолюции A/RES/ES-11/1 от 2 марта 2022 г. восемь государств АСЕАН поддержали документ, тогда как Вьетнам и Лаос воздержались⁵⁰⁷. В апреле 2022 г. при голосовании по резолюции о приостановлении членства России в Совете ООН по правам человека (A/RES/ES-11/3) раскол оказался ещё заметнее: только Мьянма и Филиппины поддержали документ, большинство стран предпочли воздержаться (Бруней, Индонезия, Камбоджа, Малайзия, Сингапур, Таиланд), а Вьетнам и Лаос проголосовали против⁵⁰⁸.

Таблица 12. Голосования государств-членов АСЕАН на Чрезвычайной специальной сессии ГА ООН (ES-11/1–6): A/RES/ES-11/1, A/RES/ES-11/2, A/RES/ES-11/3, A/RES/ES-11/4, A/RES/ES-11/5, A/RES/ES-11/6.

Государств о-член АСЕАН	A/RES/ES- 11/1 (02.03.2022)	A/RES/ES- 11/2 (24.03.2022)	A/RES/ES- 11/3 (07.04.2022)	A/RES/ES- 11/4 (12.10.2022)	A/RES/ES- 11/5 (14.11.2022)	A/RES/ES- 11/6 (23.02.2023)
Бруней- Даруссалам	за	воздержалс я	воздержалс я	за	воздержалс я	за
Камбоджа	за	за	воздержалс я	за	воздержалс я	за
Индонезия	за	за	воздержалс я	за	воздержалс я	за
Лаос	воздержалс я	воздержалс я	против	воздержалс я	воздержалс я	воздержалс я
Малайзия	за	за	воздержалс я	за	воздержалс я	за
Мьянма	за	за	за	за	за	за
Филиппины	за	за	за	за	за	за
Сингапур	за	за	воздержалс я	за	за	за
Таиланд	за	за	воздержалс я	воздержалс я	воздержалс я	за
Вьетнам	воздержалс я	воздержалс я	против	воздержалс я	воздержалс я	воздержалс я

⁵⁰⁷ Aggression against Ukraine: resolution / adopted by the General Assembly. A/RES/ES-11/1. 02.03.2022. United Nations Digital Library. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/3959039> (дата обращения: 11.05.2024).

⁵⁰⁸ Suspension of the rights of membership of the Russian Federation in the Human Rights Council : resolution / adopted by the General Assembly. A/RES/ES-11/3. 07.04.2022. United Nations Digital Library. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/3967778> (дата обращения: 11.05.2024).

Источник: составлено автором по данным United Nations Digital Library (Voting Data) по резолюциям A/RES/ES-11/1–A/RES/ES-11/6⁵⁰⁹.

Причины такой неоднородности не укладываются в простую схему «за» или «против». Исследователи указывают на комплекс факторов: принцип невмешательства и стремление сохранить внутреннее единство АСЕАН, чувствительность к экономическим последствиям кризиса, различия в национальных интересах, а также зависимость ряда стран от импорта удобрений, зерновых и энергоносителей, рост цен на которые подчеркивал важность осторожной дипломатии⁵¹⁰. На этом фоне выделяется позиция Сингапура – единственной страны АСЕАН, которая ввела санкции против России, что усилило раскол внутри Ассоциации⁵¹¹.

Политическое взаимодействие Россия–АСЕАН в 2016–2024 гг. прошло путь от оформления стратегического партнерства до проверки на прочность, вызванной

⁵⁰⁹ Aggression against Ukraine: resolution / adopted by the General Assembly. A/RES/ES-11/1. 02.03.2022. United Nations Digital Library. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/3959039> (дата обращения: 11.05.2024);

Humanitarian consequences of the aggression against Ukraine: resolution / adopted by the General Assembly. A/RES/ES-11/2. 24.03.2022. United Nations Digital Library. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/3965954> (дата обращения: 11.05.2024);

Suspension of the rights of membership of the Russian Federation in the Human Rights Council : resolution / adopted by the General Assembly. A/RES/ES-11/3. 07.04.2022. United Nations Digital Library. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/3967778> (дата обращения: 11.05.2024);

Territorial integrity of Ukraine : defending the principles of the Charter of the United Nations : resolution / adopted by the General Assembly. A/RES/ES-11/4. 12.10.2022. United Nations Digital Library. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/3990400> (дата обращения: 11.05.2024);

Furtherance of remedy and reparation for aggression against Ukraine : resolution / adopted by the General Assembly. A/RES/ES-11/5. 14.11.2022. United Nations Digital Library. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/3994052> (дата обращения: 11.05.2024);

Principles of the Charter of the United Nations underlying a comprehensive, just and lasting peace in Ukraine : resolution / adopted by the General Assembly. A/RES/ES-11/6. 23.02.2023. United Nations Digital Library. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/4003921> (дата обращения: 11.05.2024).

⁵¹⁰ Saha P. Understanding ASEAN's Non-Linear Approach to the Russia-Ukraine War // ORF Issue Brief. 2022. No. 596. P. 3–5. URL: <https://www.orfonline.org/research/understanding-asean-s-non-linear-approach-to-the-russia-ukraine-war> (дата обращения: 26.04.2024);

Storey I., Choong W. Russia's Invasion of Ukraine: Southeast Asian Responses and Why the Conflict Matters to the Region. ISEAS Perspective. 2022. No. 24. Singapore, 9 March 2022. P. 2. URL: https://www.iseas.edu.sg/wp-content/uploads/2022/02/ISEAS_Perspective_2022_24.pdf (дата обращения: 26.10.2025).

⁵¹¹ Киреева А. А. Санкции стран Азии в отношении России: что они означают? // РСМД. 31.03.2022. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/sanktsii-stran-azii-v-otnoshenii-rossii-cto-oni-oznachayut/> (дата обращения: 09.03.2024).

пандемией и обострением международной обстановки после начала СВО в 2022 г. Проанализировав этот период, можно выделить несколько характеристик, определивших как сильные стороны, так и ограничения партнёрства.

Во-первых, к началу 2020-х годов сложилась разветвлённая система диалоговых механизмов, включающая регулярные саммиты, постминистерские конференции, отраслевые консультации и рабочие группы. Характер взаимодействия стал более структурированным в результате достижения стратегического партнёрства в 2018 г. и утверждения планов действий на 5 лет (2016–2020 и 2021–2025), которые также зафиксировали асеаноцентричные форматы (ВАС, АРФ, СМОА+) в качестве основы. Важность этих институтов увеличилась после начала СВО как многосторонних площадок диалога с незападными игроками⁵¹².

Во-вторых, стабильность связей в периоды турбулентности в значительной степени основывалась на отсутствии двусторонних споров и уважении базовых принципов, близких «пути АСЕАН»: суверенитета, невмешательства, принятия решений путем консенсуса. Россия принимала данные принципы, что делало возможным вести взаимодействие даже в условиях противоречия оценок определённых событий⁵¹³. Такой общий характер многих совместных заявлений и схожесть с риторикой в отношении других диалоговых партнеров свидетельствовали в пользу низкой политической координации⁵¹⁴.

В-третьих, период 2020–2024 гг. продемонстрировал сохраняющееся несоответствие между высоким статусом партнёрства и его наполнением на практике. Пандемия COVID-19 выявила слабую координацию в чрезвычайных ситуациях: сотрудничество в основном ограничивалось разовыми поставками

⁵¹² Koldunova E. V. Russia: A Real Turn to Asia // Regional Security Outlook 2024 / ed. R. Huiskens. Canberra: Council for Security Cooperation in the Asia Pacific, 2023. P. 22; 25. URL: <https://www.cscap.org/index.php?mact=News,cntnt01,detail,0&cntnt01articleid=63&cntnt01origid=51&cntnt01returnid=31> (дата обращения: 04.08.2024).

⁵¹³ Хонрада Г. Дж. П., Бокерия С. А. Концепции «Шанхайского духа» и «Пути АСЕАН» как основа нового регионализма // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2023. Т. 23, № 2. С. 253.

⁵¹⁴ Korolev A. S. Russia-ASEAN Relations—Strategic Partnership or Strategic Illusion? // Russia in Global Affairs. 2024. Vol. 22, No. 3. P. 163; 166.

вакцин в некоторые страны АСЕАН и не имело системного характера⁵¹⁵. Вопросы готовности к биологическим угрозам и реагирования на них, хотя и были включены в программные документы 2021 г., оставались на периферии реального взаимодействия.

В-четвёртых, реакция большинства стран АСЕАН на события 2022 г. подтвердила их стремление сохранить внешнеполитическую самостоятельность. За исключением Сингапура, ни одно государство Ассоциации не присоединилось к антироссийским санкциям. Большая часть заняла сдержанную позицию, избегая прямой критики России⁵¹⁶. Это свидетельствовало о том, что экономические и политические риски, связанные с разрывом отношений, воспринимались как более серьёзные, чем давление со стороны Запада⁵¹⁷. Вместе с тем санкционное давление и угроза вторичных ограничений осложнили реализацию ряда совместных проектов, особенно в сфере ВТС и высоких технологий, и заставили партнёров проявлять повышенную осторожность.

В-пятых, структурная асимметрия сохранялась на протяжении всего периода. Россия оставалась второстепенным торгово-экономическим партнёром для большинства стран ЮВА, уступая Китаю, США, Японии и ЕС. Юго-Восточная Азия, в свою очередь, не входила в число приоритетных направлений российской внешней политики, уступая место отношениям с Китаем и Индией. Это ограничивало практическое сотрудничество и не позволяло в полной мере конвертировать институциональное присутствие в реальное влияние⁵¹⁸.

Таким образом, к концу рассматриваемого периода политическая рамка стратегического партнёрства оказалась значительно более развитой, чем его

⁵¹⁵ Королёв А. С. Стратегическое партнёрство России и АСЕАН в условиях региональной фрагментации // АСЕАН на пути интеграции: достижения, вызовы, дилеммы: монография / под ред. В. М. Мазырина, Е. В. Колдуновой. М.: Издательство Аспект Пресс, 2023. С. 164–165.

⁵¹⁶ Там же. С. 170–171.

⁵¹⁷ Мосяков Д. В. АСЕАН – Россия: «момент истины» в двусторонних отношениях // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2022. Т. 3, № 3 (56). С. 31.

⁵¹⁸ Gorenburg D., Schwartz P. Russia's Relations with Southeast Asia. *Russie.NEI.Reports*, No. 26. Paris: Ifri, 2019. P. 11. URL: <https://www.ifri.org/en/publications/etudes-de-lifri/russieneireports/russias-relations-southeast-asia> (дата обращения: 02.08.2024); Korolev A. S. Russia-ASEAN Relations—Strategic Partnership or Strategic Illusion? // *Russia in Global Affairs*. 2024. Vol. 22, No. 3. P. 166.

экономическая и практическая составляющие. Институциональные механизмы продемонстрировали способность поддерживать диалог в условиях внешних шоков, однако их содержательное наполнение оставалось неравномерным и во многом зависело от конкретных двусторонних связей.

3.2. Торгово-экономические связи между Россией и АСЕАН

Торгово-экономические отношения России и АСЕАН в 2016–2024 гг. развивались на фоне противоречивых тенденций. К середине 2010-х годов объём двусторонней торговли устойчиво рос, однако оставался невысоким как в абсолютном выражении, так и в сравнении с показателями других диалоговых партнёров Ассоциации. В 2017 г. Россия занимала лишь восьмое место среди торговых партнёров АСЕАН, а её доля в совокупном товарообороте «десятки» составляла 0,66 %⁵¹⁹. Сохранялась и структурная асимметрия: в российском экспорте по-прежнему преобладал сырьевой компонент, тогда как импорт из стран АСЕАН формировался преимущественно за счёт готовой промышленной продукции⁵²⁰. Исследователи подчеркивали, что экономические связи Россия–АСЕАН остаются довольно скромными⁵²¹.

Ожидания наращивания торговли были артикулированы ещё в контексте сочинского саммита 2016 г.⁵²² Позднее оформление стратегического партнёрства в 2018 г. усилило запрос на экономическое наполнение отношений. Тем не менее инерция прежних лет и сохраняющееся отставание от ведущих торговых партнёров

⁵¹⁹ Gorenburg D., Schwartz P. Russia's Relations with Southeast Asia. *Russie.NEI.Reports*, No. 26. Paris: Ifri, 2019. P. 11. URL: <https://www.ifri.org/en/publications/etudes-de-lifri/russieneireports/russias-relations-southeast-asia> (дата обращения: 02.08.2024).

⁵²⁰ Костюнина Г. М. Внешняя торговля России со странами АСЕАН: основные тенденции развития // *Российский внешнеэкономический вестник*. 2019. № 3. С. 43.

⁵²¹ Huan A., Thambipillai P. The "Other" Major Power in the Region: Russia and Southeast Asia // *Oriental Institute Journal*. 2019. No. 4 (44). P. 67.

⁵²² Мариан В. П., Сеницын А. Ю. Россия – АСЕАН: 20 лет сотрудничества // *Власть*. 2017. Т. 25, № 2. С. 191.

АСЕАН (Китай, Японии, США, ЕС) сдерживали увеличение товарооборота. В этих условиях анализ торгово-экономического трека в рассматриваемый период целесообразно вести по двум взаимосвязанным направлениям: во-первых, динамика и товарная структура взаимной торговли; во-вторых, развитие институциональных инструментов, призванных облегчать торговые операции и стимулировать деловую кооперацию (преференциальные соглашения, отраслевые диалоги, механизмы финансирования).

Количественная часть исследования опирается на сопоставимые ряды данных Всемирного банка (WITS) по экспорту и импорту России со странами АСЕАН. За 2016–2021 гг. используются выгрузки, в которых репортёром выступает Российская Федерация. После начала специальной военной операции и введения масштабных санкционных ограничений Федеральная таможенная служба приостановила публикацию детализированных данных о внешней торговле⁵²³. Для продления ряда за 2022–2023 гг. использованы зеркальные данные WITS, сформированные на основе отчётности государств АСЕАН: экспорт РФ→АСЕАН рассчитан как импорт стран Ассоциации из Российской Федерации, а импорт РФ←АСЕАН — как экспорт стран Ассоциации в Российскую Федерацию.

При использовании зеркальных данных необходимо учитывать два ограничения. Во-первых, в WITS отсутствует годовой массив за 2024 г., поэтому показатели за этот год в таблицах 13–14 не представлены. Во-вторых, по Брунею в 2022–2023 гг. данные об экспорте в Россию в WITS не обнародованы, что может незначительно занижать суммарную оценку импорта РФ←АСЕАН. Таблицы 13–14 продолжают единый статистический ряд WITS, начатый в параграфе 2.2, и отражают динамику и товарную структуру торговли Россия–АСЕАН в 2016–2023 гг. Показатели 2024 г., опубликованные национальными статистическими и таможенными ведомствами отдельных государств-членов АСЕАН, рассматриваются ниже отдельно. Они позволяют уточнить направленность

⁵²³ ФТС временно приостановит публикацию статистики по импорту и экспорту // РБК. 21.04.2022. URL: <https://www.rbc.ru/economics/21/04/2022/6261ab2b9a7947b9f8975965> (дата обращения: 28.11.2023).

динамики после 2023 г., но не включаются в таблицы WITS, поскольку различаются по базе оценки, валюте представления, уровню товарной детализации и правилам учёта реэкспорта.

Таблица 13. Динамика товарооборота РФ–АСЕАН (2016/2019/2020/2021/2022/2023)

Год	Экспорт РФ→АСЕАН, млрд долл. США	Импорт РФ←АСЕАН, млрд долл. США	Товарооборот, млрд долл. США	Доля АСЕАН во внешней торговле РФ, % (экспорт / импорт)
2016	6,73	9,14	15,86	2,23 / 4,40
2019	6,98	10,36	17,34	1,64 / 4,19
2020	5,58	10,11	15,69	1,65 / 4,36
2021	7,38	12,60	19,98	1,50 / 4,29
2022	10,93	4,34	15,27	— / —
2023	11,54	4,33	15,87	— / —

Примечание:

1. 2016–2021: расчёты по WITS, репортёр — Российская Федерация, агрегат «РФ–АСЕАН» рассчитан как сумма по АСЕАН-10 (Бруней, Камбоджа, Индонезия, Лаос, Малайзия, Мьянма, Филиппины, Сингапур, Таиланд, Вьетнам).

2. 2022–2023: расчёты по зеркальным данным WITS, репортёры — страны АСЕАН, партнёр — Российская Федерация. Экспорт РФ→АСЕАН рассчитан как сумма Imports from Russian Federation по АСЕАН-10; импорт РФ←АСЕАН — как сумма Exports to Russian Federation по АСЕАН-10.

3. Для 2022–2023 не вычисляется показатель «Доля АСЕАН в торговле РФ» (экспорт/импорт), поскольку для этих лет отсутствуют сопоставимые годовые знаменатели «общий экспорт/импорт РФ» по единой методике WITS (без них доля не рассчитывается корректно).

4. По экспорту Брунея в РФ за 2022–2023 в WITS отсутствуют данные, поэтому агрегированный импорт РФ←АСЕАН за 2022–2023 может быть слегка занижен. Это ограничение исходной статистики, а не ошибка расчётов автора.

5. Исходные значения WITS — US\$ Thousand, в таблице пересчитаны в млрд долл. США.

Источник: расчёты автора по данным World Integrated Trade Solution (WITS): Russian Federation Exports/Imports by country and region; Import/Export Partner Share; Import/Export Share in Total Products, 1996–2021; Brunei/Cambodia/Indonesia/Lao PDR/Malaysia/Myanmar/Philippines/Singapore/Thailand/Vietnam Exports/Imports by country and region; Import/Export Partner Share; Import/Export Share in Total Products, 2022–2023. URL: <https://wits.worldbank.org> (дата обращения: 13.11.2025).

Таблица 14. Топ-5 товарных групп во взаимной торговле Россия–АСЕАН (WITS Product Group), 2016/2019/2020/2021/2022/2023

Год	Ранг	Экспорт РФ→АСЕАН: товарная группа	Доля в экспорте, %	Импорт РФ←АСЕАН: товарная группа	Доля в импорте, %
2016	1	Топливные товары (Fuels)	55,5	Инвестиционные товары (Capital goods)	53,2

2016	2	Потребительские товары (Consumer goods)	37,2	Машины и электрооборудование (Mach and Elec)	52,7
2016	3	Сырьё (Raw materials)	25,0	Потребительские товары (Consumer goods)	33,7
2016	4	Промежуточные товары (Intermediate goods)	19,4	Товары растительного происхождения (Vegetable)	12,4
2016	5	Прочие товары (Miscellaneous)	11,5	Промежуточные товары (Intermediate goods)	7,2
2019	1	Топливные товары (Fuels)	58,8	Инвестиционные товары (Capital goods)	45,4
2019	2	Потребительские товары (Consumer goods)	37,2	Машины и электрооборудование (Mach and Elec)	44,2
2019	3	Сырьё (Raw materials)	32,1	Потребительские товары (Consumer goods)	39,5
2019	4	Промежуточные товары (Intermediate goods)	22,9	Товары растительного происхождения (Vegetable)	11,6
2019	5	Металлы (Metals)	11,8	Текстиль и одежда (Textiles and Clothing)	8,5
2020	1	Топливные товары (Fuels)	48,9	Инвестиционные товары (Capital goods)	46,7
2020	2	Потребительские товары (Consumer goods)	33,4	Машины и электрооборудование (Mach and Elec)	46,5
2020	3	Сырьё (Raw materials)	33,0	Потребительские товары (Consumer goods)	39,6
2020	4	Промежуточные товары (Intermediate goods)	23,7	Товары растительного происхождения (Vegetable)	13,1
2020	5	Металлы (Metals)	14,1	Текстиль и одежда (Textiles and Clothing)	8,1
2021	1	Топливные товары (Fuels)	39,7	Инвестиционные товары (Capital goods)	44,3
2021	2	Промежуточные товары (Intermediate goods)	32,4	Машины и электрооборудование (Mach and Elec)	43,2
2021	3	Потребительские товары (Consumer goods)	27,6	Потребительские товары (Consumer goods)	41,5
2021	4	Сырьё (Raw materials)	25,4	Товары растительного происхождения (Vegetable)	15,8
2021	5	Металлы (Metals)	17,9	Текстиль и одежда (Textiles and Clothing)	8,0
2022	1	Топливные товары (Fuels)	47,0	Потребительские товары (Consumer goods)	53,1

2022	2	Промежуточные товары (Intermediate goods)	43,8	Товары растительного происхождения (Vegetable)	33,8
2022	3	Сырьё (Raw materials)	28,6	Инвестиционные товары (Capital goods)	21,4
2022	4	Потребительские товары (Consumer goods)	25,9	Машины и электрооборудование (Mach and Elec)	19,7
2022	5	Металлы (Metals)	17,6	Сырьё (Raw materials)	13,9
2023	1	Топливные товары (Fuels)	66,9	Потребительские товары (Consumer goods)	53,5
2023	2	Потребительские товары (Consumer goods)	46,0	Товары растительного происхождения (Vegetable)	24,1
2023	3	Сырьё (Raw materials)	29,6	Инвестиционные товары (Capital goods)	22,9
2023	4	Промежуточные товары (Intermediate goods)	22,6	Машины и электрооборудование (Mach and Elec)	19,7
2023	5	Химическая продукция (Chemicals)	10,8	Текстиль и одежда (Textiles and Clothing)	13,2

Примечание:

1. 2016/2019/2020/2021: расчёты по WITS на основе годовых выгрузок (репортёр — Российская Федерация), агрегирование по АСЕАН-10; доли рассчитаны как отношение стоимости соответствующей товарной группы к суммарному экспорту/импорту «All Products» по агрегату РФ–АСЕАН за год.

2. 2022/2023: расчёты по WITS на основе выгрузок по каждой стране АСЕАН с разрезом WITS Product Group. Для экспорта РФ→АСЕАН использованы значения Import (US\$ Thousand) стран АСЕАН из РФ; для импорта РФ←АСЕАН — значения Export (US\$ Thousand) стран АСЕАН в РФ; затем выполнено агрегирование по АСЕАН-10 и расчёт долей по отношению к All Products.

3. В классификации WITS Product Group отдельные категории перекрываются, поэтому доли топ-5 групп не суммируются в 100% и предназначены для выявления крупнейших товарных блоков, а не для балансового разложения торговли.

4. По Брунею в WITS по экспорту в РФ отсутствуют данные, что может занижать агрегированные оценки по импорту РФ←АСЕАН. Это ограничение исходной статистики, а не ошибка расчётов автора.

Источник: расчёты автора по данным World Integrated Trade Solution (WITS): Russian Federation product exports and imports to ASEAN member states, 2016, 2019, 2020, 2021; Brunei/Cambodia/Indonesia/Lao PDR/Malaysia/Myanmar/Philippines/Singapore/Thailand/Vietnam product exports and imports to Russian Federation, 2022, 2023. URL: <https://wits.worldbank.org> (дата обращения: 13.11.2025).

Период 2016–2019 гг., предшествовавший пандемии COVID-19, можно рассматривать как этап, на котором торговля России со странами АСЕАН восстанавливалась после спада в 2015 г. Согласно агрегированным данным (табл. 13), товарооборот вырос с 15,86 млрд долл. в 2016 г. до 17,34 млрд долл. в 2019 г. При этом на протяжении всего периода импорт из АСЕАН устойчиво превышал

российский экспорт, что свидетельствует о сохранении структурной асимметрии взаимной торговли.

Для оценки масштаба этого роста принципиально важно соотнести его с общим объёмом торговли АСЕАН. По данным Л. С. Кабира и И. А. Яковлева, к 2017 г. доля России в совокупном товарообороте стран Ассоциации составляла 0,66% – вдвое больше, чем 0,32% в 2004 г.⁵²⁴, но по-прежнему пренебрежимо мало по сравнению с долями ведущих партнёров. Иными словами, даже удвоение доли за тринадцать лет не вывело Россию из категории периферийных торговых партнёров Ассоциации. При этом рост товарооборота в абсолютных цифрах не означал роста относительного значения России в региональной торговой архитектуре.

Географическая структура торговли в этот период оставалась высококонцентрированной. В 2016 г. ключевыми партнерами являлись Вьетнам, Индонезия и Сингапур, на которых приходилось порядка двух третей товарооборота⁵²⁵. К 2019 г. конфигурация претерпела некоторые изменения: ведущим контрагентом оставался Вьетнам, однако выросли доли Малайзии, Таиланда и Филиппин, что свидетельствовало о постепенной, хотя и ограниченной, диверсификации географической структуры.

На фоне ограниченности двусторонних механизмов и нехватки устойчивых инструментов координации, способных вовлечь деловые круги в регулярный диалог⁵²⁶, Россия развивала евразийское измерение сотрудничества с государствами АСЕАН. Самым важным итогом этого пути стало подписание преференциальных торговых соглашений ЕАЭС с двумя государствами Ассоциации. Преференциальные соглашения на уровне ЕАЭС позволяли создать

⁵²⁴ Кабир Л. С., Яковлев И. А. Торговля в целях развития: формирование устойчивой платформы интеграции России в АСЕАН // Таможенная политика России на Дальнем Востоке. 2018. № 3 (84). С. 64.

⁵²⁵ Расчёты автора по данным World Integrated Trade Solution (WITS): Russian Federation product exports and imports to ASEAN member states, 2016, 2019, 2020, 2021; Brunei/Cambodia/Indonesia/Lao PDR/Malaysia/Myanmar/Philippines/Singapore/Thailand/Vietnam product exports and imports to Russian Federation, 2022, 2023. URL: <https://wits.worldbank.org> (дата обращения: 13.11.2025).

⁵²⁶ Кабир Л. С., Яковлев И. А. Торговля в целях развития: формирование устойчивой платформы интеграции России в АСЕАН // Таможенная политика России на Дальнем Востоке. 2018. № 3 (84). С. 59.

более широкую рамку, не зависящую от ограниченных ресурсов отдельных национальных ведомств.

Первым стало соглашение о зоне свободной торговли с Вьетнамом, подписанное в 2015 г. и вступившее в силу в 2016 г.⁵²⁷ Документ фиксировал цели либерализации торговли и предусматривал создание Совместного комитета для мониторинга реализации договорённостей⁵²⁸. Вместе с тем, как отмечает А. С. Королёв, экономический эффект от этого соглашения для ЕАЭС и России оказался ограниченным, а само его заключение в значительной степени было продиктовано стремлением изучить новые форматы внешнеэкономического взаимодействия на уровне институтов⁵²⁹.

Вторым важным шагом стало подписание в 2019 г. соглашения о ЗСТ с Сингапуром, которое также включает в себя цели либерализации торговли и учреждает аналогичный Совместный комитет⁵³⁰. С практической точки зрения, для российско-асеановских отношений значим не только факт расширения зоны действия преференциальных режимов ЕАЭС в Юго-Восточной Азии, но и накопление опыта реализации подобных соглашений, включая отработку механизмов урегулирования спорных вопросов.

Параллельно с развитием договорной базы ЕАЭС, наращивалась программная основа сотрудничества Россия–АСЕАН. Комплексный план действий на 2021–2025 гг. поставил задачу укрепления взаимодействия между АСЕАН и ЕАЭС, в том числе путем реализации Меморандума о взаимопонимании между

⁵²⁷ Дёмина Я. В. Внешняя торговля Дальнего Востока России со странами АСЕАН: сравнение с общероссийской динамикой и структурой товаропотоков // Регионалистика. 2022. Т. 9, № 2. С. 56.

⁵²⁸ Free Trade Agreement between the Eurasian Economic Union and its Member States, of the one part, and the Socialist Republic of Viet Nam, of the other part. Burabay, 29.05.2015. URL: https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/272/EAEU_VN_FTA.pdf (дата обращения: 28.11.2023).

⁵²⁹ Королёв А. С. Стратегическое партнёрство России и АСЕАН в условиях региональной фрагментации // АСЕАН на пути интеграции: достижения, вызовы, дилеммы: монография / под ред. В. М. Мазырина, Е. В. Колдуновой. М.: Издательство Аспект Пресс, 2023. С. 174.

⁵³⁰ Free Trade Agreement between the Eurasian Economic Union and its Member States, of the one part, and the Republic of Singapore, of the other part. Yerevan, 01.10.2019. URL: https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/4d0/EAEU_Singapore-FTA_Main-Agreement.pdf (дата обращения: 28.11.2023).

ЕЭК и АСЕАН и соответствующей программы сотрудничества⁵³¹. В этом же документе экономический диалог дополнен положениями о регулярных встречах профильных министров, обновлении Дорожной карты торгово-инвестиционного сотрудничества и поддержке деловых связей через Деловой совет Россия–АСЕАН и торгово-промышленные палаты⁵³². Наконец, в Совместном заявлении 4-го саммита 2021 г. вопросы взаимосвязанности вышли на первый план экономической повестки, в частности, были упомянуты Экосистемы цифровых транспортных коридоров ЕАЭС как одного из элементов такого сопряжения⁵³³.

Товарная структура торговли России со странами АСЕАН в 2016–2023 гг. сохраняла сложившуюся ранее асимметрию. Российский экспорт в Ассоциацию по-прежнему формировался преимущественно за счёт топливно-сырьевых и промежуточных товаров, тогда как импорт из стран АСЕАН состоял в основном из готовой промышленной продукции — инвестиционных и потребительских товаров, машин и оборудования (табл. 14)⁵³⁴.

Основу российского экспорта в АСЕАН на протяжении всего периода составляли топливные товары. В 2022–2023 гг. их доля дополнительно возросла, достигнув 66,9% в 2023 г. (табл. 14)⁵³⁵. Данную тенденцию описывает и Я. В. Дёмина, согласно выводам которой, и в общероссийском, и в дальневосточном экспорте в страны АСЕАН доминировали топливо и чёрные металлы⁵³⁶.

⁵³¹ Комплексный план действий по реализации стратегического партнёрства между Российской Федерацией и Ассоциацией государств Юго-Восточной Азии (2021–2025 годы) // Официальный сайт Президента России. 28 октября 2021 г. URL: <http://kremlin.ru/supplement/5726> (дата обращения: 27.11.2023).

⁵³² Там же.

⁵³³ Совместное заявление 4-го саммита Россия–АСЕАН: построение мирного, стабильного и устойчивого региона. 28 октября 2021 г. URL: <https://asean.mid.ru/upload/iblock/a9c/34ywehcloxs9hp7bgcd7l64g3erd3al.pdf> (дата обращения: 27.11.2023).

⁵³⁴ Расчёты автора по данным World Integrated Trade Solution (WITS): Russian Federation product exports and imports to ASEAN member states, 2016, 2019, 2020, 2021; Brunei/Cambodia/Indonesia/Lao PDR/Malaysia/Myanmar/Philippines/Singapore/Thailand/Vietnam product exports and imports to Russian Federation, 2022, 2023. URL: <https://wits.worldbank.org> (дата обращения: 13.11.2025).

⁵³⁵ Там же.

⁵³⁶ Дёмина Я. В. Внешняя торговля Дальнего Востока России со странами АСЕАН: сравнение с общероссийской динамикой и структурой товаропотоков // Регионалистика. 2022. Т. 9. № 2. С. 52.

Исследование Ф. Тагизаде-Хесари и др. также указывает, что санкции 2014 г. стимулировали переориентацию российских энергетических поставок на азиатские рынки, включая Юго-Восточную Азию⁵³⁷.

К следующим по значимости позициям экспорта относились металлы, химическая продукция и прочие промежуточные товары, которые дополняли топливный экспорт. С 2015 г. по 2018 г. доля угля и чёрных металлов в экспорте Дальневосточного Федерального округа (ДФО) России в АСЕАН выросла с 50 до 70%, тогда как поставки более сложной продукции сокращались⁵³⁸.

Страны АСЕАН, напротив, экспортировали в Россию в основном готовую продукцию высокой степени обработки. В общероссийском импорте ведущие позиции занимали инвестиционные товары и продукция машиностроения (прежде всего электрические машины и оборудование), а также потребительские товары (табл. 14)⁵³⁹. В импорте Дальнего Востока также преобладали машины и оборудование, на долю которых приходилось от 20 до 40% стоимости закупок в 2018 г.⁵⁴⁰

Наряду с традиционными товарными группами, в документы стратегического партнёрства Россия–АСЕАН были добавлены положения, касающиеся цифровой экономики, информационно-коммуникационных технологий, поддержки малых и средних предприятий, а также научно-технического сотрудничества. План на 2021–2025 гг. включает положения, нацеленные на развитие цифровой экономики, внедрение расчётов в национальных валютах и интеграцию МСП в глобальные

⁵³⁷ Taghizadeh-Hesary F., Rasoulinezhad E., Yoshino N., Sarker T., Mirza N. Determinants of the Russia and Asia–Pacific energy trade // *Energy Strategy Reviews*. 2021. Vol. 38. 100681. P. 7.

⁵³⁸ Симоненко А. В. Внешнеторговые связи Дальнего Востока России со странами АСЕАН // *Таможенная политика России на Дальнем Востоке*. 2020. № 1 (90). С. 41.

⁵³⁹ Расчёты автора по данным World Integrated Trade Solution (WITS): Russian Federation product exports and imports to ASEAN member states, 2016, 2019, 2020, 2021; Brunei/Cambodia/Indonesia/Lao PDR/Malaysia/Myanmar/Philippines/Singapore/Thailand/Vietnam product exports and imports to Russian Federation, 2022, 2023. URL: <https://wits.worldbank.org> (дата обращения: 13.11.2025);

Дёмина Я. В. Внешняя торговля Дальнего Востока России со странами АСЕАН: сравнение с общероссийской динамикой и структурой товаропотоков // *Регионалистика*. 2022. Т. 9, № 2. С. 54.

⁵⁴⁰ Симоненко А. В. Внешнеторговые связи Дальнего Востока России со странами АСЕАН // *Таможенная политика России на Дальнем Востоке*. 2020. № 1 (90). С. 42.

производственные цепочки⁵⁴¹. Тем не менее слабо развитая нормативно-правовая база в области защиты интеллектуальной собственности ограничивает проведение в жизнь инновационно-технологического вектора⁵⁴². В реальной товарной структуре торговли новые направления по-прежнему занимают второстепенное место, уступая традиционным поставкам топлива, сырья и машинно-технической продукции.

Динамика торговли России со странами АСЕАН в 2020–2024 гг. определялась двумя внешними потрясениями различной природы: пандемией COVID-19 и резким ужесточением антироссийских санкций после начала СВО в 2022 г. (статистика WITS доступна до 2023 г.).

Пандемия действовала как краткосрочный шок предложения. Товарооборот снизился с 17,3 млрд долл. в 2019 г. до 15,7 млрд долл. в 2020 г., то есть произошло падение на 9%, причём сокращение имело место преимущественно за счёт российского экспорта (с 6,98 до 5,58 млрд долл.). Импорт из стран АСЕАН уменьшился незначительно (с 10,4 до 10,1 млрд долл.). Уже в 2021 г. взаимная торговля восстановилась до рекордных 20 млрд долл., продемонстрировав возврат к докризисной траектории после нормализации логистики⁵⁴³.

Тем не менее масштаб российско-асеановской торговли остаётся скромным на фоне общего объема товарооборота Ассоциации, который в 2024 г. достиг 3,8 трлн долл.⁵⁴⁴ Для большинства стран АСЕАН экономические связи с Россией не

⁵⁴¹ Комплексный план действий по реализации стратегического партнёрства между Российской Федерацией и Ассоциацией государств Юго-Восточной Азии (2021–2025 годы) // Официальный сайт Президента России. 28 октября 2021 г. URL: <http://kremlin.ru/supplement/5726> (дата обращения: 27.11.2023).

⁵⁴² Грибанова А. М., Королева Е. В., Чабыкина Е. А. Россия и АСЕАН: инновационно-технологический вектор сотрудничества // Копирайт. Вестник Российской академии интеллектуальной собственности и Российского авторского общества. 2021. № 4. С. 60. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_47350406_42079751.pdf (дата обращения: 05.08.2024).

⁵⁴³ Расчёты автора по данным World Integrated Trade Solution (WITS): Russian Federation Exports/Imports by country and region; Import/Export Partner Share; Import/Export Share in Total Products, 1996–2021. URL: <https://wits.worldbank.org> (дата обращения: 13.11.2025).

⁵⁴⁴ ASEAN Key Figures 2025. Vol. 8. Jakarta: ASEAN Secretariat, December 2025. P. 40; 43. URL: https://www.aseanstats.org/wp-content/uploads/2026/01/akf_2025_120126.pdf (дата обращения: 04.01.2026).

являются критически важными, что отчасти объясняет ограниченное негативное влияние вышеназванных кризисов на торговлю с Москвой.

Ограничения, введенные западными странами после начала СВО, ударили по ключевым обеспечивающим механизмам: финансовым расчётам, страхованию и логистике⁵⁴⁵. Блокировка доступа российских банков к SWIFT и риски вторичных санкций для партнеров из ЮВА резко повысили транзакционные издержки и существенно затруднили использование долларовых расчётов во многих операциях. В то же время отказ западных страховщиков и перевозчиков работать с российскими грузами осложнил доставку товаров.

В результате товарооборот сократился до 15,3–15,9 млрд долл. в 2022–2023 гг.⁵⁴⁶ При этом баланс сместился в пользу России: экспорт РФ вырос до 10,9–11,5 млрд долл. за счёт наращивания поставок топлива (его доля в экспорте достигла 66,9% в 2023 г.) и удобрений. Импорт же из стран АСЕАН упал до 4,3 млрд долл., главным образом из-за сокращения ввоза машин и оборудования, поставлявшихся ранее через западные логистические и финансовые цепочки⁵⁴⁷. Е. С. Бурова, анализируя торговлю России со странами АСЕАН в условиях санкций, также отмечает, что динамика товарных потоков определялась не только ограничительными мерами, но в значительной степени мировой конъюнктурой и состоянием отдельных отраслей в странах-партнёрах⁵⁴⁸.

⁵⁴⁵ Королев А. С. ЕАЭС — АСЕАН: модель секторального стратегического партнерства: рабочая тетрадь № 92 / 2025. М.: ИП РСМД, 2025. С. 17. URL: <https://russiancouncil.ru/papers/RIAC-EAEU-ASEAN-WorkingPaper92.pdf> (дата обращения: 03.12.2025).

⁵⁴⁶ Korolev A. S. Russia-ASEAN Relations—Strategic Partnership or Strategic Illusion? // *Russia in Global Affairs*. 2024. Vol. 22, No. 3. P. 169;

Расчёты автора по данным World Integrated Trade Solution (WITS): Russian Federation product exports and imports to ASEAN member states, 2016, 2019, 2020, 2021; Brunei/Cambodia/Indonesia/Lao PDR/Malaysia/Myanmar/Philippines/Singapore/Thailand/Vietnam product exports and imports to Russian Federation, 2022, 2023. URL: <https://wits.worldbank.org> (дата обращения: 13.11.2025).

⁵⁴⁷ Расчёты автора по данным World Integrated Trade Solution (WITS): Russian Federation product exports and imports to ASEAN member states, 2016, 2019, 2020, 2021; Brunei/Cambodia/Indonesia/Lao PDR/Malaysia/Myanmar/Philippines/Singapore/Thailand/Vietnam product exports and imports to Russian Federation, 2022, 2023. URL: <https://wits.worldbank.org> (дата обращения: 13.11.2025).

⁵⁴⁸ Бурова Е. С. Оценка двусторонней торговли РФ-АСЕАН под влиянием санкций // *Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития*, 2023, Том 5, № 4 (61). С. 69.

Национальная статистика отдельных стран АСЕАН за 2024 г. позволяет проверить, сохранилась ли после 2023 г. выявленная выше конфигурация торговых связей. Эти данные не образуют единого сопоставимого ряда по всем десяти государствам Ассоциации (по составу на 2024 г.), однако они показывают, что сокращение российско-асеановской торговли после 2021 г. не означало полного разрыва хозяйственных связей. Крупные потоки сохранялись прежде всего на направлениях, где торговля опиралась на устойчивый спрос на сырьевые, энергетические, продовольственные и отдельные промышленные товары.

Наиболее масштабные и устойчивые потоки сохранились в торговле с Вьетнамом и Индонезией, однако их структура принципиально различается. Вьетнамская таможенная статистика за январь–декабрь 2024 г. фиксирует совокупный оборот на уровне 4,58 млрд долл. США (экспорт Вьетнама – 2,34 млрд, импорт из России – 2,25 млрд долл.)⁵⁴⁹. Это один из немногих случаев среди крупных партнёров, где торговля оказалась близка к равновесной, что может свидетельствовать о товарной взаимодополняемости. Вьетнам поставлял кофе, морепродукты, каучук, резинотехнические изделия, а Россия в ответ – энергоносители, удобрения, химическую продукцию и отдельные виды оборудования⁵⁵⁰.

Индонезийское направление, напротив, демонстрирует выраженную асимметрию в пользу России. По данным Центрального статистического агентства Индонезии (англ. BPS-Statistics Indonesia), экспорт Индонезии в Россию снизился с 1,49 млрд долл. США в 2023 г. до 1,38 млрд долл. США⁵⁵¹ в 2024 г., а импорт

⁵⁴⁹ Statistics of Exports by Country/Territory-Main Exports. Table: 19B/TCHQ. Ministry of Finance of Vietnam. General Department of Customs. Customs IT & Statistics Department. December 2024. Preliminary. URL: https://files.customs.gov.vn/CustomsCMS/TONG_CUC/2025/1/10/2024-t12-5x%28ta-sb%29.pdf (дата обращения: 02.06.2026); Statistics of Import by Country/Territory-Main Imports. Table: 20B/TCHQ. Ministry of Finance of Vietnam. General Department of Customs. Customs IT & Statistics Department. December 2024. Preliminary. URL: https://asemconnectvietnam.gov.vn/WebLocalfiles/NGA/Thang4Nam2025/3420251453462024_t12_5n_ta_sb_.pdf (дата обращения: 02.06.2026).

⁵⁵⁰ Там же.

⁵⁵¹ Indonesia Foreign Trade Statistics Exports 2024, Book I. BPS-Statistics Indonesia. URL: <https://www.bps.go.id/en/publication/2025/07/07/6de51ef555c018f6ba7168d1/indonesia-foreign->

российских товаров составил 2,24 млрд долл. США в ценах CIF (стоимость, страхование и фрахт)⁵⁵² по сравнению с 2,44 млрд долл. США годом ранее. Оба потока несколько уменьшились по сравнению с 2023 г., но общий оборот превысил 3,6 млрд долл., подтвердив статус Индонезии как одного из ключевых экономических контрагентов Москвы в регионе.

Совершенно иную картину представляет сингапурское направление, которое в 2024 г. сохраняло колоссальный масштаб исключительно за счёт импорта из России (5,84 млрд синг. долл.), тогда как совокупный сингапурский экспорт (включая реэкспорт) едва превысил 164 млн синг. долл.⁵⁵³ В 2024 г. экспорт товаров сингапурского происхождения (англ. domestic exports) в Россию составил 78,5 млн сингапурских долл., а реэкспорт в Россию — 85,5 млн сингапурских долл.⁵⁵⁴ Этот дисбаланс отражает роль Сингапура как регионального хаба: часть ввозимых российских товаров не предназначена для внутреннего потребления, а отправляется в третьи страны или используется для бункеровки. При интерпретации этих данных следует учитывать, что импортная статистика Сингапура не позволяет отделить товары, предназначенные для внутреннего потребления, от товаров, которые могли быть связаны с переработкой, хранением или последующей отправкой в третьи страны.

Наконец, пример Филиппин иллюстрирует ситуацию, характерную для ряда других государств АСЕАН: российское направление сохраняет для них сугубо

trade-statistics-exports-2024--book-i.html (дата обращения: 02.06.2026); Indonesia Foreign Trade Statistics Exports 2024, Book II. BPS-Statistics Indonesia. URL: <https://www.bps.go.id/en/publication/2025/07/07/7842f42c4ae5a3247816e223/statistik-perdagangan-luar-negeri-indonesia-ekspor-2024--buku-ii.html> (дата обращения: 02.06.2026).

⁵⁵² Foreign Trade Statistical Import of Indonesia 2024, Book I. BPS-Statistics Indonesia. URL: <https://www.bps.go.id/en/publication/2025/07/07/526bc1e0e937d64b8b2a8e61/foreign-trade-statistical-import-of-indonesia-2024--book-i.html> (дата обращения: 02.06.2026); Foreign Trade Statistical Import of Indonesia 2024 Book II. BPS-Statistics Indonesia. URL: <https://www.bps.go.id/en/publication/2025/07/07/7f63c3f56a347c6b9b15ab66/foreign-trade-statistical-import-of-indonesia-2024-book-ii.html> (дата обращения: 02.06.2026).

⁵⁵³ Merchandise Imports By Region And Market, Monthly // SingStat Table Builder. URL: <https://tablebuilder.singstat.gov.sg/> (дата обращения: 02.06.2026).

⁵⁵⁴ Domestic Exports By Region And Market, Monthly // SingStat Table Builder. URL: <https://tablebuilder.singstat.gov.sg/> (дата обращения: 02.06.2026); Re-Exports By Region And Market // SingStat Table Builder. URL: <https://tablebuilder.singstat.gov.sg/table/TS/M451511> (дата обращения: 02.06.2026).

периферийное значение. Совокупный товарооборот Филиппин с Россией в 2024 г. составил лишь около 108 млн долл. при примерном паритете экспорта и импорта по данным портала OpenSTAT Филиппинского статистического управления (англ. Philippine Statistics Authority, PSA). Экспорт Филиппин в Россию составил около 56,1 млн долл. США, а импорт из России достигал порядка 52,4 млн долл. США⁵⁵⁵.

Данные национальных статистических ресурсов ряда государств АСЕАН за 2024 г. в совокупности подтверждают и уточняют выводы, сделанные на основе базы WITS за 2022–2023 гг. После 2021 г. товарооборот Россия–АСЕАН не вернулся к пиковому уровню, а торговля приобрела более концентрированный характер. Значительный товарооборот сохранился преимущественно на направлениях Россия–Вьетнам и Россия–Индонезия, а также на сингапурском направлении, где основной объём приходится на импорт российских товаров. По ряду небольших направлений торговля с Россией либо не маркируется в национальной статистике, либо публикуется в агрегированном виде, препятствующем выделению и отдельному анализу экспорта, импорта и транзита⁵⁵⁶. В качественном отношении эта конфигурация воспроизводит структурную особенность, выявленную на материале предшествующих десятилетий: Россия сохраняет позиции в поставках топлива, удобрений, сырья и определенных промежуточных товаров, в то время как

⁵⁵⁵ PSA OpenSTAT // Philippine Statistics Authority. URL: <https://openstat.psa.gov.ph/> (дата обращения: 02.06.2026).

⁵⁵⁶ International Merchandise Trade Statistics // General Department of Customs and Excise of Cambodia (GDCE). URL: <https://stats.customs.gov.kh/en/> (дата обращения: 02.06.2026); Lao Trade Statistic System (MOIC E-Statistic) // Department of Foreign Trade, Ministry of Industry and Commerce, Lao PDR. URL: <https://laotradestat.moic.gov.la/estat/> (дата обращения: 02.06.2026); Malaysia External Trade Statistics // Malaysia External Trade Development Corporation (MATRADE). URL: <https://www.matrade.gov.my/en/export-to-the-world/step-4-export-opportunities/malaysia-external-trade-statistics> (дата обращения: 02.06.2026); Trade Situation of Myanmar in 2024-2025 Fiscal Year Compared to the Same Period of 2023-2024 Fiscal Year // Ministry of Commerce (Myanmar). URL: <https://commerce.gov.mm/en/article/kaalttuukunsymuniungnykhk/31562> (дата обращения: 02.06.2026); Economic and Trade Data // Trade Policy and Strategy Office (TPSO), Ministry of Commerce, Thailand. URL: <https://www.tpsgo.th/en/economic-data> (дата обращения: 02.06.2026); Trade Statistics // Brunei Trade, Ministry of Finance and Economy, Brunei Darussalam. URL: <https://www.brunetrade.mofe.gov.bn/trade-statistics/> (дата обращения: 02.06.2026); Department of Economic Planning and Statistics (DEPS) // Ministry of Finance and Economy, Brunei Darussalam. URL: <https://deps.mofe.gov.bn/> (дата обращения: 02.06.2026).

импорт из стран АСЕАН остаётся более чувствительным к состоянию логистики, финансовых расчётов и доступности каналов поставки готовой промышленной продукции.

Реакция стран АСЕАН на санкционное давление 2022–2024 гг. оказалась принципиально неоднородной и выявила внутреннюю дифференциацию Ассоциации по вопросу отношения к России. Единственным государством-членом АСЕАН, официально присоединившимся к западным санкциям, стал Сингапур. Город-государство ввёл экспортный контроль и финансовые ограничения⁵⁵⁷. Эта позиция породила риски для выполнения соглашения о ЗСТ ЕАЭС–Сингапур, прежде всего в сфере услуг⁵⁵⁸. Остальные члены Ассоциации, включая Вьетнам, Индонезию, Малайзию, Таиланд – основных торговых партнёров России, отказались от введения рестрикций. Их прагматичная линия была ориентирована на минимизацию вторичных рисков для собственного бизнеса и поддержание доступа к российским энергоносителям и удобрениям, потребность в которых для аграрного сектора региона оставалась высокой.

Именно сочетание политической сдержанности большинства стран при сохранении экономических каналов и определяет ключевую особенность торгово-экономических связей Россия–АСЕАН в 2022–2024 гг. Они оказались устойчивыми к непосредственному политическому разрыву благодаря относительно низкой исходной базе (потери от сокращения торговли с Россией были для большинства стран АСЕАН незначительны по сравнению с объёмами торговли с Китаем, США или Японией) и прагматичной позиции правительств, не готовых жертвовать экономическими интересами ради политической солидарности с Западом. Вместе с тем эта же конфигурация продемонстрировала высокую зависимость от платёжной, страховой и логистической инфраструктуры: там, где западные

⁵⁵⁷ Киреева А. А. Санкции стран Азии в отношении России: что они означают? // РСМД. 31.03.2022. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/sanktsii-stran-azii-v-otnoshenii-rossii-cto-oni-oznachayut/> (дата обращения: 09.03.2024).

⁵⁵⁸ Tan S. Singapore's services trade with Russia could be at risk if Moscow retaliates for sanctions over Ukraine: analysts // South China Morning Post. 16.03.2022. URL: <https://www.scmp.com/week-asia/politics/article/3170590/singapores-services-trade-russia-could-be-risk-if-moscow> (дата обращения: 19.03.2023).

ограничения затрагивали обеспечивающие механизмы, торговля сокращалась не по политическим, а по техническим причинам.

Данные WITS за 2022–2023 гг. и государственная статистика ряда членов АСЕАН за 2024 г. фиксируют не равномерное возобновление торговли, а её структурную перестройку. Российский экспорт в большей степени базировался на топливно-сырьевых и химических товарах, менее чувствительных к логистическим ограничениям. Импорт из государств-членов Ассоциации, напротив, уменьшился и стал более уязвимым к блокировкам финансовых и транспортных каналов. В этих условиях дальнейшее расширение торговли зависит не столько от политических деклараций о стратегическом партнёрстве, сколько от практического решения вопросов расчётов в национальных валютах, страхования грузов, транспортной связанности и устойчивых механизмов деловой кооперации⁵⁵⁹.

3.3. Взаимодействие в области безопасности между Россией и АСЕАН

К 2016 г., несмотря на скромные успехи в наращивании торгово-экономических связей, отношения России и АСЕАН в сфере безопасности уже имели свою историю. Москва участвовала в ключевых асеаноцентричных форматах: Региональный форум АСЕАН (АРФ), Совещание министров обороны АСЕАН с диалоговыми партнёрами (СМОА+), Восточноазиатский саммит (ВАС) и Расширенный морской форум АСЕАН (РМФА), где поддерживала устойчивый

⁵⁵⁹ Zagaynov E. ASEAN–Russia: strengthening ties and exploring new horizons // Official website of the Permanent Mission of the Russian Federation to ASEAN. 14.11.2023. URL: https://asean.mid.ru/ru/news/asean_russia_strengthening_ties_and_exploring_new_horizons/ (дата обращения: 28.11.2023);

Колдунова Е. В. Россия – АСЕАН: пределы и возможности экономического партнёрства // Центр АСЕАН при МГИМО МИД России. 29.08.2022. URL: <https://asean.mgimo.ru/opinions/koldunova-russia-asean-limits-and-opportunities-valdai-08-22> (дата обращения: 04.03.2024).

диалог с партнерами. Однако реальная роль России в региональной системе безопасности оставалась незначительной⁵⁶⁰.

С одной стороны, юбилейный саммит в Сочи (2016 г.) и последующее оформление стратегического партнерства (2018 г.) повысили планку ожиданий от сотрудничества. С другой – реализация этих амбиций осложнялась растущей фрагментацией региональной среды: появлением конкурирующих концепций развития (прежде всего, Индо-Тихоокеанской), кризисом доверия между великими державами и чередой внешних шоков: пандемией COVID-19 и началом СВО. Как констатирует А. С. Королев, под воздействием данных факторов у сторон проявилось отсутствие единых стратегических ориентиров и готовности к совместным действиям, а также невозможность выработать согласованную линию перед лицом новых вызовов⁵⁶¹.

Учитывая эту противоречивую динамику, анализ взаимодействия в сфере безопасности логично провести по трем взаимосвязанным направлениям, которые в совокупности позволяют оценить, насколько в действительности официальные декларации были наполнены содержанием. Во-первых, участие России в многосторонних диалоговых площадках под эгидой АСЕАН, которые остаются главным каналом для обсуждения стратегических вопросов. Во-вторых, сотрудничество в решении конкретных задач нетрадиционной безопасности (от транснациональной преступности до киберугроз и ликвидации последствий стихийных бедствий), где потенциал для прикладного взаимодействия наиболее высок. В-третьих, военно-технические связи, которые исторически служили наиболее осязаемой основой диалога с некоторыми государствами ЮВА, и

⁵⁶⁰ Gorenburg D., Schwartz P. Russia's Relations with Southeast Asia. *Russie.NEI.Reports*, No. 26. Paris: Ifri, 2019. P. 11. URL: <https://www.ifri.org/en/publications/etudes-de-lifri/russieneireports/russias-relations-southeast-asia> (дата обращения: 02.08.2024).

⁵⁶¹ Королев А. С. Стратегическое партнёрство России и АСЕАН в условиях региональной фрагментации // АСЕАН на пути интеграции: достижения, вызовы, дилеммы: монография / под ред. В. М. Мазырина, Е. В. Колдуновой. М.: Издательство Аспект Пресс, 2023. С. 160–161.

позволяют проверить, насколько политические договоренности конвертируются в практические действия⁵⁶².

Участие России в асеаноцентричных форматах в 2016–2024 гг. позволяло ей поддерживать контакты по вопросам региональной безопасности, но при этом не гарантировало выработку конкретных договоренностей или реализации инициатив. Такое положение дел в целом укладывается в логику самой Ассоциации: в своей Концепции Индо-Тихоокеанского региона (ASEAN Outlook on the Indo-Pacific, AOIP) она делает ставку на развитие уже существующих механизмов, а не на создание новых⁵⁶³. Данный подход созвучен российскому внешнеполитическому курсу, делающему упор на коллективные форматы и принцип неделимости безопасности⁵⁶⁴.

Асеаноцентричная архитектура в рассматриваемый период в значительной степени служила не столько инструментом выработки общих норм, сколько механизмом сохранения диалога в условиях нарастающего противостояния США и Китая. В AOIP эта функция прописана недвусмысленно: центральная роль АСЕАН объявлена основополагающим принципом, а Восточноазиатский саммит и другие форматы – платформами для обсуждения и реализации совместных действий⁵⁶⁵.

⁵⁶² Korolev A. S. Russia-ASEAN Relations—Strategic Partnership or Strategic Illusion? // *Russia in Global Affairs*. 2024. Vol. 22, No. 3. P. 162; Severino R., Thuzar M. ASEAN Regionalism and the Future of ASEAN–Russia Relations // *ASEAN–Russia: Foundations and Future Prospects*. / Eds. V. Sumsky, M. Hong, A. Lugg. Singapore: Institute of Southeast Asian Studies, 2012. P. 26.

⁵⁶³ ASEAN Outlook on the Indo-Pacific. ASEAN, 2019. URL: https://asean.org/wp-content/uploads/2021/01/ASEAN-Outlook-on-the-Indo-Pacific_FINAL_22062019.pdf (дата обращения: 28.11.2023).

⁵⁶⁴ Указ Президента Российской Федерации от 30 ноября 2016 г. № 640 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации» // Официальный сайт Президента России. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41451> (дата обращения: 27.11.2023); Указ Президента Российской Федерации от 31 марта 2023 г. № 229 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации» // Официальный сайт Президента России. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/49090> (дата обращения: 27.11.2023); Korolev A. S. Russia-ASEAN Relations—Strategic Partnership or Strategic Illusion? // *Russia in Global Affairs*. 2024. Vol. 22, No. 3. P. 162.

⁵⁶⁵ ASEAN Outlook on the Indo-Pacific. ASEAN, 2019. URL: https://asean.org/wp-content/uploads/2021/01/ASEAN-Outlook-on-the-Indo-Pacific_FINAL_22062019.pdf (дата обращения: 28.11.2023).

Вместе с тем сама структура асеаноцентричных механизмов ограничивает их практическую отдачу. Консенсусные процедуры и принцип невмешательства, многократно описанные в литературе как главное ограничение асеаноцентричных механизмов, в сочетании с процедурной перегруженностью создавали расхождение между глобальным характером угроз и возможностями переговорных форматов⁵⁶⁶. Но к этому давно известному ограничению добавился новый фактор, способный изменить саму конфигурацию региональной архитектуры – распространение концепции Индо-Тихоокеанского региона.

Это концептуальное противоречие заслуживает отдельного анализа, поскольку оно затрагивает не просто терминологический спор, а вопрос о том, какая институциональная основа будет определять региональный порядок в ближайшие десятилетия. Индо-Тихоокеанская концепция, продвигаемая США, Австралией, Японией и Индией, предполагает более широкое географическое пространство, включающее Индийский океан, и делает акцент на конкуренции с Китаем. Россия относится к этому проекту скептически, последовательно придерживаясь азиатско-тихоокеанской терминологии⁵⁶⁷. Москва рассматривает Индо-Тихоокеанскую концепцию как инструмент сдерживания, а не сотрудничества. АСЕАН, в свою очередь, пытается занять промежуточную позицию: АОП формально признаёт Индо-Тихоокеанскую рамку, но настаивает на центральной роли АСЕАН и инклюзивном характере сотрудничества.

Для России это противоречие имеет конкретные практические последствия. Если Индо-Тихоокеанская модель станет доминирующей в региональной архитектуре, асеаноцентричные форматы, в которых Россия имеет устойчивое присутствие (АРФ, ВАС, СМОА+), могут утратить часть своей координирующей функции в пользу новых минилатеральных и квазиблоковых структур: QUAD, AUKUS, трёхсторонних форматов США–Япония–Южная Корея. В таком случае

⁵⁶⁶ Канаев Е. А., Шумкова В. А. Евразийские приоритеты асеаноцентричных диалоговых форматов по вопросам безопасности // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2017. Т. 17, № 3. С. 459–460.

⁵⁶⁷ Lo B. Once More with Feeling: Russia and the Asia-Pacific. Sydney: Lowy Institute for International Policy, 2019. P. 3. URL: <http://www.jstor.org/stable/resrep19784> (дата обращения: 03.08.2024).

Россия, не являясь участником ни одного из этих форматов, рискует оказаться на периферии региональной повестки безопасности. Иными словами, развитие Индо-Тихоокеанского проекта способно привести к центробежным тенденциям в отношениях России с АСЕАН через постепенное смещение центра тяжести регионального взаимодействия в структуры, куда Россия не включена⁵⁶⁸.

В этих условиях участие России в многосторонних форматах АСЕАН после 2016 г. можно охарактеризовать скорее как включенность в диалог, нежели как способность влиять на формирование общих правил. Данные площадки обеспечивают канал коммуникации и общий дипломатический язык, однако превратить сам факт участия в реальное институциональное влияние мешают как консенсусный принцип принятия решений, так и конкуренция США и Китая в АТР, а также разная степень заинтересованности участников⁵⁶⁹.

На этом фоне на первый план выходит сотрудничество в сфере нетрадиционной безопасности и информационно-коммуникационных технологий. Здесь возможна регулярная практическая работа: обучение специалистов, обмен информацией, проведение совместных мероприятий. В совместном заявлении министров иностранных дел Россия–АСЕАН 2017 г. стороны подчеркнули необходимость наладить каналы связи между компетентными органами и подчеркнули важность регулярных программ подготовки кадров⁵⁷⁰.

Аналогичная логика заложена и в документах АСЕАН по борьбе с транснациональной преступностью. Они ориентированы на использование международных баз данных и инструментов (например, системы INTERPOL i-24/7),

⁵⁶⁸ Канаев Е. А., Королев А. С. Большая Евразия, Индо-Тихоокеанский регион и отношения России с АСЕАН // *Контурь глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. 2019. Т. 12, № 1. С. 36.

⁵⁶⁹ Korolev A. S. Russia-ASEAN Relations—Strategic Partnership or Strategic Illusion? // *Russia in Global Affairs*. 2024. Vol. 22, No. 3. P. 162; Колдунова Е. В. «Диалоговые партнёрства» во внешней политике АСЕАН // *Международные процессы*. 2017. Т. 15, № 3 (50). С. 64.

⁵⁷⁰ Statement of ASEAN and Russia Ministers of Foreign Affairs on Joint Efforts to Counter International Terrorism. 07.08.2017. URL: <https://asean.org/statement-of-asean-and-russia-ministers-of-foreign-affairs-on-joint-efforts-to-counter-international-terrorism/> (дата обращения: 27.11.2023).

налаживание информационного обмена, определение контактных лиц, а также применение современных средств связи для оперативного обмена данными⁵⁷¹.

Кроме того, в конце 2010-х годов в повестке АСЕАН закрепились тема предотвращения радикализации и экстремизма. В соответствующих документах делается акцент на необходимости координации между различными ведомствами и налаживании систематического обмена информацией между профильными структурами и партнерами⁵⁷².

Противодействие наркоторговле также входит в повестку нетрадиционной безопасности. В совместном заявлении Россия–АСЕАН 2021 г. эта проблема рассматривается не изолированно, а вместе с финансированием терроризма и другими видами транснациональной организованной преступности. Кроме того, в документе отмечается, что использование цифровых инструментов – онлайн-площадок и криптовалют – существенно осложняет правоприменительную практику⁵⁷³.

Сотрудничество в сфере безопасности ИКТ возможно является наиболее детально проработанным. В совместном заявлении 2018 г. зафиксированы три ключевых элемента, значимых с точки зрения практического взаимодействия: во-первых, упор на развитие национальных компетенций через образовательные программы и тренинги; во-вторых, акцент на прикладных задачах, включая противодействие использованию ИКТ в террористических и иных преступных

⁵⁷¹ ASEAN Plan of Action in Combating Transnational Crime (2016–2025). Adopted by the 11th ASEAN Ministerial Meeting on Transnational Crime, 20.09.2017. P. 5–6. URL: https://asean.org/wp-content/uploads/2021/01/ASEAN-Plan-of-Action-in-Combating-TC_Adopted-by-11th-AMMTC-on-20Sept17-3.pdf (дата обращения: 27.11.2023).

⁵⁷² ASEAN Plan of Action to Prevent and Counter the Rise of Radicalisation and Violent Extremism (2018–2025). Adopted at the 12th ASEAN Ministerial Meeting on Transnational Crime, 31.10.2018. P. 6. URL: <https://asean.org/wp-content/uploads/2021/01/Adopted-ASEAN-PoA-to-Prevent-and-Counter-PCVE-1.pdf> (дата обращения: 27.11.2023); Work Plan of the ASEAN Plan of Action to Prevent and Counter the Rise of Radicalisation and Violent Extremism (2019–2025). 2019. P. 27. URL: https://asean.org/wp-content/uploads/2012/05/Bali-PCRVE-Work-Plan-2019-2025_asof11Dec2019.pdf (дата обращения: 27.11.2023).

⁵⁷³ Совместное заявление 4-го саммита Россия–АСЕАН: построение мирного, стабильного и устойчивого региона. 28 октября 2021 г. URL: <https://asean.mid.ru/upload/iblock/a9c/34ywehcloxs9hp7bgcd7l64g3erd3al.pdf> (дата обращения: 27.11.2023).

целях; в-третьих, идея выделения отдельного механизма диалога Россия–АСЕАН по вопросам безопасности ИКТ⁵⁷⁴.

Вместе с тем даже в этой сфере сохраняется разрыв между декларациями и реальным уровнем сотрудничества. Как показывает анализ российских киберинициатив в рамках Регионального форума АСЕАН (АРФ), конкретные форматы (семинары, обсуждения, предложения по раннему реагированию) существуют, однако их развитию препятствуют западные страны, предпочитающие политически необязательные нормы⁵⁷⁵.

Таким образом, в 2016–2024 гг. основное практическое наполнение диалога Россия–АСЕАН постепенно смещалось в сферу нетрадиционной безопасности и ИКТ. Здесь взаимодействие может носить регулярный характер – через обучение, обмен данными и отработку механизмов взаимодействия, – и в меньшей степени зависит от конкуренции крупных региональных проектов.

Военно-техническое сотрудничество остаётся наиболее предметной и измеримой сферой взаимодействия России со странами АСЕАН в области безопасности. Здесь фиксируются сопоставимые количественные показатели и прослеживается долгосрочная зависимость получателей от ранее поставленных систем — в части поддержки жизненного цикла, обучения персонала и сервисного обслуживания. Вместе с тем динамика 2016–2024 гг. показывает, что это сотрудничество развивалось преимущественно в двустороннем формате с отдельными странами, а не как взаимодействие с Ассоциацией в целом.

Таблица 15 (продолжение табл. 8). Поставки основных вооружений из России в государства АСЕАН по данным SIPRI (млн TIV), 2016–2024

Период	Σ РФ→АСЕАН, млн TIV	Топ-3 получателя (млн TIV; доля от Σ)	Доля топ-3, %
--------	---------------------	---------------------------------------	---------------

⁵⁷⁴ Joint Statement of the 3rd ASEAN–Russian Federation Summit on Strategic Partnership. Singapore, 14 November 2018. URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/d38bfabf57988d029de89931efc52bd1/Declaration3_2018.pdf (дата обращения: 27.11.2023).

⁵⁷⁵ Донцов А. С. Инициативы России в области кибербезопасности в рамках Регионального форума АСЕАН (АРФ): от заявлений к практическому сотрудничеству (2010–2024 гг.) // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2025. Т. 2, № 2 (67). С. 116.

2016– 2018	1158	Вьетнам — 936 (80,8%); Мьянма — 141 (12,2%); Лаос — 66 (5,7%)	98,7
2019– 2021	317	Вьетнам — 156 (49,2%); Мьянма — 95 (30,0%); Лаос — 38 (12,0%)	91,2
2022– 2024	374	Мьянма — 353 (94,4%); Вьетнам — 10 (2,7%); Лаос — 7 (1,9%)	98,9
2016– 2024	1849	Вьетнам — 1102 (59,6%); Мьянма — 589 (31,9%); Лаос — 111 (6,0%)	97,5

Примечание: показатели SIPRI приведены в млн TIV; пустые ячейки означают отсутствие идентифицированных поставок, «0» — объём в диапазоне 0–0,5 млн TIV.

Источник: расчёты автора по данным SIPRI Arms Transfers Database: exports of major arms from Russia to ASEAN member states, 1994–2024 (TIV, trend-indicator values). URL: <https://armstransfers.sipri.org/ArmsTransfer/CSVResult> (дата обращения: 13.11.2025).

Как видно из табл. 15, суммарный объём поставок основных вооружений из России в государства АСЕАН в 2016–2024 гг. составил 1849 млн TIV, при этом динамика была неравномерной: после относительно высокого уровня 2016–2018 гг. (1158 млн TIV) последовал спад в 2019–2021 гг. (317 млн TIV) и частичное восстановление в 2022–2024 гг. (374 млн TIV)⁵⁷⁶.

Данные указывают на несколько ключевых особенностей. Во-первых, поставки крайне сконцентрированы. На три страны: Вьетнам, Мьянму и Лаос за весь период приходится 97,5% общего объёма, причём ядро формируют Вьетнам и Мьянма. Такая картина подтверждает вывод о том, что практическое взаимодействие России с Ассоциацией на практике реализуется прежде всего через отдельные государства-партнёры, а не через асеаноцентричные механизмы⁵⁷⁷.

Во-вторых, внутри этого ядра произошло смещение. В 2016–2018 гг. доминировали поставки во Вьетнам (80,8% суммарного объёма), тогда как в 2022–2024 гг. основным импортером стала Мьянма (94,4%). Поставки в другие государства АСЕАН в рассматриваемый период либо отсутствовали, либо носили

⁵⁷⁶ Расчёты автора по данным SIPRI Arms Transfers Database: exports of major arms from Russia to ASEAN member states, 1994–2024 (TIV, trend-indicator values). URL: <https://armstransfers.sipri.org/ArmsTransfer/CSVResult> (дата обращения: 13.11.2025).

⁵⁷⁷ Korolev A. S. Russia-ASEAN Relations—Strategic Partnership or Strategic Illusion? // Russia in Global Affairs. 2024. Vol. 22, No. 3. P. 166–168.

эпизодический характер (например, незначительные объёмы по Лаосу и Таиланду)⁵⁷⁸.

С точки зрения номенклатурной характеристики основных получателей, вьетнамский сегмент сохранял наиболее широкий профиль: российские системы были представлены в авиационном, военно-морском, береговом и противокорабельном компонентах, а в 2016–2024 гг. сохранялось значение обслуживания и модернизации ранее поставленной техники. Мьянманское направление было связано прежде всего с боевой и учебно-боевой авиацией, вертолётами, средствами ПВО, беспилотными аппаратами, запасными частями и компонентами для уже эксплуатируемых систем. В 2021 г. сообщалось о продолжении поставок Су-30 и Як-130, а доклад Специального докладчика ООН фиксировал после переворота 2021 г. поставки из России, включая комплектующие для Су-30, МиГ-29, Як-130, Ми-17 и Ми-24/Ми-35, радиолокационные комплексы и связанные компоненты⁵⁷⁹. Лаос оставался скромным по объёмам, но устойчивым импортёром, где российские поставки были связаны главным образом с учебно-боевыми самолётами Як-130 и отдельными образцами бронетехники⁵⁸⁰.

В-третьих, динамика российского экспорта в регион разворачивалась на фоне общих ограничений рынка. По данным SIPRI, в 2020–2024 гг. объём международной торговли крупными вооружениями практически не изменился,

⁵⁷⁸ Расчёты автора по данным SIPRI Arms Transfers Database: exports of major arms from Russia to ASEAN member states, 1994–2024 (TIV, trend-indicator values). URL: <https://armstransfers.sipri.org/ArmsTransfer/CSVResult> (дата обращения: 13.11.2025).

⁵⁷⁹ Russia following through on fighter jet deals with Myanmar – report // Reuters. 23.07.2021. URL: <https://www.reuters.com/business/aerospace-defense/russia-following-through-fighter-jet-deals-with-myanmar-report-2021-07-23/> (дата обращения: 10.04.2026);

The Billion Dollar Death Trade: The International Arms Networks that Enable Human Rights Violations in Myanmar. Conference room paper of the Special Rapporteur on the situation of human rights in Myanmar // United Nations Human Rights Council. Fifty-third session. 17.05.2023. A/HRC/53/CRP.2. P. 12–13. URL: <https://www.ohchr.org/sites/default/files/documents/countries/myanmar/crp-sr-myanmar-2023-05-17.pdf> (дата обращения: 10.04.2026).

⁵⁸⁰ Karnozov V. Laos Receives Yak-130 Combat Jet Trainers // Aviation International News. 21.01.2019. URL: <https://www.ainonline.com/aviation-news/defense/2019-01-21/laos-receives-yak-130-combat-jet-trainers> (дата обращения: 10.04.2026);

Storey I. Russia in Southeast Asia: Falling influence despite being largest arms seller // ThinkChina. 31.03.2021. URL: <https://www.thinkchina.sg/politics/russia-southeast-asia-falling-influence-despite-being-largest-arms-seller> (дата обращения: 10.04.2026).

однако российский экспорт сократился на 64% по сравнению с 2015–2019 гг. Одновременно импорт стран Юго-Восточной Азии снизился на 45%⁵⁸¹. Сокращение поставок в 2016–2024 гг. отражает, среди прочего, воздействие западных санкций.

Для интерпретации вышеописанной динамики следует учитывать две группы факторов. Первая связана с технической инерцией. Для ряда государств, прежде всего Вьетнама, сохранение российских систем вооружений обусловлено накопленной совместимостью и высокими издержками быстрого перехода на альтернативные образцы. После 2017 г. Ханой взял курс на диверсификацию закупок, однако Россия остается основным партнёром в ВТС — прежде всего благодаря высокой степени интеграции российских систем и сложившихся логистических связей⁵⁸².

Вторая группа факторов – санкционные риски и внешнее давление. В 2017 г. в США был принят Закон о противодействии противникам Америки (CAATSA), который создал угрозу вторичных санкций для покупателей российского вооружения и стал переломным моментом для военно-технического сотрудничества России со странами АСЕАН⁵⁸³. В результате в 2021 г. Индонезия отказалась от закупки партии истребителей Су-35 – контракта, который обсуждался с середины 2010-х гг. и рассматривался как один из крупнейших проектов ВТС России в ЮВА. В 2022 г. Филиппины отменили контракт на поставку вертолётов Ми-17⁵⁸⁴. В обоих случаях существенную роль сыграли санкционные риски и опасения возможных вторичных ограничений со стороны США.

⁵⁸¹ Trends in international arms transfers, 2024 / Mathew George, Katarina Djokic, Zain Hussain, Pieter D. Wezeman, Siemon T. Wezeman. SIPRI Fact Sheet. Solna: Stockholm International Peace Research Institute, 2025. P. 5; 9. URL: https://www.sipri.org/sites/default/files/2025-03/fs_2503_at_2024_0.pdf (дата обращения: 02.06.2025).

⁵⁸² Nghiêm Tuan Hung. Basic aspects of security cooperation between Vietnam and Russia in the 21st century: current situation and prospects // The Russian Journal of Vietnamese Studies. 2025. Vol. 9, No. 3. P. 9.

⁵⁸³ Yaacob R. Southeast Asia's arms suppliers, by the numbers // The Interpreter. Lowy Institute. 21.01.2025. URL: <https://www.lowyinstitute.org/the-interpreter/southeast-asia-s-arms-suppliers-numbers> (дата обращения: 02.06.2025).

⁵⁸⁴ СМИ: Индонезия отказалась от покупки российских истребителей Су-35 // ТАСС. 23.12.2021. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/13280541> (дата обращения: 16.03.2023);

Эти эпизоды демонстрируют принципиальную особенность военно-технического сотрудничества России со странами АСЕАН в 2016–2024 гг. Оно служило одним из немногих каналов материального взаимодействия, но оставалось крайне уязвимым к внешнему давлению. В отличие от политико-дипломатических форматов, где участие не требует значительных финансовых транзакций и не создаёт рисков вторичных санкций, ВТС предполагает конкретные контракты, банковские расчёты и логистические цепочки, каждая из которых может быть заблокирована. Иными словами, именно там, где сотрудничество приобретало материальное содержание, оно оказывалось наиболее подвержено внешним ограничениям.

В 2020–2024 гг. сотрудничество Россия–АСЕАН в области безопасности в целом прошло через проверку двумя внешними кризисами различной природы: пандемией COVID-19 и украинским кризисом, включая начало СВО в 2022 г. Эти события затронули разные аспекты взаимодействия и по-разному повлияли на его форматы, однако в совокупности показали, что институциональный каркас способен выдерживать внешние шоки, хотя и не гарантирует практической отдачи.

Пандемия сместила акцент сотрудничества в практическую плоскость. Вопросы безопасности здравоохранения и кризисного управления, ранее находившиеся на периферии повестки, вышли на первый план. В июле 2021 г. министры иностранных дел России и стран АСЕАН провели встречу в гибридном формате, что само по себе продемонстрировало готовность поддерживать диалог даже в условиях ограничений. В итоговом заявлении особое внимание было уделено санитарным рискам, необходимости совместных действий в области общественного здравоохранения, а также доступу к вакцинам и медицинским ресурсам. В то же время в документе была подчеркнута значимость информационно-коммуникационных технологий для национальной и международной безопасности, что фактически закрепило цифровую повестку как одно из приоритетных направлений сотрудничества. Таким образом, пандемия

ускорила переход к практическим форматам взаимодействия — обмену информацией, обучению специалистов и координации профильных ведомств⁵⁸⁵.

Более серьезным испытанием для политико-дипломатических связей стала специальная военная операция на Украине. В заявлении министров иностранных дел АСЕАН от 3 марта 2022 г. акцент был сделан на необходимости деэскалации, прекращении огня и продолжении политического диалога, при этом стороны избегали обвинений в адрес конкретных участников конфликта⁵⁸⁶. Показательно, что большинство стран Юго-Восточной Азии не присоединились к антироссийским санкциям, сохранив тем самым пространство для дальнейшего взаимодействия⁵⁸⁷. Однако сама по себе неоднородность реакций государств региона продемонстрировала проблему: неспособность Ассоциации выработать единую позицию в кризисных ситуациях⁵⁸⁸. Для российско-асеановского партнёрства это означало конкретное следствие: при сохранении общих каналов коммуникации практическое сотрудничество сводилось к тем областям, где можно было обойтись без политической демонстративности и не рисковать внутренним балансом Ассоциации.

Кризисы 2020–2024 гг. выявили чёткую границу между двумя типами взаимодействия. В сферах, требующих технической и ведомственной координации: санитарная безопасность, обмен информацией по киберугрозам, обучение специалистов, договорённости сравнительно легко воплощались в жизнь. Конкретным примером служит сопредседательство России в межсессионных встречах АРФ по безопасности ИКТ в 2022–2024 гг. и проведение семинара в Москве в мае 2024 г.: эти форматы не требовали политических решений на уровне

⁵⁸⁵ Co-Chairs' Statement of the Special ASEAN-Russia Foreign Ministers' Meeting. 06.07.2021. URL: <https://asean.org/wp-content/uploads/AMS-Consolidated-Input-Draft-Co-Chairs-Statement-of-the-SARFMM-FINAL-1.pdf> (дата обращения: 27.11.2023).

⁵⁸⁶ ASEAN Foreign Ministers' Statement Calling for a Ceasefire in Ukraine. 03.03.2022. URL: <https://asean.org/wp-content/uploads/2022/03/ASEAN-Foreign-Ministers-Statement-calling-for-Ceasefire-in-Ukraine-EN.pdf> (дата обращения: 13.04.2024).

⁵⁸⁷ Мосяков Д. В. АСЕАН – Россия: «момент истины» в двусторонних отношениях // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2022. Т. 3, № 3 (56). С. 31.

⁵⁸⁸ Saha P. Understanding ASEAN's Non-Linear Approach to the Russia-Ukraine War // ORF Issue Brief. 2022. No. 596. P. 3. URL: <https://www.orfonline.org/research/understanding-asean-s-non-linear-approach-to-the-russia-ukraine-war> (дата обращения: 26.04.2024).

саммитов и не создавали рисков для внутреннего баланса АСЕАН. А в делах, затрагивающих геополитическую ситуацию, диалог оставался в рамках аккуратных, выверенных формулировок, не предполагавших конкретных обязательств.

Из этого следует вывод, что устойчивость стратегического взаимодействия Россия–АСЕАН в периоды внешней турбулентности определяется не количеством политических деклараций и не формальным статусом отношений, а качеством прикладных механизмов: процедур взаимодействия между профильными ведомствами, каналов оперативной связи, регулярности экспертных контактов. Именно эти механизмы, а не саммиты и совместные заявления, обеспечивают непрерывность диалога в условиях, когда геополитическая конъюнктура делает политическую координацию невозможной или нежелательной для одной или обеих сторон.

3.4. Гуманитарный вектор сотрудничества между Россией и АСЕАН

К 2015 г. гуманитарное измерение Россия–АСЕАН было институционально оформлено, но по масштабу и практической отдаче оставалось заметно скромнее программ ведущих внешних партнёров Ассоциации. При этом сама Россия располагала определённой инфраструктурой присутствия: сеть Россотрудничества к этому периоду охватывала семь стран региона, а в отдельных государствах (Вьетнам, Лаос) культурные и образовательные контакты имели глубокие исторические корни, восходившие к советскому периоду. Однако эта инфраструктура не была подкреплена системным финансированием и межведомственной координацией, что ограничивало её практическую отдачу⁵⁸⁹. С формальным созданием трёх сообществ АСЕАН 31 декабря 2015 г., включая социокультурное (ASCC), гуманитарная повестка приобрела дополнительный

⁵⁸⁹ Великая А. А. Гуманитарная политика России в странах Юго-Восточной Азии // Пути к миру и безопасности. 2024. № 1 (66). С. 183.

институциональный вес. Она стала одним из критериев оценки глубины взаимодействия с внешними партнёрами⁵⁹⁰. Однако для асеановского регионализма характерно несоответствие между интеграционной риторикой и практикой, что урезает воплощение в жизнь инициатив внешних партнёров в гуманитарной сфере⁵⁹¹.

По этой причине взаимодействие Россия–АСЕАН в гуманитарной области уместно изучать в качестве набора прикладных форматов прямых контактов между людьми. Такие форматы имеют свойство снижать дефицит доверия и поддерживать социальную основу партнёрства при ограниченных ресурсах⁵⁹². Результативность этих форматов определяется не столько количеством подписанных документов, сколько узнаваемостью и конкурентоспособностью российских предложений. Как было показано выше, среди молодёжи стран АСЕАН Россия чаще воспринимается как великая держава и в целом позитивный участник, однако глубокие знания о стране и конкретный опыт взаимодействия с российскими институтами остаются редкостью⁵⁹³. Именно этот разрыв между позитивным образом и отсутствием практического опыта и определяет специфическую задачу гуманитарного трека.

В 2016–2024 гг. гуманитарное направление получило более чёткое оформление в программных документах. Ключевым отличием этого периода от предшествующего десятилетия стало последовательное закрепление сфер образования, культуры, туризма, которые оставались в повестке с середины 2000-х гг., на уровне саммитов и пятилетних планов действий. Сочинская декларация 2016

⁵⁹⁰ Торкунов А. В., Стрельцов Д. В., Колдунова Е. В. «Азиатский поворот» в российской внешней политике: достижения, проблемы, перспективы // «Азиатский поворот» в российской внешней политике: достижения, проблемы, перспективы: монография / под ред. А. В. Торкунова, Д. В. Стрельцова, Е. В. Колдуновой. – М.: Аспект Пресс, 2022. С. 110; ASEAN Socio-Cultural Community Blueprint 2025. Jakarta: ASEAN Secretariat, 2016. P. 1. URL: <https://asean.org/wp-content/uploads/2016/04/8.-March-2016-ASCC-Blueprint-2025.pdf> (дата обращения: 26.10.2025).

⁵⁹¹ Jetschke A., Ruland J. Decoupling rhetoric and practice: The cultural limits of ASEAN cooperation // *The Pacific Review*. 2009. Vol. 22, No. 2. P. 180.

⁵⁹² Indrawan J. ASEAN Socio-Cultural Community (ASCC) in conflict prevention: The role of Civil Society Organizations (CSOs) // *Journal of ASEAN Studies*. 2016. Vol. 4, No. 2. P. 142.

⁵⁹³ Bukh A. Russia's Image and Soft Power Resources in Southeast Asia: Perceptions among Young Elites in Laos, Thailand and Vietnam // *Contemporary Southeast Asia*. 2016. Vol. 38, No. 3. P. 445.

г. впервые рассмотрела гуманитарные контакты как равноправную составляющую многомерного партнёрства наряду с политикой и экономикой. Она выделила два практических инструмента: перекрёстный Год культуры и использование потенциала Центра АСЕАН при МГИМО⁵⁹⁴. Комплексный план действий 2016–2020 гг. преобразовал эти приоритеты в набор конкретных механизмов: культурные обмены и языковые программы, развитие туризма, использование ИКТ для дистанционного образования и телемедицины⁵⁹⁵. Повышение уровня отношений до стратегического партнёрства в 2018 г. сопровождалось созданием образовательной рабочей группы и расширением стипендиальных программ⁵⁹⁶. План 2021–2025 гг. добавил к этому набору инструменты готовности к пандемии и закрепление дистанционных форматов взаимодействия⁵⁹⁷. На саммите 2021 г. в гуманитарной повестке был сделан особый акцент на развитии контактов и мобильности, в том числе на укреплении взаимосвязей между народами⁵⁹⁸.

Однако необходимо зафиксировать принципиальное ограничение всей этой программной конструкции. Каждый из перечисленных документов задавал направления и механизмы, но ни один не фиксировал измеримых показателей результативности, конкретных бюджетов или механизмов подотчётности. Реализация гуманитарных инициатив оставалась зависимой от проектного финансирования, активности отдельных ведомств и институтов-организаторов,

⁵⁹⁴ Сочинская декларация юбилейного саммита Россия–АСЕАН «На пути к взаимовыгодному стратегическому партнерству». Сочи, 19–20 мая 2016 г. URL: <https://asean.mgimo.ru/images/partn/2016-sochi-declaration.pdf> (дата обращения: 27.11.2023).

⁵⁹⁵ Комплексный план действий по развитию сотрудничества Российской Федерации и Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (2016–2020 гг.). Сочи, 19–20 мая 2016 г. URL: <https://asean.mgimo.ru/images/partn/2016-2020-action-plan.pdf> (дата обращения: 27.11.2023).

⁵⁹⁶ Joint Statement of the 3rd ASEAN–Russian Federation Summit on Strategic Partnership. Singapore, 14 November 2018. URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/d38bfabf57988d029de89931efc52bd1/Declaration3_2018.pdf (дата обращения: 27.11.2023).

⁵⁹⁷ Комплексный план действий по реализации стратегического партнёрства между Российской Федерацией и Ассоциацией государств Юго-Восточной Азии (2021–2025 годы) // Официальный сайт Президента России. 28 октября 2021 г. URL: <http://kremlin.ru/supplement/5726> (дата обращения: 27.11.2023).

⁵⁹⁸ Совместное заявление 4-го саммита Россия–АСЕАН: построение мирного, стабильного и устойчивого региона. 28 октября 2021 г. URL: <https://asean.mid.ru/upload/iblock/a9c/34ywehcloxs9hp7bgcd7l64g3erd3al.pdf> (дата обращения: 27.11.2023).

прежде всего Центра АСЕАН при МГИМО, а не от системного межведомственного механизма координации ⁵⁹⁹. Иными словами, институциональная рамка гуманитарного сотрудничества расширялась, но её практическое наполнение по-прежнему определялось не программными документами, а инициативой снизу.

Таблица 16 (продолжение табл. 9). Инструменты гуманитарного сотрудничества Россия–АСЕАН (2016–2024)

Документ / институт / формат	Год	Сфера	Значение для гуманитарного сотрудничества
Сочинская декларация юбилейного саммита Россия–АСЕАН	2016	Общая основа гуманитарного сотрудничества на высшем уровне	Политически закрепляет гуманитарное измерение (культура, контакты между людьми) как постоянный элемент партнёрства; поддерживает проведение Года культуры и ориентирует на использование потенциала Центра АСЕАН при МГИМО.
Совместное заявление о проведении в 2016 году Года культуры Россия–АСЕАН	2016	Культурные обмены	Оформляет перекрёстный Год культуры как отдельный управляемый формат с программой мероприятий и межведомственными консультациями.
Комплексный план действий по развитию сотрудничества Россия–АСЕАН	2016–2020	Социально-культурная повестка (культура, образование, туризм, цифровые форматы)	Программирует гуманитарные направления через консультации, обмены и мероприятия по развитию человеческого потенциала; закрепляет использование дистанционных форматов в образовании и телемедицине как инструментов гуманитарного взаимодействия.
Совместное заявление 3-го саммита Россия–АСЕАН о стратегическом партнёрстве	2018	Контакты между людьми, образование, контакты между экспертами	Подтверждает приоритет прямых контактов (в т.ч. молодёжных обменов); фиксирует создание рабочей группы по образованию и использование экспертно-аналитических связей для содержательного наполнения диалога.
Комплексный план действий по реализации стратегического	2021–2025	Образование, культура, молодёжные обмены, контакты между	Расширяет и конкретизирует гуманитарный трек: закрепляет образовательные и академические обмены, стипендиальные

⁵⁹⁹ ASEAN Secretariat. Overview ASEAN–Russia Dialogue Relations. ASEAN Secretariat Information Paper. Jakarta: ASEAN Secretariat, 2024. P. 2. URL: <https://asean.org/wp-content/uploads/2024/09/Overview-ASEAN-Russia-Dialogue-Relations-as-of-Sep-2024.pdf> (дата обращения: 09.11.2025).

партнёрства между Российской Федерацией и Ассоциацией государств Юго-Восточной Азии		людьми, здравоохранение	программы, молодёжные форматы и поддержку Центра АСЕАН при МГИМО; включает сотрудничество в сфере здравоохранения и пандемической готовности.
Совместное заявление 4-го саммита Россия–АСЕАН: построение мирного, стабильного и устойчивого региона	2021	Взаимосвязанность, контакты между людьми и мобильность	Политически закрепляет развитие взаимосвязанности между народами России и АСЕАН, включая повышение мобильности населения, и связывает гуманитарные контакты с более широкой повесткой региональной взаимосвязанности.

Примечание: институциональные опоры, созданные ранее (Центр АСЕАН при МГИМО (2009); Соглашение о сотрудничестве в области культуры (2010)), сохраняли значение и в период 2016–2024 гг. (см. табл. 9).

Источник: составлено автором по документам, перечисленным в табл. 16 (Сочинская декларация (2016); Совместное заявление о Года культуры (2016); Комплексный план действий 2016–2020; Совместное заявление 3-го саммита (2018); Комплексный план действий 2021–2025; Совместное заявление 4-го саммита (2021); Overview ASEAN–Russia Dialogue Relations (2024)).

В 2016–2024 годах образование и наука стали одним из наиболее системных направлений гуманитарного сотрудничества России со странами АСЕАН. В отличие от разовых информационных или культурных акций, эта сфера опирается на регулярно действующие механизмы: академическую мобильность, государственные стипендии, межвузовские программы и научные обмены, что позволяет оценивать динамику взаимодействия через конкретные показатели. Долгое время эта сфера недооценивалась, хотя именно образовательные связи способны поддерживать долгосрочное присутствие и делать внешнюю политику более устойчивой к политической конъюнктуре⁶⁰⁰.

Однако для эффективного использования образовательных обменов как инструмента мягкой силы необходимы четкие приоритеты и встроенная система оценки результатов. А. В. Долинский указывает, что без этого ресурсы расходуются впустую, не принося реальной политической отдачи⁶⁰¹. В практическом плане эффективность должна определяться не количеством проведенных мероприятий, а

⁶⁰⁰ Байков А. А., Колдунова Е. В. Академическая дипломатия в отношениях России и Тихоокеанской Азии // Вестник МГИМО-Университета. 2021. Т. 14, № 5. С. 7.

⁶⁰¹ Долинский А. В. Образовательные обмены в публичной дипломатии: российский и зарубежный опыт // Вестник МГИМО-Университета. 2014. № 2 (35). С. 56.

качеством работы с абитуриентами и выпускниками: прозрачностью отбора, уровнем поддержки студентов во время учебы и системной работой по поддержанию контактов с выпускниками⁶⁰².

Один из наглядных способов количественной оценки образовательных связей предложил А. С. Донцов. Он рассчитал «показатель академической мобильности» — число студентов из каждой страны АСЕАН, обучающихся в России, в пересчете на миллион жителей их родины⁶⁰³. Данные за 2020–2024 годы выявили резкую асимметрию, которую невозможно объяснить ни географической близостью, ни текущим уровнем торгово-экономических связей. Безусловными лидерами стали Лаос и Вьетнам, а для Филиппин, Индонезии, Таиланда, Сингапура и Брунея этот показатель остаётся чрезвычайно низким. Этот разрыв демонстрирует серьезный пробел в российской работе в сфере образовательной дипломатии: образовательное присутствие Москвы в регионе зиждется на исторически сформированных двусторонних связях с отдельными странами, а не выстроено как системная работа со всей Ассоциацией⁶⁰⁴.

Контраст между Лаосом и Филиппинами наглядно демонстрирует эту закономерность. В случае Лаоса образовательные связи уходят корнями в советский период. По данным С. М. Юн и В. Пхонкео, в вузах СССР прошли обучение порядка 7 тыс. лаосцев, многие из которых в настоящее время занимают важнейшие позиции в системе государственного управления. Эта историческая связь создала устойчивый запрос на российское образование, который пережил 1990-е гг. и 2000-е гг., несмотря на общее свёртывание российского присутствия в регионе. С 2010-х гг., по мере активизации двусторонних отношений, квота для лаосских студентов неуклонно росла, достигнув 93 мест в 2022 г.⁶⁰⁵ Аналогичная логика применима и к студентам из Вьетнама, количество которых с 1951 г. до

⁶⁰² Там же.

⁶⁰³ Донцов А. С. Образование как инструмент мягкой силы России в странах АСЕАН // *Международные отношения*. 2025. № 1. С. 137.

⁶⁰⁴ Там же. С. 151–152.

⁶⁰⁵ Юн С. М., Пхонкео В. Сотрудничество России и Лаоса в сфере образования // *Вестник Томского государственного университета. История*. 2022. № 79. С. 197.

распада СССР достигало порядка 30 тыс. Более того, за первые 15 лет после развала Союза ещё около 20 тыс. граждан Вьетнама получили образование в российских вузах⁶⁰⁶. А по состоянию на 2024 год свыше 3 тыс. вьетнамцев обучались в России, включая 2,3 тыс. – по квоте правительства РФ. Кроме того, во Вьетнаме сформировалась развитая школа русистики, в рамках которой работают более 250 преподавателей⁶⁰⁷. По данным вьетнамского посла в Москве Данг Минь Кхоя, помимо студентов, обучающихся по правительственной квоте, от 7 до 11 тыс. вьетнамцев получают образование в России за собственный счёт⁶⁰⁸. В обоих случаях советское наследие работает как долгосрочный ресурс: выпускники, занявшие руководящие посты, формируют устойчивый спрос на российское образование для следующих поколений.

Противоположная ситуация сложилась в образовательной сфере российско-филиппинских отношений по причине отсутствия таких глубоких исторических связей. Число филиппинских студентов в России невелико и, по данным Д. С. Панариной, даже не поддается точному статистическому учету. Это показывает, что само по себе наличие квот (в 2023 году их число было увеличено до 30 тысяч для всех иностранцев) не гарантирует притока студентов⁶⁰⁹. Без целенаправленной информационной работы и программ продвижения на местах предложение со стороны России остается невостребованным⁶¹⁰.

Попытка придать научно-техническому сотрудничеству новый импульс была предпринята на институциональном уровне. В феврале 2023 года впервые за 26 лет прошла встреча министров России и АСЕАН по науке, технологиям и инновациям. Она подвела итоги Года научно-технического сотрудничества (в рамках которого

⁶⁰⁶ Соколов А. А. Российско-вьетнамское сотрудничество в области образования // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2014. № 25. С. 66. URL: <https://sea.ivran.ru/f/22842288.pdf> (дата обращения: 05.08.2024).

⁶⁰⁷ Чернышенко назвал число вьетнамских студентов, учащихся в российских вузах // РИА Новости. 18.04.2024. URL: <https://ria.ru/20240418/chernyshenko-1940759955.html?ysclid=mt2wrixpmh213876770> (дата обращения: 05.08.2024).

⁶⁰⁸ Там же.

⁶⁰⁹ Панарина Д. С. Филиппинские студенты в России // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2023. Т. 3, № 2 (59). С. 164; 168.

⁶¹⁰ Там же. С. 165.

реализовали 52 инициативы) и заложила основу для совместного Плана действий до 2025 года⁶¹¹.

Тем не менее развитие образовательного направления сдерживают не только внешние, но и внутренние организационные проблемы. А. С. Косякина обращает внимание на размытость функций между ведомствами: МИДом, Минобрнауки и Россотрудничеством, что создает путаницу и бюрократические барьеры для абитуриентов⁶¹². Упрощение процедур отбора и сопровождения становится необходимым условием для повышения конкурентоспособности российских образовательных программ⁶¹³.

С 2022 года к этим проблемам добавились и новые внешние ограничения. Санкции спровоцировали заморозку сотрудничества с западными университетами и ограничение доступа к образовательным платформам и возможности публиковать научные работы⁶¹⁴. Для российского академического сообщества это означало сужение пространства международного взаимодействия и потерю части конкурентных преимуществ, связанных с совместными программами и двойными дипломами. Однако для образовательной дипломатии России в АСЕАН последствия оказались менее разрушительными, чем можно было ожидать. Направления сотрудничества со странами ЮВА исторически не были завязаны на западные институциональные цепочки: российские вузы работали с вьетнамскими, лаосскими и камбоджийскими партнёрами напрямую, без посредничества западных платформ. Именно поэтому образовательная дипломатия, будучи «долгой» инфраструктурой контактов, формирующейся десятилетиями и

⁶¹¹ На встрече министров России – АСЕАН по науке, технологиям и инновациям договорились укреплять стратегическое партнёрство // Министерство науки и высшего образования Российской Федерации. 14.02.2023. URL: <https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/mezhdunarodnoe-sotrudnichestvo/64216/> (дата обращения: 27.01.2025).

⁶¹² Косякина А. С. Российский подход к концепции «мягкой силы» // Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН. 2022. № 2. С. 63; 68.

⁶¹³ Там же. С. 68.

⁶¹⁴ Исяняев Р. М. Влияние санкций на российское образование // Экономика и социум. 2024. № 2-2. С. 476.

опирающейся на сообщества выпускников, оказалась более устойчивой к политической турбулентности, чем другие каналы взаимодействия⁶¹⁵.

В 2016–2024 гг. культурные обмены и публичная дипломатия выполняли в отношениях России и АСЕАН функцию, которую политическое и военно-политическое сотрудничество обеспечить не могли. Они поддерживали узнаваемость России и межобщественные контакты в периоды, когда официальное взаимодействие сужалось или становилось политически чувствительным. Ключом к налаживанию контактов в этой сфере стало Соглашение о сотрудничестве в области культуры 2010 г. Данный документ включил в понятие обменов объемный пласт областей сотрудничества: музыка, театр, музейное дело, кинематограф. Тем самым, стимулировалось сотрудничество как государственных органов, так и отдельных структур: университетов, архивов, творческих союзов⁶¹⁶. Кроме того, соглашение не ограничивалось межгосударственным уровнем, а прямо предусматривало участие негосударственных акторов, что создавало основу для горизонтальных контактов.

Важным этапом в развитии этой сферы стал объявленный в 2016 году Год культуры Россия–АСЕАН. Он стал логичным продолжением соглашения 2010 года и продемонстрировал, что культурное сотрудничество может быть не разовым, а системным: с утвержденной программой, поиском финансирования и возможностью корректировок⁶¹⁷. Такой подход делает его более устойчивым к изменению внешних условий по сравнению с отдельными акциями. Закрепление этих форматов в документах стратегического партнёрства отражено в табл. 16.

Однако эффективность публичной дипломатии упирается в проблему восприятия. Исследования показывают, что у молодежи в странах Юго-Восточной

⁶¹⁵ Долинский А. В. Образовательные обмены в публичной дипломатии: российский и зарубежный опыт // Вестник МГИМО-Университета. 2014. № 2 (35). С. 59.

⁶¹⁶ Agreement on Cultural Cooperation between the Governments of the Member States of the Association of Southeast Asian Nations and the Government of the Russian Federation. На Noi, 20.10.2010. URL: <https://cil.nus.edu.sg/wp-content/uploads/2019/02/2010-Agreement-on-Cultural-Coop-between-the-Governments-of-ASEAN-and-the-Government-of-Russia-1.pdf> (дата обращения: 27.11.2023).

⁶¹⁷ Совместное заявление о проведении в 2016 году Года культуры Россия–АСЕАН. 2016. URL: <https://asean.mgimo.ru/images/partn/2016-culture-year.pdf> (дата обращения: 27.11.2023).

Азии есть позитивный, но абстрактный образ России как великой державы. При этом прямой контакт с российскими гуманитарными инициативами у них минимален, а знания о стране часто отрывочны⁶¹⁸. Это создает разрыв, который повышает значимость адресных информационных кампаний и специализированных медиа.

Примером такой работы может служить опыт в Индонезии, где долгое время фиксировалась устойчиво высокая доля негативных оценок России. Одним из инструментов исправления этого образа стал проект *Russia Beyond* (RBTH Indonesia), который через веб-сайт и соцсети на местном языке занимается не только новостями, но и просветительской работой, разъясняя историю, культуру и современную жизнь России⁶¹⁹.

Успех таких проектов напрямую зависит от их системности и регулярности. После уменьшения российского присутствия в ЮВА в 1990–2000-е гг. Москва с начала 2020-х гг. вновь наращивает усилия в сфере мягкой силы, ориентируясь прежде всего на молодёжь. Эта активизация происходит в условиях, когда Россия не обладает сопоставимыми с ведущими внешними партнёрами АСЕАН ресурсами для системной работы на всём пространстве региона. Как было отмечено выше, Россотрудничество представлено лишь в семи странах региона, а культурные центры и образовательные программы сосредоточены преимущественно на исторически выработанных направлениях: Вьетнаме, Лаосе, Камбодже. В этих условиях точечные проекты, ориентированные на конкретную аудиторию и конкретную страну, оказываются более эффективными, чем попытки выстроить универсальную программу для всей Ассоциации.

Можно заметить, что государства АСЕАН сами активно используют инструменты публичной дипломатии: «Фестиваль Индонезии» в России, например, служит не только культурным мероприятием, но и инструментом продвижения

⁶¹⁸ Bukh A. Russia's Image and Soft Power Resources in Southeast Asia: Perceptions among Young Elites in Laos, Thailand and Vietnam // *Contemporary Southeast Asia*. 2016. Vol. 38, No. 3. P. 445; 459.

⁶¹⁹ Purnama Ch., Khoirunnisa S., Dewi A. U., Yulianti D. Russia Beyond Indonesia: Image Transforming Effort Through Public Diplomacy // *Global Strategis*. 2020. Vol. 14, No. 1. P. 109.

экономических интересов Джакарты⁶²⁰. Это означает, что гуманитарное пространство региона является полем многосторонней конкуренции, в котором России необходимо не просто присутствовать, а предлагать форматы, соответствующие запросам конкретной аудитории⁶²¹. При этом эффективность этой работы определяется способностью превращать такие разовые проекты в долгосрочные программы. Только системная работа по поддержанию контактов после завершения фестиваля, саммита или образовательной программы сможет обеспечить долгосрочное влияние.

Туризм и краткосрочная мобильность выступают наиболее наглядным показателем плотности гуманитарных контактов на практике. В отличие от долгосрочных образовательных программ или институциональных обменов, туризм быстрее реагирует на внешние ограничения и изменение транспортно-платёжной среды, что делает его чувствительным барометром состояния гуманитарных связей. До пандемии в страны ЮВА суммарно приезжало 143,7 млн посетителей в 2019 г., что свидетельствует о серьёзном глобальном спросе на поездки в регион⁶²². Но пандемия обрушила эту мобильность с силой, которую трудно переоценить: общее число прибытий рухнуло до 26,2 млн в 2020 г. и до 3,0 млн в 2021 г. – падение почти в 50 раз за два года⁶²³. В то же время значительно снизился показатель внутрорегиональных поездок (англ. intra-ASEAN travel): с 52,9 млн в 2019 г. до 1,8 млн в 2021 г.⁶²⁴ Для гуманитарного аспекта это представляло собой не просто временное сокращение потоков, а разрушение традиционных межличностных связей и вынужденный переход к дистанционным способам коммуникации. Восстановление мобильности в 2022–2024 гг. происходило неравномерно: совокупный поток в 2024 г. достиг 127,2 млн, но не вернулся к

⁶²⁰ Ismail A., Mulyaman D., Sarudin R. Uncovering the Impact of Festival Indonesia on Russia Towards Indonesia // *Jurnal Ilmu Hubungan Internasional*. 2022. Vol. 18, No. 2. P. 99.

⁶²¹ Великая А. А. Гуманитарная политика России в странах Юго-Восточной Азии // *Пути к миру и безопасности*. 2024. № 1 (66). С. 182.

⁶²² ASEAN Key Figures 2025. Vol. 8. Jakarta: ASEAN Secretariat, December 2025. P. 58. URL: https://www.aseanstats.org/wp-content/uploads/2026/01/akf_2025_120126.pdf (дата обращения: 04.01.2026).

⁶²³ Там же.

⁶²⁴ Там же. С. 59.

докризисному уровню, а его темпы предопределялись транспортной доступностью и были уязвимы перед лицом искусственных ограничений⁶²⁵.

Начало специальной военной операции в 2022 г. добавило к постпандемийному восстановлению дополнительные барьеры в сфере туризма и краткосрочных поездок. Как отмечает А. С. Королёв, из-за падения курса рубля и удорожания авиаперевозок под ударом оказалась туристическая отрасль стран ЮВА⁶²⁶. В Таиланде, где российский поток традиционно был значимым, Торговая палата прогнозировала, что турпоток из России может сократиться вдвое. В отношении Индонезии автор также обращает внимание на то, что для Бали путешественники из России стали устойчивой частью спроса — например, в 2020 году на острове побывало 68 тысяч граждан РФ⁶²⁷. Эти примеры показательны для понимания гуманитарных последствий, поскольку демонстрируют: ухудшение транспортной и финансовой доступности способно снижать интенсивность личных контактов даже при формальном сохранении культурных или образовательных программ.

Снижение физической мобильности было отчасти компенсировано развитием цифровых форматов контактов. Согласно данным ASEAN Key Figures 2022, даже после спада пандемии сохранилась высокая вовлеченность в удаленную работу, видеоконференции и онлайн-обучение⁶²⁸. Сложившаяся цифровая инфраструктура создала условия для проведения образовательных и культурных мероприятий, а также для поддержания профессиональных контактов в онлайн-режиме. Взаимодействие в цифровой сфере, в частности в области кибербезопасности, по мнению Е. А. Канаева, может приобретать особое значение

⁶²⁵ Там же. С. 58.

⁶²⁶ Королёв А. С. Новый «поворот» или пробуксовка: влияние украинского кризиса на отношения России и АСЕАН // Российский совет по международным делам (РСМД). 17.03.2022. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/novyuy-povorot-ili-probuksovka-vliyanie-ukrainskogo-krizisa-na-otnosheniya-rossii-i-20-ASEAN/> (дата обращения: 04.03.2024).

⁶²⁷ Там же.

⁶²⁸ ASEAN Key Figures 2022. Vol. 5. Jakarta: ASEAN Secretariat, December 2022. P. 57. URL: https://www.aseanstats.org/wp-content/uploads/2023/04/AKF_2022_423.pdf (дата обращения: 28.11.2025).

в условиях сокращения внешнеполитических возможностей⁶²⁹. Конкретным проявлением этой функции стало получение Россией в феврале 2024 г. статуса партнёра АСЕАН в цифровой сфере, создавшее формальную основу для расширения технологического взаимодействия⁶³⁰. Однако масштаб практического взаимодействия в цифровой сфере оставался ограниченным, а развитие оставалось фрагментарным⁶³¹. В целом цифровые каналы не просто повторяют живое взаимодействие, а создают дополнительный слой коммуникации, менее зависимый от транспортных и визовых ограничений.

Подводя итог анализу гуманитарного сотрудничества Россия–АСЕАН в 2016–2024 гг., необходимо зафиксировать общую закономерность, проявившуюся в трёх его направлениях: образовательном, культурном и туристическом. Каждое из них в отдельности обладало собственной институциональной основой и специфическими инструментами, однако все три объединяла одна структурная уязвимость: зависимость от внешних условий, которые не контролировались ни Россией, ни странами АСЕАН. Образовательные обмены сдерживались межведомственной несогласованностью и языковыми барьерами. Культурная дипломатия сталкивалась с фрагментарностью восприятия России и конкуренцией со стороны других глобальных акторов. Туризм предстал крайне чувствительным к транспортным и финансовым ограничениям. Пандемия и санкции 2022 г. не создали эти уязвимости, но обнажили их с беспрецедентной наглядностью.

Из этого следует вывод, определяющий перспективы гуманитарного трека на среднесрочную перспективу. Гуманитарное сотрудничество Россия–АСЕАН не может рассматриваться как автономная сфера, развивающаяся по собственной логике. Его устойчивость определяется способностью диверсифицировать инструменты взаимодействия, снижать зависимость от единого канала (будь то

⁶²⁹ Kanaev E. A. ASEAN-Russia Cooperation: The Digital Dimension // *Yugo-Vostochnaya Aziya: aktual'nyye problemy razvitiya*. 2022. Т. 3, № 3 (56). Р. 19.

⁶³⁰ Великая А. А. Гуманитарная политика России в странах Юго-Восточной Азии // *Пути к миру и безопасности*. 2024. № 1 (66). С. 188.

⁶³¹ Донцов А. С. Цифровые логистические инициативы в сотрудничестве России и АСЕАН в условиях геоэкономических трансформаций (2020–2024 гг.) // *Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития*. 2025. Том 3. № 3 (68). С. 16.

физическая мобильность или государственное финансирование) и опираться на множественные форматы: от образовательных квот и культурных фестивалей до цифровых платформ и экспертных сетей. Именно эта множественность, а не масштаб отдельных проектов, определяет долгосрочную устойчивость гуманитарных связей в условиях внешней турбулентности.

Заключение

Комплексное исследование отношений России и АСЕАН 1994–2024 гг. позволило проанализировать эволюцию сотрудничества на протяжении тридцатилетнего периода. На основе официальных документов, статистических данных и научной литературы на русском, английском и китайском языках прослежено становление и развитие взаимодействия в четырёх аспектах: политическом, экономическом, гуманитарном и в области безопасности. Исследование выявило устойчивые механизмы диалога и системные ограничения, определяющие истинную глубину стратегического партнёрства.

Налаживание связей Россия–АСЕАН осуществлялось в период постбиполярной трансформации международной системы и в контексте постепенного изменения внешнеполитического курса Москвы. В 1990-е гг. отношения выстраивались в основном на политико-дипломатическом треке и имели оттенок символического характера в связи с конкуренцией с ключевыми внешними партнёрами Ассоциации. Со временем формировалась и практическая часть взаимодействия вместе с постепенным присоединением России к асеаноцентричным форматам. Ключевым итогом этого периода стало создание институционального каркаса: нормативно-правовой базы, многоуровневой системы консультаций и программных документов, которые обеспечили регулярность контактов даже в условиях ограниченности ресурсов.

Анализ четырёх направлений сотрудничества позволил зафиксировать закономерность, проявившуюся в каждом из них и определяющую характер партнёрства в целом. Институциональная архитектура сотрудничества Россия–АСЕАН на всём протяжении рассматриваемого периода опережала его материальное наполнение. В политической сфере это выразилось в том, что участие России в асеаноцентричных площадках, присоединение к Договору о дружбе и сотрудничестве и последовательное наращивание нормативной базы обеспечили устойчивый канал многосторонней коммуникации, но не конвертировались в

сопоставимое влияние на формирование региональной повестки. В экономической сфере разрыв между программными установками и практической реализацией проявился наиболее отчётливо: динамика взаимной торговли носила волнообразный характер, доля России в совокупном товарообороте АСЕАН не превышала одного процента, а товарная структура оставалась преимущественно сырьевой. Пандемия 2020 г. и санкционное давление после 2022 г. не создали эти ограничения, но убедительно обнажили их. В сфере безопасности асеаноцентричные форматы обеспечивали регулярный диалог, однако консенсусная природа механизмов и конкуренция с внешними акторами ограничивали перевод консультаций в практическую кооперацию. В гуманитарной сфере образовательные и культурные обмены поддерживали социальные каналы взаимодействия, но их масштаб и географический охват оставались несопоставимыми с политическими декларациями.

Вместе с тем было бы неверно трактовать этот разрыв исключительно как свидетельство неэффективности. Институциональный каркас, созданный в 1994–2015 гг. и развитый в 2016–2024 гг., выполнил свою главную функцию: он обеспечил непрерывность присутствия России в региональной архитектуре в условиях, когда экономические и военные ресурсы были ограничены, а геополитическая конъюнктура неоднократно менялась. Именно благодаря этому каркасу стратегическое партнёрство выдержало испытания пандемией и санкционным давлением 2022–2024 гг., не разрушившись окончательно. АСЕАН выступала для Москвы устойчивым каналом поддержания присутствия в АТР и развития азиатского направления внешней политики, тогда как для государств Ассоциации взаимодействие с Россией сохраняло значение как один из элементов диверсификации внешних связей на основе принципов стратегической автономии и неприсоединения. К 2024 г. сотрудничество прошло путь от институционального присоединения к асеаноцентричной архитектуре до оформления стратегического партнёрства, способного функционировать в условиях внешней турбулентности.

Динамика сотрудничества на всём протяжении рассматриваемого периода существенно зависела от внешней среды: изменений международного порядка,

развития региональных интеграционных процессов, усиления конкуренции крупных держав в АТР, а также ухудшения отношений России с западными государствами. После 2022 г. значение асеаноцентричных площадок для России дополнительно возросло как одного из немногих многосторонних каналов политического диалога с незападными партнёрами. Реакция большинства стран АСЕАН на украинский кризис подтвердила прагматичную линию Ассоциации и устойчивость институциональных связей, ведь за исключением Сингапура ни одно государство не присоединилось к антироссийским санкциям. Вместе с тем именно санкции и угроза вторичных ограничений продемонстрировали, что там, где сотрудничество приобретает материальное содержание в форме контрактов, расчётов и логистики, оно оказывается наиболее уязвимым к внешнему давлению.

На основе проведённого исследования можно сделать вывод, который имеет принципиальное значение для определения перспектив партнёрства. Дальнейшее развитие сотрудничества России и АСЕАН связано не с расширением декларативной повестки и не с подписанием новых рамочных документов, а с практическим наполнением уже созданной институциональной архитектуры. Конкретными направлениями, где для этого существует и институциональная основа, и практический запрос, являются: укрепление транспортно-логистической связанности, налаживание взаиморасчётов в национальных валютах, реализация совместных энергетических и технологических проектов, а также поддержание образовательных, культурных и иных гуманитарных контактов как наиболее устойчивых каналов взаимодействия, менее подверженных политической конъюнктуре. Без решения этих практических задач стратегическое партнёрство рискует сохраниться в качестве преимущественно дипломатического формата, не подкреплённого сопоставимым материальным содержанием.

Список источников и литературы

Источники

1. Нормативно-правовые источники

1.1. На русском языке

1. Концепции внешней политики РФ, 1993–2023 гг. / сост. Д. В. Кузнецов. Б. м.: Б. изд., 2023. 122 с. URL: <https://clck.ru/3CT6Hn> (дата обращения: 27.11.2023).
2. Концепция внешней политики Российской Федерации от 23 апреля 1993 г. // Концепции внешней политики РФ, 1993–2023 гг. / сост. Д. В. Кузнецов. Б. м.: Б. изд., 2023. С. 5–32. URL: <https://clck.ru/3CT6Hn> (дата обращения: 27.11.2023).
3. Концепция внешней политики Российской Федерации от 28 июня 2000 г. // Концепции внешней политики РФ, 1993–2023 гг. / сост. Д. В. Кузнецов. Б. м.: Б. изд., 2023. С. 32–42. URL: <https://clck.ru/3CT6Hn> (дата обращения: 27.11.2023).
4. Концепция внешней политики Российской Федерации. 12 июля 2008 г., № Пр-1440 // Официальный сайт Президента России. URL: <http://kremlin.ru/acts/news/785> (дата обращения: 27.11.2023).
5. Соглашение между Правительством Российской Федерации и правительствами государств-членов Ассоциации государств Юго-Восточной Азии о сотрудничестве в области экономики и развития. Куала-Лумпур, 10 декабря 2005 г. URL: https://asean.mgimo.ru/images/partn/Economic-Agreement_2005_ru.doc (дата обращения: 27.11.2023).
6. Соглашение Россия–АСЕАН о сотрудничестве в области культуры. 2010. URL: https://asean.mgimo.ru/images/partn/Culture-Agreement_2010_ru.doc (дата обращения: 27.11.2023).
7. Торговое соглашение между Союзом Советских Социалистических Республик и Республикой Сингапур от 2 апреля 1966 г. URL: <https://singapore.mid.ru/upload/iblock/97b/97b17c7bd393a01c149cfb9c94ab96e4.pdf> (дата обращения: 24.09.2024).

8. Указ Президента Российской Федерации от 30 ноября 2016 г. № 640 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации» // Официальный сайт Президента России. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41451> (дата обращения: 27.11.2023).

9. Указ Президента Российской Федерации от 31 марта 2023 г. № 229 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации» // Официальный сайт Президента России. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/49090> (дата обращения: 27.11.2023).

1.2. На английском языке

10. Agreement on Cultural Cooperation between the Governments of the Member States of the Association of Southeast Asian Nations and the Government of the Russian Federation. Ha Noi, 20.10.2010. URL: <https://cil.nus.edu.sg/wp-content/uploads/2019/02/2010-Agreement-on-Cultural-Coop-between-the-Governments-of-ASEAN-and-the-Government-of-Russia-1.pdf> (дата обращения: 27.11.2023).

11. ASEAN Community Vision 2025. Kuala Lumpur Declaration on ASEAN 2025. Kuala Lumpur, 22.11.2015. URL: <https://www.asean.org/wp-content/uploads/images/2015/November/aec-page/ASEAN-Community-Vision-2025.pdf> (дата обращения: 28.03.2026).

12. ASEAN Economic Community Blueprint 2025. Jakarta: ASEAN Secretariat, 2015. 43 p. URL: <https://afcwp.asean.org/wp-content/uploads/2020/09/ANNEX-6-AEC-Blueprint-2025.pdf> (дата обращения: 28.03.2026).

13. ASEAN Outlook on the Indo-Pacific. ASEAN, 2019. URL: https://asean.org/wp-content/uploads/2021/01/ASEAN-Outlook-on-the-Indo-Pacific_FINAL_22062019.pdf (дата обращения: 28.11.2023).

14. ASEAN Political-Security Community Blueprint 2025. Jakarta: ASEAN Secretariat, 2016. 41 p. URL: <https://www.asean.org/wp-content/uploads/2012/05/ASEAN-APSC-Blueprint-2025.pdf> (дата обращения: 28.03.2026).

15. ASEAN Socio-Cultural Community Blueprint 2025. Jakarta: ASEAN Secretariat, 2016. 34 p. URL: <https://asean.org/wp-content/uploads/2016/04/8.-March-2016-ASCC-Blueprint-2025.pdf> (дата обращения: 26.10.2025).
16. Executive Order No. 384. Promulgating Policy Guidelines and Trade with Socialist and Communist Countries. 11 March 1972. URL: <https://chanrobles.com/executiveorders/1972/executiveorderno384-1972.html> (дата обращения: 28.03.2026).
17. Free Trade Agreement between the Eurasian Economic Union and its Member States, of the one part, and the Socialist Republic of Viet Nam, of the other part. Buryat, 29.05.2015. URL: https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/272/EAEU_VN_FTA.pdf (дата обращения: 28.11.2023).
18. Free Trade Agreement between the Eurasian Economic Union and its Member States, of the one part, and the Republic of Singapore, of the other part. Yerevan, 01.10.2019. URL: https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/4d0/EAEU_Singapore-FTA_Main-Agreement.pdf (дата обращения: 28.11.2023).
19. Implementation Plan of the Joint Vision Statement on ASEAN-Japan Friendship and Cooperation. Tokyo, 17.12.2023. URL: <https://asean.org/wp-content/uploads/2023/12/Final-Implementation-Plan-of-the-ASEAN-Japan-Joint-Vision-Statement.pdf> (дата обращения: 11.04.2026).
20. Regional Comprehensive Economic Partnership Agreement. 2020. URL: <https://asean.org/wp-content/uploads/2024/10/Regional-Comprehensive-Economic-Partnership-RCEP-Agreement-Full-Text.pdf> (дата обращения: 11.04.2026).
21. Treaty of Amity and Cooperation in Southeast Asia. Denpasar, Bali, 24 February 1976. URL: <https://asean.org/wp-content/uploads/2025/02/12.-Treaty-of-Amity-and-Cooperation-in-Southeast-Asia.pdf> (дата обращения: 19.10.2024).
22. Work Plan of the ASEAN Plan of Action to Prevent and Counter the Rise of Radicalisation and Violent Extremism (2019–2025). 2019. 34 p. URL: https://asean.org/wp-content/uploads/2012/05/Bali-PCRVE-Work-Plan-2019-2025_asof11Dec2019.pdf (дата обращения: 27.11.2023).

23. ASEAN Charter. Singapore, 20.11.2007. URL: <https://hrlibrary.umn.edu/research/Philippines/ASEAN%20Charter.pdf> (дата обращения: 28.03.2026).

24. ASEAN-Japan Plan of Action 2011-2015. Bali, Indonesia, 18.11.2011. URL: <https://asean.org/wp-content/uploads/2021/09/JP-PoA.pdf> (дата обращения: 11.04.2026).

2. Делопроизводственные источники

2.1. На русском языке

25. Доклад Группы видных деятелей Россия–АСЕАН. 2016. URL: <https://asean.mgimo.ru/images/partn/2016-epg-report.pdf> (дата обращения: 27.11.2023).

26. Комплексная программа действий по развитию сотрудничества Российской Федерации и Ассоциации государств Юго-Восточной Азии на 2005–2015 гг. 2005. URL: https://asean.mgimo.ru/images/partn/Comprehensive-Programme-of-Action-2005-2015_ru.doc (дата обращения: 27.11.2023).

27. Комплексный план действий по развитию сотрудничества Российской Федерации и Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (2016–2020 гг.). Сочи, 19–20 мая 2016 г. URL: <https://asean.mgimo.ru/images/partn/2016-2020-action-plan.pdf> (дата обращения: 27.11.2023).

28. Комплексный план действий по реализации стратегического партнёрства между Российской Федерацией и Ассоциацией государств Юго-Восточной Азии (2021–2025 годы) // Официальный сайт Президента России. 28 октября 2021 г. URL: <http://kremlin.ru/supplement/5726> (дата обращения: 27.11.2023).

29. Меморандум о взаимопонимании между Московским государственным институтом международных отношений (Университетом) и Секретариатом Ассоциации государств Юго-Восточной Азии об учреждении Центра АСЕАН при Московском государственном институте международных отношений (Университете). Пхукет, Таиланд, 23 июля 2009 г. URL:

https://asean.mgimo.ru/upload/ckeditor/files/Memorandum-ASEAN-Centre_rus.pdf
(дата обращения: 26.10.2025).

30. Протокол об экспорте некоторых товаров из СССР в Республику Сингапур и из Республики Сингапур в СССР. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/2_contract/57289/ (дата обращения: 24.09.2024).

31. Совместная декларация главы государства Российской Федерации и глав государств и правительств государств-членов Ассоциации государств Юго-Восточной Азии о развитом и всеобъемлющем партнерстве. Куала-Лумпур, 13 декабря 2005 г. URL: https://asean.mgimo.ru/images/partn/Joint-Declaration_2005_ru.doc (дата обращения: 27.11.2023).

32. Совместная декларация министров иностранных дел Российской Федерации и Ассоциации государств Юго-Восточной Азии о партнерстве в деле мира и безопасности, а также процветания и развития в АТР. Пномпень, 19 июня 2003 г. URL: https://asean.mgimo.ru/images/partn/Declaration-Partnership-Asia-Pacific-2003_ru.doc (дата обращения: 27.11.2023).

33. Совместная декларация Российской Федерации и АСЕАН о сотрудничестве в борьбе с международным терроризмом. Джакарта, 2 июля 2004 г. URL: <https://asean.mid.ru/upload/iblock/9e3/ug1c96s4cm093ueh6ttehrlnsj56ovlw.pdf> (дата обращения: 27.11.2023).

34. Сочинская декларация юбилейного саммита Россия–АСЕАН «На пути к взаимовыгодному стратегическому партнерству». Сочи, 19–20 мая 2016 г. URL: <https://asean.mgimo.ru/images/partn/2016-sochi-declaration.pdf> (дата обращения: 27.11.2023).

2.2. На английском языке

35. 1971 Zone of Peace, Freedom and Neutrality Declaration. Kuala Lumpur, 27 November 1971. URL: <https://asean.org/photo/the-signing-of-kuala-lumpur-declaration-of-1971-zorfan/> (дата обращения: 24.09.2024).

36. Aggression against Ukraine: resolution / adopted by the General Assembly. A/RES/ES-11/1. 02.03.2022. United Nations Digital Library. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/3959039> (дата обращения: 11.05.2024).
37. Annual Report of the ASEAN Standing Committee 1990–1991. Jakarta: ASEAN Secretariat, 1991. 186 p. URL: <https://asean.org/wp-content/uploads/2021/08/ANNUAL-REPORT-1990-1991-reduced.pdf> (дата обращения: 28.03.2026).
38. Annual Report of the ASEAN Standing Committee 1991–1992. Jakarta: ASEAN Secretariat, 1992. 176 p. URL: <https://asean.org/wp-content/uploads/2021/08/ANNUAL-REPORT-1991-1992-reduced.pdf> (дата обращения: 28.03.2026).
39. ASEAN Foreign Ministers' Statement Calling for a Ceasefire in Ukraine. 03.03.2022. URL: <https://asean.org/wp-content/uploads/2022/03/ASEAN-Foreign-Ministers-Statement-calling-for-Ceasefire-in-Ukraine-EN.pdf> (дата обращения: 13.04.2024).
40. ASEAN Secretariat. Overview ASEAN-India Dialogue Relations. July 2018. 6 p. URL: <https://asean.org/wp-content/uploads/2012/05/Overview-ASEAN-India-as-of-July-2018-fn.pdf> (дата обращения: 11.04.2026).
41. ASEAN Secretariat. Overview ASEAN–Russia Dialogue Relations. ASEAN Secretariat Information Paper. Jakarta: ASEAN Secretariat, 2024. 7 p. URL: <https://asean.org/wp-content/uploads/2024/09/Overview-ASEAN-Russia-Dialogue-Relations-as-of-Sep-2024.pdf> (дата обращения: 09.11.2025).
42. ASEAN Secretariat. Overview of ASEAN-China Dialogue Relations. ASEAN Secretariat Information Paper. April 2020. 7 p. URL: <https://accf-asean-china.com/wp-content/uploads/2023/09/Overview-of-ASEAN-China-Relations-22-Apr-2020.pdf> (дата обращения: 11.04.2026).
43. ASEAN-U.S. Leaders' Statement on the Establishment of the ASEAN-U.S. Comprehensive Strategic Partnership. Phnom Penh, 12.11.2022. URL: <https://asean.org/wp-content/uploads/2022/11/ASEAN-US-Leaders-Statement-on-CSP-final-1.pdf> (дата обращения: 11.04.2026).

44. Co-Chairs' Statement of the Special ASEAN-Russia Foreign Ministers' Meeting. 06.07.2021. URL: <https://asean.org/wp-content/uploads/AMS-Consolidated-Input-Draft-Co-Chairs-Statement-of-the-SARFMM-FINAL-1.pdf> (дата обращения: 27.11.2023).

45. Confidence and Security Building Measures: Chairman's Statement // The First ASEAN Regional Forum, Bangkok, 25 July 1994 // U.S. Department of State Archive. 1994. URL: https://1997-2001.state.gov/global/arms/bureau_pm/csbm/chairman_1994_arf.html (дата обращения: 27.11.2023).

46. Declaration of ASEAN Concord II. Bali, Indonesia, 07.10.2003. URL: https://www.icnl.org/wp-content/uploads/Transnational_2003Declaration.pdf (дата обращения: 28.03.2026).

47. Declaration of ASEAN Heads of Government at the 3rd ASEAN Summit (Manila Declaration). Manila, 15.12.1987. 11 p. URL: <https://asean.org/wp-content/uploads/2022/09/D-0166-OCR.pdf> (дата обращения: 28.03.2026).

48. Declaration of the Admission of Brunei Darussalam into ASEAN. Jakarta, 7 January 1984. URL: <https://asean.org/wp-content/uploads/2025/07/Brunei-Declaration-of-Admission.pdf> (дата обращения: 26.09.2024).

49. Europe, Russia and Central Asian States // Ministry of Foreign Affairs Brunei Darussalam. URL: https://www.mfa.gov.bn/Shared%20Documents/politics1document/Europe-Russia-Central_Asian_States.pdf (дата обращения: 28.03.2026).

50. Furtherance of remedy and reparation for aggression against Ukraine : resolution / adopted by the General Assembly. A/RES/ES-11/5. 14.11.2022. United Nations Digital Library. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/3994052> (дата обращения: 11.05.2024).

51. Humanitarian consequences of the aggression against Ukraine: resolution / adopted by the General Assembly. A/RES/ES-11/2. 24.03.2022. United Nations Digital Library. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/3965954> (дата обращения: 11.05.2024).

52. Joint communiqué between Thailand and the Union of Soviet Socialist Republics issued on 12 February 1990 // United Nations General Assembly. Security Council. A/45/164; S/21187. 13.03.1990. P. 3–7. URL: https://digitallibrary.un.org/record/87737/files/A_45_164--S_21187-EN.pdf (дата обращения: 28.03.2026).

53. Joint Statement of the 3rd ASEAN–Russian Federation Summit on Strategic Partnership. Singapore, 14 November 2018. URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/d38bfabf57988d029de89931efc52bd1/Declaration3_2018.pdf (дата обращения: 27.11.2023).

54. Ministry of Foreign Affairs of Japan. Regional Evaluation of ASEAN Connectivity Support Centered on the “Japan-ASEAN Connectivity Initiative”. Third Party Evaluation Report FY2024. Tokyo, March 2025. 67 p. URL: <https://www.mofa.go.jp/policy/oda/evaluation/FY2024/pdfs/japan-asean.pdf> (дата обращения: 11.04.2026).

55. PH - Russia Relations // Embassy of the Philippines. URL: <https://moscowpe.dfa.gov.ph/85-diplomatic-relations/76-ph-russia-relations> (дата обращения: 28.03.2026).

56. Principles of the Charter of the United Nations underlying a comprehensive, just and lasting peace in Ukraine: resolution / adopted by the General Assembly. A/RES/ES-11/6. 23.02.2023. United Nations Digital Library. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/4003921> (дата обращения: 11.05.2024).

57. Singapore-Soviet Union Joint Communique Issued at the End of the Visit of the Prime Minister of the Republic of Singapore, Mr. Lee Kuan Yew, to the Soviet Union from 15th September, 1970 to 23rd September, 1970 // National Archives of Singapore. URL: <https://www.nas.gov.sg/archivesonline/data/pdfdoc/lky19700923a.pdf> (дата обращения: 28.03.2026).

58. Statement of ASEAN and Russia Ministers of Foreign Affairs on Joint Efforts to Counter International Terrorism. 07.08.2017. URL: <https://asean.org/statement-of-asean-and-russia-ministers-of-foreign-affairs-on-joint-efforts-to-counter-international-terrorism/> (дата обращения: 27.11.2023).

59. Summary of the Regional Comprehensive Economic Partnership Agreement. 2020. 10 p. URL: <https://asean.org/wp-content/uploads/2020/11/Summary-of-the-RCEP-Agreement.pdf> (дата обращения: 11.04.2026).
60. Suspension of the rights of membership of the Russian Federation in the Human Rights Council: resolution / adopted by the General Assembly. A/RES/ES-11/3. 07.04.2022. United Nations Digital Library. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/3967778> (дата обращения: 11.05.2024).
61. Territorial integrity of Ukraine: defending the principles of the Charter of the United Nations : resolution / adopted by the General Assembly. A/RES/ES-11/4. 12.10.2022. United Nations Digital Library. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/3990400> (дата обращения: 11.05.2024).
62. The 1st Russia–ASEAN Youth Summit: “Young Russia–Young ASEAN: Dialogue for Connectivity”, Moscow, 13–14 May 2013. Moscow: ASEAN Centre, MGIMO University, 2013. URL: <https://asean.mgimo.ru/images/photo/2013/Youth-Summit-Booklet.pdf> (дата обращения: 27.11.2023).
63. The 2nd ASEAN–Russia Youth Summit: Young Russia–Young ASEAN: Contribution to Greater Connectivity, 17–19 October 2014, Kuala Lumpur, Malaysia. Kuala Lumpur, 2014. URL: https://mgimo.ru/files2/y10_2014/261076/2AR-Youth-Summit_pres.pdf (дата обращения: 27.11.2023).
64. The ASEAN Declaration (Bangkok Declaration). Bangkok, 8 August 1967. URL: <https://asean.org/wp-content/uploads/2022/02/0719.pdf> (дата обращения: 24.09.2024).
65. The Billion Dollar Death Trade: The International Arms Networks that Enable Human Rights Violations in Myanmar. Conference room paper of the Special Rapporteur on the situation of human rights in Myanmar // United Nations Human Rights Council. Fifty-third session. 17.05.2023. A/HRC/53/CRP.2. URL: <https://www.ohchr.org/sites/default/files/documents/countries/myanmar/crp-sr-myanmar-2023-05-17.pdf> (дата обращения: 10.04.2026).

66. The Declaration of ASEAN Concord. Denpasar, Bali, 24 February 1976. URL: <https://asean.org/the-declaration-of-asean-concord-bali-indonesia-24-february-1976/> (дата обращения: 19.10.2024).

67. Young Russia–Young ASEAN: Expanding Regional Connections. Concept Paper. The 3rd Russia–ASEAN Youth Summit, 8–10 October 2015, Vladivostok, Russia. Vladivostok: Far Eastern Federal University; ASEAN Centre, MGIMO University, 2015. URL: <https://asean.mgimo.ru/images/files/3Youth-Summit-Preliminary-Concept.pdf> (дата обращения: 27.11.2023).

3. Публицистические источники

3.1. На русском языке

68. Горбачев М. С. Речь на торжественном собрании, посвященном вручению Владивостоку ордена Ленина. 28 июля 1986 года // Собрание сочинений. Т. 4. Апрель – октябрь 1986. М.: Весь Мир, 2008. С. 394–427. URL: https://www.gorby.ru/userfiles/rech_vladivostok_1986.pdf (дата обращения: 28.03.2026).

69. Совместное заявление 4-го саммита Россия–АСЕАН: построение мирного, стабильного и устойчивого региона. 28 октября 2021 г. URL: <https://asean.mid.ru/upload/iblock/a9c/34ywehcloxs9hp7bgcd7l64g3erd3al.pdf> (дата обращения: 27.11.2023).

70. Совместное заявление министров иностранных дел Российской Федерации и Ассоциации государств Юго-Восточной Азии по случаю 15-летия диалогового партнерства Россия–АСЕАН. о. Бали, 22 июля 2011 г. URL: https://asean.mgimo.ru/images/partn/Joint-Statement-15anniv-partn_ru.doc (дата обращения: 27.11.2023).

71. Совместное заявление о проведении в 2016 году Года культуры Россия–АСЕАН. 2016. URL: <https://asean.mgimo.ru/images/partn/2016-culture-year.pdf> (дата обращения: 27.11.2023).

72. Совместное заявление по итогам второго саммита Российская Федерация – АСЕАН. Ханой, 30 октября 2010 г. URL:

https://asean.mgimo.ru/images/partn/Joint-Statement_2010_ru.doc (дата обращения: 27.11.2023).

73. Заявление Российской Федерации и АСЕАН о сотрудничестве в борьбе с незаконным оборотом наркотиков, сделанное на четвертом саммите Россия–АСЕАН 28 октября 2021 г. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5727> (дата обращения: 27.11.2023).

74. Заявление Российской Федерации и АСЕАН о сотрудничестве в области обеспечения безопасности использования информационно-коммуникационных технологий и самих информационно-коммуникационных технологий. 2018 г. URL: <https://asean.mid.ru/upload/iblock/031/h93rjq46rp5p8rpo9tpewzjcsxdzivzu.pdf> (дата обращения: 27.11.2023).

3.2. На английском языке

75. Develop business links, Dr M urges Soviets. 31.07.1987. URL: http://lib.perdana.org.my/PLF/Digital_Content/Prominent_Leaders/Mahathir/News_1968-2004/1984-1988/1987/00006687.pdf (дата обращения: 28.03.2026).

76. History of Japan's ODA Ties with ASEAN // JICA's World. September 2013. P. 10–11. URL: https://www.jica.go.jp/Resource/english/publications/j-world/c8h0vm000082pnre-att/1309_05.pdf (дата обращения: 11.04.2026).

77. Karnozov V. Laos Receives Yak-130 Combat Jet Trainers // Aviation International News. 21.01.2019. URL: <https://www.ainonline.com/aviation-news/defense/2019-01-21/laos-receives-yak-130-combat-jet-trainers> (дата обращения: 10.04.2026).

78. Koulik B. T. Fifteen Years of Soviet-Malaysian Relations. 1982. URL: http://lib.perdana.org.my/PLF/Digital_Content/NA/Serial/0002/BeritaSoviet_YearsofSoviet-MalaysianRelations.pdf (дата обращения: 28.03.2026).

79. Mikhail Gorbachev meets Lee Kuan Yew // Soviet News. No. 6546. 03.10.1990. P. 332. URL: https://www.marxists.org/history/ussr/publications/soviet-news/1990/sovietnews_6546_1090.pdf (дата обращения: 28.03.2026).

80. Mikhail Gorbachev's meeting with Prime Minister of Thailand // Soviet News. No. 6426. 25.05.1988. P. 187. URL: https://www.marxists.org/history/ussr/publications/soviet-news/1988/sovietnews_6426_0588.pdf (дата обращения: 28.03.2026).

81. Russia following through on fighter jet deals with Myanmar – report // Reuters. 23.07.2021. URL: <https://www.reuters.com/business/aerospace-defense/russia-following-through-fighter-jet-deals-with-myanmar-report-2021-07-23/> (дата обращения: 10.04.2026).

82. Russia's arms exports to Indonesia top \$2.5 bln over 25 years // TASS. 21.02.2018. URL: <https://tass.com/defense/991061> (дата обращения: 10.04.2026).

83. Storey I. Russia in Southeast Asia: Falling influence despite being largest arms seller // ThinkChina. 31.03.2021. URL: <https://www.thinkchina.sg/politics/russia-southeast-asia-falling-influence-despite-being-largest-arms-seller> (дата обращения: 10.04.2026).

84. Tan S. Singapore's services trade with Russia could be at risk if Moscow retaliates for sanctions over Ukraine: analysts // South China Morning Post. 16.03.2022. URL: <https://www.scmp.com/week-asia/politics/article/3170590/singapores-services-trade-russia-could-be-risk-if-moscow> (дата обращения: 19.03.2023).

85. Transcript of Press Conference Given by the Prime Minister, Mr. Lee Kuan Yew, at Leningrad on 22nd September, 1970, on the Eve of His Departure to Paris // National Archives of Singapore. URL: <https://www.nas.gov.sg/archivesonline/data/pdfdoc/lky19700922.pdf> (дата обращения: 28.03.2026).

86. Yaacob R. Southeast Asia's arms suppliers, by the numbers // The Interpreter. Lowy Institute. 21.01.2025. URL: <https://www.lowyinstitute.org/the-interpreter/southeast-asia-s-arms-suppliers-numbers> (дата обращения: 02.06.2025).

87. Zagaynov E. ASEAN–Russia: strengthening ties and exploring new horizons // Official website of the Permanent Mission of the Russian Federation to ASEAN. 14.11.2023. URL:

https://asean.mid.ru/ru/news/asean_russia_strengthening_ties_and_exploring_new_horizons/ (дата обращения: 28.11.2023).

4. Статистические источники

4.1. Советские статистические источники

88. Внешние экономические связи СССР в 1990 г.: статистический сборник / Министерство внешних экономических связей СССР, Государственный комитет СССР по статистике. М., 1991. 288 с. : ил.

89. Внешняя торговля Союза ССР за 1967 год: статистический обзор / Министерство внешней торговли СССР, Планово-экономическое управление. М. : Международные отношения, 1968. 312 с.

90. Внешняя торговля СССР в 1980 г.: статистический сборник / Министерство внешней торговли СССР, Главное планово-экономическое управление. М.: Финансы и статистика, 1981. 279 с. : ил.

4.2. Международные статистические источники

91. ASEAN Key Figures 2022. Vol. 5. Jakarta: ASEAN Secretariat, December 2022. 67 p. URL: https://www.aseanstats.org/wp-content/uploads/2023/04/AKF_2022_423.pdf (дата обращения: 28.11.2025).

92. ASEAN Key Figures 2025. Vol. 8. Jakarta: ASEAN Secretariat, December 2025. 80 p. URL: https://www.aseanstats.org/wp-content/uploads/2026/01/akf_2025_120126.pdf (дата обращения: 04.01.2026).

93. ASEAN Statistical Highlights 2025. Jakarta: ASEAN Secretariat, 2025. URL: <https://www.aseanstats.org/wp-content/uploads/2025/10/ASH2025.pdf> (дата обращения: 28.03.2026).

94. SIPRI Arms Transfers Database. Stockholm International Peace Research Institute (SIPRI). URL: <https://armstransfers.sipri.org> (дата обращения: 13.11.2025).

95. World Integrated Trade Solution (WITS). World Bank. URL: <https://wits.worldbank.org> (дата обращения: 13.11.2025).

4.3. Национальные статистические источники государств АСЕАН

96. Department of Economic Planning and Statistics (DEPS) // Ministry of Finance and Economy, Brunei Darussalam. URL: <https://deps.mofe.gov.bn/> (дата обращения: 02.06.2026).

97. Economic and Trade Data // Trade Policy and Strategy Office (TPSO), Ministry of Commerce, Thailand. URL: <https://www.tpsso.go.th/en/economic-data> (дата обращения: 02.06.2026).

98. Foreign Trade Statistical Import of Indonesia 2024 Book II. BPS-Statistics Indonesia. URL: <https://www.bps.go.id/en/publication/2025/07/07/7f63c3f56a347c6b9b15ab66/foreign-trade-statistical-import-of-indonesia-2024-book-ii.html> (дата обращения: 02.06.2026).

99. Foreign Trade Statistical Import of Indonesia 2024, Book I. BPS-Statistics Indonesia. URL: <https://www.bps.go.id/en/publication/2025/07/07/526bc1e0e937d64b8b2a8e61/foreign-trade-statistical-import-of-indonesia-2024--book-i.html> (дата обращения: 02.06.2026).

100. Indonesia Foreign Trade Statistics Exports 2024, Book I. BPS-Statistics Indonesia. URL: <https://www.bps.go.id/en/publication/2025/07/07/6de51ef555c018f6ba7168d1/indonesia-foreign-trade-statistics-exports-2024--book-i.html> (дата обращения: 02.06.2026).

101. Indonesia Foreign Trade Statistics Exports 2024, Book II. BPS-Statistics Indonesia. URL: <https://www.bps.go.id/en/publication/2025/07/07/7842f42c4ae5a3247816e223/statistik-perdagangan-luar-negeri-indonesia-ekspor-2024--buku-ii.html> (дата обращения: 02.06.2026).

102. International Merchandise Trade Statistics // General Department of Customs and Excise of Cambodia (GDCE). URL: <https://stats.customs.gov.kh/en/> (дата обращения: 02.06.2026).

103. Lao Trade Statistic System (MOIC E-Statistic) // Department of Foreign Trade, Ministry of Industry and Commerce, Lao PDR. URL: <https://laotradestat.moic.gov.la/estat/> (дата обращения: 02.06.2026).

104. Malaysia External Trade Statistics // Malaysia External Trade Development Corporation (MATRADE). URL: <https://www.matrade.gov.my/en/export-to-the-world/step-4-export-opportunities/malaysia-external-trade-statistics> (дата обращения: 02.06.2026).

105. PSA OpenSTAT // Philippine Statistics Authority. URL: <https://openstat.psa.gov.ph/> (дата обращения: 02.06.2026).

106. SingStat Table Builder // Singapore Department of Statistics. URL: <https://tablebuilder.singstat.gov.sg/> (дата обращения: 02.06.2026).

107. Statistics of Exports by Country/Territory-Main Exports. Table: 19B/TCHQ. Ministry of Finance of Vietnam. General Department of Customs. Customs IT & Statistics Department. December 2024. Preliminary. URL: https://files.customs.gov.vn/CustomsCMS/TONG_CUC/2025/1/10/2024-t12-5x%28ta-sb%29.pdf (дата обращения: 02.06.2026).

108. Statistics of Import by Country/Territory-Main Imports. Table: 20B/TCHQ. Ministry of Finance of Vietnam. General Department of Customs. Customs IT & Statistics Department. December 2024. Preliminary. URL: https://asemconnectvietnam.gov.vn/WebLocalfiles/NGA/Thang4Nam2025/3420251453462024_t12_5n_ta_sb_.pdf (дата обращения: 02.06.2026).

109. Trade Situation of Myanmar in 2024-2025 Fiscal Year Compared to the Same Period of 2023-2024 Fiscal Year // Ministry of Commerce (Myanmar). URL: <https://commerce.gov.mm/en/article/kaalttuukunsymuniungynykhk/31562> (дата обращения: 02.06.2026).

110. Trade Statistics // Brunei Trade, Ministry of Finance and Economy, Brunei Darussalam. URL: <https://www.bruneitrade.mofe.gov.bn/trade-statistics/> (дата обращения: 02.06.2026).

Литература

1. На русском языке

111. Андреев Ю. А. Страны АСЕАН: проблемы и тенденции современного развития. М.: Знание, 1987. 64 с. (Новое в жизни, науке, технике. Сер. «У политической карты мира»; № 7).

112. АСЕАН в начале XXI века. Актуальные проблемы и перспективы / под ред. Е. В. Кобелева, Г. М. Локшина, Н. П. Малетина. М.: ИД «ФОРУМ», 2010. 368 с.
113. АСЕАН на пути интеграции: достижения, вызовы, дилеммы: монография / под ред. В. М. Мазырина, Е. В. Колдуновой. 2-е изд., испр. М.: Издательство «Аспект Пресс», 2024. 608 с.
114. Байков А. А., Колдунова Е. В. Академическая дипломатия в отношениях России и Тихоокеанской Азии // Вестник МГИМО-Университета. 2021. Т. 14, № 5. С. 7–21.
115. Богатуров А. Д. Анализ и теория в международных отношениях // Сравнительная политика. 2021. Т. 12, № 1. С. 5–13.
116. Богатуров А. Д. Попытка перестроить мир «по-американски» // Вестник МГИМО-Университета. 2021. Т. 14. № 5. С. 49–64.
117. Бурова Е. С. Оценка двусторонней торговли РФ-АСЕАН под влиянием санкций // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2023. Т. 5. № 4 (61). С. 59–70.
118. Бурова Е. С. Тенденции развития туристической отрасли Камбоджи // Восточная Азия: факты и аналитика. 2019. № 1. С. 15–23.
119. Бурова Е. С., Владимирова Д. А., Гарусова Л. Н., Глазкова Е. А., Егунов Е. В., Лукин А. Л., Мазырин В. М., Рыбаченко Е. А., Самойленко П. Ю., Соколовский А. Я., Сури Суриани, Ты Тхи Лоан. Россия и АСЕАН: региональное сотрудничество // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2023. № 1. С. 67–79.
120. Васильев Л. Е. Россия – АСЕАН. Укрепление сотрудничества // Азия и Африка сегодня. 2004. № 11 (568). С. 67–70.
121. Великая А. А. Гуманитарная политика России в странах Юго-Восточной Азии // Пути к миру и безопасности. 2024. № 1 (66). С. 179–193.
122. Воронин А. С. Диалоговое партнёрство Россия–АСЕАН: договорно-правовая база и институты // АСЕАН в начале XXI века. Актуальные проблемы и перспективы / под ред. Е. В. Кобелева, Г. М. Локшина, Н. П. Малетина. М.: ИД «ФОРУМ», 2010. С. 288–297.

123. Воронин А. С., Козлов А. А. Россия–АСЕАН: к отношениям развитого и всеобъемлющего партнёрства // АСЕАН в начале XXI века. Актуальные проблемы и перспективы / под ред. Е. В. Кобелева, Г. М. Локшина, Н. П. Малетина. М.: ИД «ФОРУМ», 2010. С. 309–338.

124. Воскресенский С. С. Советско-филиппинские отношения во второй половине XX века: этапы развития // Ученые записки: электронный научный журнал Курского государственного университета. 2012. № 1 (21). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovetsko-filippinskie-otnosheniya-vo-vtoroy-polovine-xx-veka-etapy-razvitiya> (дата обращения: 28.03.2026).

125. Головченко В. И., Манжола В. А. Диалоговое партнёрство Российская Федерация – АСЕАН: уроки и перспективы // Россия и АТР. 2014. № 2 (84). С. 52–63.

126. Грибанова А. М., Королева Е. В., Чабыкина Е. А. Россия и АСЕАН: инновационно-технологический вектор сотрудничества // Копирайт. Вестник Российской академии интеллектуальной собственности и Российского авторского общества. 2021. № 4. С. 59–67. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_47350406_42079751.pdf (дата обращения: 05.08.2024).

127. Дёмина Я. В. Внешняя торговля Дальнего Востока России со странами АСЕАН: сравнение с общероссийской динамикой и структурой товаропотоков // Регионалистика. 2022. Т. 9, № 2. С. 49–62.

128. Долинский А. В. Образовательные обмены в публичной дипломатии: российский и зарубежный опыт // Вестник МГИМО-Университета. 2014. № 2 (35). С. 56–62.

129. Донцов А. С. Инициативы России в области кибербезопасности в рамках Регионального форума АСЕАН (АРФ): от заявлений к практическому сотрудничеству (2010–2024 гг.) // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2025. Т. 2, № 2 (67). С. 106–119.

130. Донцов А. С. Образование как инструмент мягкой силы России в странах АСЕАН // Международные отношения. 2025. № 1. С. 136–156.

131. Донцов А. С. Цифровые логистические инициативы в сотрудничестве России и АСЕАН в условиях геоэкономических трансформаций (2020–2024 гг.) // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2025. Том 3, № 3 (68). С. 11–24.

132. Ефремова К. А. Молодежные саммиты Россия – АСЕАН как инструмент публичной дипломатии: предварительные оценки эффективности // 25 лет внешней политике России: сборник материалов X Конвента РАМИ (Москва, 8–9 декабря 2016 г.): в 5 т. Т. 2: Россия и современный мир: политика и безопасность. В 2 ч. Ч. 1. М.: МГИМО-Университет, 2017. С. 90–106.

133. Истомин И. А., Байков А. А. Альянсы на службе гегемонии: деконструкция инструментария военно-политического доминирования // Полис. Политические исследования. 2020. № 6. С. 8–25.

134. Исяняев Р. М. Влияние санкций на российское образование // Экономика и социум. 2024. № 2-2. С. 475–480.

135. Кабир Л. С., Яковлев И. А. Торговля в целях развития: формирование устойчивой платформы интеграции России в АСЕАН // Таможенная политика России на Дальнем Востоке. 2018. № 3 (84). С. 59–76.

136. Канаев Е. А., Королев А. С. Большая Евразия, Индо-Тихоокеанский регион и отношения России с АСЕАН // Контурь глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2019. Т. 12, № 1. С. 26–43.

137. Канаев Е. А., Пятачкова А. С. АСЕАН в повороте России на Восток // XVI Апрельская международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества: в 4 кн. / Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2016. С. 430–437. URL: <https://publications.hse.ru/pubs/share/folder/42amutferv/180456578.pdf> (дата обращения: 04.08.2024).

138. Канаев Е. А., Шумкова В. А. Евразийские приоритеты асеаноцентричных диалоговых форматов по вопросам безопасности // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2017. Т. 17, № 3. С. 458–468.

139. Карпович О. Г., Манойло А. В. Политика многополярности: новые вызовы и угрозы: монография. М.: Дипломатическая академия МИД России, 2020. 492 с.

140. Като М. Российская многосторонняя дипломатия в системе Азиатско-Тихоокеанской региональной интеграции // Сравнительная политика. 2010. Т. 1, № 1. С. 188–208.

141. Киреева А. А. Отношения России со странами Восточной Азии: новые вызовы и возможности // Вестник МГИМО-Университета. 2014. № 3 (36). С. 9–19.

142. Киреева А. А. Санкции стран Азии в отношении России: что они означают? // РСМД. 31.03.2022. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/sanktsii-stran-azii-v-otnoshenii-rossii-chto-oni-oznachayut/> (дата обращения: 09.03.2024).

143. Кобелев Е. В. Партнерству «Россия – АСЕАН» – 20 лет // Проблемы Дальнего Востока. 2014. № 6. С. 10–18.

144. Колдунова Е. В. «Диалоговые партнёрства» во внешней политике АСЕАН // Международные процессы. 2017. Т. 15, № 3 (50). С. 55–66.

145. Колдунова Е. В. Дилеммы и противоречия трансрегиональных отношений АСЕАН с ЕС, США и Россией // Актуальные проблемы Европы. 2020. № 1. С. 136–154.

146. Колдунова Е. В. Россия – АСЕАН: пределы и возможности экономического партнёрства // Центр АСЕАН при МГИМО МИД России. 29.08.2022. URL: <https://asean.mgimo.ru/opinions/koldunova-russia-asean-limits-and-opportunities-valdai-08-22> (дата обращения: 04.03.2024).

147. Королев А. С. ЕАЭС — АСЕАН: модель секторального стратегического партнерства: рабочая тетрадь № 92 / 2025. М.: НП РСМД, 2025. 40 с. URL: <https://russiancouncil.ru/papers/RIAC-EAEU-ASEAN-WorkingPaper92.pdf> (дата обращения: 03.12.2025).

148. Королев А. С. Новый «поворот» или пробуксовка: влияние украинского кризиса на отношения России и АСЕАН // Российский совет по международным делам (РСМД). 17.03.2022. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and->

comments/analytics/novyy-povorot-ili-probuksovka-vliyanie-ukrainskogo-krizisa-na-otnosheniya-rossii-i%20-ASEAN/ (дата обращения: 04.03.2024).

149. Королев А. С. Стратегическое партнёрство России и АСЕАН в условиях региональной фрагментации // АСЕАН на пути интеграции: достижения, вызовы, дилеммы: монография / под ред. В. М. Мазырина, Е. В. Колдуновой. М.: Издательство Аспект Пресс, 2023. С. 160–180.

150. Костюнина Г. М. Внешняя торговля России со странами АСЕАН: основные тенденции развития // Российский внешнеэкономический вестник. 2019. № 3. С. 43–59.

151. Косякина А. С. Российский подход к концепции «мягкой силы» // Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН. 2022. № 2. С. 63–75.

152. Крапивин М. С. Торгово-экономические отношения СССР, России со странами Юго-Восточной Азии: автореф. дис. ... канд. экон. наук: 08.00.14, 23.00.01 / М. С. Крапивин; Ин-т востоковедения РАН. М., 2007. 18 с.

153. Крапивин М. С. Торгово-экономические отношения СССР, России со странами Юго-Восточной Азии: дис. ... канд. экон. наук: 08.00.14, 23.00.01 / М. С. Крапивин ; Ин-т востоковедения РАН. М., 2007. 190 с.

154. Краснова Г. А., Белоус В. В. Мобильность вьетнамских студентов // Аккредитация в образовании. 2016. № 1 (85). С. 56–59. URL: <https://ifap.ru/cfeoll/disc/content/books/06.pdf> (дата обращения: 14.03.2024).

155. Лагутина М. Л., Михайленко Е. Б. Регионализм в глобальную эпоху: обзор зарубежных и российских подходов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2020. Т. 20. № 2. С. 261–278.

156. Лебедева Л. Ф., Захарова Е. В. Россия среди основных торговых партнёров стран АСЕАН // Россия и Америка в XXI веке. 2014. Вып. 3. URL: <https://rusus.jes.su/s207054760011166-9-1/> (дата обращения: 10.12.2023).

157. Лебедева М. М., Кузнецов Д. А. Глобальное управление в вопросах противодействия биогенным угрозам // Вестник МГИМО-Университета. 2021. Т. 14, № 2. С. 7–21.

158. Локшин Г. М. Диалоговое партнёрство Россия–АСЕАН: сотрудничество в сфере политики и безопасности // АСЕАН в начале XXI века. Актуальные проблемы и перспективы / под ред. Е. В. Кобелева, Г. М. Локшина, Н. П. Малетина. М.: ИД «ФОРУМ», 2010. С. 298–308.
159. Локшин Г. М. Россия – АСЕАН: новые проекты и форматы сотрудничества // Азия и Африка сегодня. 2011. № 2 (643). С. 2–7. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_16909259_30634744.pdf (дата обращения: 14.03.2024).
160. Локшин Г. М., Кобелев Е. В., Мазырин В. М. Сообщество АСЕАН в современном мире: монография. М.: ИД «ФОРУМ», 2019. 296 с.
161. Малетин Н. П. АСЕАН: четыре десятилетия развития: монография / Н. П. Малетин. М.: МГИМО-Университет, 2007. 312 с.
162. Мамедбекова К. Т. Диалоговое партнёрство Россия – АСЕАН // Экономика и бизнес: теория и практика. 2022. № 6–2. С. 24–27.
163. Манойло А. В. Информационная война и новая политическая реальность (I) // Вестник Московского государственного областного университета. 2021. № 1. С. 100–132.
164. Манойло А. В. Информационная война и новая политическая реальность (II) // Вестник Московского государственного областного университета. 2021. № 2. С. 110–148.
165. Мариан В. П., Сеницын А. Ю. Россия – АСЕАН: 20 лет сотрудничества // Власть. 2017. Т. 25, № 2. С. 186–193.
166. Михеев В. В. Глобализация и азиатский регионализм: вызовы для России / В. В. Михеев. М.: РАН, Институт Дальнего Востока, 2001. 224 с.
167. Мосяков Д. В. АСЕАН – Россия: «момент истины» в двусторонних отношениях // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2022. Т. 3, № 3 (56). С. 30–39.
168. Мосяков Д. В. Страны Юго-Восточной Азии между Пекином и Вашингтоном: поиски баланса и трудности в сохранении единства // Юго-

Восточная Азия: актуальные проблемы развития. М.: ИВ РАН, 2016. Вып. XXXIII (33). С. 5–9.

169. Мосяков Д. В., Шпаковская М. А., Понька Т. И., Данилов В. А. Разворот на Восток как фактор укрепления влияния России в Азии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2024. Т. 24, № 2. С. 181–191.

170. Мурадов К. Ю. Россия–АСЕАН: торговля и глобальные производственные цепочки // Мировая экономика и международные отношения. 2015. № 8. С. 25–39.

171. Муратшина К. Г. Гуманитарное сотрудничество России и АСЕАН в новых исторических условиях // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2023. Т. 1, № 1 (58). С. 76–86.

172. Нгуен С. Т. Соперничество великих держав в Индо-Тихоокеанском регионе и его влияние на стратегию Вьетнама // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2023. Т. 23, № 3. С. 562–574.

173. Никитина Ю. А. От интеграции к регионализму: эволюция теорий регионального межгосударственного сотрудничества / Ю. А. Никитина // Вестник МГИМО-Университета. 2010. № 6 (15). С. 134–140.

174. Панарина Д. С. Филиппинские студенты в России // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2023. Т. 3, № 2 (59). С. 163–178.

175. Пахомова Л. Ф. Модели процветания (Сингапур, Малайзия, Таиланд, Индонезия). М.: Институт востоковедения РАН, 2007. 256 с.

176. Польшов М. Ф. «Новое политическое мышление»: возникновение и основные идеи // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). 2012. № 1. С. 84–89.

177. Попова Т. Н., Демина Ю. А., Гродзиевский Я. Ю., Ерисковский М. В., Стяжкина Н. А. Анализ динамики и структуры товарных потоков России и стран АСЕАН // Российский внешнеэкономический вестник. 2022. № 2. С. 42–48.

178. Пятачкова А. С. Изучение АСЕАН в СССР и России // Международные процессы. 2017. Т. 15, № 3 (50). С. 67–80.

179. Райков Ю. А. Лаос в системе международных отношений Азиатско-Тихоокеанского региона в начале XXI века: монография / Ю. А. Райков; Дипломатическая академия МИД России, каф. внешней политики России и актуальных международных проблем. М.: Восток-Запад, 2010. 263 с.
180. Рогожин А. А., Рогожина Н. Г. Юго-Восточная Азия в приоритетах российской политики «поворота к Азии» // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2019. Т. 12, № 1. С. 185–203.
181. Рудых Л. Г., Хомич Н. В. История взаимоотношений России и АСЕАН в начале 2000-х годов // Общество: философия, история, культура. 2022. № 7. С. 105–109.
182. Симоненок А. В. Внешнеторговые связи Дальнего Востока России со странами АСЕАН // Таможенная политика России на Дальнем Востоке. 2020. № 1 (90). С. 39–48.
183. Со Ми Э. Ассоциация стран Юго-Восточной Азии (АСЕАН) во внешней политике СССР/РФ 1967–2002 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.: МГИМО(У) МИД России, 2003.
184. Соколов А. А. Российско-вьетнамское сотрудничество в области образования // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2014. № 25. С. 64–68. URL: <https://sea.ivran.ru/f/22842288.pdf> (дата обращения: 05.08.2024).
185. Страны Индокитая в АСЕАН: ключевые аспекты развития: коллективная монография / отв. ред. В. М. Мазырин. М.: ИКСА РАН, 2024. 308 с.
186. Ткаченко И. Ю. Восточноазиатские саммиты и интересы России // Российский внешнеэкономический вестник. 2014. № 10. С. 32–44. URL: <https://journal.vavt.ru/rfej/article/view/1094/1014> (дата обращения: 14.03.2024).
187. Ткаченко И. Ю. Перспективы общей экономической повестки ЕАЭС – ШОС – АСЕАН // Российский внешнеэкономический вестник. 2019. № 12. С. 7–21. URL: <https://journal.vavt.ru/rfej/article/view/2465/2302> (дата обращения: 14.03.2024).
188. Торкунов А. В., Стрельцов Д. В., Колдунова Е. В. «Азиатский поворот» в российской внешней политике: достижения, проблемы, перспективы // «Азиатский поворот» в российской внешней политике: достижения, проблемы,

перспективы: монография / под ред. А. В. Торкунова, Д. В. Стрельцова, Е. В. Колдуновой. М.: Аспект Пресс, 2022. С. 104–132.

189. Хонрада Г. Дж. П., Бокерия С. А. Концепции «Шанхайского духа» и «Пути АСЕАН» как основа нового регионализма // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2023. Т. 23. № 2. С. 253–264.

190. Цыганков А. П., Цыганков П. А. Глобальность и самобытность в теории международных отношений // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2022. Т. 22. № 1. С. 7–16.

191. Энергетические измерения международных отношений и безопасности в Восточной Азии / под руководством и с предисл. А. В. Торкунова ; науч. ред.-сост. А. Д. Воскресенский. М. : МГИМО, 2007. 1040 с.

192. Юн С. М., Пхонкео В. Сотрудничество России и Лаоса в сфере образования // Вестник Томского государственного университета. История. 2022. № 79. С. 196–200.

2. На английском языке

193. Acharya A. Ideas, identity, and institution building: From the ‘ASEAN way’ to the ‘Asia Pacific way’? // The Pacific Review. 1997. Vol. 10, No. 3. P. 319–346.

194. Agastia I. G. B. D. Maritime Security Cooperation within the ASEAN Institutional Framework: A Gradual Shift Towards Practical Cooperation // Journal of ASEAN Studies. 2021. Vol. 9, No. 1. P. 25–48.

195. Araki M. Japan’s Official Development Assistance: The Japan ODA Model That Began Life in Southeast Asia // Asia-Pacific Review. 2007. Vol. 14, No. 2. P. 17–29.

196. Beltran T. L. Philippines-Soviet Relations : sub-thesis (M.A. in International Relations). Canberra : Australian National University, 1986. 95 p.

197. Beltran T. L. The Evolution of Philippine-Soviet Diplomatic and Trade Relations // Contemporary Southeast Asia. 1988. Vol. 10, No. 2. P. 144–162. URL: <https://www.jstor.org/stable/25798000> (дата обращения: 28.03.2026).

198. Bitzinger R. A New Arms Race? Explaining Recent Southeast Asian Military Acquisitions // *Contemporary Southeast Asia*. 2010. Vol. 32, No. 1. P. 50–69.
199. Bukh A. Russia's Image and Soft Power Resources in Southeast Asia: Perceptions among Young Elites in Laos, Thailand and Vietnam // *Contemporary Southeast Asia*. 2016. Vol. 38, No. 3. P. 445–475.
200. Buszynski L. Russia and Southeast Asia: A New Relationship // *Contemporary Southeast Asia*. 2006. Vol. 28, No. 2. P. 276–296.
201. Buzan B., Wæver O. *Regions and Powers: The Structure of International Security*. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. 564 p.
202. Caballero-Anthony M. Partnership for Peace in Asia: ASEAN, the ARF, and the United Nations // *Contemporary Southeast Asia*. 2002. Vol. 24, No. 3. P. 528–548.
203. Chiapponi C. Japan and the Asia-Pacific in the 1970s: From an Economic to a 'Heart-to-Heart' Relationship // *Modern Asian Studies*. 2016. Vol. 50, No. 5. P. 1679–1704.
204. Chufrin G., Hong M., Beng T. K., eds. *ASEAN-Russia Relations*. Moscow: Institute of World Economy and International Relations (IMEMO), 2006. 93 p. URL: <https://bookshop.iseas.edu.sg/publication/1163#contents> (дата обращения: 05.08.2024).
205. Chufrin G., Hong M., eds. *Russia-ASEAN Relations: New Directions*. Moscow: Institute of World Economy and International Relations (IMEMO), 2007. 142 p. URL: <https://bookshop.iseas.edu.sg/publication/1190#contents> (дата обращения: 05.08.2024).
206. Entin M., Entina E. Russia's Role in Promoting Great Eurasia Geopolitical Project // *Rivista di Studi Politici Internazionali*. 2016. Vol. 83, № 3 (331). P. 331–351. URL: <https://www.jstor.org/stable/44427783> (дата обращения: 03.08.2024).
207. Fernandez E. S. The Malaysian Plot: Marcos, Sabah, and the Origins of Moro Secessionism // *Social Transformations Journal of the Global South*. 2013. Vol. 1, No. 2. P. 43–78.
208. Frank A. G. *ReORIENT: Global Economy in the Asian Age* / A. G. Frank. Berkeley: University of California Press, 1998. 416 p.

209. Gill G. The Soviet Union and Southeast Asia: A new beginning? // *Contemporary Southeast Asia*. 1988. Vol. 10, No. 1. P. 69–81.
210. Gorenburg D., Schwartz P. Russia's Relations with Southeast Asia. *Russie.NEI.Reports*, No. 26. Paris: Ifri, 2019. 45 p. URL: <https://www.ifri.org/en/publications/etudes-de-lifri/russieneireports/russias-relations-southeast-asia> (дата обращения: 02.08.2024).
211. He B. East Asian Ideas of Regionalism: A Normative Critique // *Australian Journal of International Affairs*. 2004. Vol. 58, Issue 1. P. 105–125.
212. Hettne B., Söderbaum F. Theorising the Rise of Regionness // *New Political Economy*. 2000. Vol. 5, No. 3. P. 457–473.
213. Huan A., Thambipillai P. The "Other" Major Power in the Region: Russia and Southeast Asia // *Oriental Institute Journal*. 2019. No. 4 (44). P. 67–79.
214. Imagawa T. ASEAN-Japan Relations // *Civilisations*. 1991. No. 39. P. 321–361.
215. Indrawan J. ASEAN Socio-Cultural Community (ASCC) in conflict prevention: The role of Civil Society Organizations (CSOs) // *Journal of ASEAN Studies*. 2016. Vol. 4, No. 2. P. 142–155.
216. Ismail A., Mulyaman D., Sarudin R. Uncovering the Impact of Festival Indonesia on Russia Towards Indonesia // *Jurnal Ilmu Hubungan Internasional*. 2022. Vol. 18, No. 2. P. 99–110.
217. Jetschke A., Ruland J. Decoupling rhetoric and practice: The cultural limits of ASEAN cooperation // *The Pacific Review*. 2009. Vol. 22, No. 2. P. 179–203.
218. Kanaev E. A. ASEAN-Russia Cooperation: The Digital Dimension // *Yugo-Vostochnaya Aziya: aktual'nyye problemy razvitiya*. 2022. T. 3, № 3 (56). P. 18–29.
219. Kanaev E. A., Terskikh M. A. Cooperation Between Russia And The South Pacific Countries: An Asia-Pacific Multilateral Dialogue Perspective // *Russia and the Pacific*. 2023. № 1 (119). P. 10–23.
220. Kapoor N. Wither the Greater Eurasian Partnership? Challenges from the East in an evolving world order // *Asian Politics and Policy*. 2024. Vol. 16, No. 2. P. 231–253.

221. Kershaw R. Brunei: Malay, Monarchical, Micro-state // *Government and Politics in Southeast Asia* / ed. by J. Funston. Singapore: Institute of Southeast Asian Studies, 2001. P. 1–35.

222. Kireeva A. Russia's East Asia Policy: New Opportunities and Challenges // *PERCEPTIONS: Journal of International Relations*. 2012. Vol. 17, № 4. P. 49–78. URL: https://mgimo.ru/upload/iblock/6d3/Kireeva_2012.pdf (дата обращения: 06.12.2023).

223. Koga K. The Process of ASEAN's Institutional Consolidation in 1968–1976: Theoretical Implications for Changes of Third-World Security Oriented Institution. RSIS Working Paper, No. 234. Singapore: S. Rajaratnam School of International Studies, Nanyang Technological University, 2012. 57 p. URL: <https://www.rsis.edu.sg/wp-content/uploads/rsis-pubs/WP234.pdf> (дата обращения: 27.09.2024).

224. Koldunova E. V. Russia: A Real Turn to Asia // *Regional Security Outlook 2024* / ed. R. Huisken. Canberra: Council for Security Cooperation in the Asia Pacific, 2023. P. 22–26. URL: <https://www.cscap.org/index.php?mact=News,cntnt01,detail,0&cntnt01articleid=63&cntnt01origid=51&cntnt01returnid=31> (дата обращения: 04.08.2024).

225. Korolev A. S. Russia-ASEAN Relations—Strategic Partnership or Strategic Illusion? // *Russia in Global Affairs*. 2024. Vol. 22, No. 3. P. 159–178.

226. Kuhrt N. C. Russia and Asia-Pacific: From 'Competing' to 'Complementary' Regionalisms? // *Politics*. 2014. Vol. 34, Issue 2. P. 138–148.

227. Lemke D. *Regions of War and Peace*. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. 235 p.

228. Lo B. Once More with Feeling: Russia and the Asia-Pacific. Sydney: Lowy Institute for International Policy, 2019. 30 p. URL: <http://www.jstor.org/stable/resrep19784> (дата обращения: 03.08.2024).

229. Lukin A. Russia's Approach to Security Architecture in the Asia Pacific // *CSCAP Regional Security Outlook 2020*. Council for Security Cooperation in the Asia Pacific, 2019. P. 23–26. URL: <http://www.jstor.org/stable/resrep22261.8> (дата обращения: 09.03.2024).

230. Manurung H. Association of Southeast Asian Nations (ASEAN) and the Development of Regional Economic Cooperation — Partnership with Russia // *International Organizations: Serbia and Contemporary World*. 2022. Vol. 2. P. 101–114.
231. Martynova E. S. Strengthening of Cooperation Between Russia and ASEAN: Rhetoric or Reality? // *Asian Politics & Policy*. 2014. Vol. 6, Issue 3. P. 397–412.
232. Mazyrin V. Russia and ASEAN-4: Potential and Realms of Cooperation // *ASEAN-Russia: Foundations and Future Prospects*. / Eds. V. Sumsy, M. Hong, A. Lugg. Singapore: Institute of Southeast Asian Studies, 2012. P. 207–218.
233. Mazyrin V. Russia and Vietnam: Building a Strategic Partnership // *ASEAN-Russia: Foundations and Future Prospects*. / Eds. V. Sumsy, M. Hong, A. Lugg. Singapore: Institute of Southeast Asian Studies, 2012. P. 173–183.
234. Muraviev A., Brown C. Strategic Realignment or Déjà vu? Russian-Indonesia Defence Cooperation in the Twenty-First Century. Working Paper No. 411. Canberra: Strategic and Defence Studies Centre, The Australian National University, 2008. 42 p.
235. Nesadurai H. E. S. ASEAN and regional governance after the Cold War: from regional order to regional community? // *The Pacific Review*. 2009. Vol. 22, No. 1. P. 91–118.
236. Nghiem Tuan Hung. Basic aspects of security cooperation between Vietnam and Russia in the 21st century: current situation and prospects // *The Russian Journal of Vietnamese Studies*. 2025. Vol. 9, No. 3. P. 8–20.
237. Nguyen Q. P. ASEAN Community – Issues and Prospects // *Международный журнал гуманитарных и естественных наук*. 2022. № 1–3 (64). С. 133–137.
238. Nichol J. Soviet Views of the Association of Southeast Asian Nations : a report prepared under an interagency agreement by the Federal Research Division. Washington, DC : Library of Congress, 1985. 95 p.
239. Purnama Ch., Khoirunnisa S., Dewi A. U., Yulianti D. Russia Beyond Indonesia: Image Transforming Effort Through Public Diplomacy // *Global Strategis*. 2020. Vol. 14, No. 1. P. 109–124.

240. Qamar M., Sharma S. Ukraine–Russia Conflict from the Southeast Asian Perspective // *Indian Journal of Asian Affairs*. 2023. Vol. 36, No. 1/2. P. 55–70. URL: <https://www.jstor.org/stable/10.2307/27307175> (дата обращения: 03.08.2024).
241. Ramsay A. Thailand 1979: A Government in Trouble // *Asian Survey*. 1980. Vol. 20, No. 2. P. 112–122.
242. Rangsimaporn P. Russia as an Aspiring Great Power in East Asia: Perceptions and Policies from Yeltsin to Putin. London: Palgrave Macmillan, 2009. 260 p.
243. Rangsimaporn P. Russia's Search for Influence in Southeast Asia // *Asian Survey*. 2009. Vol. 49, No. 5. P. 786–808.
244. Ravenhill J. Understanding the ‘new East Asian regionalism’ // *Review of International Political Economy*. 2010. Vol. 17, Issue 2. P. 173–177.
245. Regional Orders: Building Security in a New World / ed. by A. Lake, P. Morgan. University Park: The Pennsylvania State University Press, 1997. 424 p.
246. Resos A. B. Diplomatic Relations between the Philippines and Eastern European Socialist Bloc under President Ferdinand E. Marcos, 1965–1986 // *Central European Journal of International and Security Studies*. 2014. Vol. 8, No. 3. P. 150–178. URL: https://cejiss.org/images/issue_articles/2014-volume-8-issue-3/article-07.pdf (дата обращения: 28.03.2026).
247. Saha P. Understanding ASEAN’s Non-Linear Approach to the Russia-Ukraine War // *ORF Issue Brief*. 2022. No. 596. P. 1–22. URL: <https://www.orfonline.org/research/understanding-asean-s-non-linear-approach-to-the-russia-ukraine-war> (дата обращения: 26.04.2024).
248. Sakakibara E., Yamakawa S. Regional Integration in East Asia: Challenges and Opportunities. Part I: History and Institutions / E. Sakakibara, S. Yamakawa. Washington, DC: The World Bank, East Asia and Pacific Region, Poverty Reduction and Economic Management Sector Unit, 2003. 128 p. URL: <https://ssrn.com/abstract=636440> (дата обращения: 05.05.2022).

249. Sakhuja V. Russia–ASEAN Relations: An Indian Perspective // ASEAN-Russia: Foundations and Future Prospects. / Eds. V. Sumsky, M. Hong, A. Lugg. Singapore: Institute of Southeast Asian Studies, 2012. P. 124–133.
250. Samad P. A., Abu Bakar D. Malaysia-Philippines Relations: The Issue of Sabah // Asian Survey. 1992. Vol. 32, No. 6. P. 554–567.
251. Severino R. C., Menon J. Overview // The ASEAN Economic Community: A Work in Progress / ed. by S. Basu Das, J. Menon, R. C. Severino, O. L. Shrestha. Singapore: ISEAS Publishing; Asian Development Bank, 2013. P. 1–30.
252. Sikri R. Thoughts on Asian Community Building // ASEAN-Russia: Foundations and Future Prospects. / Eds. V. Sumsky, M. Hong, A. Lugg. Singapore: Institute of Southeast Asian Studies, 2012. P. 31–36.
253. Soviet Union: a Country Study / ed. by R. E. Zickel. 2nd ed. Washington, DC: Library of Congress, 1991. 1132 p. (Area handbook series). URL: <https://dn710308.ca.archive.org/0/items/PAM550-95/PAM550-95.pdf> (дата обращения: 28.03.2026).
254. Sta. Maria R., Urata S., Intal P. S., Jr. The ASEAN Economic Community into 2025 and Beyond // The ASEAN Economic Community into 2025 and Beyond / ed. by R. Sta. Maria, S. Urata, P. S. Intal, Jr. Jakarta: Economic Research Institute for ASEAN and East Asia, 2017. P. 1–63.
255. Storey I., Choong W. Russia's Invasion of Ukraine: Southeast Asian Responses and Why the Conflict Matters to the Region. ISEAS Perspective. 2022. No. 24. Singapore, 9 March 2022. 13 p. URL: https://www.iseas.edu.sg/wp-content/uploads/2022/02/ISEAS_Perspective_2022_24.pdf (дата обращения: 26.10.2025).
256. Strigunova N. N. Towards a Roadmap for Russia-ASEAN Trade and Economic Cooperation // ASEAN-Russia: Foundations and Future Prospects. / Eds. V. Sumsky, M. Hong, A. Lugg. Singapore: Institute of Southeast Asian Studies, 2012. P. 261–268.
257. Sudo S. The Road to Becoming a Regional Leader: Japanese Attempts in Southeast Asia, 1975–1980 // Pacific Affairs. 1988. Vol. 61, No. 1. P. 27–50.

258. Sumsky V., Hong M., Lugg A., eds. ASEAN-Russia: Foundations and Future Prospects. Singapore: Institute of Southeast Asian Studies, 2012. 376 p.
259. Suryadinata L. Indonesia's Foreign Policy under Suharto: Aspiring to International Leadership. 2nd ed. Singapore: ISEAS – Yusof Ishak Institute, 2022. 249 p.
260. Taghizadeh-Hesary F., Rasoulinezhad E., Yoshino N., Sarker T., Mirza N. Determinants of the Russia and Asia–Pacific energy trade // Energy Strategy Reviews. 2021. Vol. 38. 100681. 9 p.
261. Thambipillai P. Southeast Asia, Russia and the Ex-Soviet Republics: Expanding the Links // Contemporary Southeast Asia. 1994. Vol. 16, No. 1. P. 93–107. URL: <https://www.jstor.org/stable/25798234> (дата обращения: 03.08.2024).
262. Trends in international arms transfers, 2024 / Mathew George, Katarina Djokic, Zain Hussain, Pieter D. Wezeman, Siemon T. Wezeman. SIPRI Fact Sheet. Solna: Stockholm International Peace Research Institute, 2025. 12 p. URL: https://www.sipri.org/sites/default/files/2025-03/fs_2503_at_2024_0.pdf (дата обращения: 02.06.2025).
263. Tsvetov A. After Crimea: Southeast Asia in Russia's Foreign Policy Narrative // Contemporary Southeast Asia. 2016. Vol. 38, № 1. P. 55–80.
264. Umagapi J. L. Russia-ASEAN Summit 2016: Improvement for the Better Strategic Partnership // Jurnal Ilmiah Hubungan Internasional. 2017. Vol. 13, No. 2. P. 135–144.
265. Vu T. H. Vietnam and the ASEAN Socio-Cultural Community (ASCC): Prospects, Challenges and Opportunities: Master's thesis in International Relations. Wellington: Victoria University of Wellington, 2013. 83 p.
266. Watanabe K., ed. Engaging Russia in Asia Pacific. Tokyo: Japan Center for International Exchange, 1999. 190 p.
267. Weinstein F. B. Multinational Corporations and the Third World: The Case of Japan and Southeast Asia // International Organization. 1976. Vol. 30, No. 3. P. 373–404.

268. Wezeman S. T. Arms Flows to South East Asia. Stockholm: SIPRI, December 2019. URL: https://www.sipri.org/sites/default/files/2019-12/1912_arms_flows_to_south_east_asia_wezeman.pdf (дата обращения: 10.04.2026).

269. Wilborn T. L. The Soviet Union and ASEAN: Strategic Issues Research Memorandum. Carlisle Barracks, PA: Strategic Studies Institute, U.S. Army War College, 1980. 32 p. (DTIC No. ADA089202). URL: <https://apps.dtic.mil/sti/tr/pdf/ADA089202.pdf> (дата обращения: 27.09.2024).

270. Wright L. R. Historical Notes on the North Borneo Dispute // The Journal of Asian Studies. 1966. Vol. 25, No. 3. P. 471–484.

271. Zhang J. Rebuilding strategic autonomy: ASEAN's response to US–China strategic competition // China International Strategy Review. 2023. Vol. 5. P. 73–89.

3. На китайском языке

272. 成汉平. 东盟国家在俄乌冲突中的立场差异分析: 动因, 影响与前景 // 东南亚纵横. 2022. (2). 3–10. URL: <https://www.scholarmate.com/S/0a2MJP> (дата обращения: 02.08.2024). [Чэн Ханьпин. Анализ различий в позициях стран АСЕАН по российско-украинскому конфликту: причины, влияние и перспективы // Панорама Юго-Восточной Азии. 2022. № 2. С. 3–10.]

273. 戴轶, 赖征世, 刘晓婧. “东盟方式”的理论阐释、演进动态与研究展望 // 东南亚纵横. 2023. № 5. 1–10. URL: <https://www.scholarmate.com/S/IQuAwy> (дата обращения: 26.07.2024). [Дай И, Лай Чжэнши, Лю Сяоцзин. Теоретическая интерпретация, эволюционная динамика и перспективы исследования «пути АСЕАН» (ASEAN Way) // Панорама Юго-Восточной Азии. 2023. № 5. С. 1–10.]

274. 郭锐, 王箫轲. 俄越防务合作的现状、动向与影响 // 南洋问题研究. 2011. № 4. 51–61. URL: https://xueshu.baidu.com/ndsolar/browse/detail?paperid=b823d913b36fb5786cd6c88b1ac24f54&site=xueshu_se (дата обращения: 02.08.2024). [Го Жуй, Ван Сяокэ. Современное состояние, тенденции и влияние российско-вьетнамского оборонного

сотрудничества // Исследования по проблемам Юго-Восточной Азии. 2011. № 4. С. 51–61.]

275. 韩志立. 关系网络的竞争:“印太”战略对东盟中心地位的挑战——以关系主义身份理论为视角 // 外交评论(外交学院学报). 2019. Т. 36, № 2. 87–108. URL: <https://www.scholarmate.com/S/VcRE61> (дата обращения: 26.07.2024). [Хань Чжили. Конкуренция сетей отношений: вызов центральной роли АСЕАН со стороны стратегии «Индо-Тихоокеанского региона» через призму теории реляционной идентичности // Дипломатическое обозрение (журнал Китайского университета иностранных дел). 2019. Т. 36, № 2. С. 87–108.]

276. 康霖. 俄罗斯东南亚政策演变及其对南海问题的影响 // 太平洋学报. 2012. Т. 20, № 11. 29–38. URL: https://xueshu.baidu.com/usercenter/paper/show?paperid=704b0d869d9d7434f716e323cb5adb59&site=xueshu_se (дата обращения: 02.08.2024). [Кан Линь. Эволюция политики России в Юго-Восточной Азии и её влияние на проблему Южно-Китайского моря // Журнал Тихоокеанских исследований. 2012. Т. 20, № 11. С. 29–38.]

277. 刘兴涛. 俄罗斯参与东南亚基础设施建设的前景及对欧亚大陆的意义 // 东南亚纵横. 2021. (2). 85–96. URL: <https://www.scholarmate.com/S/SqiKlo> (дата обращения: 02.08.2024). [Лю Синтао. Перспективы участия России в развитии инфраструктуры Юго-Восточной Азии и значение такого участия для Евразийского континента // Панорама Юго-Восточной Азии. 2021. № 2. С. 85–96.]

278. 陆建人, 孙玉红. 东盟的亚太一体化战略评析 // 东南亚研究. 2016. № 1. 38–55. URL: <https://www.scholarmate.com/S/8JzD4z> (дата обращения: 26.07.2024). [Лу Цзяньжэнь, Сунь Юйхун. Анализ и оценка стратегии АСЕАН в области азиатско-тихоокеанской интеграции // Исследования Юго-Восточной Азии. 2016. № 1. С. 38–55.]

279. 吕雪峰. 东盟—俄罗斯对话伙伴关系 20 年述评(1994~2014) // 东北亚论坛. 2016. 25(1). 75–86; 127. URL: <https://xueshu.baidu.com/ndsolar/browse/detail?paperid=0c4578d37e7a910e1cc3c66>

dd0c58cb8&site=xueshu_se (дата обращения: 02.08.2024). [Люй Сюэфэн. Обзор двадцати лет диалогового партнёрства АСЕАН – Россия (1994–2014) // Форум Северо-Восточной Азии. 2016. Т. 25, № 1. С. 75–86; 127.]

280. 宋效峰. 亚太格局视角下俄罗斯的东南亚政策 // 东北亚论坛. 2012. № 2. 72–80. URL:

https://xueshu.baidu.com/usercenter/paper/show?paperid=b5ae967c59951095d2b18e32f9430c78&site=xueshu_se (дата обращения: 02.08.2024). [Сун Сяофэн. Политика России в Юго-Восточной Азии с точки зрения структуры Азиатско-Тихоокеанского региона // Форум Северо-Восточной Азии. 2012. № 2. С. 72–80.]

281. 王勤. 走向 2025 年的东盟经济共同体 // 南洋问题研究. 2016. № 3. 61–70. URL: <https://www.scholarmate.com/S/MZ4jWT> (дата обращения: 26.07.2024). [Ван Цинь. Экономическое сообщество АСЕАН на пути к 2025 году // Исследования по проблемам Юго-Восточной Азии. 2016. № 3. С. 61–70.]

282. 肖斌. 俄罗斯与东盟关系前景——基于合作博弈视角的分析 // 太平洋学报. 2016. 24(09). 24–34. URL: <https://www.scholarmate.com/S/fa4rA1> (дата обращения: 02.08.2024). [Сяо Бинь. Перспективы отношений России и АСЕАН: анализ с точки зрения теории кооперативных игр // Журнал Тихоокеанских исследований. 2016. Т. 24, № 9. С. 24–34.]

283. 薛锁锁, 郭晓婷. 俄罗斯“转向东方”以来与东盟国家关系的动向及前景 // 欧亚经济. 2024. (1). 43–57. URL: <https://d.wanfangdata.com.cn/periodical/ChlQZXJpb2RpY2FsQ0hJTmV3UzIwMjQwNzA0EhJlbHN6eWRvc2MyMDI0MDEwMDQaCGM4a3p3NG85> (дата обращения: 02.08.2024). [Сюэ Сюосуо, Го Сяотин. Тенденции и перспективы отношений России со странами АСЕАН после «поворота России на Восток» // Евразийская экономика. 2024. № 1. С. 43–57.]

284. 余鑫. 西方制裁下俄罗斯与东南亚国家经济合作研究 // 现代交际. 2019. (20). 70–71. URL: <https://www.scholarmate.com/S/v3bcPW> (дата обращения: 02.08.2024). [Юй Синь. Исследование экономического сотрудничества России со

странами Юго-Восточной Азии в условиях западных санкций // Современная коммуникация. 2019. № 20. С. 70–71.]

285. 张悦. 俄罗斯与东盟国家合作新趋势及影响因素 // 国际展望. 2020. 12(03). 134–152. URL: <https://www.scholarmate.com/S/CfNCMT> (дата обращения: 02.08.2024). [Чжан Юэ. Новые тенденции и факторы, влияющие на сотрудничество России со странами АСЕАН // Международные перспективы. 2020. Т. 12, № 3. С. 134–152.]

286. 赵洪, 黄兴华. 试析冷战后东盟与俄罗斯的关系 // 南洋问题研究. 2008. № 4. 17–25. URL: https://xueshu.baidu.com/ndscholar/browse/detail?paperid=f211fe7e67f32558d26d8010aad8c453&site=xueshu_se (дата обращения: 02.08.2024). [Чжао Хун, Хуан Синхуа. К анализу отношений АСЕАН и России после холодной войны // Исследования по проблемам Юго-Восточной Азии. 2008. № 4. С. 17–25.]

287. 周延丽. 俄罗斯与亚太地区经济合作驶入快车道 // 俄罗斯学刊. 2012. № 2. 58–65. URL: https://xueshu.baidu.com/ndscholar/browse/detail?paperid=9cdf3bbca213d884ea528d8233f942b7&site=xueshu_se (дата обращения: 02.08.2024). [Чжоу Яньли. Экономическое сотрудничество России с Азиатско-Тихоокеанским регионом выходит на ускоренную траекторию // Журнал российских исследований. 2012. № 2. С. 58–65.]